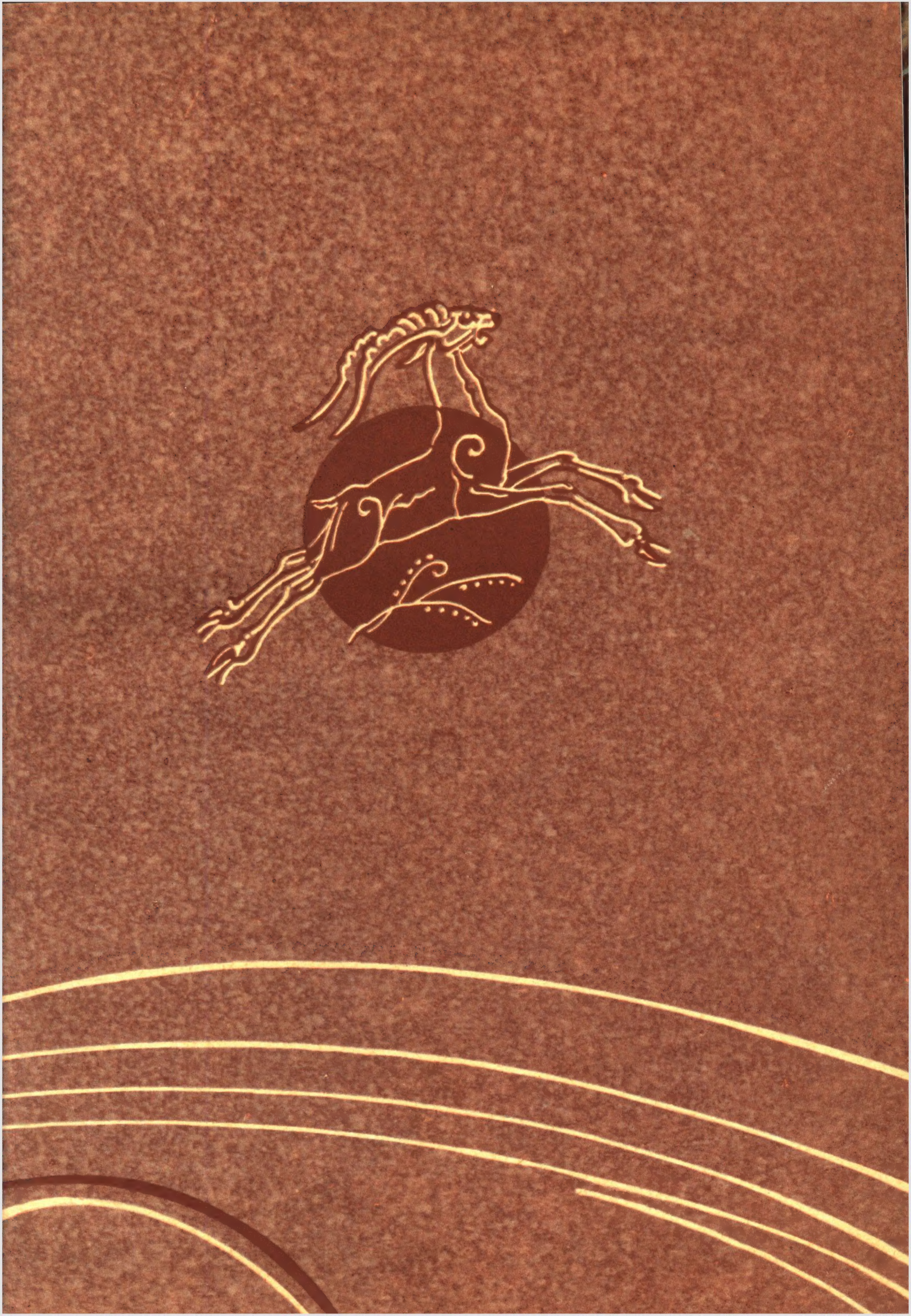

Шах-наме

ИХЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА
1964

Шах-наме

II

فردوسی

Фирдоуси

ШАХНАМЕ

В двух книгах

II

Перевод с фарси Владимира Державина и Семена Липкина

С (Тадж) 1
Ф 62

Подготовка текста и примечания

Н. Османова

Художник

Л. Фейнберг

Семь подвигов Исфандиара

ПЕРВЫЙ ПОДВИГ

Исфандиар убивает волков

Речений скатерть расстелив, дихкан
О старых подвигах повел дастан.

Вином наполнив золотую чашу,
Гуштаспа вспомнил — быль седую нашу;

Как Руиндиж сломил Исфандиар,
Как путь ему указывал Гургсар *.

Когда Исфандиар из Гумбадана
Примчался, он разбил полки Турана.

На Руиндиж он двинулся потом,
Гургсара взял с собой проводником.

В глухой степи дорога разветвилась,
И войско на привал остановилось.

Исфандиар вина подать велел,
Стол накрывать, певцов позвать велел.

Костры перед шатрами запылали.
Вожди за шахским ужином предстали.

И повелел миродержавный шах,
Чтобы Гургсара привели в цепях.

Подряд четыре чаши дал Гургсару.
«Пей, раб злосчастный! — он сказал Гургсару. —

Коль мне свою судьбу поручишь ты,
Корону и престол получишь ты.

Ответь мне правду и живи беспечно, —
Я весь Туран отдам тебе навечно!

И я тебя, когда Туран возьму,
К блистающему солнцу подыму!

Детей твоих и близких не обижу,
Я возвеличу их, а не унижу.

Но я тебя предупреждаю все ж,
Что всем вам — гибель, если ты солжешь.

Я изрублю тебя мечом вот этим,
И горе родичам твоим и детям!»

И отвечал трепещущий Гургсар:
«О благородный муж Исфандиар,

Ты поступай согласно чести шаха!
Всю правду я скажу — не ради страха».

И царь спросил: «Где Руиндиж? Ведь он
От нас, я знаю, очень отдален.

Дорога не одна туда, их много...
Скажи: какая лучшая дорога?

О Руиндиже все поведай нам —
Как укреплен и сколько войска там?»

И отвечал Гургсар: «О свет вселенной,
Мой царь Исфандиар благословенный!

Чтоб войско к Руиндижу привести,
Отсюда мне известны три пути.

Одним путем — три месяца идти,
Другим путем — два месяца почти.

Путь первый — по долинам населенным,
Возделанным и щедро орошенным.

А путь второй — в два месяца. На нем
Для войска пропитанья не найдем.

Пески... Ни пастбища, ни водопоя,
Ни места для привала и покоя.

Есть третий путь — кратчайший. На коне
Его проскачешь за семь дней вполне.

Но там таятся волки, львы, драконы...
Нет от чудовищ этих обороны.

Там некой злобной ведьмы волшебство,
Она страшней дракона самого.

Кто б ни попался ей, она уносит
За облака, потом на землю бросит.

Там леденящий холод снежных бурь,
Там крыльями Симург мрачит лазурь.

Кто этот путь пройдет, тот в день восьмой
Вдали увидит замок пред собой.

Войсками полон, выше темной тучи
Возносит башни Руиндиж могучий.

Вокруг него, шумна и широка,
Как море, разливается река.

Арджасп, когда он замок покидает,
На корабле реку переплывает.

Ни в чем извне нужды в том замке нет,
И он осаду выдержит сто лет.

Там нивы, и плодовые деревья,
И мельницы, и на горах кочевья».

Исфандиар словам Гургсара внял,
В раздумье время некое молчал,

Сказал: «Должны мы двигаться поспешно.
Путем кратчайшим мы пойдем, конечно!»

Гургсар ему: «Пытались люди встарь
Семь подвигов свершить, о государь.

Все, кто доныне тем путем ходили, —
Богатыри — там головы сложили».

«Пойдешь со мною, — молвил Руинтан, —
Увидишь: буду я как Ахриман.

Ответь, с чем мне придется повстречаться,
Чтоб я сперва обдумал: как сражаться?»

Гургсар сказал: «Сначала, средь песков,
О славный муж, ты встретишь двух волков —

Самца и самку, в гневе неуемных,
Как два слона, могучих и огромных.

У них рога растут на лбах крутых.
Львы в ужасе бегут, завидя их.

Слоновым бивням их клыки подобны,
Сильны они, неукротимо злобны».

Гургсар умолк. И увели его
В цепях туда, где стерегли его.

А царь в короне кеев бирюзовой
Велел пустить по кругу чашу снова.

Когда светило мира поднялось,
И покрывало тьмы разорвалось,

И утро бодрое над спящим станом
Походным загремело барабаном,

Сел на коня могучий Руинтан
И радостно войска повел в Туран.

Лишь переход полдневный миновал он,
Бывалого советника призвал он.

Советник тот — Пшутан премудрый был —
Душа, и страж, и око ратных сил.

И царь сказал: «Что ждет нас — я не знаю...
Тебя главою войска назначаю.

Я не хочу людей ввергать в беду;
Вы стойте здесь, а я вперед пойду».

У вороного подтянув подпруги,
В степь выехал он в боевой кольчуге;

Погнал коня, на смертный бой готов.
И вот вдали заметил двух волков.

Чудовища, увидев Руинтана,
Громаду мощных плеч его и стана,

Навстречу мужу медленно пошли,
Как два слона, два стража той земли.

На лук могучий тетиву надел он,
Как кровожадный лев, на них взревел он.

В двух Ахриманов ливень стрел пустил,
Смертельно их — без промаха разил.

От жал жестоких, застревавших в теле,
От ран глубоких волки ослабели.

И царь возликовал в душе своей,
Увидев поражение зверей.

Напал на них, отвагою кипящий,
И обнажил индийский меч блестящий;

И головы чудовищ отрубил,
Ручьем кровавым землю затопил.

И он сошел с коня, закончив битву,
Чтобы Йездану вознести молитву.

Сначала место средь камней и скал
Не залитое кровью отыскал.

В слезах, с душой предвечному открытой,
Пал на колени воин знаменитый.

Сказал: «О правосудный судия!
Тобой силен и возвеличен я.

Ты, на путях добра руководитель,
Ты дал победу мне, миров зиждитель!»

Когда Пшутан и войско подошли,
Они царя молящимся нашли.

Увидев подвиг, полны изумленья,
Богатыри стояли в размышленье.

Воскликнули: «Мы сами назовем
Исфандиара волком и слоном!

Храни, предвечный, пахлавана мира!
А без него ни войска нет, ни пира!»

Уж вечер тени над землей простер,
Мужи воздвигли царственный шатер.

Постлали скатерть. Кубки заблестели.
Князья вокруг царя за ужин сели.

ВТОРОЙ ПОДВИГ ИСФАНДИАРА

Исфандиар убивает льва и львицу

Был опечален, огорчен Гургсар,
Что поразил волков Исфандиар.

Вновь привели его к престолу шаха,
С лицом в поту, дрожащего от страха.

Три чаши царь велел ему подать.
Спросил: «Что можешь ты еще сказать?»

И отвечал Гургсар: «О многославный
Владыка с львиным сердцем, муж державный!

Здесь не бросай ты вызова судьбе!
Здесь лев и львица встретятся тебе.

При виде их кровь леденеет в жилах,
Сам Ахриман их поразить не в силах».

И рассмеялся царь, и молвил он:
«Эй, нечестивый, чем ты устрашен?

Услышишь завтра, что мечом скажу я!
Увидишь, как обоих уложу я!»

Когда сгустилась тьма и пал туман,
Исфандиар в поход свой поднял стан.

Повел войска, во тьму глубокой ночи
Вперяя налитые кровью очи.

Вот солнце, разгоняя облака,
Взошло, одето в желтые шелка.

Увидел муж долину меж холмами,
Усеянную белыми костями.

И там Исфандиар с войсками стал.
И так Пшутану мудрому сказал:

«Пойду один. Войска с тобой оставлю.
А я в бою меча не обесславлю».

И он в долину львиную вступил,
И мир для сердца львиного стеснил.

Вот перед ним явились лев и львица,
На мужа устремились лев и львица.

Разящий меч блеснул, самец упал,
И грива обагрилась, как коралл.

От черепа до задних лап могучих
Разрубленный — он пал в песках зыбучих.

Тогда рванулась в бой подруга льва,
И отлетела зверя голова,

Как мяч, от богатырского удара,
И кровь обрызгала Исфандиара.

Сошел к потоку; с тела и лица
Отмыл он кровь и восхвалил творца:

«О правосудный! Весь я пред тобою!
Ты хищников сразил моей рукою!..»

Войска в ту пору близко подошли.
Огромных видят львов — в крови, в пыли.

Полны восторга, мужа восхвалили,
«Поистине велик он!..» — говорили.

Вот, завершив молитву, Руинтан
К шатрам своим вернулся в царский стан.

И засияла скатерть золотая,
Чредою блюд и чашами блистая.

ТРЕТИЙ ПОДВИГ

Исфандиар убивает дракона

Вновь привели на пир Исфандиара
В цепях железных злобного Гургсара.

Три чаши царь налить ему велел.
Когда же Ахриман повеселел,

Спросил Гургсара пахлаван вселенной:
«Что завтра ждет меня? Скажи, презренный!»

Ответил тот: «О милосердный шах,
Пусть ненавистник твой падет во прах!

Не устрашась волков и львиной пасти,
Ты одолел великие напасти.

Но завтра ты предайся божьей власти,
Надейся на свою звезду и счастье.

Тебя беда такая завтра ждет,
Что все былые беды превзойдет.

Дракон дорогу дальше охраняет,
Он вдохом рыб из моря извлекает.

Огонь из пасти извергает он.
Скале подобен телом тот дракон.

И если ты отступишь, благодетель,
Позора в том не будет — бог свидетель.

Ведь если путь окружный изберешь,
Сам будешь цел и воинов спасешь!»

А шах: «Кругом ли, прямо ли пойду я,
Тебя в оковах всюду поведу я!

Увидишь сам — свирепый твой дракон
Моей десницей будет истреблен!»

Умелых плотников найти велел он,
К себе в шатер их привести велел он.

Повозку приказал соорудить,
На ней мечи и копья утвердить.

Сундук железный с крышкою добротной
К повозке той приколотили плотно.

Вот двух коней ретивых привели
И в тот возок диковинный впрягли.

Сел Руинтан в сундук, для испытанья,
Погнал коней, как по стезе ристанья,

И, радостный, он повернул назад,
Проверивши премудрый свой снаряд.

Меж тем померкло небо, ночь настала,
Вселенная чернее зинджа стала,

В созвездии Овна взошла луна,
Вступил завоеватель в стремена,

Повел полки... И утро с небосклона
Блеснуло, и поникли тьмы знамена.

Броню и шлем Исфандиар надел,
Блюсти войска Пшутану повелел.

Опять играющих могучегривых
В повозку запрягли коней ретивых.

Сел царь в сундук, тугие взял бразды,
Погнал упряжку, не страшась беды.

Колес тяжелых гром дракон услышал,
И ржание, и лязг, и звон услышал.

Он поднялся, как черная скала.
И от него на солнце тень легла.

Кровавый взор горел безумьем гнева,
Дым вылетал из огненного зева.

И это страх, и это ужас был,
Когда он, как пещеру, пасть раскрыл.

Не дрогнул дух могучий Руинтана,
Во всем он положился на Йездана.

Визжали кони, бились что есть сил.
Дракон коней могучих проглотил.

Он проглотил коней с повозкой вместе
И с сундуком, скрывавшим мужа чести.

И тут мечи дракону в пасть впились,
И волны черной крови полились.

Мечей из пасти изрыгнуть не мог он,
Теряя кровь, жестоко изнемог он.

И брюхом пал на землю он без сил.
Тут воин крышку сундука открыл,

Свод черепа дракону сокрушил он,
Мечом на волю выход прорубил он.

Мозг раскрошил ему Исфандиар.
Вставал от крови ядовитый пар,

Взор омрачая и тесня дыханье.
И пал могучий воин без сознанья.

Когда Исфандиар упал во прах,
Пшутана охватил смертельный страх.

Со стоном, обливаяся слезами,
Он поспешил к нему с богатырями.

Все к месту боя полетели вскачь,
В смятенье подымая вопль и плач.

На темя шаха розовую воду
Струил Пшутан, взывая к небосводу.

Исфандиар вздохнул, глаза открыв,
Сказал: «Не плачьте! Я здоров и жив,

Но, задохнувшись, рухнул, как убитый,
От испарений крови ядовитой!»

Как пьяный, будто предан забытью,
Он встал, шатаясь, и сошел к ручью.

В потоке с головы до ног омылся
И в чистые одежды облачился.

Колени пред Йезданом преклонил,
Создателя в слезах благодарил.

Он молвил: «Разве я убил дракона?
Ты мне помог, мой щит и оборона!»

И воинство в восторженном пылу
Творцу вселенной вознесло хвалу.

Но горем омрачился дух Гургсара,
Узнав, что спас творец Исфандиара.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОДВИГ

Исфандиар убивает ведьму

Разбили близ реки на берегу
Шатры на зеленеющем лугу.

И царь созвал носителей кулаха.
И поднял чашу, славя шаханшаха.

Велел в цепях Гургсара привести,
Велел ему три чаши поднести.

Пил их Гургсар, сдержать не в силах стона.
И царь, смеясь, напомнил про дракона.

Сказал: «Эй ты, презренный! Где же он —
Вчерашний мной поверженный дракон?

Что завтра я страшней дракона встречу?
С какою злою силой выйду в сечу?»

Сказал Гургсар: «О царь, пускай всегда
Тебя хранит высокая звезда!

Войдешь ты завтра в некий край счастливый
И с ведьмой встретишься сладкоречивой.

Она сгубила сонмы ратных сил,
Но ей никто вреда не причинил.

Захочет — в море обратит пустыню,
Затмит над миром солнца благостыню.

Ту ведьму Гуль зовут, мой славный шах.
Страшись запутаться в ее сетях!

Ты не кичись пред небом благосклонным.
Довольно и победы над драконом».

Ответил царь: «Эй, наглый раб тщеты!
Что завтра будет, сам увидишь ты.

В петлю я эту ведьму взять сумею,
Хребет у ведьмы я сломать сумею!

Бог укрепит в моей деснице меч —
И голова слетит у Гули с плеч!»

...Вот красные надело одеянья
И закатилось солнце мирозданья.

Царь поднял войско, снарядил обоз,
Повел людей в поход при свете звезд.

Шли ночь... И вот уж над земной чертой
Блеснул им шлем рассвета золотой.

Когда Овен, как яхонт, засветился,
Дол, как весна, смеющийся открылся.

В поход Исфандиар сбираться стал.
Сосуд вина и золотой фиал,

Тамбур серебриструнный взял с собою,
Готовясь будто к пиру, а не к бою.

Сел на коня и въехал, словно в рай,
В благословенный и цветущий край.

Тюльпанами лужайки красовались,
Деревья над ручьями наклонялись.

В зеленой чаще он сошел с коня,
Где по камням родник бежал, звеня.

Он сел и чашу осушил сначала.
Когда же сердце в нем возликовало

И пламя потекло в его крови,
Под свой тамбур запел он о любви.

Так пел Исфандиар мироискатель:
«Отрады мирной не дал мне создатель!

Всю жизнь в походе я, всю жизнь в боях.
Львы и драконы на моих путях.

Одни труды — ни радости, ни холи,
И от любви и счастья нет мне доли!

Пусть утолит мне сердце вечный свод,
Пусть мне подругу милую пошлет!»

Из чащи ведьма песню услыхала
И видом как цветок весенний стала.

Сказала: «В сети мне попался лев.
Желанье счастья в сердце, а не гнев».

Под чарами пленительной личины
Сокрыв свой облик мерзкий и морщины,

Она тюрчанкой стала, скажешь ты,
В сиянии волшебной красоты.

Стан — кипарис; как мускус, черен волос;
Лицо как солнце; птичье пенье — голос.

Ланиты, грудь — цветущая весна.
Внезапно вышла к витязю она.

Увидев пери, шедшую из чащи,
Он громче заиграл, запел он слаще.

Он пел: «О вечный, правосудный бог!
Ты сам — в горах, в пустынях мне помог.

Я пел о пери, я взывал о милой,
О счастье в жизни трудной и унылой.

И ты открыл мне милосердья дверь,
Ты гурию мне въявь послал теперь».

Он чашу налил ей вином старинным,
И нежный лик ее зардел рубином.

Но у него, — что ведьма не ждала, —
С собою цепь заветная была.

Пророк Зардушт, Гуштаспа одаряя,
Цепь эту вынес из пределов рая.

Цепь из небесной стали, как аркан,
Стянул на шее ведьмы Руинтан.

Внезапно ведьма львом оборотилась.
За меч он взялся, помня божью милость,

И так сказал: «Хоть гору сокруши —
Ты безопасна для моей души.

Хоть тигром зарычи, хоть пой по-птичьи,
Вот меч — явись мне в подлинном обличье».

Глядит — старуха мерзкая в цепях,
С лицом, как сажа, в белых сединах.

Мечом взмахнул он, ведьму обезглавил,
Траву и меч кабульский окровавил.

Едва он ведьму замертво поверг,
Как в полночь — ясный небосвод померк.

Завыла буря, туча навалила
И черной тенью ясный день затмила.

Сел муж в седло, на стременах привстал
И, словно гром ревущий, закричал.

Вновь посветлело, и Пшутан явился
И делу пахлавана удивился.

«О достославный шах! — воскликнул он. —
Что пред тобою — ведьма, лев иль слон?

Будь вечно счастлив, радуйся, живи!
Весь мир нуждается в твоей любви!»

Огонь рвался из темени Гургсара
При вести о делах Исфандиара.

ПЯТЫЙ ПОДВИГ

Исфандиар убивает симурга

И преклонился пред лицом творца
Носитель славный фарра и венца.

В той чаще он шатер велел разбить
И скатерть золотую расстелить.

И старшему из стражников суровых
Сказал: «Веди заложника в оковах!»

Угрюмого, с поникшей головой
Гургсара царь увидел пред собой.

Вина велел открыть источник красный.
Три чаши выпил вновь Гургсар злосчастный.

Сказал Исфандиар: «Ну, козноdeй,
Взгляни, что стало с ведьмою твоей!

Ты видишь — голова ее чернеет
На дереве? А ведь она умеет, —

Ты говорил мне, — светлый день затмить,
Пустыню может в море превратить...

Скажи: какое завтра чудо встречу,
С каким врагом готовиться на сечу?»

И встал Гургсар, отдав царю поклон,
И отвечал: «Эй, ярый в битве слон!

Бой предстоит тебе — былых труднее,
Врага ты встретишь всех иных грознее.

Увидишь гору в тучах и во мгле
И чудо-птицу на крутой скале.

Симург та птица, а земной молвою
Наречена «Летающей горою».

Слона увидит — закогтит слона,
Акул берет из волн морских она;

Возьмет добычу — унесет за тучи.
Что ведьма перед птицею могучей?!

По воле всемогущего творца,
Есть у Симурга сильных два птенца.

Когда они распахивают крылья,
Тускнеет солнце, мир лежит в бессилье.

Опомнись, царь! Помысли о добре!
И не стремись к Симургу и горе!»

А царь: «Своей стрелой копьеподобной
Крыло к крылу пришью у птицы злобной!

И завтра утром сам увидишь ты,
Как я Симурга сброшу с высоты».

Когда блистающее солнце скрылось
И ночь над миром темная сгустилась,

Исфандиар, раздумием объят,
Велел готовить боевой снаряд,

Повел войска в безвестные просторы.
А на рассвете показались горы

С вершиною заоблачной вдали.
И солнце обновило лик земли.

И царь Пшутану с войском быть велел,
А сам опять в сундук железный сел.

В повозке, ощетиненной мечами,
Лихими увлекаемый конями,

Вздымая тучу пыли, мчался он
Туда, где подымался горный склон.

Повозка стала под скалою дикой.
Единоборства воин ждал великий.

Когда Симург повозку увидал,
Карнаи, клики войска услыхал,

Он к небу взмыл, как туча грозовая,
Громадой крыльев солнце закрывая.

Как барс на олененка, скажешь ты,
Напал он на повозку с высоты.

И грудь Симурга те мечи пронзили,
И крови бурные ключи забили.

Изранил крылья исполин и стих,
Лишились мощи когти лап кривых.

Над склоном, от крови его багровым,
Птенцы взлетели с клекотом громовым.

Кружили с криком горестным, темня
Огромными крылами солнце дня.

Симург о те мечи себя изжалил,
Коней, сундук, повозку кровью залил.

Встал Руинтан, сидевший в сундуке,
Сверкающий булат в его руке.

С мечом на птицу дивную напал он,
И изрубил ее, и искромсал он.

И, отойдя, простерся на земле
Пред богом, что помог в добре и зле.

Он говорил: «О вечный, правосудный,
Ты дал мне мощь и доблесть в битве трудной!

Развеял злые чары на ветру,
Стезею правды вел меня к добру!»

И вот карнаи медные взревели,
Войска с Пшутаном к месту подоспели.

Широкий склон горы Симург покрыл
Громадой мертвой распростертых крыл.

Под перьями земли не видно было.
А кровь, струясь, долину обагрила...

И — весь в крови — предстал войскам своим
Могучий воин, цел и невредим.

И восхвалили подвиг Руинтана
Вожди, князья и всадники Ирана.

Когда Гургсар услышал весть о том,
Что мертв Симург, изрубленный мечом,

Лицо от ненависти побледнело,
В груди его отчаянье кипело.

На отдых стать велел счастливый шах.
Всем войском сели пировать в шатрах.

Шелками, солнца утреннего краше,
Украсились, подать велели чаши.

ШЕСТОЙ ПОДВИГ

Переход Исфандиара через снега

И стражи царские в обоз пошли
И вновь к царю Гургсара привели.

Три чаши дать заложнику велел он.
И выпил их Гургсар, и осмелел он.

И царь сказал: «Эй, низкий, полный зла,
Взгляни на небо и его дела!

Где твой дракон с железными когтями?
Где волки, львы и где Симург с птенцами?»

И встал Гургсар, согнул в поклоне стан:
«О муж благословенный Руинтан,

Йездан — твой щит от вражеского гнева!
Плоды приносит царственное древо.

Но завтра не помогут меч и щит,
Неслыханное завтра предстоит.

И палицею не с кем будет биться,
И в бегство ты не сможешь обратиться.

Снег высотой в туранское копье
Завалит войско славное твое!

Вас всех такой глубокий снег покроет,
Что в нем никто дороги не пророет.

Вернись теперь с опасного пути!
Мне за слова правдивые не мсти.

Погибнут все, в снегах изнемогая,
Остерегись, дорога есть другая.

А здесь от стужи лютой и ветров
Утесы треснут и стволы дерев.

Но коль снега пройдешь ты невредимый,
Увидишь даль пустыни нелюдимой.

Там так палят полдневные лучи,
Что обгорают крылья саранчи.

На всем пути, в пустыне раскаленной,
Ни капли влаги, ни травы зеленой.

Лев по пескам пустыни не пройдет,
Над ней не правит коршун свой полет.

Там вьются смерчи, движутся пески,
Как купорос, горят солончаки.

На том степном безводном перегоне
Богатыри слабеют, гибнут кони.

Но коль преграду эту победишь,
Пройдя пески, увидишь Руиндиж.

Увидишь край цветущий, непочатый.
Уходит в небо верх стены зубчатой.

Пусть войск Иран сто тысяч ополчит,
И пусть Туран сто тысяч ополчит,

И пусть залягут на сто лет осады, —
Не взять им неприступной той преграды.

Ни худа, ни добра не обретут,
Отчаются и прочь ни с чем уйдут».

Ловя слова Гургсара чутким ухом,
Богатыри Ирана пали духом.

И молвили: «О благородный шах,
Чего искать на гибельных путях?

Тебе не станет лгать Гургсар трусливый!
А если так — едва ль мы будем живы.

Нам всем придется головы сложить,
А не войска противника разить.

Какие сам ты перенес напасти!
Ты птицу-гору изрубил на части.

И слава всех былых богатырей
Со славой не сравняется твоей.

Всегда в бою, ты — первый неизменно,
Свидетель нам — Йездан, творец вселенной:

Великие ты подвиги свершил,
И честь у шаханшаха заслужил!

Ты нас веди окружною тропою,
И склонится Туран перед тобою.

Не ввергни в беды войско и себя!
Что делать будешь, войско погубя?

О муж! Греха на совесть не бери ты!
Пути судьбы от наших глаз сокрыты...

Мы победили, так чего искать?
Зачем на ветер жизнь свою бросать?»

Угрюмо царь Исфандиар внимал им.
Потом сказал сподвижникам бывалым:

«Зачем стращать себя? Стращать меня?
Кто дал вам волю поучать меня?

У вас к высокой славе нет стремленья!
Давайте дома ваши наставленья.

Но если ваши мысли таковы,
Зачем со мной в поход пускались вы?

Наслушались раба и от испуга
Дрожите, словно дерево под вьюгой!

Забыли вы, как царь вас одарил?
Забыли вы, что царь вам говорил?

Забыли клятву перед вечным богом
Идти за мной по боевым дорогам?

Знать, не хватило доблести в сердцах,
Мужами овладел постыдный страх!

Идите в ваши мирные владенья.
А мой удел — тревоги и сраженья.

Создатель мира — щит мой на войне,
Небесные светила служат мне!

Мне не нужны помощники другие.
Пойду в Туран — в пределы роковые,

Сражу врага иль голову сложу —
Я мужество и доблесть покажу!

И скоро долетят до вас известья,
Что нет на царском имени бесчестья.

Клянусь создавшим Солнце и Кейван,
Что этой дланью сокрушу Туран!»

Когда мужи на шаха посмотрели,
Презренье, гнев в глазах его узрели

И головы склонили перед ним:
«Прости нам — слугам преданным твоим!

Глава ты нашим и телам и душам.
Мы поклялись — и клятвы не нарушим.

В беде, в бою не устрашимся мы.
За жизнь твою, о царь, боимся мы.

Средь нас, пока мы живы, ни единый
В беде, в бою не бросит властелина!»

Услышав эти речи, славный шах
Раскаялся душой в своих словах.

Хвалу иранским воинам воздал он.
«Ничем не скроешь доблести! — сказал он.

И если рухнет вражеский оплот,
Вас всех награда царственная ждет.

Все тяготы вознаградятся ваши,
Дома у вас наполнятся, как чаши!»

Так, за беседой ночь на мир сошла,
Дыханьем гор прохладу принесла.

И под карнай, под грохот барабана
Всё всколыхнулось воинство Ирана,

И тронулось в поход во тьме ночной,
Как пламя по сухой траве степной.

Когда заря нагорье осветила,
Ночь власяницей голову укрыла,

И, погоняя черного коня,
Бежала от блистающего дня.

Вот подошли полки, шумя, как море,
К дневной стоянке на степном просторе.

Был день весенний, словно дар творца,
Отрадный и пленяющий сердца.

Шатры по всей долине забелели,
Наполнить чаши кравчие успели.

Вдруг леденящий ветер с гор подул,
Тревогой дух царя захолонул...

Весь мир затмила туча тенью черной,
Исчезли очертанья грани горной,

Из тучи повалил косматый снег,
Столбами закрутил косматый снег.

Три дня, три ночи не переставая,
Свирепствовала буря снеговая.

В шатрах промерзших люди полегли
И двигаться от стужи не могли.

Скажу: утком был воздух, снег — основой.
Царь стыл, беспомощен в беде суровой.

Сказал Пшутану: «О, как тяжело!
Какое злое горе к нам пришло!

Как мужественно шел я в пасть дракона,
А здесь ни меч, ни щит — не оборона!..

Молитесь же! Взывайте к небесам!
Да слышит вас творец великий сам!

И если он не сжалится над нами,
Мы все бесследно сгинем под снегами».

Наставник шаха на путях добра —
Пшутан молился в темноте шатра.

Все войско к небу простирало руки,
Моля об избавлении от муки.

И вдруг повеял теплый ветерок,
Очистил небо. Заалел восток.

Сердца надеждой утро озарило,
И войско бога возблагодарило.

И учредили пир богатыри.
Три дня вкушали мир богатыри.

Потом сошлись князья по зову шаха.
И он сказал носителям кулаха:

«Обоз оставим. Налегке пойдем —
С оружьем, в снаряженье боевом.

Чтоб не страдать от голода и жажды,
По сто верблюдов в полк возьмите каждый.

На них навьючьте бурдюки с водой,
Зерно коням, бойцам — мешки с едой.

В укрытье здесь оставьте груз излишний.
Врата удач откроет нам всевышний.

А кто не верит в помощь неба, тот
Ни счастья, ни добра не обретет.

Мы одолеем с помощью Йездана
Могущество язычников Турана!

И станет каждый всадник наш богат,
Когда оплот Арджаспа будет взят».

Когда в багрец вечерний облачилось
И на закат светило дня склонилось, —

Навьючили верблюдов и пошли
В неведомую даль чужой земли.

Когда в походе полночь миновала,
Протяжно в небе цапля закричала.

Услышав цаплю, гневом вспыхнул шах.
Велел Гургсара притащить в цепях.

Сказал: «Ты клялся мне, что край безводен,
Непроходим и к жизни непригоден?

Но цапли водяной я слышал крик.
Тебя погубит лживый твой язык!»

Гургсар ответил: «Здесь, в степи спаленной,
Есть где-то родники воды соленой.

И есть потоки ядовитых вод,
Но только зверь из них да птица пьет».

Царь молвил: «Этот пленник, чуждый чести,
Я вижу, помышляет лишь о мести».

И быстро он вперед повел войска.
Душа — отважна, вера в нем крепка.

СЕДЬМОЙ ПОДВИГ

Исфандиар переходит через реку. Убиение Гургсара

Час миновал еще. Вдруг — что за чудо? —
В дали степной раздался крик верблюда.

Услышав, царь возликовал душой
И поскакал вперед, покинув строй.

Увидел под редеющею мглою
Широкую реку перед собою.

И караван большой на берегу.
Вот, первым нар-верблюд вошел в реку.

И стал тонуть он, и ревел протяжно.
Исфандиар шагнул в реку отважно,

На берег нара выволок тотчас
И с ним погонщика-беднягу спас.

К царю Гургсара стража притащила, —
Дрожал от страха тюрок из Чигила.

«Зачем ты лжешь, презренный? — царь спросил. —
Ты, змей, мое терпенье истощил!

Ты разве нам не говорил, негодный,
Что все мы здесь умрем в степи безводной?

Ты, знать, хотел по ложному пути
К погибели все войско привести?»

Гургсар ответил: «Гибель силы вашей
Дороже жизни мне и солнца краше!

Я в муках у тебя, в плену, в цепях.
Как не желать мне зла тебе, о шах?»

И рассмеялся Руинтан безгневно.
Судьба Гургсара впрямь была плачевна.

«Эй ты, Гургсар безмозглый, — молвил он. —
Как будет медный замок сокрушен

И пленникам возвращена свобода, —
Тебя я здесь поставлю воеводой.

Всю власть тебе я здесь хочу вручить,
Но ты мне должен правду говорить.

Тебя я возвеличу, не унижу.
Друзей твоих и кровных не обижу».

Услышав, что сказал Исфандиар,
Надеждой преисполнился Гургсар.

Повергнут царской речью в изумленье,
Он пал во прах и стал молить прощенья.

Царь молвил: «То прошло, что ты сказал.
От слов пустых поток песком не стал.

Ты нам укажешь брод в реке глубокой,
А там до Руиндижа недалеко».

Ответил пленник: «Цепи тяжелы.
Тот берег дальше, чем полет стрелы.

Лишь от оков моих освобожденный,
Брод я в пучине отыщу бездонной».

Исфандиар ответил: «Так и быть!»
И приказал с Гургсара цепи сбить.

Взял под уздцы коня Гургсар, и в воду
Вошел он по неведомому броду.

Шел осторожно он с конем своим,
И воины пошли вослед за ним.

Поспешно бурдюки опорожняли
И воздухом их туго надували,

Привязывали лошадям под грудь,
Чтоб невзначай в реке не потонуть.

Достигло войско берега другого
И ратным строем выстроилось снова.

Фарсангов десять ровного пути
До цели оставалось им пройти.

Сел царь, чтоб силы пищей подкрепить
И кубок, кравчим налитый, испить,

И встал. Надел кольчугу, шлем румийский,
Повесил на бедро свой меч индийский.

Опять к нему был приведен Гургсар,
И пленника спросил Исфандиар:

«Ты от беды спасен звездой счастливой.
Хочу услышать твой ответ правдивый:

Когда главу Арджаспа отрублю
И скорбный дух Лухраспа просветлю,

Когда Кахрама, хищного гепарда,
Убью в отмщение за Фаршидварда,

Как будет Андарман в петле моей,
Убийца тридцати восьми князей,

Когда я цвет Турана обезглавлю
И, мстя за деда, землю окровавлю *,

Когда я их повергну в пасти львов,
На радость всех иранских храбрецов,

Когда я их дома предам огню
И жен и чад их в рабство угоню, —

Ты будешь ликовать иль огорчаться?
Какие помыслы в тебе таятся?»

Все потряслось Гургсара естество,
Проснулся дух воинственный его,

Ответил он: «Ты полон злобой мщенья, —
Не будет над тобой благословенья!

Пусть небо на тебя обрушит меч
И голову твою похитит с плеч!

Пади во прах — волкам на растерзанье,
Земля тебе — постель и одеянье!»

От тех речей, что злобный вел Гургсар,
Вспылил, разгневался Исфандиар.

Свой меч ему на темя опустил,
До пояса Гургсара разрубил.

Он истребил Гургсара, гнева полный,
И на съеденье рыбам бросил в волны.

И, опоясав богатырский стан,
Сел на коня суровый Руинтан.

Вдали пред ним, на высоте надменной,
Возник огромный замок медностенный.

За тучи, неприступна и грозна,
Вздымала башни хмурые стена.

В ряд вчетвером верхом по ней скакали
Дозорные, что город охраняли.

На чудо-стену Руинтан взглянул
И глубоко и тягостно вздохнул:

«Взять стену с бою — силы не найдется.
Мне злом на зло, как видно, воздается.

Вот залетел я в чуждую страну,
Но здесь одно отчаянье пожну».

Печально ширь степную озирал он,
И вдалеке двух конных увидал он.

Стрелой летела желтая лиса,
За ней гнались четыре гончих пса.

Царь за ловцами теми устремился,
С копьем в руке пред ними появился.

Спросил их, сбросив на землю с коней:
«Чья это крепость? Сколько войска в ней?»

Ловцы ответили, дрожа от страха:
«То — крепость мощная Арджаспа-шаха.

Взгляни на башни — шапка упадет!..
Есть двое в этой крепости ворот.

Одни из них обращены к Ирану,
Другие — прямо к Чину и Турану.

Там войско — богатырь к богатырю,
Сто тысяч сильных — преданных царю.

Снабженная водой, запасом хлеба,
Твердыня неприступна, словно небо.

Шах десять лет в осаде просидит,
И войско голода не ощутит.

А кликнет клич — из Чина и Мачина
Придут войска по зову властелина,

Прискачут — из любой спасут беды.
И у Арджаспа нет ни в чем нужды!»

Встал полководец, меч свой обнажил он,
Двух простодушных тех мужей убил он.

ИСФАНДИАР ПРОНИКАЕТ В РУИНДИЖ В ОДЕЖДЕ КУПЦА

Встал Руинтан, в шатер вернулся он,
Вельмож и приближенных выслал вон.

Премудрого Пшутана муж победы
Оставил для совета и беседы.

Сказал он: «Крепость приступом не взять.
Осадой тюрков нам не испугать.

Хоть я себя в глазах твоих унижу,
Исхода, кроме хитрости, не вижу.

Ты с войском здесь останься на виду.
Я тайно в Руиндиж один войду.

Тот, несомненно, муж и славный воин
И трона Кеев и венца достоин,

Кто не страшится множества врагов, —
Акул в морях, на суше грозных львов.

Но все ж — бывают взлеты и паденья,
Нужна и хитрость на путях сраженья.

Войду я в крепость в образе купца;
Не знают тюрки моего лица.

В успехе я уверен. В том порука
И опыт мой, и ратная наука.

А ты войска в готовности блюди.
Поставь дозор надежный впереди.

Коль днем дозоры дым густой увидят
Иль зарево во тьме ночной увидят,

Ты помни: это знак я подаю,
Что срок настал — судьбу решать в бою.

Тогда ты подымай войска Ирана,
Мужей, чьи копья тяжелей тарана.

Под знаменем моим людей веди,
Сам на виду у всех и впереди,

Иди в броне моей, могуч и яр,
Чтоб все сказали: «Вот — Исфандиар!»

Потом призвал наездников любимых,
Испытанных, в бою неустрашимых.

Велел им сотню рослых, молодых
Пригнать верблюдов, на подбор гнедых.

Навьючил на десять мешки с деньгами,
На пять — тюки с китайскими шелками.

На пять — мешки рубинов, наконец,
На одного — престол свой и венец.

И принесли сто сорок сундуков,
С устройством хитрым потайных замков.

Сто шестьдесят он взял мужей надежных,
Выносливых, в засаде осторожных.

Сто сорок в сундуки он заключил,
Горбы верблюдов ими отягчил.

А двадцати оставшимся избранным
Он вретищем велел облечься рваным,

Чтоб к Руиндижу караван вели,
Чтоб за рабов-погонщиков сошли.

И, плечи пыльным облачив халатом,
Он с караваном двинулся богатым.

Приблизился к воротам наконец
И стражам объявил, что он купец.

Цепями заскрипел тяжелый ворот.
Ворота отперлись, вошел он в город.

Все услыхали про его приход.
Глазеть сбежался уличный народ.

«Купец пришел! — встревожились базары, —
Меняет он дирхемы на динары!»

Сперва вельможи важные пришли
Изделья поглядеть чужой земли.

«Что продаешь, купец? — они спросили. —
Что нам предложишь? Золота, парчи ли?»

Ответил он: «Довольно тут всего,
Но лучшее — для шаха самого!

Пусть шах великий гостя не обидит,
Пусть посмотреть мои товары выйдет!»

И вот вельможи царские купцу
Велели ехать прямо ко дворцу.

К царю пришел он с чашей золотою,
Наполненной отборной бирюзою.

Шелка Китая, яхонтов поднос
И груду перстней шаху он принес.

Румийскою парчой дары покрыл он,
И амброй их бесценной окропил он.

Наполнился благоуханьем зал,
Когда перед Арджаспом он предстал.

У ног царя рассыпал он динары,
Речистой лести расточая чары.

«Будь благосклонен к бедному купцу.
Я — из Ирана — тюрок по отцу.

Торгую в Руме дальнем я и в Чине,
Пересекаю горы и пустыни.

С богатыми товарами в Туран
Привел я в сто верблюдов караван.

О шах! Я честным торгом промышляю.
Я продавец, а также покупаю.

Надеюсь я, ты защитишь меня,
О покровитель мира и броня!

Так разреши заняться мне торговлей,
Сложить товары под надежной кровлей.

Укрой под сенью милости твоей
Меня, моих верблюдов и людей!»

Сказал Арджасп: «Ты — под защитой шаха!
Развеселись душой. Торгуй без страха!

Ты здесь — мой гость. И никаких обид
Никто в Туране вам не причинит».

И царь сказал своим вазирам слово,
Чтобы они на площади дворцовой

Обширный дом для гостя отвели
И весь товар туда перенесли.

Арджасп устроить там базар велел,
И от воров стеречь товар велел.

Нехватки не было в могучих мужах,
Таскавших сундуки на спинах дюжих.

Один носильщик, весь в поту, спросил:
«Чем сундуки приезжий нагрузил?

Как будто мне, — хоть я и слон по силе, —
Всей жизни тяжесть на плечи взвалили!»

Открыл, украсил лавку Руинтан,
Как будто по весне расцвел тюльпан.

У входа пел речистый зазывала,
Толпа у входа лавки вырастала.

Ночь пробыл дома гость, а поутру
Опять явился к шахскому двору.

Перед Арджаспом преклонил колени
И сплел узор цветистых восхвалений.

Сказал: «По диким я прошел степям.
Позволь дары сложить к твоим стопам!

Не откажи, владыка благосклонный,
Прими браслеты, перстни и короны!

Пусть выберет твой главный казначей
Сокровища — для милости твоей!

И сколько бы ни взял он, честь мне будет;
А моего богатства не убудет.

Владыки дело — брать, купца — дарить.
За бедный дар прошу меня простить».

Арджасп развеселился, засмеялся,
Все больше к гостю сердцем он склонялся.

Спросил: «Как звать?» Ответил гость: «Харрад,
Я — весельчак, из тех, кто жизни рад».

Ответил царь: «Эй, странник благородный,
Ты много выстрадал в степи безводной.

Живи, торгуй. Я сам — защитник твой.
Ко мне являйся прямо в час любой».

Выспрашивать он начал Руинтана,
Что делается на земле Ирана.

Ответил тот: «Пять месяцев почти
Я пробыл в изнурительном пути».

Спросил Арджасп: «Что слышно о Гургсаре?
Какие вести об Исфандиаре?»

«Великий шах! — ответил лже-Харрад, —
По-разному об этом говорят.

Был слух: Исфандиар попал в немилость,
И средь иранцев смута заварилась...

Был слух, что войско поднял он в поход,
Что он путем семи преград идет,

Что он решил семь подвигов свершить
И стены Руиндижа сокрушить».

Захохотал Арджасп, сказал: «Пустое!
Да никогда не сбудется такое!

И коршун там не пролетит вовек,
Будь Ахриман я, а не человек!»

Склонился муж к подножию престола,
Вернулся на базар с душой веселой.

Велел он двери лавки открывать,
Велел прохожих в лавку зазывать.

Толпа росла, шумела и галдела,
На шелк румийский с завистью глядела.

СЕСТРЫ УЗНАЮТ ИСФАНДИАРА

Блистающее солнце закатилось,
И лавка гостя на торгу закрылась.

И две рабыни вышли из дворца,
Таясь от стражи, с черного крыльца.

На их плечах тяжелые кувшины,
На бледных лицах их печать кручины.

Исфандиар, узнав сестер своих,
Лицо свое поспешно скрыл от них.

Он, опасением за них объятый,
Закрылся длинным рукавом халата.

К Исфандиару сестры подошли,
И перед ним склонились до земли.

К нему с мольбою робкой обратились,
И слез ручьи по лицам их струились:

«О муж, благословенна жизнь твоя!
Да будут слугами тебе князья!

Ты нам поведай вести об Иране,
И о Гуштаспе, и о Руинтане.

Он — брат наш. Мы — несчастные княжны —
Арджаспом нечестивым пленены.

Мы носим воду, бедствуем в неволе,
А наш отец Гуштасп почиет в холе.

Мы босиком принуждены ходить.
Нам нечем головы свои прикрыть.

Завидуем мы в саваны одетым.
О славный муж! Порадуй нас ответом.

Слыхал ли, что в Иране говорят
И помнят ли о нас отец и брат?»

Так Руинтан могучий возопил,
Что ужас девушек оледенил:

«Пусть след Исфандиара истребится,
Коль он, как раб, в цепях отца влачится!

Гуштасп — жестокий изверг, не отец,
Он — див, и не пристал ему венец».

И тут по голосу Хумай узнала
Исфандиара и возликовала.

«Он здесь, он хочет нас освободить!» —
Но тайну ту она сумела скрыть.

Что узнан он, не подала и виду.
Оплакивая рабство и обиду,

В слезах склонялась перед ним она,
За брата опасением полна.

Но понял муж душой проникновенной,
Что узнан он сестрой благословенной.

Открыл он ей лицо свое в слезах,
Как солнце в поредевших облаках.

И на сестер, поникших в униженье,
Смотрел он молча в горьком изумленье.

Сказал: «Теперь недолго вам терпеть.
Уста замком должны вы запереть.

Чтоб вас освободить, мои родные,
Я перенес невзгоды роковые.

Как может наш отец беспечно спать,
Когда вы воду здесь должны таскать?!

Так будь отцом нам небосвод высокий
В наш век убийственный, наш век жестокий!»

Покинул утром лавку лжекупец,
Вошел к Арджаспу-шаху во дворец.

Сказал: «Йездан тебя благослови!
Миродержавный шах, в веках живи!

Вел караван я. И в степном просторе
Увидел вдруг неведомое море.

Сел на корабль я; и, благословясь,
Поплыл. Внезапно буря поднялась.

А спутники, что моря не видали,
От ужаса рассудок потеряли.

Тогда взмолился я и дал обет:
Когда спасет от смерти нас Изед,

Когда мы вступим на берег счастливый,
Где царствует владыка справедливый,

Пир я на всю страну устрою там,
Все за спасенье наших душ отдам;

Воздам дервишу почесть, как царю,
И беднякам богатства раздарю.

Пусть шах теперь мне душу успокоит
И почести великой удостоит.

Пусть шах позволит — для князей его,
Для воинского сонмища всего

Мне пир устроить славный и великий,
Свершить обет перед творцом-владыкой».

Исполнен спеси, жаждущий похвал,
Арджасп, внимая мужу, ликовал.

В ладони хлопнул: «Эй! Созвать скорее
Всех, кто у нас почетней и знатнее!

Пускай сберутся все к Харраду в дом —
И пусть Харрад их угостит вином!»

Ответил гость: «О шах, вселенной свет,
Мудрец и над мобедами мобед!

Мой тесен дом, а твой дворец — святыня.
Мы пир устроим на стенах твердыни.

Ночь холодна. Костры мы запалим,
Сердца мужей вином развеселим».

Арджасп ответил: «Делай все без страха,
Как хочешь. Люб ты сердцу падишаха!»

Исфандиар велел, не тратя слов,
Таскать дрова на стены для костров.

Без счета жеребят, ягнят забили,
Проворно туши наверх потащили.

И от костров, зажженных на стене,
Поплыли тучи дыма в вышине.

Пить сели гости на стенах просторных,
Едва хватало чашников проворных.

И напились, забыли о мечах,
Плясать пошли с нарциссами в руках.

НАПАДЕНИЕ ПШУТАНА НА РУИНДИЖ

Когда заполыхал во тьме ночной
Огонь костров над крепостной стеной,

Когда костры увидел муж дозорный,
И на рассвете — дым густой и черный, —

Он, обгоняя ветер, поскакал
За холм, где лев-Пшутан известий ждал.

В шатер вождя иранских сил вступил он,
О пламени и дыме сообщил он.

Пшутан воскликнул: «Цвет богатырей —
Исфандиар слонов и львов грозней!»

Велел от сна он воинство будить,
Трубить в карнаи, в барабаны бить.

С холмов полки на Руиндиж он двинул, —
Скажи: на сушу море опрокинул.

В кольчугах, в шлемах львы Ирана шли.
Рассвет померк в клубящейся пыли.

И поднялась тревога в Руиндиже,
Что чья-то рать подходит к ним все ближе.

Что это сам Исфандиар идет,
Что древо злобы принесло свой плод!..

И встал Арджасп. И, руки потирая,
Броней облекся, плечи разминая.

Он вышел из дворца, как грозный лев,
Войска вести Кахраму повелев.

Потом сказал воителю Тархану:
«Иди взгляни — кто там грозит Турану?

Ты десять тысяч храбрых избери
И крепости ворота отвори.

Разведай, чьи войска на нас напали.
Видать, они рассудок потеряли».

В кольчуге, препоясанный мечом,
Тархан поехал в поле с толмачом.

Увидел войско, полное отваги,
И барса желтого на черном стяге,

И на Исфандиаровом коне
Пшутана в шлеме и стальной броне,

С быкоголовой палицей в деснице.
Конь боевой его летел, как птица.

Тархан подумал: «То — Исфандиар,
Никто другой, готовит нам удар».

Раздался клич. Густая пыль всклубилась.
Блистающее солнце дня затмилось.

Мечи блеснули, стая стрел взвилась,
И кровь, как дождь из тучи, полилась.

И грудь о грудь, сшибаясь в вихрях пыли,
Иран с Тураном снова в бой вступили.

И выехал прекрасный Нушазар,
Блистая шлемом золотым, как жар.

На поединок витязей Турана
Он выкликал. Вскипела кровь Тархана.

На вызов вышел он, любимец сеч.
И сшиблись щит о щит и меч о меч.

Бой был недолог: богатырь Ирана
Рассек до сердца славного Тархана.

Кахрам увидел — пал Тархан во прах,
И охватил его великий страх.

Тут яростно ряды в ряды ворвались,
И оба строя ратные смешались.

Как львы и тигры бились, ты скажи,
Великие и малые мужи.

И дрогнул сам Кахрам, и духом пал он.
И, бросив войско, в крепость ускакал он.

Отцу Арджаспу он вскричал в слезах:
«Взгляни, солнцеподобный падишах!

Нахлынули, как волны океана,
Войска Исфандиара-Руинтана.

Ведет на бой их сам Исфандиар.
Вновь угрожает нам Исфандиар.

Как молния, опять грозит Турану
Его копье, подобное тарану».

И помрачнел Арджасп, вздохнул: «Беда!
Возобновилась старая вражда».

Сказал он войску: «В поле выступайте.
Мечом отпор пришельцам дерзким дайте.

Эй, львы мои, богатыри, князья,
Рассейте их, чтоб радовался я!

Побейте всех, как прежде вам случалось,
Да так, чтоб их на семя не осталось!»

Врата раскрылись, тяжело скрипя.
Рать вышла в поле, яростью кипя.

ГИБЕЛЬ АРДЖАСПА ОТ РУКИ ИСФАНДИАРА

Глубокой ночью, втайне — без помехи,
Исфандиар надел свои доспехи.

Затем он отпер крышки сундуков,
На волю выпустил своих бойцов.

Принес всего им, в чем была потреба.
Дал подкрепиться мяса им и хлеба.

Когда же яств очистили поднос,
Он по три чаши каждому поднес.

Насытясь, воины повеселели.
И царь сказал им: «Братья, мы у цели.

Смелей! Да будет к счастью эта ночь!
Теперь молите небо нам помочь».

И он на три отряда разделил их,
И верою в победу окрылил их.

На площадь он послал один отряд,
Чтоб тюрков убивали — всех подряд.

Других послал — врага теснить в воротах,
Бегущих с поля изрубить в воротах.

А третьему отряду он сказал:
«Убейте всех, кто нынче пировал!

Они все пьяны. На стены взойдите,
Всем головы мечами отсеките!»

А два десятка он повел с собой,
И вторгся во дворец, и начал бой.

Вломился, все преграды сокрушая,
Сердца рычаньем львиным устрашая.

Царя-воителя громовый рык
Пристанища сестер его достиг.

Хумай на голос брата поспешила,
А за руку Бихафарид тащила.

Исфандиар увидел пред собой
Царевен, схожих с юною весной;

Сказал он сестрам: «Ничего не бойтесь,
Но поскорей, как дым, отсюда скройтесь!

Вот ключ вам. В доме спрячетесь моем
В подвалах с золотом и серебром.

И ждите там, пока я в битве буду, —
Сложу главу или венец добуду!»

И, полон жаждой мести и жесток,
Ворвался витязь в царственный чертог.

Мечом всему живому угрожая,
Защитников бегущих поражая,

Он трупами покои завалил,
Чертоги морем крови затопил.

Вот шум достиг опочивальни шаха
И с ложа встал Арджасп, исполнен страха.

Но гневом гордый дух его вскипел,
Кольчугу он, румийский шлем надел.

И выбежал, проклятья извергая,
Из спальни, сталью ратною сверкая.

И встретился лицом к лицу с купцом
В кольчуге, с окровавленным мечом.

Исфандиар сказал: «Ты град ударов
Получишь от купца взамен динаров.

Дар от Лухраспа я принес тебе,
Печать Гуштаспа я принес тебе!

Печатью заклейменный роковою,
Покроешься ты черною землею!»

И запылал в сердцах их бранный жар.
Сошлись Арджасп и лев-Исфандиар,

Удары сталью нанося друг другу
И рассекая шлемы и кольчугу.

И вот Арджасп могучий изнемог,
Он в ранах весь от головы до ног.

Как слон огромный, пал он, окровавлен,
Мечом Исфандиара обезглавлен.

Так вот что звезды смертному дарят, —
То поднесут бальзам, то черный яд!

С презрением на мир взирай, о мудрый!
Ты в жизни — гость; так не страдай, о мудрый!

Убив Арджаспа, грозный Руинтан
Обрек разгрому замок и айван.

Мечами стражу всю посечь велел он,
Дворец со всех сторон поджечь велел он.

Никто из обитателей дворца
Не избежал кровавого конца.

Казнохранилище царя Турана
Оставив под надежною охраной,

Пошел к конюшням царским Руинтан,
В деснице — меч, в стальной кольчуге — стан.

Коней арабских отобрать велел он,
Мужам своим их оседлать велел он.

И сели на могучих тех коней
Сто шестьдесят его богатырей.

Сестер привел он, в седла посадил их,
Ликуя сердцем, что освободил их.

Отряд оставил в крепости; Сава
Отважный муж — отряда был глава.

Богатырю Саве сказал: «Как в поле
Мы выйдем и очутимся на воле,

Ворота городские ты закрой
И у ворот неколебимо стой.

Когда я своего достигну стана
И снова встречу славного Пшутана,

Вели кричать дозорным: «Да живет
Наш царь Гуштасп, как вечный небосвод!»

Когда в бою туранцы истомятся
И вспять к вратам твердыни устремятся,

Ты сбрось главу Арджаспа со стены,
И пусть их души будут сражены!»

И в степь он выехал во мгле тумана,
Как слон, вломился он в ряды Турана.

Сто шестьдесят за ним отважных шли
И гибель и смятение несли.

Достигли стана... Радостен и светел,
Воителя Пшутан премудрый встретил.

И кто опишет войска торжество
Перед царем и доблестью его!

ИСФАНДИАР УБИВАЕТ КАХРАМА

Когда, как царь с серебряного трона,
Сошло светило ночи с небосклона,

Раздался с башни клич богатырей:
«Живет Гуштасп, великий царь царей!

Цветет Исфандиар непобедимый!
Луною, небом и судьбой хранимый!

Святой закон мечом он защитил,
Туранцам за Лухраспа отомстил!

Арджаспа он железом обезглавил,
Гуштаспа возвеличил и прославил!»

Смутились тюрки, слыша этот крик,
Не ведая — откуда он возник?

От клича, что над полем разносился,
Тревогой дух Кахрама омрачился.

И Андарману, брату, он сказал:
«Не распознаешь ночью, кто кричал.

Что скажешь? Что-то будет нынче с нами?
Мы всё с тобой должны разведать сами!

Иль это пьяной стражи озорство
У изголовья шаха самого?

Какая дерзость у простого люда!
Но этим крикунам придется худо.

Всех надо, как изменников, казнить
И преданною стражей заменить!

Так поспешим! И коль застанем дома
Врагов, что ищут нашего разгрома, —

Мы по-турански их возьмем в зажим,
Мы черепа им сталью размозжим!»

Все громче голоса во тьме звучали,
И на стене, и на холме звучали,

Они со всех сторон теперь неслись.
И души тюрков страху поддались.

Войска роптали: «Голосов так много,
Что только в крепость нам теперь дорога.

Вернемся, братья, дом наш защитим.
Запремся, всем врагам отпор дадим».

Кахрама сердце ужасом сжималось,
Лицо его страданьем искажалось.

Сказал он людям: «За царя, за вас,
О воины, в тревоге я сейчас!

Теперь в укрытье отступить нам надо,
А Руиндиж надежная ограда».

И вспять, подобные морским волнам,
Туранцы устремились к воротам.

Но гнал Исфандиар их по пятам,
Удары нанося то здесь, то там.

Вот вскачь Кахрам достиг ворот, и что же —
Врагов и в воротах он видит тоже.

Сказал мужам: «Принять придется бой,
И пусть судьба пошлет исход любой.

Вы, в ком бестрепетны сердца живые,
Все за мечи беритесь боевые!»

Когда в глаза им глянула судьба,
Отважным стала тягостна борьба.

И щит о щит, и меч о меч схватились.
И до утра два славных войска бились.

Но утренней зари блеснул венец,
Турана славе наступил конец.

В сиянье раннем алого востока
Сава явился на стене высокой.

И голову убитого царя —
Арджаспа, гордого богатыря, —

Он кинул вниз. Лишь это увидали,
Сражаться вдруг туранцы перестали.

Ряды смешались, громко голося,
И стон и плач великий начался.

Два царских сына, две его опоры,
Рыдая, содрогались, словно горы.

Так неожиданно беда пришла,
Что души сильных пламенем сожгла.

Взывало войско: «Доблестный воитель,
Наш полководец, лев и повелитель!

Кем ты в ночи предательски сражен?
Убийца твой — да будет проклят он!

Кто управлять в походах будет нами?
Кто на стене твое подымет знамя?

Коль мы лишились нашего отца,
Не будет пусть ни войска, ни венца!»

Халлух, Тараз отчаяньем вскипели,
Все души жаждой смерти пламенели.

И яростной, неистовой толпой,
Ища конца, они рванулись в бой.

В широком поле брань возобновилась,
И тучей пыли небо омрачилось.

Тела убитых грудами легли
На окровавленной груди земли.

Повсюду — смерть, стенания и муки,
Отрубленные головы и руки.

Над степью черная нависла мгла.
Кровь у ворот потоками текла.

Когда Исфандиар ворвался в сечу,
Кахрам погнал коня ему навстречу.

И сшиблись, затрещали их щиты.
Они слились в одно — сказал бы ты.

Исфандиар за пояс взял Кахрама,
Сорвал с седла и вверх подъял Кахрама.

И гневно грянул об землю его
Под клич победный войска своего.

Арканами Кахрама тут скрутили,
В обоз полуживого утащили.

Без полководца, словно горсть песка,
Рассыпались туранские войска.

Как листья под ударами метели,
Под вихрем смерти головы летели.

Над полем воздух гибелью дышал...
Тот все терял, другой — все забирал.

Повсюду шлемы, головы валялись.
О трупы кони храбрых спотыкались.

Кто день грядущий видит? Кто прочтет
То, что от нас скрывает небосвод? *

Немногих тюрков скакуны лихие
В пески умчали за холмы глухие.

А те, кому не удалось уйти,
От смерти не могли себя спасти.

Простые степняки в живых остались,
Что за людей у знатных не считались.

А воины, в отчаянье, в слезах,
Щиты и шлемы побросали в прах.

Молили: «Пощади нас, справедливый!»
И были их глаза как день дождливый.

Но в мести был безжалостен и яр
Кровь проливающий Исфандиар.

Всех всадников воинственных убил он.
Ни одного вельможу не простил он.

Не стало в Руиндиже никого,
Кто б отстоял достоинство его.

Убитым поле битвы царь оставил,
В стан воротился, вечного прославил.

Две виселицы у ворот градских,
Две черные петли свисают с них.

Там за ноги двух сыновей Арджаспа
Повесил царь — в отмщенье за Лухраспа.

Туранскую рассеянную рать
Велел он догонять и избивать.

Богатырей уничтоженью предал,
Туран огню и разоренью предал.

Всех, кто могли оружие носить,
Велел он беспощадно истребить.

Сказал бы ты: гроза прошла, сверкая,
Дождь огневой на землю изливая.

И сел в шатре, событья обозрев,
За чашей, средь князей, иранский лев.

И написать велел писцу посланье
Гуштаспу о великом том деянье.

После свершения семи подвигов и возвращения в Иран Исфандиар просит отца передать ему трон, как он ему обещал. Но Гуштасп ставит новое условие, — требует от сына усмирить Рустама и привести в столицу, заковав в кандалы. Гуштасп, по предсказанию мудреца Джамаспа, знал, что Исфандиар погибнет от руки Рустама, и намеренно послал сына на верную гибель, чтобы подольше удержаться на троне.

Прибыв в Забулистан, Исфандиар отправляет к Рустаму своего сына Бахмана с требованием смириться и дать заковать себя в кандалы. Когда Бахман привез отказ Рустама, Исфандиар решил встретиться с Рустамом и поговорить с ним.

Рустам и
Исфандиар

ВОСХВАЛЕНИЕ ИСФАНДИАРОМ СВОЕГО РОДА

Умолк Рустам. Исфандиар поднялся
И, как апрель прекрасный, рассмеялся.

От тех речей Рустамовых огнем
Он запылал. Вскипело сердце в нем.

Сказал: «О битвах и трудах Рустама
Внимал я жалобам в словах Рустама.

Теперь послушай о моих делах,
Как я надменных растоптал во прах.

Все помнят, как во имя веры правой
Меч на Арджаспа поднял я со славой.

Я тонущего в сквернах ниспроверг,
Владычество неверных ниспроверг.

Я сын царя природного Гуштаспа,
И внук я благородного Лухраспа.

Авранди-шах — Лухраспа был отец,
Прославлен в мире был его венец.

Авранди-шах рожден был Кей-Пашином,
А Кей-Пашин был Кей-Кубада сыном,

Чей выше звезд стоял великий трон,
Кто был так щедро небом одарен.

И так до Фаридуна мы дойдем, —
Он древа Кеев древним был стволом.

Мой дед по матери, кейсар великий —
Румийских стран и западных владыка.

Тот царь кейсар от Салма род ведет, —
Могучий это, справедливый род.

А Салм был Фаридуна ветвь и плод,
А Фаридун — Ирана был оплот.

Ты у царей — отцов моих счастливых,
Вождей великих и благочестивых —

Был верным уважаемым слугой, —
Тем не хочу гордиться пред тобой!

Царями трон тебе дарован твой,
Хоть ты царям и зло творил порой.

Вниманье моему яви рассказу,
А ложь скажу — прерви рассказ мой сразу!

С тех пор как дед возвел отца на трон,
Я был бронею браней облачен:

Я воевал с врагами правой веры,
Побил неверных без числа и меры.

Когда ж меня Гуразм оклеветал
И в Гумбадане узником я стал,

Вернулись орды из туранских далей,
Несчастного Лухраспа растерзали.

Тогда Гуштасп — смятеньем обуян —
Послал Джамаспа в крепость Гумбадан.

Когда Джамасп меня в цепях увидел,
Не слезы — кровь в моих глазах увидел, —

С собой привел он в башню кузнецов,
Чтоб отпереть замки моих оков.

Страх овладел послом и кузнецами,
Когда я встал и загремел цепями.

Сломал ошейник, на глазах толпы
Порвал оковы, повалил столпы.

На скакуна вскочил я вороного
И поскакал царю на помощь снова.

И от меня бежал, покинув стан,
Арджасп, туранский лев и пахлаван.

Облекшись панцирем железнобронным,
Погнался я за тигром разъяренным.

Мир не забудет подвигов моих;
Я дивов истребил и львов степных.

Взял Руиндиж и на стенах крутых
Настиг врагов и уничтожил их.

Чьи столь великий труд свершали руки?
А что там вынес я! Такие муки

Не испытал онагр, голодным львом
В пустыне раздираемый живьем!

Акула стольких мук не выносила
В тот час, как крюк смертельный проглотила!

Был медностенный замок на скале,
Тонувший в облаках, в небесной мгле.

Шли Фаридун и Тур туда с войсками.
Но неприступен был за облаками

Оплот язычников на кручах скал.
А я пришел — их ужас обуял!

Я взял тот грозный замок на вершине,
Разбил кумиры в капище твердыни.

На жертвенниках мной огонь зажжен,
Что был Зардуштом с неба принесен.

Нигде теперь врагов Ирана нет!
Ни войск ни шаха у Турана нет!

Вернулся я, прославленный в боях,
В Иран, где правит величавый шах.

Но, вижу, затянулись речи наши.
Вина ты жаждешь — так подымем чаши!»

ВОСХВАЛЕНИЕ РУСТАМОМ СВОЕГО МОГУЩЕСТВА

«Деянья наши, — вымолвил Рустам, —
Бессмертным станут памятником нам.

Будь благосклонен и послушай слово
Бывалого богатыря седого!

Когда б я не пошел в Мазандеран
С мечом, с копьем тяжелым, как таран,

Где в кандалах томился Кей-Кавус
И с ним слепые Гив, Гударз и Тус, —

Кто б положил конец их тяжкой муке?
Кто б на Диви-сафида поднял руки? *

Где б Кей-Кавус спасение обрел?
Кто б шахский воротил ему престол?

Был мною шах освобожден великий,
Поставлен на иранский трон владыкой!

Главы врагов я отрывал от тел.
Не саван их тела — а прах одел.

Мне друг в боях был Рахш огненноярый,
А старый меч мой щедр был на удары.

Когда ж Кавус пошел в Хамаваран
И вновь подставил шею под аркан —

Собрал тогда я воинство в Иране,
Богатырей повел на поле брани.

Царя врагов я выбил из седла,
Сразил его, как божия стрела.

Вновь из темницы вывел я Кавуса,
Оковы снял с Гударза, Гива, Туса.

Афрасиаб, пока я вел войну,
Ударил на Иранскую страну,

Привел войска, подобно грозным тучам.
И вновь я полетел на бой с могучим.

Когда скакал я под ночною тьмой,
Не грезились мне отдых и покой.

Афрасиаб, мое увидя знамя,
Вдали сверкающее, словно пламя,

Услышав ржанье моего коня, —
Все бросил, спасся бегством от меня.

Но если б Кей-Кавуса я не спас —
И Сиявуша не было б у вас,

И Кей-Хосрова слава б не сияла!
А от него берете вы начало.

Эй, шах! Вот я большую прожил жизнь, —
На разум мой, на опыт положись.

Порукой — честь! Тебя я властелином
Поставлю над Ираном и над Чином.

Когда ж сковать меня ты вздумал, шах,
Корысти не найдешь ты в тех цепях.

Как я примчусь на бой, как взвею прах —
Меж небом и землей посею страх!

Был я великим, счет терял победам,
Когда Лухрасп был никому не ведом.

Имел я эти земли, этот дом,
Когда Гуштасп был в Руме кузнецом.

Что ж ты кичишься предо мной венцом,
Гуштасповым престолом и кольцом?

Был молод, поседел я чередом,
Но я не ведал о стыде таком:

«Иди! Свяжи Рустама!» — кто так скажет?
Мне сам творец вселенной рук не свяжет!

Вот в оправданьях унижаюсь я.
Речей довольно! Щит мой — честь моя!»

И рассмеялся Руинтан могучий,
Встал, плечи распрямил и стан могучий.

«Эй, муж слоноподобный! — молвил царь —
Все это о тебе слыхал я встарь!

Как львиное бедро — твоя десница,
А шея — мне драконьей крепче мнится».

Так говоря, он руку старцу жал
И разговор с улыбкой продолжал.

Так руку жал, что сок кровавый на пол
Из-под ногтей Рустамовых закапал.

Рустам не дрогнул, руку сжал в ответ
Исфандиару и сказал в ответ:

«Блажен Гуштасп и славой властелина,
И тем, что породил такого сына!

Четырежды блажен могучий род,
Чьей ветви цвет вовек не отцветет!»

Так говоря, кивал он белой бровью,
Сжимая руку шаха. Черной кровью

Рука у Руинтана налилась,
Но тот не дрогнул и сказал, смеясь:

«Эй, лев! Сегодня пить со мною будешь!
А завтра утром о пирах забудешь!

Как завтра утром стану в стремена,
Надену шлем, броню на рамена —

Ты жизнь сочтешь за тягостную ношу,
Когда тебя копьем с седла я сброшу.

Свяжу тебя и к шаху приведу,
Но знай — не на позор, не на беду.

Скажу: «Вот он! Вины на нем не знаю!»
Тебя я перед шахом оправдаю.

И ты со славою пойдешь домой,
Добро, богатство понесешь с собой».

Захохотал Рустам, махнув рукой
И потрясая гривою седой,

Спросил: «Ты где привык к мужскому бою,
С моею не встречавшись булавою,

Когда я закручу ее смерчом,
С моим арканом, луком и мечом?

Но если завтра так судьба устроит,
Лицо любви от нас она закроет,

И будет кровь на пир принесена
И злоба — вместо красного вина,

Мы руд заменим барабаном ярым,
Мы грудь и плечи обречем ударам.

И ты познаешь, что такое бой,
И мощь мужская, и удар мужской!

Как соберусь я завтра, в поле выйду,
Тебе, мой шах, не причиню обиду, —

Нет! Подыму тебя я над седлом,
И в плен возьму, и отвезу в свой дом,

И приведу тебя к златому трону,
И поднесу тебе свою корону,

Что дал мне Кей-Кубад, великий шах,
А он да возликует в небесах!

Я дверь моих сокровищниц открою,
Казну свою рассыплю пред тобою,

Дам все, что нужно войску твоему,
До вечных звезд венец твой подыму!

Воспрянув сердцем радостным из праха,
Приду с тобой к престолу шаханшаха.

Покорством слово правды облачу,
Тебе венец Ирана я вручу.

Приму на плечи прежней службы бремя,
Как я служил царям в былое время.

Все сорняки в посеве прополю,
Отрадой светлой сердце обновлю.

Коль шахом станешь ты, а я — слугою,
Кто в мире устоит перед тобою?»

РУСТАМ И ИСФАНДИАР ПЬЮТ ВИНО

И дал Исфандиар такой ответ:
«Для дела в многоречье нужды нет!

Вот день прошел, глухая ночь настала;
И натощак нам спорить не пристало.

Довольно споров! Будем пить и есть.
Всё подавайте, что в запасе есть!»

И смолкли речи в царственной беседе.
Когда могучий руки поднял к снеди,

Барашков жирных все, кто там сидел,
Подкладывали гостю. Всё он съел,

Осталась лишь гора костей на блюде;
И изумлялись Тахамтану люди.

Вот в чаше золотой принесено
Рубиновое старое вино.

Шепнул хозяин: «Что-то скажет старый,
Как захмелеет за такою чарой?

Добром ли Кей-Кавуса помянет,
Как вдоволь, через меру он хлебнет?»

И гость за Кеев осушил до дна
Источник темно-красного вина.

И вновь румяный кравчий, стройный станом,
Наполнил чашу ту пред Тахамтаном.

Рустам ему сказал: «Зачем водой
Вино разводишь, кравчий молодой?

Лей воду завтра, друг! А здесь, у шаха,
Ты не скупись, давай вино без страха!»

«Дай без воды! — промолвил Руинтан, —
Чтоб радовался славный Тахамтан!»

И шах был от Рустама в восхищенье,
Потребовал он музыки и пенья.

И гостя лик под инеем кудрей
Горел зари рассветной розовей.

Сказал хозяин: «О вселенной диво,
Покуда мир стоит — живи счастливо!

Да будет все подвластное судьбе,
Отец, на утешение тебе!»

Гость молвил: «Пусть твой век счастливым будет!
Пусть ум твой светлый справедливым будет!

Я радуюсь, что пил с тобой вино —
Омолодило душу мне оно!

А если зло изгнать из сердца сможешь,
Свое величье ты стократ умножишь!

Почти мой дом присутствием своим,
О царь! Будь гостем дорогим моим!

Да властвуют в твоих со мной делах
Любовь и разум, мой прекрасный шах!

Забудь вражду и, полн благоволенья,
Войди как добрый друг в мои владенья».

И отвечал Рустаму Руинтан:
«Не сей семян бесплодных, пахлаван!

Ты завтра въяве мощь мою увидишь,
Когда на грозный бой со мною выйдешь.

Забудь о мире, думай о войне,
О завтрашнем побеспокойся дне!

Увидишь ты: я буду в битве грозной —
Как на пиру: да только будет поздно...

Боюсь, не устоишь ты предо мной!
Эй, лев, со мной не выходи на бой!

Поймешь ты, встретясь с булавой моей,
Что мощь моя речей моих сильней!

В сердцах не отвергай совет толковый —
Дай сам теперь согласье на оковы!

Когда перед царем падешь во прах —
И дня, поверь, не проведешь в цепях!»

Дух светлый омрачился у Рустама,
Весь мир в очах затмился у Рустама:

«Связать себя позволю иль его
Убью — лишусь я счастья своего!

И то и это низко и презренно,
Позор мне вечный будет во вселенной.

Убью царя — свой дух живой убью.
А цепи? Цепи честь убьют мою...

Спор будет обо мне тысячелетний,
Позорные пройдут по свету сплетни:

Что с молодым Рустам не совладал,
Что молодой пришел, его связал...

И во вселенной все меня осудят,
И доброй славы обо мне не будет.

А если шаха я убью в бою —
Живую душу погублю свою.

И скажет мир: «Вот за одно лишь слово
Убил он властелина молодого!»

И тот позор не будет искуплен
Ничем!.. Злодеем буду наречен.

А если мне заутра пасть случится —
Забул погибнет и Кабул затмится,

Исчезнет Сама богатырский род,
И осмеет, забудет нас народ...

Нет! Все ж хоть отблеск памяти моей,
Я верю, не умрет в сердцах людей!»

И отвечал: «О царь прекрасноокий!
От слов твоих мои желтеют щеки:

Как говоришь ты много о цепях!
Беды тебе от них боюсь я, шах!

Пока мы препираемся в речах,
Иное решено на небесах.

Твой разум духи зла заполонили
И от дороги правды отвратили.

Ты сердцем чист и полон простоты,
Боюсь, коварства жертвой будешь ты!

Гуштасп, отец твой, стал подобьем дива, —
Знать, не насытился судьбой счастливой.

Дела такие совершать велит,
Где гибель и сильнейшему грозит...

Гоняет сына по земному миру, —
Ум на тебя он точит, как секиру!

Он ищет: есть ли в мире муж такой,
Который устоит в бою с тобой

И поразит тебя рукой тяжелой.
Короны жаль ему и жаль престола!

Но тот, чья мысль дорогой зла пошла,
Сам для себя готовит сети зла.

В какую повергаешь скорбь меня ты,
О царь мой, ложью гибельной объятый!

Одумайся же! От вражды уйди,
Корысти от несчастия не жди!

Ты устрашись, о шах, творца вселенной!
Ты устыдись моих седин, надменный!

Непоправимого не совершай,
Печалью нам сердца не сокрушай!

Мы не нуждаемся в войне с тобою,
Нет жажды у тебя к вражде и к бою.

Ты послан волею — судьбы сильней, —
Дабы погиб ты от руки моей.

Пусть проклянут Рустама все языки,
Но на Гуштаспа грех падет великий!»

Внял гордый Руинтан его словам
И молвил: «Эй, прославленный Рустам!

Какого ты, хитрец, нагнал тумана,
Чтобы уйти от моего аркана!

Сейчас в свой дом ты воротись добром.
Что слышал здесь, открой в дому своем;

И приготовься к бою, как бывало,
Мне с нашим спором медлить не пристало.

Как встретимся мы завтра на конях,
Мир почернеет у тебя в глазах!

Узнаешь ты, что значит муж в бою,
Когда он поднял меч за честь свою».

Сказал Рустам: «Эй, ненасытный славой!
Коль так ты рвешься на майдан кровавый,

Тебя я под копыта повалю,
От гордости железом исцелю.

Внимал в народе я словам таким,
Что, мол, Исфандиар неуязвим,

Что от рожденья он бронзовотелый, —
Не ранят, мол, его ни меч, ни стрелы.

Как меч в руке увидишь у меня,
Услышишь топот моего коня —

Потом уже ни с кем не сможешь боле
Искать сраженья ты на ратном поле».

Смех по Исфандиаровым устам
Скользнул, когда закончил речь Рустам.

Сказал Исфандиар: «Эй, муж победы,
Как быстро ты вспылил из-за беседы!

Подумай: поутру в рассветный час
Не спор застольный ожидает нас.

Я не гора, мой конь не схож с горой,
Один, без войска, выйду я на бой!

Не будет грудь моя от стрел укрыта,
Один великий бог — моя защита.

Застонет твой отец, как булаву
Обрушу завтра на твою главу.

А если не убью тебя в сраженье,
Свяжу тебя — познаешь униженье.

Чтоб раб, что он есть раб, не забывал,
Чтоб с властелином распри не искал!»

ВОЗВРАЩЕНИЕ РУСТАМА В СВОЙ ДВОРЕЦ

Гость вышел, полон думой, из шатра
И постоял угрюмый, близ шатра,

Потом поехал... И, раздумья полный,
Глядел вослед Исфандиар безмолвный.

Сказал он брату: «Были ль у кого
Такая мощь и стать, как у него?

Где всадник был, где конь такой — не знаю!
Чем завтра кончится наш бой — не знаю!

Вот он стоит, как слон на Ганг-горе,
С оружьем в бой он выйдет на заре —

Прекрасный, светлой славой озаренный...
Боюсь, погибнет, стрелами пронзенный!

Я сердцем о судьбе его скорблю,
Но воли шаховой не преступлю!

Когда я завтра сотни стрел пущу,
День для него я в полночь превращу».

Пшутан сказал: «Услышь, о брат мой, слово, —
Твержу тебе: не делай дела злого!

Я отступить от правды не могу
И ныне пред тобою не солгу.

Не мучь его! Пока в нем сердце живо —
Не покорится свободолюбивый!

Сегодня спи, а завтра поутру
Без войск пойдем к Рустамову двору —

С добром, как подобает справедливым;
И станет день печали днем счастливым.

Прекрасна в мире жизнь его была,
Он совершал лишь добрые дела!

Он верен в обещаньях, чист душой,
И он исполнит твой приказ любой,

Зачем же распря с ним тебе и ссора?
Гони вражду от сердца, гнев от взора!»

Царь молвил: «Колебаться поздно нам, —
Колючий терн простерся по садам.

Тому же, кто Зардушта прославляет,
Так говорить, о муж, не подобает!

Царей Ирана ты — глаза и слух,
Советник наш, познанья светлый дух, —

Ты знаешь, что для верных нет пути,
Чтоб повеленье шаха обойти.

Коль не исполню волю падишаха,
Закон Зардушта станет грудой праха,

Святой закон, который нам гласит:
«Изменнику погибель предстоит!»

Что ж ты, мудрец, ведешь меня в пучину?
Твердишь, чтоб изменил я властелину?

О друг, на малодушный твой совет
Я вместо «да» тебе отвечу «нет»!

Когда боишься ты, что я умру, —
Боязнь твою развею поутру,

Предел нам всем положен волей рока,
Еще никто не умер прежде срока.

Увидишь завтра ты, как выйду в бой,
Что сделаю с акулой боевой!»

Печальный, отвечал Пшутан: «Эй, шах!
Ты лишь о битвах мыслишь и цепях.

Как див, ты гневом исступленным дышишь,
Ты слов добра и разума не слышишь.

Столь темной вижу я твою главу,
Что на себе одежды разорву!

Чем потушу огонь тревоги дикой?
Чем заглушу я в сердце страх великий?

Два мужа выйдут в битву, два слона!
Как знать, кому могила суждена?»

Но не ответил брату царь угрюмый,
Со скорбным сердцем, полный мрачной думой.

НАСТАВЛЕНИЯ ЗАЛЯ РУСТАМУ

В раздумьях тягостных Рустам домой
Вернулся, понял: неизбежен бой.

И по лицу Рустама Завара
Увидел, понял, что не ждать добра...

Сказал Рустам: «Достань мой меч булатный,
Шлем боевой и весь доспех мой ратный;

Аркан и лук; кольчугу для коня;
Кафтан из шкуры тигра для меня».

И Завара с хранителем в подвал
Сошел и все, что велено, достал.

Когда Рустам оружье увидал —
Вздохнул он, головою покачал

И молвил: «О доспехи боевые,
Минувших битв свидетели живые!

Теперь — увы! — мы снова на войне...
Одеждой счастья снова станьте мне!

Едва ль когда дышал такой бедою
Грядущий день над этой головою...

Но поглядим, какую поутру
Исфандиар покажет нам игру».

Когда Дастан услышал слово сына,
Смутился он, сказал, склонив седины:

«Досель непобедимым был единый
Рустам. Но молодого исполина

Бронзовотелого — остерегись!
Дарами, щедрой данью откупись!

Домой пойдет он — в путь с ним снарядись,
На Рахша черногривого садись.

Как древле, послужи Исфандиару,
Не подвергай себя его удару.

А шах Гуштасп, увидевши тебя,
Зла не содеет, истину любя».

Сказал Рустам: «Эй, мудрый, престарелый,
Напрасно счел ты легким наше дело!

Шесть сотен лет я прожил на земле,
И разбираюсь я в добре и зле.

Чудовищ я убил Мазандерана.
Я войско истребил Хамаварана.

Хакан с войсками от меня бежал,
От чьих копыт несметных мир дрожал.

Мне ль покориться злобному веленью,
Предать страну и дом наш истребленью?

Я хоть и стар теперь, но в день войны
Повергну с небосклона диск луны.

Как шкурой тигра облачу я плечи —
Хоть сто слонов я встречу в поле сечи!

Без счета просьб я к шаху обращал,
Во всем повиновенье обещал, —

Но не внимал моим словам надменный,
Почел он мудрость болтовней презренной.

О, если б так не возгордился он,
Я был бы им, как солнцем, озарен!

Ему б я отдал все, чем мы богаты,
Ни злата не жалел бы, ни булата!

В ответ на речь мою смеялся шах,
Остался ветер от речей в руках.

Коль в бой пойдем, ты за него не бойся,
Ты о душе его не беспокойся:

Его главы мечом я не сниму, —
Я в сеть главу прекрасную возьму.

Я отверну коня от столкновенья,
Я не ударю в грозное мгновенье!

Я путь загорожу ему в бою,
Рукой его вкруг стана обовью,

Его к себе в седло я перекину
И поклонюсь ему, как властелину.

Три дня он будет гостем у меня,
А на четвертый, на рассвете дня,

Когда покровы синего тумана
Откинет солнца лик златорумяный,

Тогда покину дом я Наримана*,
Слугой пойду с царем в предел Ирана,

Его на трон Гуштаспа посажу,
Ему венец на темя возложу.

Как я служил Хосрову, так я стану
Служить Исфандиару-Руинтану.

Как раб, я препояшусь перед ним,
Не буду занят я ничем иным;

Как Кей-Кубаду я служил, ты помнишь?..
Все подвиги, что я свершил, ты помнишь?

А ты мне говорил, чтоб скрылся я
Иль чтоб на цепи согласился я!»

И засмеялся Заль, и покачал
Сединами, и сыну отвечал:

«В словах твоих незрелых толку мало,
В них ни конца не видно, ни начала!

Лишь сумасшедшие, словам твоим
Внемля, увы, возрадуются им!

Кубада — в скорби, на цепи глухой,
Без войск, без трона, без казны златой —

Не сравнивай с могучим Руинтаном,
Царем вселенной, мира пахлаваном,

Не сравнивай с Исфандиаром, сын,
Чье имя начертал на перстнях Чин.

Ты говоришь: «С седла его сниму,
В объятьях понесу, в свой дом возьму!»

Так бредит юноша в тумане страсти!
Ты не кружись у врат звезды несчастий,

И пусть не отомкнется эта дверь!..
Я все сказал. Ты сам решай теперь!..»

Так молвил Заль, челом к земле склонился
И скорбным сердцем к богу обратился:

«На нас, гонимых, господи, взгляни,
От горя и неправды охрани,

Даруй нам свет и мир, как прежде было!..» —
Молился он... И утро наступило.

БОЙ РУСТАМА С ИСФАНДИАРОМ

И встал, надел кольчугу Тахамтан,
Повесил к торокам седла аркан.

Чело свое шеломом осеня,
Сел на слоноподобного коня

И, брата кликнув, отдал повеленье,
Чтоб избранных он поднял ополченье.

Сказал: «Вооружи мужей на брань.
За тем холмом песчаным с ними стань».

И Завара во мгле рассветной рани
Собрал мужей пред замком на майдане.

Гул пробежал по воинским рядам,
Когда предстал им Тахамтан-Рустам,

И раздалось: «Ты щит нам и ограда!
А без тебя и жизни нам не надо!»

И встал могучий над Хирманд-рекой,
Угрюм лицом, с истерзанной душой,

И молвил брату: «Здесь с войсками стой.
Один я переведаюсь с судьбой.

Здесь боем жажду дива утолю я,
Дух темный шаха сталью просветлю я.

Я вновь на бой десницу подыму;
Исход неведом взору моему...

С врагом сойдусь, подобным Ахриману,
Но звать на помощь войско я не стану.

В единоборстве встречу я его —
Не затрудню из войска никого!

Лишь тот судьбою одарен счастливой,
Тот радостен — чье сердце справедливо!»

Сказал, потока волны пересек
И на крутой другой поднялся брег —

И возгласил: «Эй, лев! Вставай на битву!
А молишься, скорей кончай молитву!»

Как услыхал Исфандиар слова
Могучегривого седого льва,

Он вышел из шатра и улыбнулся:
«Давно я жду тебя — давно проснулся».

Надел он пехлевийский шлем стальной,
Копьем вооружась и булавой,

Грудь облачил кольчугой и броней,
Меч у бедра повесил боевой.

Вот слуги подвели коня для шаха,
Могучего, не знающего страха.

Уперся в землю Руинтан копьем
И на коня вскочил одним прыжком,

Подобно тигру, что в степи настигнет
Онагра и ему на спину прыгнет.

...В восторг пришли иранские войска
От дивной ловкости его прыжка.

Поехал шах и пред собою прямо,
На склоне горном, увидал Рустама —

На Рахше черногривом, одного,
Без свиты и без воинства его.

Тогда сказал Пшутану властелин:
«Рустам один, и я пойду один.

Стоит он величаво и спокойно...
Вдвоем идти на бой нам недостойно».

И вот сошлись они... Сказал бы ты,
Что мир покрыло море темноты,

Так кони богатырские заржали,
Что скалы гор окрестных задрожали.

Сказал бы: радость в мире умерла,
Когда пора их встречи подошла!

И крикнул старый витязь белогривый
Исфандиару: «Эй, мой царь счастливый!

Ты не спеши на бой! Внемли сейчас
Старейшему еще единый раз!

Когда ты ищешь крови и сраженья,
Военных бедствий, грома и смятенья,

Я воинство Забула подыму,
Я воинство Кабула подыму.

И ты мужей Ирана позови,
Богатырей Ирана позови.

Войска подвергнем ранам и страданьям,
Согласно царственным твоим желаньям!»

И отвечал ему Исфандиар:
«Не трать в пустых речах сердечный жар!

Зачем ты здесь с мечом и булавою?
Зачем меня ты спешно вызвал к бою?

Затем ли, чтоб словами обмануть?
Иль страшно под удар подставить грудь?

С Кабулом воевать я не хочу,
Напрасно убивать я не хочу.

Противно это было б вере правой,
Несовместимо с богатырской славой,

Чтоб неповинных на смерть я послал,
Себя ж короной мира увенчал.

Я впереди — где смерть шумит крылами.
Пусть даже в битве с тиграми и львами.

Зови себе помощника! А мне
Помощника не нужно на войне.

В бою — господь всевышний спутник мой,
Достоинство — стальной нагрудник мой.

Хотел ты боя — я стремился к бою,
В единоборстве встретимся с тобою!

Не нами — небом предрешен исход,
Чей конь домой с пустым седлом уйдет».

И меж собой у них решенье было,
Чтобы подмога к ним не приходила.

И в бой вступили, копьями скрестясь,
И кровь по их доспехам полилась.

И так на копьях яростно сшибались,
Что копья богатырские сломались!

Вот за мечи они взялись тогда,
И разгорелась в их сердцах вражда.

Друг другу нанося за раной рану,
Они, крутясь, скакали по майдану.

Так их удары были горячи,
Что раздробились тяжкие мечи.

За палицы схватились мужи славы,
А палицы их были быкоглавы.

И палиц их удары, ты б сказал,
Разили, словно каменный обвал!

Так возжелали зла они друг другу,
Изранили тела они друг другу.

Сломались хватки палиц их стальных,
Совсем пустыми стали руки их.

И взяли за пояс они друг друга,
Взвились, заржали кони от испуга.

Один кушак в руке Рустама был,
Другой — в руке у Руинтана был...

За пояса схватившись в исступленье,
Они застыли молча в напряженье.

Один другого снять с седла хотел,
Ни этот, ни другой не одолел.

И разошлись, не кончив ратоборства,
Тая в сердцах угрюмое упорство.

Кровавой пеною обагрены,
Дрожали боевые скакуны.

ГИБЕЛЬ СЫНОВЕЙ ИСФАНДИАРА ОТ РУКИ ЗАВАРЫ И ФАРАМАРЗА

Так долго длился бой и среди стана
Так долго ждали с поля Тахамтана,

Что Завара решил войска привесть.
В груди его — тревога, в думах — месть.

Спросил иранцев: «Где Рустам? Скажите!
Что вы без дела в день такой сидите?

Как гордо шли на нас вы издали...
Куда пришли вы? К тигру в пасть пришли!

Еще вы руки нам связать хотели?
Попробуйте! Что медлить, в самом деле?»

Так Завара их тяжко оскорблял,
Так много злой хулы он им сказал,

Что не стерпел поносной речи ярой
Один из сыновей Исфандиара.

Горел в нем бурно юношеский жар,
То был прекрасный отрок Нушазар, —

Но в ярости похож на льва он стал,
И гневные бросать слова он стал.

Сказал: «Не знаешь ты, сагзи презренный,
Что каждый, чтящий бога во вселенной,

Своей души гордыню сокрушит,
А волю падишаха совершит!

Не повелела воля та святая
Вступать нам в бой с собачьей вашей стаей!

Достойно пса, а не богатыря
Ослушаться веления царя!

Но если вы на этот грех пойдете
И первые сражение начнете —

Узнаете, что значат когти льва
И что такое меч и булава!»

И Завара воскликнул разъяренный:
«Кровавой увенчайте их короной!

Смерть им взамен короны золотой!» —
И первый выехал пред ратный строй.

И поле брани огласилось кликом,
И вихрем пыль взвилась на поле диком.

Примчался Нушазар на вороном
Коне, с индийским огненным мечом.

И выпустила сторона другая
На поединок витязя Алвая.

Тут обнажил прекрасный Нушазар
Свой меч индийский и нанес удар.

И голова Алвая отлетела,
И под копыта покатилось тело.

Но разъяренный Завара тогда
Приблизился, как гибели звезда.

«Постой! — вскричал он. — Был Алвай не воин,
Он был с тобой сражаться не достоин!»

Он шаха поразил копьем в чело,
И опустело шахское седло.

Пал ратоборец молодой Ирана;
Заколебался бранный строй Ирана.

И вышел мстить за брата Михринуш,
Исфандиара сын, отважный муж.

Скакал он с пеной гнева на устах,
С кровавыми слезами на щеках.

Но Фарамарз — Рустама сын, — навстречу
Подняв индийский меч, ворвался в сечу.

Как слон, по виду был огромен он,
Неудержим в бою, как пьяный слон.

Вот сшиблись, львиной яростью горя,
Рустама сын и юный сын царя.

С клинков скрещенных искры полетели,
И кликом воинств дали загремели.

Но хоть в бою был шахский сын жесток,
Сравняться с Фарамарзом он не мог.

Когда взвился он яростнее барса,
Десницу занеся на Фарамарза,

Неловко меч с размаху опустил —
Коня он под собою зарубил.

И пешим стал он; и, лишен защиты,
Сраженный пал под конские копыта,

На камень, кровью алою политый...
И вот Бахман, увидев, что убиты

Два брата, поскакал во весь опор
Туда, где бился царь на склонах гор.

И закричал: «Эй, прозорливый мой
Отец! Властитель справедливый мой!

На нас Рустама воинство напало,
И сыновей твоих двоих не стало!

В страданиях померк их жизни свет.
Нет Нушазара, Михринуша нет!

Убили их! Лежат они в пыли,
Пока ты бьешься здесь от нас вдали!

Вот причинен, увы, неизгладимый
Нам всем урон, о наш отец любимый!»

Гнев горький сердце шахское обжег,
На щеки брызнул слез горючих ток.

Сказал Рустаму: «Эй, отродье дива!
Зачем свернул ты со стези правдивой?

Что войско ты привел — не ведал я.
Потеряна отныне честь твоя!

Гляжу, ты ни позора не страшишься,
Ни дня суда, ни бога не боишься!

Забыл, что нарушающим обет
В душе народа уваженья нет!

Сагзи двух сыновей моих убили!
Предательски детей моих убили!»

Затрепетал, как на ветру листва,
Рустам, услышав страшные слова.

Поклялся он мечом, и головою,
И солнцем, и своею сединою:

«Клянусь, я ничего не знаю сам!
А в бой вступать я запретил войскам.

Тебе я брата связанного выдам:
Убей в уплату всем своим обидам!

И Фарамарза — сына своего —
Свяжу и приведу к тебе его.

Пролей железом кровь моих родных!
Убей за дорогих детей твоих!»

Шах молвил: «Кровь змеи за кровь павлина
Пролить, раба убить за властелина —

То было б мерзко совести моей,
Священному достоинству царей!

Нет! Ты, порочный, о себе подумай!
Ты, лживый, о своей судьбе подумай!

Твои я ноги стрелами с конем
Соединю, как воду с молоком, —

Чтоб ни единый раб не смел потом
На властелина выходить с мечом.

Живой останешься — для горшей муки
Свяжу тебя, скую цепями руки.

А поражу стрелой тебя — ну что ж,
За милых сыновей моих умрешь!»

Рустам ответил: «От таких речей
Лишь чести умаление твоей».

БЕГСТВО РУСТАМА НА ГОРУ

Они достали бронзовые луки,
Простерли к стрелам тополевым руки, —

И вылетало пламя, где стрела
Кольчугу к телу пригвоздить могла.

Нахмурилось лицо Исфандиара,
Взгляд омрачился ненавистью ярой.

И солнца лик в смятенье побелел
От посвиста его жестоких стрел, —

Где стрелы Руинтана попадали,
Кольчугу, как бумагу, разрывали.

В бою не ведал промаха стрелок,
Никто от рук его спастись не мог.

Он за стрелой стрелу пускал упрямо,
Изранил он и Рахша и Рустама.

Но ни одна Рустамова стрела
Царапины царю не нанесла.

Рустама ж ни одно не миновало
Исфандиаром пущенное жало.

Отчаялся, последнюю свою
Надежду потерял Рустам в бою;

И молвил: «Я — изранен... целый — он,
Воистину — бронзовотелый он!»

Бой продолжать был Тахамтан не в силе,
Изнурены и конь и всадник были.

И в первый раз за весь свой славный век
Он к выходу последнему прибег:

Быстрей, чем вихрь, Рустам с коня скатился
И на крутое взгорье устремился.

Ушел один домой скакун его,
Хозяина покинул своего.

А кровь из ран Рустамовых текла,
Вся содрогалась Бисутун-скала.

И смехом прояснился царский взор,
Увидев мужа славного позор.

Спросил он: «Где ж твоя слоновья сила?
Что мощь твою железную сразило?

Неужто стрел пернатых острия?
Где мужество, где булава твоя?

Что ж убежал ты на гору, едва
Услышал издали рычанье льва?

Неужто это ты — пред кем когда-то
Дракон заплакал, ужасом объятый?

Так кто ж слона в лисицу превратил,
Десницу сильную укоротил?»

Рахш, истекая кровью, той порой,
Понуря голову, прибрел домой,

Обломки стрел неся в боках могучих,
Текли по морде капли слез горючих.

И вот увидел Завара коня
При свете угасающего дня,

Увидел, что седло его пустое, —
И с воплем поскакал на место боя.

Всего в крови Рустама увидал
Неперевязанного и сказал:

«Брат! Поезжай домой без промедленья!
Здесь на меня ты положись в отмщенье!»

Сказал Рустам: «К Дастану воротись,
Утратили мы славу, честь и жизнь...

Пусть он изыщет, как бывало ране,
Чем исцелить от ран и от страданий

Меня и Рахша. Дорог каждый час.
Спасенье в том единое для нас!..

О, если в эту ночь я не умру,
Живым и здравым встану поутру,

Ты скажешь: «Вновь на свет мой брат явился,
Могуч, как сотни лет назад, явился!»

Поди за Рахшем пригляди моим.
Останусь жив — вернусь я вслед за ним!»

И Завара уехал молчаливый.
Исфандиар дождался терпеливо

Конца беседы и сказал: «Ну что ж?
Где твой защитник и чего ты ждешь?

Ты долго ль простоишь на скалах там?
Бросай свой лук и покорись, Рустам!

Сними броню и тигровый кафтан,
От кушака освободи свой стан!

Дай руки мне твои связать по чести!
Ты от меня не жди вреда и мести.

В цепях тебя я к шаху отведу,
Но там тебя не ввергну я в беду.

А если рвешься в бой опять со мною,
Назначь — кому владеть твоей страною.

Потом покайся, старый человек,
В грехах, что совершил в столь долгий век!

Быть может, примет бог тебя безгневно,
Когда ты мир покинешь пятидневный!»

Рустам ответил: «Поздняя пора.
Темно. Ни зла не сделать, ни добра.

Ночь переждем, пожалуй, до рассвета.
Ты в стан свой воротись на время это.

И я пойду немного отдохну,
Вернусь домой, на краткий срок усну;

Перевяжу я раны, кровь отмою
И созову под кровлею родною

Любимых — сына, брата и отца —
Честь и опору нашего дворца.

Предстану с ними пред тобой, великий,
На милость падишаха и владыки».

И Руинтан ему ответил: «Эй!
Надменный муж, негодный козногей!

Не только тем, что храбр, могуч и ловок, —
Ты знаменит и тысячей уловок.

Ясна с начала хитрость мне твоя,
Теперь твое паденье вижу я.

Тебя на эту ночь лишь пощажу я,
Что выдумаешь завтра — погляжу я.

Не вздумай вновь обманывать меня.
Иди теперь — до завтрашнего дня!»

«Исполню все, — ответил Тахамтан, —
А ныне обессилел я от ран».

И долго шах на спину исполина
Глядел, как тот пошел, склонив седины.

Как медленно реку переходил...
Меж тем Рустам у господа молил

О помощи: «Владыка сил небесных!
Коль я теперь умру от ран телесных,

Кто гордым за меня отмстит в бою?
Кто правду унаследует мою?»

Когда он, как корабль, струи потока
Рассек и поднялся на брег высокий,

Исфандиар сказал ему вослед:
«Таких людей еще не видел свет!

Нет! То не муж, нам ныне предстоящий, —
То слон могучий, ужас наводящий!

Его таким всевышний сотворил,
Он землю им и время озарил».

Когда же в стан вернулся шах Ирана,
Услышал вопль и стоны среди стана,

Убитых увидал своих сынов,
С их лиц откинул пурпурный покров.

Мертвы! И воскресить их нет надежды!
И шах со стоном разодрал одежды,

Главу посыпал прахом, наземь пал,
И обнимал убитых, и взывал:

«Мои возлюбленные, вы ли это?
Кто погасил живой источник света?

Куда ушли вы от юдоли сей?»
Сказал Пшутан: «Эй, брат мой, слез не лей!

Над невозвратным что рыдать напрасно?
Сердца свои зачем терзать напрасно?

Все — стар и млад — подвластны смерти мы,
Пусть разум нас ведет пред ликом тьмы!»

Встал Руинтан, в табуты положил их —
Детей своих, к Гуштаспу проводил их,

И написал отцу: «Возрос твой сад,
И ветви дум твоих плодоносят:

На волны ты спустил корабль упрямо,
Потребовал покорства от Рустама, —

И нет в живых двоих сынов моих!
Но ты не плачь, в табуте видя их, —

Крепки бока быка Исфандиара,
Не устрашатся вражьего удара».

И скорбный сел Исфандиар на трон,
И все слова Рустама вспомнил он...

Сказал Пшутану-брату: «Лев степной
Не устоит пред мужеской рукой.

Я в поле повстречался с Тахамтаном,
Залюбовался богатырским станом —

И восхвалил царя небесных сил,
Что он таким Рустама сотворил.

Прославлены везде — до моря Чина —
Деяния Рустама-исполина.

Акул из волн рукой хватает он,
В ущелье тигра настигает он.

Но все ж я так изранил мужа славы,
Что лег за ним в пустыне след кровавый.

Ушел он, скалы кровью оросят,
Обломки стрел меж ребер унося.

Хоть, может, он вернется в дом отца, —
Боюсь, уйдет к Кейвану из дворца...» *

РУСТАМ СОВЕТУЕТСЯ СО СВОИМИ РОДСТВЕННИКАМИ

Приблизился Рустам к родному дому,
Израненный — предстал отцу седому.

Все родичи и толпы верных слуг
Рыдали, наземь падали вокруг;

Мать волосы рвала свои, кричала
И в кровь лицо ногтями раздирала.

И распоясал брат Рустамов стан,
Кольчугу снял, тигровый снял кафтан.

И престарелый слезы лил Дастан,
Касаяся щекой сыновних ран,

И говорил: «Вот жили век мы в счастье —
И дожили до гибельной напасти!..»

Рустам сказал: «Что пользы плакать нам?
Знать, так угодно было небесам;

Труднейшее нам предстоит в грядущем:
Как ведать, что судьба таит в грядущем?

Подобного Исфандиару-льву —
Врага не знал я, сколько ни живу.

Я побывал в семи частях вселенной *,
Коснулся тайны мира сокровенной;

Диви-Сафида, духа адских сил,
В бою, как ветку тополя, сломил;

Я сталь пронизывал стрелой моею, —
Был щит любой бессилен перед нею!

Но сколько ни пускал я грозных стрел,
Царя я даже ранить не сумел.

Казалось, что с утесами крутыми
Сражался я колючками сухими.

А меч мой если бы увидел лев,
За камни бы укрылся, оробев:

Меч ни его кольчуги, ни шелома
Не рассекал — ломался, как солома...

Перо блистало над его челом,
Но я не сбил его своим мечом.

И снова я взывал к нему, и снова
Не просветлил души его суровой:

Надменный, он не выслушал ни слова,
Для нас для всех он хочет лишь дурного.

И я всевышнего благодарю
За то, что в небе погасил зарю!

За то, что в сумрак землю погрузил он,
Что от врага во тьме меня укрыл он.

И вот исхода мне другого нет,
Как только оседлать коня чуть свет

И ускакать, чтоб не сыскать и следа...
Противника пусть радует победа,

Пусть подвигом насытится своим,
Хоть он в желанье зла ненасытим».

Заль молвил: «Сын мой! Выслушай, не сетуй!
Все может измениться ночью этой.

А в мире — кроме смерти, есть врата.
Нам дверь еще к спасенью отперта.

Симурга вызову я этой ночью,
Симург увидит нашу скорбь воочью.

Коль нам поможет он в сей грозный час,
Страна и жизнь останутся у нас.

А если нет — не отвести удара:
Погибнем все от рук Исфандиара».

ПОМОЩЬ СИМУРГА РУСТАМУ

С семьей своей, когда сгустилась тьма,
Заль поднялся на крутизну холма.

Там три больших курильницы стояли.
Сандаловые угли в них пылали.

Стал на горе и из сумы своей
Перо Симурга вынул чародей.

Когда пришла полночная пора,
Он опалил в огне конец пера.

Вот время первой стражи миновало * —
И небо, словно мускус, черным стало.

И в непомерной высоте тогда
Возник Симург бессмертный, как звезда.

Огонь курильниц увидала птица
И, опускаясь, начала кружиться.

Когда Дастан Симурга увидал,
Ниц перед ним он пал и зарыдал,

Струящие благоуханный дым
Курильницы поставил перед ним.

На землю птица с высоты спустилась:
«Эй, пахлаван, — спросила, — что случилось?

Зачем тебе позвать пришлось меня
Ночной порой, до наступленья дня?»

И Заль ответил: «Горе в доме Сама!
Боюсь, что потеряли мы Рустама.

Так тяжело врагом изранен он,
Что лишь тобою может быть спасен.

И Рахшу враг нанес такие раны,
Что лег он в стойле, словно бездыханный.

В наш мирный край ворвался, как пожар,
Принес нам кровь и смерть Исфандиар.

Взалкал он, ненасытный, полный гнева,
С корнями и плодами вырвать древо».

Симург ответил: «Сына приведи!
Терзать свой дух напрасно погоди!

И Рахша покажите мне. Быть может,
Спасу обоих, если бог поможет».

Поднять руки не в силах, той порой
Рустам лежал в мученьях под горой.

Но Заль велел мужам из дома Сама,
Чтоб подняли и привели Рустама,

А также он домой послал людей,
Чтобы пригнали Рахша поскорей.

Вот Заля сын предстал перед Симургом
И на колени пал перед Симургом.

И вопросил Симург: «Эй, мощный слон,
Кем так жестоко стан твой сокрушен?

Что вам с Исфандиаром воевать,
Чужой огонь за пазуху совать? *»

Заль отвечал: «О повелитель наш!
Коль ты сейчас нам помощи не дашь,

Коль ты теперь не исцелишь Рустама,
Мы все умрем и рухнет дом Нейрама!

Погибнет корень наш, Забул падет,
Добычей тигров будет наш народ!»

Взглянул Симург на раны Тахамтана —
Не тело, видит, а сплошная рана.

Сто шестьдесят кровавых жал стальных
Он острым клювом вытащил из них.

Он крыльями коснулся ран Рустама —
И дивно исцелился стан Рустама:

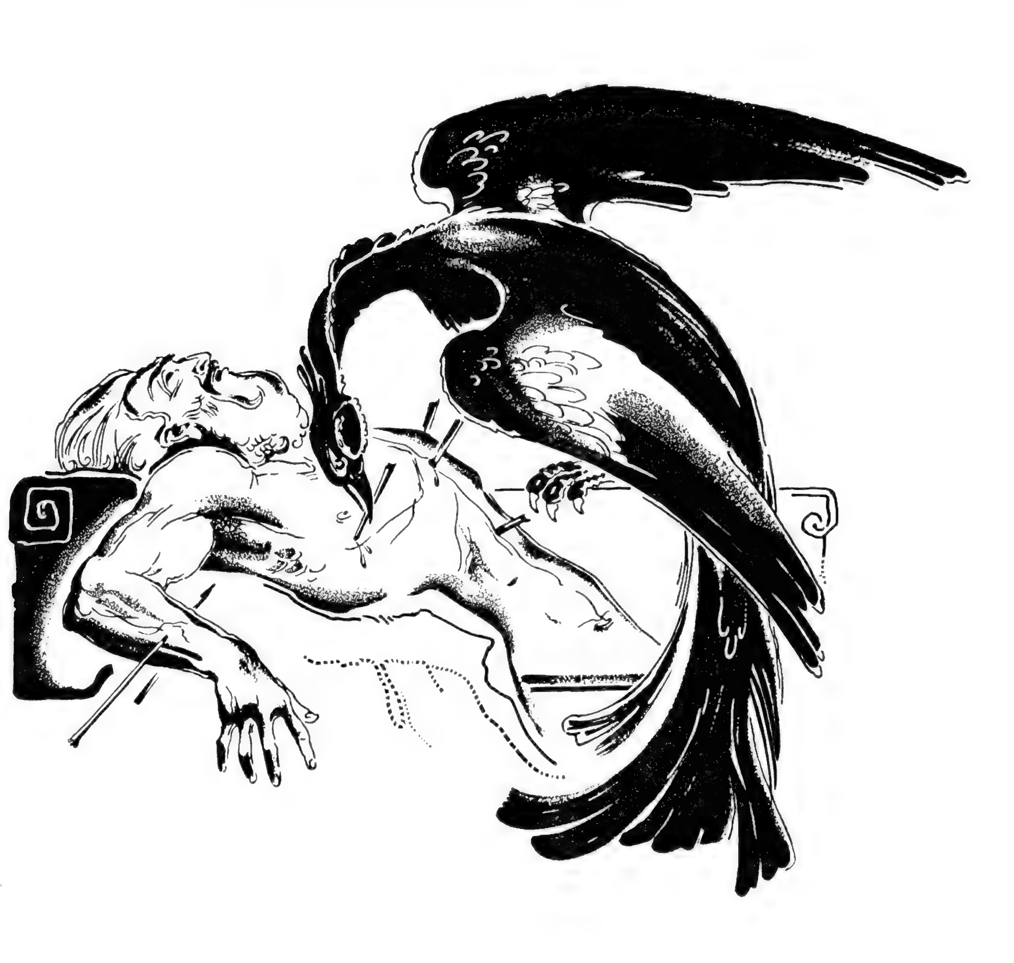
Как прежде, стал прекрасен и силен
Седой Рустам, шестисотлетний слон!

Сказал Симург: «Повязки ты наложишь.
Через неделю только снять их можешь.

Помажешь ран рубцы пером моим —
И будешь ты, как прежде, невредим».

Потом он взор на Рахша обратил
И клюв свой в раны Рахша погрузил.

Извлек из ран обломанные стрелы
И крыльями его коснулся тела.

И громко Рахш заржал. И, обуян
Весельем, засмеялся Тахамтан.

И вопросил Симург: «Эй, несравненный,
Слоноподобный, первый муж вселенной!

Ответь — зачем искал войны с царем,
С бронзовотелым ты богатырем?»

Рустам сказал: «Склонился б я покорно,
Но он связать меня желал упорно.

Меня в позоре хочет видеть шах...
Но легче умереть, чем жить в цепях».

Сказал Симург: «В том чести нет урона,
Коль ты падешь, рукой его сраженный.

Он беспорочный твой владыка, он
Благоволеньем неба осенен.

Ты поклянись мне именем моим,
Что мысли отвратишь от боя с ним,

Что превзойти его не пожелаешь,
Что злобой на него не воспылаешь,

Что вновь его ты будешь умолять,
Чтоб грозный гнев сменил на благодать.

Он лишь тогда мольбы твои отринет,
Когда сама судьба его покинет.

Я ныне средство дам тебе одно,
В последний час тебя спасет оно...»

Внимал Рустам Симурга речи вещей,
И таял в сердце скорби мрак зловещий.

Сказал: «Зову в свидетели творца, —
Твою исполню волю до конца!»

Сказал Симург: «Любя тебя, открою
Я ныне тайну неба пред тобою:

Кто кровь Исфандиарову прольет,
Того раздавит мстящий небосвод.

И пусть из бездны выйдет невредимый —
Покоя не найдет, тоской томимый...

Здесь — целый век несчастным будет он,
Там — на мученья будет обречен.

Коль примешь это страшное решенье —
Спасешь свой дом, избегнешь униженья».

Ему Рустам: «На все согласен я.
И воля да исполнится твоя!

Мир только вечен. Наша жизнь мгновенна.
Но имя остается во вселенной:

Лишь добрые деяния народ
Прославит. Остальное — все умрет».

Сказал Симург: «Ты в путь немедля выйдешь
И вещи сокровенные увидишь.

Садись на Рахша, острый меч бери.
Поспеть далеко нужно до зари.

Скачи отсюда прямо к морю Чина,
Где лес навис над плещущей пучиной.

Там — в чаще леса — древо гяз растет,
Корнями — в топях ядовитых вод.

То дерево, подобное судьбине,
Защитой сыну Заля будет ныне!»

На Рахша сел великий Тахамтан.
Конь полетел, как птица, сквозь туман.

А в высоте Симург парил... И вскоре
Лес показался, зашумело море.

И в тот дремучий, нелюдимый лес
Симург спустился с сумрачных небес,

Увидел древо гяз среди вершин,
И опустился неба властелин.

Рустаму путь, водою не покрытый,
Он указал средь топи ядовитой.

Благоуханьем мускуса полна
Была ночного леса глубина.

Крылом коснувшись головы Рустама,
Симург сказал: «Иди тропинкой прямо.

Вот древо гяз. Срежь из его ветвей
Одну, что прочих тоньше и прямей.

Мечей и стрел она тебе нужней:
Душа Исфандиара скрыта в ней.

Ты выпрями ее, разогревая,
Чтоб, как стрела, она была прямая.

Двойным железным жалом заостри,
Пером ее орлиным опери».

Ту ветку срезал Тахамтан могучий
И поспешил назад тропой зыбучей.

И огненной крылатою звездой
Симург кружился над его главой.

Сказал: «Как встанут люди на молитву,
С зарей Исфандиар придет на битву.

Ты милости проси и правоты, —
Быть может, правды и добьешься ты,

Быть может, вспомнит воин непреклонный,
Чем славен ты, главою убеленный,

Как много в жизни ты свершил трудов,
Мук перенес из-за его отцов.

Проси упорно. Если ж он не примет
Мольбы твоей и вновь свой лук подымет,

Тогда и ты двужалою стрелой,
Что ядовитой взращена водой,

В глаза ему прицелься, медный лук
Напрягши силой всей обеих рук.

Падет он, не тобою ослепленный, —
Падет самой судьбою ослепленный».

И к дому проводив, где ждал их Заль,
Симург простился и унесся вдаль.

Умчался вещий, кроясь в тучах черных,
К высокому гнезду на кручах горных.

И сел тогда Рустам перед огнем
И ветку гяза выпрямил на нем;

Потом оправил жалом двуконечным,
Как было велено Симургом вечным.

ВОЗВРАЩЕНИЕ РУСТАМА НА БИТВУ С ИСФАНДИАРОМ

Когда же утро встало над горами
И в сердце ночи врезалось мечами,

Свой стан в доспехи облачил Рустам
И помолился вечным небесам.

Поехал вновь — иль ради примиренья
С врагом, или последнего сраженья.

И гордо приосанился старик
На берегу и громкий издал крик:

«Эй, сердце львиное! Вставай! Доколе
Спать будешь? Погляди — Рустам на поле!

Ты с ложа сновидений подымись,
Перед суровым мстителем явись!»

Когда Исфандиар его могучий
Услышал голос — гром гремящий в туче, —

Ничтожным все оружие ему
Примнилось. Молвил брату своему:

«Сражался я со львами и слонами,
Но не встречался в битвах с колдунами.

Не думал я, прервавши бой вчера,
Что недруг мой дотянет до утра!

И у коня не видно было тела —
Щетина стрел моих его одела!

А я слыхал старинную молву,
Что древний Заль обучен колдовству,

Что совершает мощью волхвованья
Уму непостижимые деянья».

И отвечал Пшутан ему в слезах:
«Пусть в муках пропадет любой твой враг!

О брат мой, почему ты стал растерян?
Неужто ты в победе не уверен?

Какая нам еще грозит напасть?
Иль счастье над судьбой теряет власть?..»

Но, золотой бронею покровенный,
На бой воспрянул воин несравненный,

Вскричал Рустаму: «Эй, сагзи презренный,
Да сгинет ваше имя во вселенной!

Как ты вчера изранен мною был!
Иль ты мой лук могучий позабыл?

Когда б вы силой чар не обладали,
Могилу бы сейчас тебе копали!

Заль колдовским познаньем наделен, —
Ты волхвованьем Заля исцелен!

Но ваши чары нынче я развею —
Я сокрушу твою драконью шею!»

Сказал Рустам: «Эй, ненасытный лев!
Побойся неба! Укроти свой гнев!

Пришел я не для битвы, не для мести —
О правде я молю, во имя чести!

А ты, мой шах, со мной несправедлив.
С дороги сбил тебя коварный див.

Клянусь Авестой вечной и Азаром,
Зардуштом мудрым, светлым Нушазаром,

Луной и солнцем на небе святом,
Что ты идешь неправедным путем!

Мне ж хоть из кожи вылезть, слов моих
Не слушаешь ты и не помнишь их!..

Будь нашим добрым гостем! Пред тобою
Я дверь своих сокровищниц открою,

Сокровища навьючу на коней,
В Иран их повезет мой казначей.

Я пред тобою уподоблюсь праху.
Велишь — пойду с тобою к падишаху.

Коль шах казнит меня — пусть будет так!
Сковать велит меня — пусть будет так!

Но нам, живущим у судьбы во власти,
Да не сопутствует звезда несчастий.

Молюсь я, чтоб судьба своей рукой
Тебя навек насытила войной!

И что же так тебя ожесточило?
Всю силу сердца к битве устремило?

Но коль теперь забудешь ты о зле —
Клянусь, всех выше будешь на земле!»

И отвечал Исфандиар угрюмо:
«Что обману Гуштаспа я — не думай!

Мне ни сокровища твоей казны,
Ни дом, ни угощенья — не нужны!

А хочешь уцелеть — надень оковы!
Нет нужды спор тянуть нам бестолковый».

И снова начал говорить Рустам:
«Зачем нам злоба, шах! Что спорить нам?

Лишь чести ты моей не угрожай!
Достоинство мое не унижай!

Открою пред тобою, несравненный,
Врата сокровищниц полувселенной!

Все, что собрали Сам, и Нариман,
И Заль, и даже древний Кариман, —

Все отдадим тебе! Мужей Систана,
Забулистана и Кабулистана

Я приведу! Отдам под власть твою
Мужей, которым равных нет в бою.

И сотни юных слуг в красе и силе,
Чтоб день и ночь они тебе служили,

И тысячу служанок молодых
Отдам тебе, — Хуллах отчизна их.

Сам, как слуга, потом с тобою вместе
Пойду я к шаху, жаждущему мести.

Но лишь не требуй от меня цепей —
Обиды горькой седине моей!

Не подобает зло тебе, великий,
Мой шах, благочестивый мой владыка!»

«Не трать в пустых словах душевный жар! —
С усмешкой отвечал Исфандиар. —

Советуешь мне с божьего пути
Свернуть, от воли шаха отойти?

Той нет безбожней и презренней твари,
Что своего обманет государя!

Теперь наденъ оковы — иль пади!
Речей бесстыдных больше не веди!»

РУСТАМ ПУСКАЕТ СТРЕЛУ В ГЛАЗА ИСФАНДИАРУ

Увидел Тахамтан: он молит тщетно,
Душа Исфандиара безответна.

И взял свой лук и страшную стрелу,
Взращенную к возмездию и злу.

Взложил стрелу на тетиву тугую
И поднял к небу голову седую,

К предвечному зеницы обратил
И так сказал: «Воззри, о боже сил!

Ты, милосердный, — вождь мой и защита, —
Вся жизнь моя перед тобой открыта!

Ты видишь: сколько я ни говорил —
Не убедил царя, не умирил.

Вот он — руководимый волей дива,
Неумолимый царь, несправедливый!

Так отпусти мне страшную вину,
О ты, создавший солнце и луну!»

А царь, Рустама видя непокорство,
Что медлит он вступить в единоборство,

Сказал: «Эй, муж прославленный! Видать,
Пресытился, устал ты воевать.

Так испытай Гуштаспову стрелу,
Алмазную Лухраспову стрелу!»

Тогда, как повелел Симург премудрый,
Лук натянул Рустам серебрюкудрый,

Стрелу в глаза Исфандиару вверг, —
Мир пред царем прославленным померк.

Как гибкий тополь, стан царя склонился,
Дух величавый тьмою омрачился.

На грудь поникла гордая глава,
Лук Чача выпал из десницы льва.

Схватился он за гриву вороного —
И грива стала мокрой и багровой.

И молвил тихо скорбный Тахамтан:
«Вот, ты пожал плоды своих семян.

А говорил, что ты бронзовотелый, —
Луну с небес твои повергнут стрелы...

Сто шестьдесят ты стрел в меня вогнал,
Но от бесчестья я не застонал...

А что же ты, сражен стрелой одною,
Без сил поник над гривой вороною?

Сражен одной стрелой из древа гяз,
Ты все утратил в этот миг и час...

Душа твоей родительницы милой
Сгорит от горя!.. Ждет тебя могила!»

Свой стан, как стебель срезанный, клоня,
Исфандиар без чувств упал с коня.

Лежал он время некое; потом
На локоть поднялся и сел с трудом,

Мучительно в сознание вступая,
Тревожный слух упорно напрягая...

И взял рукой стрелу из древа гяз
И вырвал прочь, кровавую, из глаз!

И вот явилось тут очам Бахмана,
Что омрачилось счастье Руинтана.

И он к Пшутану побежал, вскричал:
«Бог нашу битву горем увенчал!

Отец лежит поверженный, в пыли...
Для нас теперь затмился лик земли!»

И пешие, полны тоски и страха,
Спешат, стеная, — не спасут ли шаха?

Глядят: лежит повергнутый во прах,
Стрела окровавленная в руках...

И пал Пшутан, одежды раздирая,
И темя осыпал землей, рыдая.

И пал Бахман перед своим отцом,
На кровь его горячую лицом.

Сказал Пшутан: «Не мощны властелины
Предотвратить таинственной судьбины!

Вот был Исфандиар — властитель сил,
Что мести меч за веру обнажил,

Кумиров мрака в мире сокрушил,
Несправедливости не совершил.

И вот — во цвете лет своих убит он,
В пыли главой увенчанной лежит он!..

О, зло вселенной вечное — война!
Земля слезами от тебя полна!

О, долго ль будет полной крови чашей
Кипеть враждой юдоль земная наша?»

Бахман, лицом упавши на песок,
Рыдал, не отирая кровь со щек,

Пшутан взывал: «О брат любимый мой!
О богатырь с увенчанной главой!

Кто сокрушил колени исполину,
Поверг слона могучего в пучину?

Кто солнце наше светлое затмил,
Скалу воинственную повалил?

Кто наш светильник яркий погасил,
Пожаром горя нас испепелил?

Кто сглазил нас? Кто нам принес бесчестье?
Кто выступит за нас во имя мести?

О милый брат! О светоч бытия!
Где разум, счастье, истина твоя?

Где мощь твоя в боях, мой ясный шах?
Где голос твой прекрасный на пирах?»

Пшутану отвечал Исфандиар:
«То не Рустама, то судьбы удар.

Не плачь! Все это небом и луною
Предрешено — свершенное со мною!

Вот буду мертв и буду я зарыт,
Но ты не плачь о том, что я убит.

Куда Хушанг и Фаридун пропали?
Из ветра созданные — ветром стали!

Где предки величавые мои?
Где корни нашей славы и семьи?

Ушли! Исчезли все пред небом гневным!
Никто не вечен в мире пятидневном...

Вот сколько явно, да и тайно, я
Трудился в сих пределах бытия

Во исполненье божьего завета,
Во имя правды, разума и света!

Когда ж мой подвиг в мире воссиял
И руки Ахримана я связал —

Судьбина лапу львиную простерла,
Клыками львиными впилась мне в горло!

Но ведаю, хоть умираю я,
Что не напрасно жизнь прошла моя...

Пусть слава дел моих навек затмится,
Посев мой для потомства всколосится.

Вот видишь, как сучком от древа гяз
Предательски меня лишили глаз,

И жизни, и могущества, и славы
Симург бессмертный и Рустам лукавый!

Опоры сокрушил судьбы моей
Заль, Сама сын, великий чародей...»

Услышал те слова стоявший в поле,
Согнулся, зарыдал Рустам от боли,

Приблизился к Исфандиару он,
Склонил седины, горем потрясен,

Потом сказал Бахману: «Вот отныне
Жизнь будет мне мученьем, мир — пустыней.

Дух властелина, твоего отца,
Правдив, велик и светел — до конца.

Но был раздор наш злого дива делом!
Отныне муки станут мне уделом!

С тех пор как стан я препоясал свой,
С тех пор как завершил свой первый бой —

Мне ратоборец не встречался равный!
И вот мне встретился воитель славный...

Беспомощным я стал; жестокий лук
Его почувствовал и силу рук.

Я выхода искал! И вот, увы,
Ему не отдал сразу головы!

И участь шаха я решил стрелою —
В день, что ему назначен был судьбою.

Когда б ему помочь судьба пришла,
Что сделать бы стрела моя смогла?

Но скорбь моя пребудет сокровенна
В обители земной, где все мгновенно.

А я останусь памятью о зле —
О сей из гяза сделанной стреле...»

ЗАВЕЩАНИЕ ИСФАНДИАРА РУСТАМУ

И молвил шах Рустаму-Тахамтану:
«Настал мой час. Йездану я предстану.

Так подойди, не стой же в стороне!
Теперь — иные помыслы во мне.

Бесценное тебе я завещаю:
Тебе судьбу Бахмана поручаю.

Как сына, в сердце заключи его!
Премудрости ты научи его!»

Исфандиару внял Рустам могучий,
Он слезы проливал рекой горючей.

Согбен бедой, раскаяньем томим,
Пал пред царем и плакал он над ним.

Узнал Дастан: свершилось роковое!
И вихрем полетел на поле боя.

Услышал Завара: «Стряслась беда!» —
И, как безумный, поскакал туда.

С ним — Фарамарз, не слезы — кровь глотая.
Стон встал над полем, солнце омрачая.

Заль повторял: «О сын любимый мой!
О мой Рустам! Я плачу над тобой!

Собрал я звездочетов и мобедов.
Они сказали, правду мне поведав,

Что будет сам судьбой погублен тот,
От чьей руки Исфандиар падет,

Что в мире этом горя не избудет,
А в мире том злосчастен вечно будет!»

Сказал Рустаму тут Исфандиар:
«Нанес не ты смертельный мне удар!

Так было волей суждено небесной,
А тайна неба людям неизвестна.

Рустам невинен... Не его стрела
Жизнь у меня внезапно отняла.

Погублен я Гуштаспа волей злою!
И я Гуштаспу не воздам хвалою.

Он мне велел: «Сожги Систан дотла,
Чтоб впредь земля Нимруза не цвела!»

Великое Гуштасп явил коварство,
Чтоб не отдать мне войско, трон и царство.

И вот — в печали умираю я.
Тебе Бахмана поручаю я.

Последнее мое запомни слово, —
Бахману замени отца родного.

Пусть он в Забуле в радости живет,
Вдали от лжи и низменных забот.

Ты научи его сражаться в битве
И богатырским играм, и ловитве,

Играть в чоуган, мужами управлять,
Вести беседы, чинно пировать.

Предрек Джамасп, — да будет это имя
Навеки проклято людьми живыми! —

Что мой Бахман для славных дел рожден,
Что всей вселенной править будет он,

Что слава мира процветет в Бахмане,
Великим будет Кеев род в Бахмане!..»

И внял ему, встал из последних сил
Рустам и руку к сердцу приложил;

Сказал: «Слова твои приму, как душу!
Исполню все! Веленья не нарушу!

Я сына твоего в свой дом возьму,
Венец его до солнца подыму!»

Исфандиар, услыша речи эти,
Сказал: «О муж, звезда шести столетий! *

Свидетель в том Йездан, зиждитель мой,
Защитник мой, руководитель мой, —

Хоть много добрых ты свершил деяний
И нет тебе ни западней, ни граней, —

Но станет слава добрая дурной
И злой молвой наполнит мир земной.

Увы, Рустам! Ты сам погибнешь скоро.
То воля звезд, с ней не подымешь спора».

И молвил брату: «Умираю я!
Теперь лишь саван нужен мне, друзья.

Когда уйду из жизни невозвратно,
Ты — брат мой, уведи войска обратно.

Ты передай слова мои отцу:
«Вот — свиток дней моих пришел к концу...

Все по твоим желаньям совершилось,
Печатями твоими утвердилось!

О царь, что ты задумал — то случилось,
А сын твой не надеялся на милость.

Был мной оплот неверья сокрушен
И светоч правосудия зажжен.

Когда Зардушта веру восприял ты,
Мне власть и трон Ирана обещал ты.

На подвиги меня ты посылал,
А втайне погубить меня желал.

Отец, добился ты всего, — будь счастлив!
Убил ты сына своего — будь счастлив!

Теперь не страшен целый мир тебе.
Веселье подобает, пир тебе.

Тебе — престол, мне в бой идти упрямо!
Тебе — венец, мне гибель, смерть и яма.

Сказал мудрец: «Что людям гром хвалы?
Все сгинет — даже острие стрелы».

Ты, гордый шах, на трон не полагайся,
В пути грядущем чутко озирайся.

Умрешь — предстанем вместе мы с тобой
Пред вечным справедливым судией!»

И так еще он говорил Пшутану:
«Все кончено... Я скоро прахом стану.

Ты молви слово матери моей:
«Я был силен, судьба была сильней.

Противоборца мощь моя не знала,
Булатный щит стрела моя пронзала.

Мы в небе скоро встретимся с тобой.
Так не томись напрасною тоской!

Пусть скорбь твоя от всех сокрытой будет, —
Тебя никто на свете не осудит!

Молю на лик мой мертвый не смотреть,
Зачем печалью тщетною гореть?..»

Снеси поклон жене и сестрам милым.
Ведь в жизни я всегда защитой был им!

Скажи зиждителям, чья мысль тверда,
И мудрецам: «Прощайте навсегда!

Из-за тщеты, из-за короны пал я.
Ключом ворот сокровищницы стал я.

Пусть будет ключ Гуштаспу возвращен.
Пусть черным сердцем устыдится он!»

Смолк Руинтан. И тяжко застонал он:
«Отцом убит я!... Если б это знал он!..»

И рухнул наземь витязь, не дыша,
И к небу унеслась его душа.

Рустам свои одежды раздирал,
Рыдал, землею темя осыпал,

Взывая: «О мой шах! Воитель славный!
Где в мире муж тебе найдется равный?

Я горд был добрым именем своим, —
И мой позор теперь неизгладим!»

И долго плакал он, и молвил слово:
«Ты был как солнце бытия земного!

Твой дух к престолу вечного пойдет,
А враг твой жив, он твой посев пожнет!»

И Завара сказал: «О брат любимый,
Щадить врагов природных не должны мы.

Ты помнишь — вещий нас учил мобед,
А это — древней мудрости завет:

Кто львенка в доме у себя взлелеет,
Пусть помнит тот, что лев заматереет.

В стальную клетку ты запри его,
Иль разорвет тебя он самого!

Вражда — не заживающая рана —
Источник бедствий будущих Ирана.

Ведь был тобой Исфандиар убит,
И о тебе душа моя скорбит.

Умрешь ты — нас постигнет месть Бахмана;
Он истребит мужей Забулистана.

Не успокоится душою он,
Пока отец не будет отомщен».

Рустам сказал: «Когда судьба восстанет,
Ни злой, ни добрый не противостанет.

Я поступаю, как велит мне честь.
Постыдна добрым низменная месть.

Кто зло творит — падет, сражен судьбою...
Ты не крушись над будущей бедою».

ПШУТАН ПРИВОЗИТ ТЕЛО ИСФАНДИАРА К ГУШТАСПУ

Табут железный тут соорудили,
Китайским шелком дорогим покрыли.

И был пропитан амброй и смолой
Исфандиара саван гробовой.

Покровы сшили из парчовой ткани.
Рыданья не смолкали в ратном стане.

Рустам царя парчою облачил,
На голову корону возложил.

Тяжелой крышкой в темном саркофаге
Сокрыли древо царственной отваги.

Верблюдов привели, как надлежит,
В попонах драгоценных до копыт.

На мощного с двумя горбами нара
Поставили табут Исфандиара.

По сторонам его верблюды шли,
А следом войско двигалось в пыли.

Все головы под зноем не покрыты,
И в кровь у всех истерзаны ланиты.

Пшутан перед иранским войском шел,
Коня богатыря пред войском вел.

Ступал понуро прежде горделивый
Скакун, с отрезанным хвостом и гривой,

Покрытый перевернутым седлом,
В броне, в оружье шаха боевом.

В Иран ушли войска. Бахман остался.
Все дни он плакал, все не утешался.

Рустам увез Бахмана в свой дворец.
Берег его, как любящий отец.

И вот к Гуштаспу весть гонцы примчали,
И царь поник в смятенье и в печали.

И разодрал свои одежды шах,
Короной и главой повергся в прах.

Плач поднялся в Иране. И все шире
Весть о несчастье расходилась в мире.

Князья снимали пышные венцы,
Унынием наполнились дворцы.

Гуштасп взывал: «О, сын мой — светоч веры!
Убит... О, скорбь! О, мука мне — без меры!

От Манучихра и до наших лет,
Тебе подобных не было и нет.

Твои деянья были беспримерны, —
Ты сокрушил твердыни зла и скверны».

Князья, не в силах более молчать,
Пришли к Гуштаспу, принялись кричать:

«Эй ты, несчастный! Алчный грешник старый!
За что ты погубил Исфандиара?

Ты в пасть дракона сам послал его,
Чтоб не отдать престола своего.

Тебе прощенья нет! Позор тебе!
Твой трон — проклятье и укор тебе!»

И всеми сразу был Гуштасп покинут.
Был свет его звезды во тьму низринут.

Та весть сестер и матери сердца
Сожгла. И с плачем вышли из дворца.

Шли босиком, волос не покрывая,
Румийские одежды разрывая.

Шагал Пшутан пешком — в слезах, в пыли...
Вели коня, железный гроб везли.

И говорить не в силах от рыданий,
Повисли мать и сестры на Пшутане.

Молили: «Крышку с гроба снять вели,
Чтоб видеть мы лицо его могли!»

А муж Пшутан — как будто ум терял он —
Бил по лицу себя, рыдал, кричал он.

«Зубила принесите, — он сказал, —
Откройте гроб! Мой Судный день настал!»

Вот крышку гроба тяжкую открыли,
И зарыдали все и завопили.

Любимого увидев своего —
Лицо, как мускус — бороду его, —

И мать и сестры разум потеряли,
Без памяти на гроб его упали.

Когда сознанье возвратилось к ним,
Как будто жизни весть явилась к ним.

На тот железный гроб глядеть не в силе,
Они коня, рыдая, обступили.

По гриве мать трепала скакуна
И прахом осыпала скакуна,

Ведь дорожил конем он — сын любимый.
И был убит на нем он — сын любимый.

И, плача, повторяла Катаюн:
«О приносящий бедствия скакун!

Кого ты понесешь теперь в сраженье?
Кто ратное наденет снаряженье?»

И, шею славного коня обняв,
Рыдали сестры, воплям волю дав.

Такой был стон в войсках, что день затмился.
А сам Пшутан в чертоги устремился.

Лицом к лицу Гуштаспу он предстал;
Не поклонился, на землю не пал.

Он гневно крикнул: «Страшное свершилось!
Эй, царь, твое величье закатилось!

Ты возгордился — алчен и жесток.
Сам на себя проклятье ты навлек!

Погасло фарра твоего сиянье!
Тебя постигнет божье наказанье!

Ты пал, свою опору подрубя;
В руках остался ветер у тебя.

За трон — ты на смерть сына посылаешь...
Пусть никогда ты счастья не узнаешь!

Враждой к тебе вселенная полна...
А власть твоя — надолго ли она?

Здесь — проклят, там — за черные деянья
Ты в Судный день получишь воздаянье!»

И молвил он, к Джамаспу обратясь:
Эй ты, злоумный, нечестивый князь,

Добился ты почета лестью лживой!
Не человек ты — а отродье дива!

Ты это, ты в Иран принес беду,
Посеял между кейами вражду.

Ты — лжемудрец! Учил ты лишь дурному —
Бежать добра, стремиться к делу злому!

Ты среди нас посеял семена,
От коих рознь и гибель рождена.

Твоим коварством муж убит великий!
Ты слышишь эти вопли, эти клики?

Сгубил ты шаха и его детей,
О богомерзкий старец и злодей!

Ты предсказал, что жизнь Исфандиара
В руках Рустама — славного Заль-Зара».

Потом открыл рыдающий Пшутан,
Что завещал пред смертью Руинтан, —

Что он Бахмана поручил Рустаму,
Невольную вину простил Рустаму.

Смолчал, но огорчился властелин
Тем завещаньем, что оставил сын.

И тут две царских дочери в чертоге
Явились, не склоняясь на пороге.

Они ланиты раздирали в кровь,
Кричали и взывали вновь и вновь.

«Эй, славный муж, — отца они спросили, —
Ты рад, что брата предают могиле?

Ведь он за смерть Зарира отомстил.
Онагра он от тигра защитил.

Он сокрушил могущество Турана;
Он был опорой и щитом Ирана.

А ты поверил слову клеветы, —
Его в цепях в темницу ввергнул ты!

И прахом стала славная победа;
Туранцы вновь пришли, убили деда.

Арджасп ворвался в Балх. В тот грозный час
Полыни горше стала жизнь для нас.

Кто защитил нас? Нет, мы не забыли,
Как из дворца нас на позор тащили!

Огни Зардушта погасил Арджасп,
Отважных души устрашил Арджасп.

Один твой сын — Исфандиар могучий —
Пошел, рассеял вражью рать, как тучи.

Великие преграды победил,
Из Руиндижа нас освободил.

Но ты его в покое не оставил,
Презрел обет, в Забул его отправил.

Сгубил его, чтоб царство не отдать,
Чтоб неутешно нам теперь рыдать.

Нет, не Рустамовой рукой убит он
И не Симургом! Знай — тобой убит он!

Не лицемерь, не плачь, о властелин!
Всю жизнь казнись, стыдись своих седин!

На троне Кеев до тебя немало
Великих повелителей бывало.

Но на смерть верную никто из них
Не посылал защитников своих».

Гуштасп вздохнул и приказал Пшутану:
«Встань, уведи их!.. я молиться стану!»

Ушел Пшутан, сестер увел с собой,
Пустой покинул царственный покой.

И к матери пришел, сказал: «Родная,
Зачем рыдаешь, сердце надрывая?

Ведь, пресыщен земной тревогой, он
Почиет в мире, духом просветлен.

Слезам и стонам нашим он не внемлет;
Его блаженство вечное объемлет».

И слову сына Катаюн вняла,
Смиренно волю неба приняла.

Но после целый год еще в Иране
Не молкли звуки стонов и рыданий.

Все плакали, не осушая глаз,
И все кляли стрелу из древа гяз.

РУСТАМ ОТСЫЛАЕТ БАХМАНА В ИРАН

Бахман в забульских пребывал садах,
Дни проводил в охотах и пирах.

Всех царственных обычаев учитель
Был у Бахмана сам Рустам-воитель.

Он древней мудрости учил его,
Превыше сына возносил его.

Казалось — беды прошлые забылись.
Навек врата отмщенья затворились.

Письмо Гуштаспу написал Рустам.
В нем о Бахмане сообщал Рустам.

Сперва хвалу Гуштаспу возглашал он.
«Забудем месть и реки слез! — писал он. —

И да свидетельствует мне Йездан
И справедливый, мудрый муж Пшутан!

Я долго умолял Исфандиара
Отречься от вражды, от распри ярой.

Все отдавал — страну и дом с казной...
А он твердил: «Оковы или бой!»

И час настал — судьба свой лик открыла,
А сердце мне любовь и боль томила.

Знать, это воля неба самого,
Созвездий — не щадящих никого.

Но внуком я твоим утешен много;
Он равен для меня святыне бога.

Водить войска его я научил,
Ключи заветной мудрости вручил.

Коль шах державный мне пошлет прощенье
И клятву даст не помышлять о мщенье, —

То я душой и мощью тела — твой,
Со шкурой, с мозгом я всецело — твой!»

Прочел письмо Гуштасп, владыка мира,
На троне кеевом дряхлевший сиро.

Мудрец Пшутан письмо ему вручил
И все слова Рустама подтвердил.

Все снова рассказал о распре старой,
О завещании Исфандиара.

Письмом Рустама шах доволен был.
Он на Рустама злобы не таил.

Велел он написать ответ Рустаму,
Явил он милость и привет Рустаму.

Писал: «Когда на смертного грядет
В грозе своей высокий небосвод, —

Ни прозорливость, ни величье трона,
Ни войско — от судьбы не оборона.

Письмо прочел я, внял твоим речам, —
И ты утешил сердце мне, Рустам.

Мудрец против Йездана не восстанет,
Сердец укором горестным не ранит.

Как прежде, помыслы твои чисты.
Велик, — нет, выше стал, чем прежде, ты!

Тебе корона Хинда подобает! —
Проси! И все я дам, что не хватает».

Гуштасп Рустаму отослал письмо,
И в краткий срок гонец домчал письмо.

Прочел Рустам, увидел свет и милость, —
От скорби сердце в нем освободилось.

Текло спокойно время, день за днем.
Возрос Бахман и стал богатырем.

Он был старинным обучен обычьям,
Других царей превосходил величьем.

Джамасп — провидением одарен —
Знал, что Бахман взойдет на шахский трон.

Сказал Гуштаспу: «Царь мой, свет Ирана,
Тебе пора бы повидать Бахмана!

Он возмужал, как молодой орел,
И мудрость и познания обрел.

За день грядущий нам нельзя ручаться,
Чужому может власть твоя достаться.

Садись, письмо Бахману напиши.
Посадим древо в цветнике души! *

Он твой прямой единственный потомок.
В нем — чести свет, в нем голос крови громок».

Гуштасп от слов его повеселел,
И он Джамаспу мудрому велел:

«Сядь, два письма пиши: одно — Бахману,
Другое же — Рустаму-Тахамтану.

Пиши Рустаму: «Славься, витязь мой,
Мой дух утешен, просветлен тобой.

Ты так заботился о нашем внуке,
Что он Джамаспа превзошел в науке.

Я одинок, годами удручен...
Пусть повидать меня приедет он».

Пиши Бахману: «Внук! Без промедленья
Покинь Забул. То — шахское веленье!

Ведь сколько лет тебя я не видал.
Спеши! Я по тебе затосковал».

Прочтя письмо иранского владыки,
Возликовал душой Рустам великий.

Открыл хранилища, достал мечи
Индийские, кафтаны из парчи,

Попоны, сбруи, звонкие кольчуги
И луки Чача, что, как сталь, упруги;

Не вел он счета злату, серебру,
Достал он амбру, мускус, камфару,

Отборных боевых коней привел он,
Толпу рабынь — весны юней — привел он;

Принес он вороха шелков цветных,
Две с яхонтами чаши золотых, —

Все это подарил Рустам Бахману,
И многое, чего считать не стану.

До берегов Хирманда проводил
И обнял шахзаде, и отпустил.

Предстал Бахман пред шахскими глазами.
Взглянул Гуштасп и облился слезами.

«Да ты — Исфандиар, — воскликнул он, —
В тебе мой сын мне богом возвращен!

Вот — доблести звезда взошла над миром!..»
И он назвал Бахмана Ардаширом.

Бахман был щедро небом одарен, —
Богобоязнен, знаньем умудрен.

Такие руки у Бахмана были,
Что до колен их кисти доходили.

На внука насмотреться дед не мог, —
Так он был мощен, статен и высок.

В пиру, в борьбе — по силе и удару —
Он равен был во всем Исфандиару.

Гуштасп им любовался, не дыша,
От счастья трепетала в нем душа.

Царь повторял: «Самим отцом творенья
Мне — скорбному — он послан в утешенье!

Пусть вечно в мире мой Бахман живет,
Коль Руинтана отнял небосвод!»

Речь завершил я об Исфандиаре.
Да будет вечен светоч государя!

Да не узнает скорби никакой,
Да властвует он вечно над судьбой!

Да царствует в Иране и Туране,
Влача врагов надменных на аркане!

РУСТАМ И ШАГАД

Я расскажу о гибели Рустама,
Как в былях прочитал потомков Сама.

Муж Азад-Сарв ученый в Мерве жил.
С Ахмадом Сахлем славным он дружил.

Тот Сарв был стар, но лет преклонных иго
Носил легко. Владел он древней книгой.

Он был красноречив, познаний полн.
Он океаном был сказаний-волн.

Свой род к Рустаму, к Саму возводил он,
О предках славных записи хранил он.

Я их прочел — и здесь перескажу,
Но зданье слов по-своему сложу.

Коль проживу свой срок в юдоли бренной
И разума светильник незатменный

Я сохраню, то завершу свой труд —
Преданья, что вовеки не умрут.

Я посвящаю книгу властелину,
В венце вселенной светлому рубину,

Махмуду-льву, что фарром осиян *,
Кому подвластны Хинд, Иран, Туран.

Абулкасиму-шаху — солнцу знаний,
Бессмертному величием деяний.

Он истинно велик. Пройдут года —
Молва о нем не смолкнет никогда, —

Молва о царственных его охотах,
О битвах, о пирах и о щедротах.

Блажен, кому открыт дворец его,
Кто может созерцать венец его!

Я плохо слышу, ноги ослабели,
Меня нужда и старость одолели.

Как раб, я скован гневною судьбой,
Я изнурен плачевною судьбой.

Но солнце правды вижу я воочью,
Молюсь я за Махмуда днем и ночью.

Так делают все жители страны
И те, кто нечестивы и темны.

Великому не нужно рабской лести.
Он, став царем, закрыл ворота мести.

Благочестивый, строг лишь с теми он,
Кто роскошью преступной упоен.

Он мудрецов от бедствий защищает.
Он щедр, но царства он не расточает.

Здесь оставляю память я о нем
Потомкам дальним на пути земном.

Здесь — в этой книге о царях старинных
И о великих древних исполинах,

Всё в этой книге: битвы и пиры,
Событья незапамятной поры,

В ней — разум, вера, мудрость и познанье
И в ней — путей к эдему указанье.

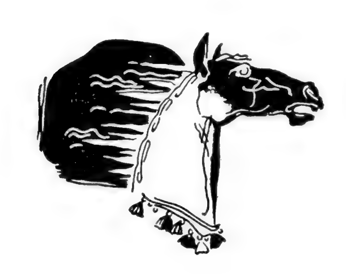
И всё, что примет сердцем государь
Из книги о делах, гремевших встарь,

То временем бегущим не затмится —
И памятью в грядущем возродится!

Не верю, что судьбой я втоптан в прах,
Надеюсь я, что старца вспомнит шах;

И щедрость шаха люди славить будут,
И век его потомки не забудут.

Теперь вернуться к были срок настал, —
К рассказу, что у Сарва я читал.

РУСТАМ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В КАБУЛ К СВОЕМУ БРАТУ ШАГАДУ

Так в книге Сарв поведал многочтимый
Рассказ, веками в памяти хранимый.

У Заля в доме женщина жила.
Она певицей славною была.

Она от Заля сына породила,
Как будто — месяц небу подарила.

Сын подрастал, мужал за годом год;
И радовался весь Нейрамов род.

Прославленные звездочеты мира
И мудрецы Кабула и Кашмира,

Следящие движение планет,
К Дастану в дом собрались на совет.

Они на кровлю в полночь восходили
И вот — стеченье звезд определили,

Прочли глаголы судеб роковых, —
И удивленье охватило их.

К Дастану поутру они явились,
«О муж! — сказали, — тайны нам открылись.

Созвездья неба страшное сулят;
Они к ребенку не благоволят.

Когда твой сын как тополь станом станет,
Богатырем и пахлаваном станет,

Он изведет, погубит весь твой род,
Нейрама дом из-за него падет.

Систан великим плачем огласится,
Иран враждой и злобой возмутится.

Восторжествуют горе, слезы, стон.
И сам недолговечен будет он».

Весть омрачила славного Дастана,
И он взмолился пред лицом Йездана:

«Творец! Кошница света и щедрот,
Твоя десница кружит небосвод.

Ты указуешь путь, даешь советы,
Здесь, на земле, один — опора мне ты.

Идут светила по стезям твоим.
Будь милосерден к нам, рабам твоим.

Пусть нас минуют, кровь, раздор, кручина!»
И муж Дастан назвал Шагадом сына.

Он при себе до отроческих лет
Держал его; лишь в нем свой видел свет.

Потом к царю кабульскому отправил
Шагада он и там его оставил.

Ты скажешь: древо мощи поднялось.
Как Сам, богатырем Шагад возрос.

И царь Кабула полюбил Шагада,
На дочери своей женил Шагада,

Дабы потомство славное пошло,
Дабы Кабула счастье процвело.

Сокровищницу древнюю открыл он,
Богатством зятя щедро одарил он.

Он, как за яблоней, за ним ходил,
Чтоб не вредил Шагаду ход светил.

А в мире всюду звучными устами
Сказанья люди пели о Рустаме.

Кабул Рустаму данью с давних лет
Платил воловий полный мех монет.

И помышлять кабульский стал владыка
Избавиться от дани той великой.

Ведь брат Рустама ныне — шахский зять,
А с кровного побор зазорно брать.

Но вот пора настала — дань собрали,
Дирхем последний с нищего содрали.

Обижен на Рустама был Шагад;
Но ту обиду затаил Шагад.

И он сказал в беседе тайной с тестем:
«Пресыщен я позором и бесчестьем!

Не стыдно брата обирать ему?
И жалости моей не ждать ему!

С Рустамом мы теперь чужими станем...
Эй, тесть! Размыслим, в плен его заманим;

Как хищника лесного, истребим —
И подвигом прославимся своим!»

И вот они сошлись на том решенье,
Задумали неслыханное мщенье.

Учил мобед: «Кто мудр — от зла уйдет,
Кто сеет зло — возмездие пожнет».

Всю ночь без сна два мужа просидели,
Беседуя об этом страшном деле:

«Рустама имя в мире мы сотрем.
Пусть плачет Заль — падет Нейрамов дом».

Сказал Шагад кабульскому владыке:
«Чтоб нам исполнить замысел великий,

Ты пиршество устрой, зови князей,
Зови певцов, зови богатырей.

За чашей вспыхни мнимым гневом вздорным, —
Ты трусом назови меня позорным.

Обижусь я, в Забулистан уйду,
Перед Рустамом с жалобой паду.

Отцу пожалуюсь и людям близким;
Тебя я подлым назову и низким.

Тут за меня обидится Рустам —
И в гневе поспешит, не медля, к нам.

А на его дороге — по лугам —
Ты вырой несколько глубоких ям.

Для тигров ямы роются такие;
Ты в ямах утверди мечи стальные.

Ставь к лезвию почаще лезвиё,
Так, чтоб торчало кверху острие.

Пять ям — добро! А десять — лучше будет!
Тогда-то край наш тяготы избудет.

Рыть ямы людям верным поручай.
И ветру тайны той не сообщай.

Ветвями сверху ямы те прикрой ты.
В глубокой тайне это все устрой ты».

Внял царь совету злобного глупца.
Созвал людей на пир в саду дворца.

Кабульские мужи все были званы,
Уселись по чинам за дастарханы.

Насытились. Под звуки струн потом
Взялись за чаши с царственным вином.

Тут громко, по дурной своей натуре,
Сказал Шагад, надменно брови хмуря:

«Как я унижен тем, что тут сижу!..
Я всех мужей у вас превосхожу!

Отец мой — Заль! Мой брат — Рустам великий!
Вы все — мои рабы, я вам — владыка!»

Разгневался, вскричал кабульский шах:
«Хвастун презренный! Ложь в твоих словах!

Ты не от корня Сама и Нейрама!
И ты — не брат, не родственник Рустама!

Седой Дастан не помнит о тебе,
И Тахамтан не помнит о тебе!

Ты был у них слугою — самым низким...
Тебя в их доме не считают близким!»

От слов его разгневался Шагад;
Стремительно он вышел из палат,

В Забул помчался с верными мужами,
В пути проклятья изрыгал устами.

Коварен, подл, хоть возрастом — юнец,
В слезах вошел он к Залю во дворец.

Увидев сына — стан его и плечи, —
Премудрый Заль обрадовался встрече.

Он расспросил Шагада, обласкал,
Утешил — и к Рустаму отослал.

Рустам был рад. Он видит: брат прекрасен,
Могуч, разумен, духом тверд и ясен.

Сказал он: «Истинны уста молвы:
Все внуки Сама — пахлаваны-львы!

Как тесть твой — шах кабульский поживает?
Он честью ли Рустама вспоминает?»

Рустаму скорбно отвечал Шагад:
«Не говори о тесте, милый брат!

Он добр ко мне и ласков был доныне,
Был щедр со мной и полон благостыни.

Но винопийцей он позорным стал,
От пьянства дерзким он и вздорным стал.

Свой подлый нрав внезапно вдруг явил он, —
Меня пред всем Кабулом оскорбил он.

Кричал: «Доколе буду дань платить,
Перед Систаном голову клонить?

Что мне Рустам? Я знать его не знаю.
Я сам ни в чем ему не уступаю».

А мне сказал, что Залю я не сын.
А если сын, то — стыд его седин.

Так он кричал, при всех меня позоря.
Уехал бледный я, в слезах от горя».

Рассказу внял, разгневался Рустам.
«Добро! — сказал. — За все ему воздам!

И ты не думай о кабульском шахе.
Его венец валяться будет в прахе.

За эти дерзкие слова его
От плеч отскочит голова его.

Застонет скоро шахский дом Кабула.
Тебя поставлю я царем Кабула!»

Дней семь он брата у себя держал,
С собою рядом на пирах сажал.

Тем временем в поход сбираться стал он,
Мужей, покрытых славою, созвал он.

Он снарядил воинственную рать,
Чтобы Кабул мятежный покарать.

Как завершились хлопоты с войсками,
Первоначальный гнев утих в Рустаме.

И тут сказал Рустаму льстец Шагад:
«Не помышляй о битве, милый брат!

Мы на воде твое напишем имя, —
В Кабуле ужас овладеет ими.

Такой охватит их великий страх,
Что все перед тобой падут во прах.

Я думаю, что неразумный шах
Раскаялся теперь в своих словах!

Гонцов с дарами, думаю, пришлет он,
Назад меня с поклоном призовет он».

Рустам ответил: «Это верный путь.
Зачем войска мне за собой тянуть?

Тут сотни всадников моих довольно,
Меня да Завары — двоих довольно».

КАБУЛЬСКИЙ ШАХ РОЕТ ЯМЫ НА ОХОТНИЧЬЕМ УГОДЬЕ. РУСТАМ И ЗАВАРА ПАДАЮТ В ЯМУ

Встал шах кабульский — дивово отродье,
Поехал на охотничьи угодья.

С собой он землекопов сотни взял,
Копать большие ямы приказал.

В работе землекопы яры были;
Луга, угодья ямами изрыли.

А вырыв ямы, укрепили в них
Мечей и копий множество стальных.

И сверху так искусно их прикрыли,
Что ямы вовсе незаметны были.

Когда Рустам в поход сбираться стал,
Шагад в Кабул гонца тайком послал.

«Идет без войск Рустам! Без промедленья
Встречай его, в слезах моли прощенья».

Навстречу выехал кабульский шах,
С коварством в сердце, с лестью на устах.

И, встав на рубеже Кабулистана,
Сошел с коня, увидев Тахамтана.

Снял с головы тюрбан индийский свой,
Склонился обнаженной головой.

Снял сапоги и, босиком ступая,
Шел униженный, стоны исторгая.

Пал ниц, слезами землю оросил
И долго он простить его просил:

«Пьян был твой раб — достойный лишь презренья!
Погублен я безумьем опьяненья...

Прости, могучий, милость мне яви!
Мой дух твоим величьем обнови!»

Посыпав темя прахом, он на милость
Надеялся. А в сердце месть таилась.

И, по великодушью своему,
Рустам смягчился и простил ему.

Велел ему покрыть тюрбаном темя,
Обуться, ехать рядом, стремя в стремя.

Пред городом Кабулом им предстал
Зеленый дол. Он душу услаждал.

Леса росли, ручьев шумели волны,
Луга и чащи были дичью полны.

Они на отдых стали в тех местах,
Устроить пир велел кабульский шах.

Воссели на высокие сиденья,
Потребовали музыки и пенья,

И за вином сказал Рустаму шах:
«Онагров много на моих лугах.

Они непугаными табунами
Пасутся невдали между холмами.

Газелям, сернам, ланям — нет числа,
Не настигала их ничья стрела.

Лишь для тебя — Рустама-исполина —
Мной береглась та вольная долина».

От слов его Рустам повеселел,
Ловитвы он привольной захотел.

Охота — вот была его отрада,
За все невзгоды прежние награда.

Обычай мира древнего таков:
Мы в море тайн не видим берегов.

Тигр в камышах, огромный кит в пучине
И лев могучий — властелин пустыни,

И муравей, и мошка — все должны
Уйти в свой срок, — пред смертью все равны.

Встал Тахамтан, коня седлать велел он.
Орлов и кречетов пускать велел он.

На Рахша сел, из тула лук изъял,
Помчался. Вслед за ним Шагад скакал.

Муж Завара с Рустамом ехал вместе,
Сопутствуем богатырями чести.

Рассыпался в долине их отряд,
Не ведая, что ямы им грозят.

Рустам и Завара скакали рядом,
Не мысля, что задумано Шагадом.

Вдруг запах свежевырытой земли
Разумный Рахш почуял издали.

Как мяч, в комок он сжался — прянул прямо
И вскок перелетел над первой ямой.

Тут новой ямы запах услыхал,
Дрожа, храпя и роя землю, стал.

И разуму глаза судьба закрыла,
Рустаму сердце гневом распалила.

Он плетью гибкою своей взмахнул,
По шее Рахша верного хлестнул.

И Рахш у края ямы оказался;
Он от когтей судьбы спастись пытался.

И в яму две передние ноги
Сорвались. Не боев — коварств беги!

Мечи на дне, рогатины торчали.
Тут мужество и сила не спасали.

И Рахш всем брюхом напоролся там,
И бедрами и грудью — муж Рустам.

Страдал он тяжко. Но, собрав все силы,
Привстал и глянул из своей могилы.

РУСТАМ УБИВАЕТ ШАГАДА И УМИРАЕТ

Он приподнялся в яме роковой
И увидал Шагада пред собой.

И понял он, кто супостат его;
Он понял, что сгубил Шагад его.

Сказал Рустам: «Эй, подлый, злом живущий!
Из-за тебя погибнет край цветущий.

Но зло придется искупить тебе...
Раскаешься... Недолго жить тебе».

Шагад сказал: «Ты страх внушал народам,
Сражен ты справедливым небосводом.

Зачем ты столько крови проливал?
Всю жизнь ты грабил, вечно воевал.

Пора твоя настала, лев Систана, —
Умрешь ты в западне у Ахримана!»

В то время шах Кабула подскакал
И возле края страшной ямы встал.

Увидел: кровью залит стан Рустама,
И дрогнул он при виде ран Рустама.

И возопил он: «О мой славный гость,
Как все случилось? Что с тобой стряслось?

Пусть нам поможет благодать господня!
Я лучших лекарей сзову сегодня.

Быть может, и сумеют исцелить,
Чтоб мне потом кровавых слез не лить».

Ему ответил пахлаван вселенной:
«Эй, подлый, криводушный, муж презренный!

Мне не помогут средства лекарей.
Не лги и слез неискренних не лей.

Невечен век людской... Уходит время.
Небесный меч навис над вами всеми.

Ведь был Джамшид не ниже, чем Рустам,
Но был Джамшид распилен пополам *.

И Фаридун и Кей-Кубад блистали —
Цари!.. А где они? Как вздох, пропали.

Сиял, как солнце, в мире Сиявуш *.
Его Гуруй зарезал — низкий муж.

Они иранскими царями были.
Они в боях богатырями были.

Их нет! Лишь я — о славной старине
Был памятью. И вот я в западне.

Сын Фарамарз, — одно мне утешенье, —
Придет сюда. Вам не уйти от мщенья!»

Потом к Шагаду обратился он:
«Все кончено. Теперь я обречен.

Сознанье тмится в нестерпимой муке.
Прошу — достань мой лук и дай мне в руки.

Две положи стрелы передо мной.
Боюсь: ища добычи, лев степной

Придет, когда я в ямине глубокой
Беспомощный останусь, одинокий.

Быть может, верный лук меня спасет
И вживе лев меня не разорвет.

Меня моей защиты не лишайте!
Когда умру, земле меня предайте!»

Достал Шагад Рустама лук тугой,
Напряг и щелкнул звонкой тетивой.

Лук подал брату, злобно засмеялся;
Он муками Рустама утешался.

Усильем страшным боль преодолев,
Взялся за лук Рустам — могучий лев.

И тут Шагад презренный устрашился;
Он побежал, за дерево укрылся.

Чинара это древняя была
С дуплом внутри могучего ствола.

За ту чинару, как за щит надежный,
Братоубийца спрятался безбожный.

Рустам стрелу на тетиву взложил,
Напряг все силы и стрелу пустил.

И был ей ствол чинары не преграда.
Стрела и ствол пронзила и Шагада.

И вскрикнул насмерть раненный Шагад.
Возликовал душою старший брат.

Сказал Рустам: «Хвала творцу вселенной!
Моя мольба дошла к творцу вселенной!

В сей миг, как мне осталось мало жить,
Ты, господи, помог мне месть свершить.

Ты — вверженному заживо в могилу —
Для правой мести даровал мне силу!»

Умолк, поник главою, нем и глух.
Из тела излетел бессмертный дух.

А Завара погиб в соседней яме
Со всеми верными богатырями.

ЗАЛЬ УЗНАЕТ О ГИБЕЛИ РУСТАМА И ЗАВАРЫ. ФАРАМАРЗ ПРИВОЗИТ ГРОБЫ С ИХ ПРАХОМ И ВОЗДВИГАЕТ УСЫПАЛЬНИЦЫ

Один из них был смертью пощажен;
Верхом, пешком в Забул добрался он.

Пал перед Залем, облился слезами:
«Погиб могучий слон во вражьей яме!

И Завара погиб, и весь отряд!
Измена! Я один пришел назад!»

В Забуле все вопили и рыдали
И двух злодеев черных проклинали.

Заль разодрал кафтан парчовый свой,
Посыпал темя пеплом и золой.

Взывал: «О сын! Куда от скорби денусь?
Теперь не в шелк, а в саван я оденусь.

О мой Рустам! Мой величавый слон!
О Завара! Могучий мой дракон!

Вовек да будет проклят в небе горнем
Шагад, что наше древо вырвал с корнем!

Кто знал, что злоба подлая не спит,
Что месть гиена против льва таит?

Века подобного греха не знали.
От древних мы об этом не слыхали.

Лев от лисы погиб... Как мог Рустам
Поверить лживым вражеским словам?!

Зачем же кости прежде не сложил я!
Зачем детей любимых пережил я!

Зачем мне жизнь? Что ныне прорастет?
Погибло наше семя, сорван плод!

О лев Рустам! О Завара, мой витязь!
Где вы? Подайте знак мне! Отзовитесь!»

И с Фарамарзом Заль отправил рать
Предателей кабульских покарать

И привезти домой Рустама тело,
Как солнце, что навеки охладело.

Когда Рустама сын в Кабул вошел,
Безлюдным и пустым Кабул нашел.

Все люди, в страхе перед местью Заля,
Из города в пустыню убежали.

Рустама сын поехал по лугам,
Где вырыл шах кабульский сотни ям.

Мужи помост высокий утвердили,
Сандаловыми досками покрыли.

Муж Фарамарз — в слезах, душой горя, —
Изъял из ямы прах богатыря.

Он платье снял, что кровью прокипело,
Увидел в ранах царственное тело.

Велел он раны страшные зашить,
Велел он амброй, мускусом кадить.

Омыл Рустама розовой водою,
Осыпал тело чистой камфарою.

Шелка вином, бальзамом пропитал,
Шелками прах Рустама спеленал.

И саванщики слезы проливали,
Как бороду Рустама завивали.

На двух престолах не вмещался прах,
Не прах — чинара мощная в ветвях.

Гроб принесли из черного эбена,
Украшенный резьбою драгоценной.

И смесью амбры, мускуса, смолы
Замазали все щели и углы.

Пошли систанцы — в поисках упрямы, —
Достали тело Завары из ямы,

Омыли, шелком Чина облекли,
От брата положили невдали.

Потом деревья в роще повалили
И для табутов досок напилили.

Из ямы, проливая слез поток,
Останки Рахша Фарамарз извлек.

Два дня коня громадного тащили
Из страшной ямы; на слона взвалили.

И от Кабула по Забулистан
Стон поднялся, весь зарыдал Систан.

Все люди на дорогу выбегали,
В безумье горя наземь упадали.

Знатнейшие богатыри земли
Два тяжких гроба на плечах несли.

Несли два дня — гробов не опускали
И по пути на отдых не вставали.

Рыдали степи и холмы кругом,
Рыдало время над богатырем.

Рустаму дахму средь садов воздвигли,
Высокую — до облаков — воздвигли.

Был гроб украшен золотым венцом,
Где спал Рустам непробудимым сном.

И в эту пору не было беспечных
Средь удрученных и добросердечных.

В то время розы первые цвели;
Все люди розы в дахму принесли.

Все говорили: «О великий воин,
Не амбры — жизни вечной ты достоин!

Теперь кто будет весел на пирах?
Кто на врага в бою нагонит страх?

Рука, что нам динары раздавала,
Мертва! Все для тебя презренным стало.

Да примет душу чистую твою
Йездан в неотцветающем раю!»

Когда все люди витязя почтили,
Дверь дахмы наглухо заколотили.

Замуровали Рахша в той стене
Плитой, где выбит витязь на коне.

Эй, муж! Чего ты ищешь в сей юдоли?
Начало — воля здесь, конец — в неволе.

Пусть из железа был твой кован стан,
Поглотит все свирепый Ахриман.

Ты жив — не уставай к добру стремиться,
Чтоб там блаженства вечного добиться.

ФАРАМАРЗ ВЕДЕТ ВОЙСКА, ЧТОБЫ ОТОМСТИТЬ ЗА РУСТАМА, И УБИВАЕТ КАБУЛЬСКОГО ШАХА

Оплакав праха вечного святыню,
Встал — вывел Фарамарз войска в пустыню.

Сперва была открыта им казна, —
Всем воинам он заплатил сполна.

Пошел, просторы звуками карная
И громом барабанов оглашая.

Он на Кабул свои войска повел,
Как тучу, к небу пыль густую взмел.

И вот — когда услышал шах Кабула,
Что с войском вышел мститель из Забула, —

Навстречу поднял он войска в поход.
От пыли стал лиловым небосвод.

Вся степь железом шлемов заблестела,
Как волны моря. Солнце потускнело.

И вот столкнулись грозные войска,
И грому брани вняли облака.

И мраком синим пыль взвилась густая;
Лев заблудился в ней и лань степная.

От этой пыли стало издали
Не отличимо небо от земли.

Муж Фарамарз скакал пред ратным строем,
В войска врага влетел, влекомый боем.

Он до седла могучих рассекал.
Бой смолк. Кабульский шах в аркан попал.

Его мужи рассеялись, как волки.
Где храбрость их? Сыщи их, как иголки.

Но были, подлости своей верны,
Они в устройстве западней сильны.

Цвет Хинда в том бою они убили.
Цвет Синда в том бою они убили.

Земля текла кровавою рекой,
Забыли люди отдых и покой.

Детей забыли малых, жен любимых
И матерей, тоской по ним томимых...

А царь Кабула, — вся в крови спина, —
Был брошен в ящик, взвален на слона,

Был привезен в охотничье угодье,
Где ямы рыл он — адово отродье.

Велел тащить его Рустама сын
И родственников, не щадя седин.

Со спин их кожу заживо содрали
Так, что хребты и ребра видны стали.

Над западней, над ямой роковой,
Царя повесил книзу головой.

Зажег большой костер и бросил в пламя
Отца и братьев шаха с сыновьями,

Шагада труп, чинару, рощу, луг —
Все он велел испепелить вокруг.

Так Фарамарз отмстил, домой собрался;
Кабулистан в аркан ему попался.

Он дни предателя укоротил
И родича в Кабуле посадил.

Исторг с корнями, выжег племя шаха;
И весь Кабул дрожал пред ним от страха.

Туманным утром новый день блеснул,
Когда покинул Фарамарз Кабул.

Забульцы рвали на себе одежды. —
Все видели, все знали — нет надежды!..

Рыдая, люди лучшие земли
За утешеньем к Фарамарзу шли.

РУДАБА ТЕРЯЕТ РАЗУМ ОТ ТОСКИ ПО РУСТАМУ

Оплакивали мужа целый год;
Был синим, черным облачен народ *.

Однажды Залю Рудаба сказала:
«Земля такого горя не видала.

Ни с чем мой гнет душевный не сравним.
О муж мой, плачь по сыновьям своим!»

«Жена, — ответил Заль, — доверься богу!
Терпи! Утихнет горе понемногу!»

И в гневе мать ответила ему:
«Клянусь, я больше пищи не приму!

Умру, от праха отойду земного,
Быть может, там Рустама встречу снова!»

Семь дней без пищи пробыла она,
К Рустаму всей душой устремлена.

От голода старуха исхудала,
Ослабла телом, видеть перестала.

За ней смотрели трое верных слуг,
Чтоб на себя не наложила рук.

Ее душа безумьем омрачилась, —
В безумье — горе в радость превратилось.

И раз она в поварню прибрела
И дохлую змею в воде нашла.

Змею она рукой схватить успела,
И поднесла ко рту, и съесть хотела.

Рабы, всю силу применив свою,
Из рук безумной вырвали змею.

С трудом ее из кухни потащили,
В покои привели и усадили

Там, где привыкла восседать она;
Снедь разная была принесена.

И стала есть; насытилась едою,
Склонилась на подушки головою

И погрузилась в благодатный сон,
И был во сне ей разум возвращен.

Когда проснулась, вновь еды спросила,
И много царских яств дано ей было.

Сказала Залю: «Муж мой и глава,
Премудрости полны твои слова.

А кто тоской себя терзает злобно,
Тому страданье пиршеству подобно.

Ушел он... Вслед за сыном дорогим
Уйдем, и верю — встретимся мы с ним».

Она богатства бедным раздарила
И, обращаясь к богу, говорила:

«Ты, что превыше сущего всего,
Прости грехи Рустама моего!

Открой врата в пресветлый рай Рустаму
И за добро добром воздай Рустаму!»

Бахман

ГУШТАСП ПЕРЕДАЕТ ЦАРСТВО БАХМАНУ И УМИРАЕТ

Так завершилось время Тахамтана.
Теперь начнем дастан о днях Бахмана.

Почуяв приближение конца,
Позвал Гуштасп Джамаспа-мудреца,

Сказал: «Томлюсь душою непрестанно
С тех пор, как потерял я Руинтана.

С тех пор не знал я радостного дня.
Звезда моя преследует меня!

Царем я нарекаю вам Бахмана,
Главой совета — мудрого Пшутана.

Все поклянитесь в верности ему —
Возлюбленному внуку моему!

Вокруг престола правдой, верой стойте,
На благо все дела земли устройте!»

Бахману все ключи казны вручил,
Вздохнул Гуштасп и слово источил:

«Прощай навек! Мое минуло время,
Смерть, как вода, мне заливает темя.

На троне я сидел сто двадцать лет.
Царей, подобных мне, не видел свет.

Ты царствуй, будь в решеньях справедливым,
Лишь справедливый может стать счастливым!

Ты мудрецов и верных не гони,
А для злодеев черных мир стесни.

Коль будешь справедлив и правосуден,
То станет жребий твой тебе нетруден.

Тебе я царство, трон, венец вручил.
Чтоб их устроить — жизнь я положил».

И умер он. Так всех подкосит время.
Вот — горький плод, что нам приносит время.

Мужи воздвигли, почести творя,
Порфировую дахму для царя.

Вся для него была земли услада,
Но после пира он отведал яда.

Вот — жизнь! Зачем же радости нужны?
Царь и бедняк — пред смертью все равны.

Зла убегай, плодом добра питайся!
К совету мудрых слухом приклоняйся!

Друзья ушли, мы сиротеем здесь,
Но в нас жива времен минувших весть.

Кто жил правдиво — радость обретет.
Тот, кто искал добра, — добро найдет.

Одно добро в юдоли сей поможет;
А мудрость славу добрую умножит.

Теперь я вытку песнь тебе в словах,
Как правил внук Гуштаспа — новый шах.

БАХМАН МСТИТ ЗА КРОВЬ ИСФАНДИАРА

Когда Бахман воссел на трон со славой,
Сказали: «Щедр владыка величавый!»

Сокровищницы дверь он отворил
И войско наградил и одарил.

Он вспомнил мудрецов, в чертог созвал их
И с ними всех мужей, в боях бывалых.

Сказал он: «Гибель моего отца —
Вот зло без воздаянья и конца.

Все вспомните, мужи, чей разум светел! —
Хочу, чтоб каждый честно мне ответил, —

Какое зло содеял нам Рустам
И старый чародей Дастани-Сам! *

Я знаю: мира Фарамарз не хочет.
Сломить Иран — вот он о чем хлопочет.

Я в горе. Света чести я лишен.
Великий мой отец не отомщен.

А Нушазар и Михринуш!.. Не в силах
Забыть я неотмщенных братьев милых!

Неверным сокрушительный удар
Нанес великий муж Исфандиар.

Все помнят — мир потрясся от рыданий,
Когда он был убит в Забулистане.

Когда об этом горе весть пришла,
То слезы даже стенопись лила.

А гибель славных братьев как оплачем?
Какую цену крови их назначим?

Кто духом чист и чья блистает честь —
Тот не отложит праведную месть!

Нет! Фаридуна древнего деянья —
Благословенье нам и указанье:

Заххаку за Джамшида он отмстил,
К утесам Демавенда пригвоздил!

Когда коварно Салм и Тур напали,
Войска в Амуле с Манучихром встали,

И Манучихр за деда отомстил *,
И мир после победы возвестил.

Встал Фарамарз, отмстил за смерть Рустама,
Вознесся к солнцу головой упрямой.

Вошел в Кабул. Страна, как сад, цвела.
Он разорил Кабул и сжег дотла.

Я — сын богатырей, и сам я воин.
И я за Руинтана мстить достоин.

Свет обойдите из конца в конец —
Где в мире муж такой, как мой отец?

Я все сказал. Теперь ответ мне дайте.
Решайте, мудрецы. Совет мне дайте».

С благоговеньем выслушали речь
Советники, мужи бывалых сеч.

Сказали: «Царь! Тебе мы всею кровью
Послужим! Мы полны к тебе любовью.

Ты — мудр. От древности до наших дней
Ты знаешь все, о вождь богатырей!

Свершай, что мыслишь! За собой веди нас!
А бой тебе во славу? В бой веди нас!

Мы — слуги. Ты покорен лишь судьбе.
Мы в вечной верности клялись тебе».

И, вняв ответ князей и их решенье,
Бахман еще сильней возжаждал мщенья.

Назавтра снаряжать войска чуть свет
Велел Бахман и распустил совет.

А поутру литавры загремели
И небеса от пыли почернели.

Шумя, как море, воинство пошло.
Сто тысяч было всадников число.

БАХМАН ЗАКОВЫВАЕТ ЗАЛЯ В КАНДАЛЫ

Когда к реке Хирманду рать пришла,
Избрал Бахман достойного посла.

И к Залю с ним послал свое веленье
И царственное волеизъявленье:

«С тех пор как муж Исфандиар убит,
Жизнь стала мне горька, душа скорбит.

О Нушазаре и о Михринуше
Скорблю. Взывают к мести мертвых души.

Эй, муж! Я горе сердца утолю,
Забул рекою крови затоплю!»

Привез посол письмо. И сердце Заля
Исполнилось страданья и печали.

Он дал ответ: «О царь! Сражен судьбой
Исфандиар, а не людской рукой.

Я сам все знал. Я изнемог от боли.
Неумолим был суд небесной воли.

Ты сам был там среди добра и зла.
Ты помнишь сам, как эта распря шла.

Рустам от верности не уклонялся,
Лишь на оковы он не соглашался.

Свершилось. Твой отец — великий шах
Поник челом увенчанным во прах.

Ведь не уйдут от смерти неминучей
Ни лев пустыни, ни дракон могучий.

Ты слышал: Сам, отец мой, древле жил.
Он подвиги великие свершил.

И нет его. Жива лишь слава Сама.
Потом настала очередь Рустама.

Ты вспомни, как служил своим царям,
Отцам твоим — великий муж Рустам.

Тебе отцом, слугой и нянькой был он.
Тебя величью, мудрости учил он.

Где он? Погиб в проклятой западне.
Забыть нельзя об этом черном дне.

Зачем тебе искать у нас сраженья?
О шах! Размысли. Откажись от мщенья!

Исторгни зла напрасного ростки.
Сердца добром и лаской привлеки.

Сокровища, динары, и короны,
И золотые пояса, и троны

Тебе отдам, когда прибудешь к нам,
Когда ты справедливым будешь к нам».

И одарил Дастан гонца богато.
Дал много дорогих одежд и злата.

Вернулся муж к Бахману, рассказав,
Как древний Заль и мудр и величав.

Не принял слов добра и просьб прощенья
Бахман суровый, полный жаждой мщенья.

Вступил в Забул жестокосердый шах
С тоской в груди, с проклятьем на устах.

И без меча, не облачен на сечу,
Заль седовласый выехал навстречу.

Сошел с коня перед Бахманом он
И сотворил пред ним земной поклон.

Сказал: «О мудрый шах в венце высоком,
Взгляни на слуг твоих разумным оком.

Служили мы тебе — Рустам и я.
И нами мощь взлелеяна твоя.

Прости теперь нас в нашей доле трудной.
А доблесть, честь — не в мести безрассудной!»

Бахман от кротких слов его вскипел,
Умом затмился и рассвирепел.

Надеть на Заля цепи приказал он.
Премудрому Пшутану не внимал он.

Сокровищницы дверь велел разбить,
Богатства на верблюдов погрузить.

Мешки жемчужин, слитки золотые,
Венцы, тахты из золота литые,

Ковры, парчу и груды серебра,
Запас неисчислимого добра,

Мечи индийские в ножнах бесценных,
Табун коней арабских несравненных,

Запасы мускуса и камфары, —
Все древних кеев славные дары,

Накопленные от времен Нейрама...
И всю добычу ратную Рустама, —

Все взял Бахман, весь город разорил,
Князьям и войску злато раздарил.

СРАЖЕНИЕ ФАРАМАРЗА С БАХМАНОМ И УБИЕНИЕ ФАРАМАРЗА

Был в Бусте Фарамарз — в своем владенье.
За деда поднял он десницу мщенья.

Он битвы Тахамтана вспоминал.
С войсками на Бахмана он восстал.

Разгневался Бахман миродержавный,
Что Фарамарз с ним спорит, словно равный.

Повел полки, как грозную судьбу;
Привел слонов иранских в Гурабу.

И содрогнулось сердце гор могучих
От грома труб и бубенцов гремучих.

И дол, как смоляной поток, чернел
Под черным градом смертоносных стрел.

От ржания коней и лязга стали
Окрест холмы и долы застонали.

Так трое суток в поле боевом —
И в полночь темную, и светлым днем —

Они мечами, палицами бились.
И тучи пыли над землей клубились.

Повеял ветер на четвертый день,
Пыль относя, развеивая тень.

Подул он в сторону Забулистана,
Утешил ветер тот царя Бахмана.

С мечом в руке, как гневный дух беды,
Бахман ворвался в ратные ряды.

Из бустских всадников, людей забульских
И из прославленных мужей кабульских

Средь поля не осталось никого.
Бежали все под натиском его.

Бежали все, кто не были убиты,
И Фарамарз остался без защиты.

Повсюду — в поле и на склонах гор
Валялись трупы, где ни кинешь взор.

Оставшись с горсткой храбрых небольшою,
В бой Фарамарз пошел, кипя душою.

Израпен тяжко, боль преодолев,
Он шел. Потомок львов, был сам он лев.

В конце концов попал в петлю аркана,
Пленен был сын отважный Тахамтана.

К Бахману пленника приволокли,
Повергли у подножья в прах земли.

Не захотел пощадой удостоить,
Велел владыка виселицу строить.

Был Фарамарз на виселице той
Повешен за ноги, еще живой.

Кей Ардашир прославленный велел
Добить повешенного градом стрел.

БАХМАН ОТПУСКАЕТ ЗАЛЯ И ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ИРАН

Был в горе благородный муж Пшутан,
Увидев, сколько крови льет Бахман.

Пришел он, встал перед лицом владыки,
Сказал: «Эй, справедливый царь великий!

Отмщенья ты хотел? Ты отомщен.
И всем от этой мести лишь урон.

Теперь безвинной кровью мы покрыты.
Грабеж, убийства прекратить вели ты!

Побойся бога, верных устыдись,
Суда судьбы безвестной устрашись!

Судьба сегодня смертного возносит,
А завтра в прах и униженье бросит.

Ведь не за смертью двинулся в Систан
Отец твой — славный мира пахлаван.

И не за тем, чтобы погибнуть в яме,
Рустам в Кабул пошел с богатырями.

Великодушным должен быть хосров*.
И ты не будь жесток, не будь суров.

Ведь если Заль, потомок Наримана,
Пожалуется пред лицом Йездана,

Хоть ныне высока твоя звезда,
Ты не уйдешь от божьего суда.

Рустама чтить должны вы — Кейаниды!
Он был вам щит от бедствий и обиды.

Рустам поднес тебе корону в дар,
А не Гуштасп и не Исфандиар!

От дней Кубада и до Кей-Хосрова
Рустам врагам давал отпор суровый.

Его мечом Иран был защищен,
Его плечом поддержан был ваш трон!

Когда ты мудр, сними оковы с Заля,
Будь справедлив! Гляди, мы все в печали!»

Дастуру внял, поник главою шах;
Раскаялся он в злых своих делах.

И вот раздался громкий клич Бахмана:
«Эй, львы-князья и витязи Ирана!

Довольно грабить, кровь людскую лить!
Готовьтесь в путь! Пора нам уходить!»

Он Заля от оков без промедленья
Освободил, в слезах прося прощенья.

Для всех убитых дахмы он воздвиг,
Как поучал дастур, душой велик.

Заль из зиндана в дом свой воротился,
Где слез его жены ручей струился:

«Где ты, мой сын Рустам, вселенной свет,
Сиявший всей земле семь сотен лет?

Пока ты жил, кто знал Гуштаспа-шаха?
Был тот Гуштасп для нас не больше праха!

Вот — Заль в плену, и дом наш оскудел,
Рустама сын расстрелян градом стрел.

Да не минет Бахмана божья кара!
Да сгинет в мире след Исфандиара!»

Об этом плаче услыхал Бахман,
Узнал благословенный муж Пшутан.

Царей советник мудрый огорчился,
И побледнел лицом, и устрашился.

Сказал Бахману он: «О юный шах,
Ты встал, как новый месяц в небесах.

Прочь уходи отсель с войсками всеми,
Тяжелое нам угрожает время.

Да не коснется шаха глаз дурной,
И пусть, как пир, идет твой век земной!

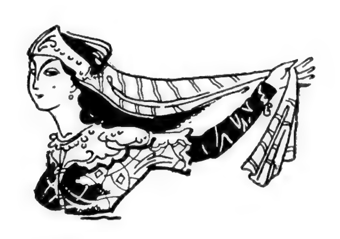
Не медли и не спорь с судьбой упрямо.
Беги из дома Заля, сына Сама!»

Едва снега зардели в вышине,
Литавры загремели в тишине;

Обратно рать Ирана повернула.
Ушел Бахман с войсками из Забула.

Очистился, на трон Бахман вступил,
Законы правды в мире утвердил.

Сокровищ много бедным раздарил;
Тех — осчастливил, этих — огорчил.

БАХМАН ЖЕНИТСЯ НА СВОЕЙ ДОЧЕРИ ХУМЕ И ОБЪЯВЛЯЕТ ЕЕ НАСЛЕДНИЦЕЙ ПРЕСТОЛА

Был сын могучий порожден Бахманом.
Шах Ардашир нарек его Сасаном.

Дочь у царя была еще, Хума;
Родник очарованья и ума.

В столетьях — Чехразад ей имя стало.
Она одна Бахмана утешала.

И по законам дедовских времен
На дочери своей женился он.

Красой сердца к себе влекла Хума.
От шаха вскоре понесла Хума.

Была она уж тяжело чреватой,
Как слег Бахман, недугами объятый.

Болезнью свален в скорбную кровать,
Хуму к себе он повелел позвать.

Сошлись князья, вельможи и мобеды.
Уселись на коврах мужи беседы.

Сказал Бахман: «Царица, дочь, жена —
Немного знала радостей она.

Я, умирая, ей венец вручаю,
Всю власть и счастье, как отец, вручаю.

Она после меня взойдет на трон,
А после — тот, кто от нее рожден.

И сын ли, дочь ли от нее родится —
Пусть царствует! Завет мой да свершится!

Исполнен скорби, старший сын Сасан
Внимал тому, что говорил Бахман.

В груди горело горе рваной раной.
Он сел в седло, уехал из Ирана.

Отцом обижен, одинок и хмур,
Он прискакал в далекий Нишапур.

Там он на знатной девушке женился,
Смиренно жил, с судьбою примирился.

Скрывал свое происхожденье он
И что на древе кеевом взращен.

И вот судьба его благословила, —
Жена Сасану сына породила,

Сасаном также сына он нарек —
И умер, завершил свой краткий срок.

Вот сын Сасана вырос, возмужал он,
Но только нищету, лишенья знал он.

И к шаху нишапурскому тогда
Он нанялся — пасти его стада.

Он пас его овец в горах пустынных,
В степях привольных, на лугах долинных.

И много лет на службе той прошло.
Жил в бедности. И время протекло.

У Хумы родился сын Дараб. Не желая уступать ему власть, Хума велела посадить его в сундук и бросить в реку. В реке мальчика подобрал бедный ремесленник и воспитал его. Когда Дараб вырос, он пришел к матери, и она уступила ему трон.

Воцарившись в Иране, Дараб разбил румийского царя Фейлакуса и женился на его дочери Нахид, которую он вскоре вернул к отцу, так как она ему не понравилась. Нахид в доме отца родила Искандара.

Вступив на румийский престол, Искандар вторгается в Иран и разбивает в сражении Дару, сына Дараба.

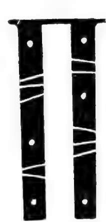
Двое придворных, Джанусйар и Махйар, убивают Дару. Искандар осуждает их на казнь и отправляет письмо иранским вельможам и вдове Дары.

Искандар

ИСКАНДАР ПИШЕТ ПИСЬМО ИРАНСКИМ ВЕЛЬМОЖАМ

Посол царя — грозы бескрайних стран —
Приехал из Кермана в Исфахан.

И к женам, что остались без защиты,
Вошел с поклоном вестник именитый.

Поведал им, что мертв — увы — Дара,
Что Искандар желает им добра,

Что Искандар сказал: «Созданья праха —
Ни друг, ни враг — не рады смерти шаха.

Дара ушел, но ведь остался я.
Отныне сам Дарой назвался я.

В эдеме за добро Даре награда,
И скорбью нам сердца терзать не надо.

Ведь люди все, которые живут —
И царь, и бедный ратник, — все умрут.

Теперь в Истахр немедля соберитесь.
Вы узами родства со мной гордитесь.

И поспешайте радостно в мой стан.
Как прежде был, останется Иран!»

Он отправлял посланья неустанно
Ко всем князьям, во все концы Ирана,

Престола обладатель — Искандар,
Земель завоеватель — Искандар.

Он полководцам, чье померкло счастье,
Любовь явил, и милость, и участье.

Он о себе мобедов известил,
Прийти, благословить его просил.

Так было озаглавлено посланье:
«От кея — вам, хранителям познанья!»

Не тушь с калама, амбра потекла
На шелк бумаги: «Вечному хвала!

В нем оба мира — зримый и незримый.
Да будет суд над нами — им творимый!

Миры он создал, — слово лишь изрек.
С ним разве может спорить человек?

Весь этот свод небесный многозвездный
Его лишь волей держится над бездной.

Он — устроитель сущего всего,
Он — наш владыка, мы — рабы его.

Пусть вами вечный бог доволен будет,
Вас по делам и по заслугам судит!

Добро и мудрость надобны ему.
К добру стремитесь! Больше ни к чему!

В победе я увидел скорби море.
На празднестве меня постигло горе.

Дара убит, но нет на мне вины —
Клянусь владыкой солнца и луны!

Убит он не врагом, слугою близким,
Предателем, завистливым и низким.

Йездан убийцу на смерть осудил,
Постигло зло того, кто зло свершил.

Я ныне — царь ваш. К правде обратитесь
И в верности мне клятвой поклянитесь.

И вам воздаст бегущий небосвод,
И от меня вам милость потечет.

Дара!.. Как пред кончиною страдал он!
Клянусь исполнить то, что завещал он!

Придите! Я дворец вам отворю,
Венцами, златом, славой одарю.

А кто в своем останется владенье,
Да будет верен мне и в отдаленье.

В казну платите прежний ваш налог,
Не ведая ни тягот, ни тревог.

Динары с именем моим чеканьте,
Стеной железной вкруг престола встаньте.

Сей град — святыня славной старины —
И впредь столицей будет всей страны.

Как древле, стойте доблестно и смело
На рубежах далекого предела.

Пусть справедливость властвует всегда
Во всех делах торговли и труда,

Дабы от кары не ушел грабитель
И пребывал в довольстве каждый житель.

Все города и села обозрев,
Вы изберите там прекрасных дев,

Разумных, нравом скромных и спокойных,
Украсить царский мой гарем достойных.

Но только силой не невольте их.
Грех притеснять нам подданных своих.

Противящихся у родни оставьте,
Добром согласных — в мой дворец отправьте.

Нищелюбивы будьте! Пусть любой
Бездомный странник входит в город мой!

Голодный и с разбитыми ногами
Святой дервиш, хранимый небесами,

Ответ на просьбу здесь у нас найдет,
Увидит нашу ласку и почет.

Пусть жалуется каждый, кто унижен,
Чиновником обманут и обижен.

Насильника должны вы осудить
И жизнь его под корень подрубить.

Я буду сам обиженным защита,
Мздоимцев буду сам карать открыто.

Вы, помня волю вечного творца,
Обогатите правдою сердца.

Ведь нашим дням земным конец настанет,
И каждый там пред судией предстанет.

А тот, кто волю здесь мою прейдет,
В петле конец довременный найдет».

Так разослал он в письмах повеленья,
И встал, и приступил к делам правленья,

В Истахр вошел в величии своем
И там венчался Кеевым венцом.

Умом незрелый муж, не тщись надменно
Постигнуть тайну вечную вселенной.

Но если здесь познанье обретешь,
То там плоды познания пожнешь.

ВОСШЕСТВИЕ ИСКАНДАРА НА ИРАНСКИЙ ПРЕСТОЛ

Хвала тому, кто на престоле сил
Пространство, мир и время сотворил.

Труд и покой не от него ль исходит?
Все чередой не от него ль исходит?

Начало, и конец, и свет, и тьму —
Все держит он, подвластно все ему.

Все — от былинки и до арки млечной —
Свидетельствует нам: велик предвечный!

В надмирной бездне, в мириадах лет
Другого бога не было и нет.

Да воссияет славою высокой
Пророк и все сподвижники пророка!

Али средь верных самым первым был,
И веры меч пророк ему вручил *.

Средь всех, что Избранному предстояли *,
Слова Али, как яркий свет, сияли.

И мы хвалу усердно вознесем
Тому, кто создал все, чей дух во всем.

Прославим трон и счастье шаханшаха.
Да враг бежит, пред ним исполнен страха!

Щедр, справедлив и фарром одарен
Он, повелитель мира и времен.

Мечом свою державу защитил он.
Покой и мир в народах утвердил он.

В нем светит мудрость — неба высший дар.
Годами он не стар, — познаньем стар.

Добро он помнит, за добро дарит он,
И с чистым сердцем богу предстоит он.

В его сиянье, как в луче зари,
На небосклоне блещет Муштари.

Такого шаха, как Махмуд-даритель,
Не ведала подлунная обитель.

Он щедр, как предрассветная роса.
В бою он устрашает небеса.

Когда великий шах идет в сраженье,
То скалы рассыпаются в смятенье.

Венцом обязан деду и отцу,
Он благороден, фарр ему к лицу.

Его величьем небосвод гордится.
Пусть вечно имя шаха не затмится!

В начале книги я воздал ему
Хвалой — его величью и уму.

Я имя доброе в юдоли бренной
Обрел, благодаря царю вселенной.

Перед венцом, блистающим светло,
Перед броней его — бессильно зло.

Святые для него князей превыше,
И благоденствуют при нем дервиши.

И счастье шаха, простирая свод,
Как древо вечной радости цветет.

Как слон свирепый, он идет в сраженье,
А на пиру он — ласки воплощенье.

Заговорит ли, остроумья полн,
Вскипают в море гривы пенных волн.

В ловитве льва стрелой он настигает,
Но из петли онагра отпускает.

Когда ж его засвищет булава,
От страха разорвется сердце льва.

Пусть вечно шах творит благодеянья,
Пусть процветает мир в его сиянье!

Теперь вернусь к сказанью; быль веков
Я облачу доспехами стихов.

Так молвил Искандар благословенный:
«Мне будет разум — светоч неизменный!

Победоносен лишь один Изед.
Тот жалок, в ком пред небом страха нет.

Все, что живет, — падет добычей тленья,
И нет от гнева времени спасенья.

Пусть всяк стучится у моих дверей,
Кто ищет справедливости моей.

Пусть днем идут и ночью — не наскучат
И все на просьбу мой ответ получат.

Мне власть вручил владыка вечных сил.
Он мне врата победы отворил.

Добро и зло он дал творить мне волю.
Так пусть от счастья все получат долю.

Чтобы народ оправился от бед,
Взимать не стану дани я пять лет.

Раздать добро велим мы бедным людям
И ничего с имущих брать не будем».

Такие Искандар сказал слова.
И далеко о нем пошла молва,

И славой имя шаха озарилось.
Все говорили: «Правда в нем и милость!..»

Когда законы правды возгласил,
Встал Искандар, собранье распустил.

ИСКАНДАР ОТПРАВЛЯЕТ ПИСЬМО ДЕЛАРЕ, МАТЕРИ РОУШАНАК

Потом призвал к себе владыка мира
С каламом, с свитком шелковым дабира.

Писец пред шахом свиток развернул
И в тушь калам румийский окунул.

Вдове Дары он написал посланье:
«Даруй тебе Йездан благодеянье!

И прежде я почтил тебя письмом;
Советов добрых много было в нем.

И вот — о, горе! — твой супруг державный,
Рукой раба убитый, пал бесславно.

Оплакивая, почести творя,
Дару похоронил я, как царя.

Я к миру с ним не уставал стремиться,
Но он со мной не пожелал мириться.

Убийце грозной карой я воздам,
А дух Дары вознесся к небесам.

Да приведет его в эдем счастливый
Владыка правосудный, справедливый.

Никто от гнева смерти не уйдет,
И нас, как листья с древа, смерть сорвет.

Завет царя Дары — моя святыня.
В подлунной вам подвластно все отныне.

Он Роушанак мне в жены завещал...
И я исполню все, что обещал.

Я возвеличу дочь твою над всеми,
Не будет равных ей в моем гареме!

Пошли ее ко мне со свитой слуг, —
Пусть озарит мой омраченный дух!

Вы с дочерью живите в Исфахане
И полновластно царствуйте в Иране.

Наместников, которых властелин
Поставил сам Дара — Дарабов сын, —

Переменить вы властны иль оставить.
У вас бразды, чтобы Ираном править.

А я Дару вам заменить хочу,
Сердечно вас к себе склонить хочу!»

Потом письмо он к Роушанак отправил;
Сперва Йездана вечного прославил.

Творца благого мудрость восхвалил,
С калама слово мудрости излил.

Писал он: «Там, где шах посеял семя,
Рождается лишь избранное племя.

В роду царя ты выше всех одна —
Разумна, благородна и скромна.

Тебя отец мне в жены завещал,
Когда свою корону мне вручал.

Ты дай мне в этом мире утешенье
И раздели со мной труды правленья!

В сиянье разума и красоты,
Ты выше всех, венца достойна ты.

Я матери твоей письмо отправил.
Воздал достойно, честь ее восславил.

Просил по чину древнему царей
Везти тебя со свитою твоей,

С мобедом исфаханским, со слонами,
С кормилицами, няньками, рабами.

О царственная, юная луна,
Ты будешь старшая моя жена!

Приди и царствуй над своей землею!
Да вечно будет радость мне с тобою!»

Гонец к сиротам вихрем поспешил
И письма Искандара им вручил.

ДЕЛАРА ОТВЕЧАЕТ ИСКАНДАРУ

Вняв Искандара мудрые слова,
Вздохнула Делара — Дары вдова.

И струи слез глаза ее излили
О муже славном, что лежал в могиле.

Потом она дабира позвала
И диктовать посланье начала.

И мудрость излучалась из глагола
В ответе обладателю престола.

Сперва в письме была творцу хвала,
Защитнику от горестей и зла.

Писала: «Он низвергнет и возвысит.
Мир иль война — все от него зависит.

Когда был жив Дара, мы за Дару
Молились поутру и ввечеру.

Дни слез пришли на смену дням веселым...
Гроб деревянный стал Даре престолом.

Так царствуй ты благодаря судьбе!
Величия желаю я тебе.

Ты — устроитель мира и защита.
Душа моя перед тобой открыта.

Когда твое посланье я прочла,
Тебе на помощь небо призвала.

Вот — ты почтил Дару... Не минет кара
Махйара подлого и Джанусйара.

Пусть тот, кто властелина кровь прольет,
Недолго в этом мире проживет.

Как ты стремился к миру — все я знаю.
Мой шах, величие твое я знаю.

Да, ты велик в достоинстве своем.
Не будет царь убийцей и лжецом!

Пусть нет Дары. Дарой ты новым стал нам.
Померкло солнце, месяц засиял нам.

Правь миром! Светлым именем твоим
Мы всех чертогов двери освятим.

Ты возвеличить Роушанак желаешь;
Ее царицей мира называешь.

Склоняемся мы, царь мой, пред тобой.
Да будет Роушанак твоей рабой.

Обрадовало нас твое желанье.
Твоя невеста шлет тебе посланье.

Она умна, учена. Стройный лад
Ее письма цветет, как райский сад.

Твое величье мы, о царь, умножим.
Я разослала письма всем вельможам,

Пускай придут к тебе — на правый суд
И, как Даре, присягу принесут».

И Делара посланца наградила, —
Динарами, одеждой одарила.

Посланец в путь обратный поспешил
И все, что видел, шаху сообщил.

Сказал: «Хоть трона место и пустое, —
Мне чудилось величье там живое».

Шах Искандар внимал словам гонца
И, радуясь, благодарил творца.

ИСКАНДАР ЖЕНИТСЯ НА РОУШАНАК

Он мать призвал из града Амурии,
Поведал завещание Дары ей.

Сказал: «О мать, с участьем, подобру,
Ты навести царицу Делару.

Увидишь Роушанак, хвалой воздай ей.
Сама — в словах — поклон мой передай ей.

Запястья ей, и кольца, и венцы
Вручи — что сберегли для нас отцы.

Сто мулов с драгоценными коврами,
Верблюдов с златошвенными шелками,

С казной неисчислимой золотой
В дар Роушанак ты повези с собой.

Рабынь возьми три сотни белокожих,
А если мало, то число умножь их.

Пусть чашу перлов каждая из них
Царевне поднесет в руках своих.

Возьми охрану, слуг возьми с собою,
Будь щедрой, всей располагай казною».

Царица с караваном в путь пошла,
Ученых, толмачей с собой взяла.

И прибыла к воротам Исфахана,
Навстречу вышли ей князья Ирана.

Сама ее встречала Делара
В сопровожденье своего двора.

Так много денег нищим рассыпали,
Что людям медяки презренны стали.

И, встретясь, две царицы на айван
Взошли, и с ними — знатных анджуман.

Наполнились богатствами палаты,
Столь были Деларе дары богаты.

На три фарсанга влекся караван,
Верблюдами наполнив Исфахан.

Невидан был поток тюков с дарами,
С посудой драгоценной и коврами.

Там шли коней арабских табуны,
Сияли в яхонтах мечей ножны.

На тех конях булатные кольчуги,
Все в золоте их седла и подпруги.

Никто не видел за века веков
Такой парчи румийской и шелков.

Никто в подлунном мире сем великом
Рабынь не видел столь прекрасных ликом.

Носилки подали в парчах златых
И Роушанак-царевна села в них.

В пустыне путь коврами устилали,
Где бодрые носильщики шагали.

И вот в Истахр царевна прибыла,
Вся знать навстречу в поле ей пошла.

Открылся город — празднично украшен,
Ковры свисали с кровель, стен и башен.

Был мускусом, горстями серебра
Осыпан путь до шахского двора.

В чертоге древних кеев шах великий
Предстал пред девою прекрасноликой.

Безмолвно, с умиленною душой,
Он любовался юной красотой.

И пир в палатах царских учредили,
И молодых на ложе проводили.

И, новой страстью упоен своей,
Неделю царь не расставался с ней.

Он изучал, впивая мед блаженства,
Ее величье, скромность, совершенство.

Как свиток, сердце он ее прочел,
Ни тени в ней порока не нашел.

Шли на поклон иранские вельможи,
Богатые дары вседневно множа.

И три страны: Иран, Туран и Чин
Его призвали: «Правь у нас один!»

И процвела земля, благоустроясь,
От войн и смут старинных успокоясь.

ПАДИШАХ КАННУДЖА КЕЙД ВИДИТ СНЫ

Так пехлевийский муж повествовал, —
Всяк удивлялся, кто ему внимал.

Жил в Индии в ту пору Кейд-владыка,
Шах справедливый, мудрости великой.

Провидец, и ученый, и мобед,
Как солнце, излучавший знанья свет.

Но вот однажды мысли в нем смутились.
Сны непонятные ему приснились.

Тревожно десять он провел ночей.
Сон, что ни ночь, страннее и чудней.

Всех мудрецов созвал он престарелых,
В разгадыванье тайн мужей умелых.

Он рассказал ученым сны свои,
Что увидал в дремотном забытьи.

В смущенье, молча, мудрецы сидели,
Открыть видений смысла не сумели.

Встал наконец, сказал мобед один:
«О мудрый, справедливый властелин!

Есть в Индии Михран — мудрец великий,
Живущий в созерцанье, в чаще дикой.

Давно он удалился от людей
И дни проводит в обществе зверей,

Питается корнями и плодами.
Мы — прах пред ним. Как солнце он над нами.

Средь серн и ланей пребывает он.
Тревог мирской тщеты не знает он.

Ему подвластны горы и долины.
И выше он заоблачной вершины».

И Кейд ответил мудрецу тому:
«Что ж медлим мы? Отправимся к нему!»

Сел на коня владыка Индостана,
Поехал к обиталищу Михрана.

Мобеды вместе с Кейдом в путь пошли
И вот в лесу отшельника нашли.

Казалось — солнце в том лесу сияет...
Михрана Кейд почтил, как подобает.

Сказал: «О светоч избранный людей,
Муж, понимающий язык зверей!

Я странные увидел сновиденья,
Ты мне раскрой их темное значенье.

Однажды все молитвы я свершил
И с чистым сердцем лег и опочил.

Мне дом приснился ярко озаренный.
В том доме слон метался разъяренный.

В том доме — ни дверей и ни ворот.
Щель узкая в нем заменяла вход.

Огромный слон, из дома выйти силясь,
Чрез эту щель каким-то чудом вылез.

Ушел он в эту щель, из глаз пропал,
И только хвост его в щели застрял.

А следующей ночью мне приснилось,
Что некоего шаха жизнь затмилась.

Трон золотой владыки опустел,
И чужанин пришел, на трон воссел.

На третью ночь кусок прекрасной ткани
Увидел я на неком ткацком стане.

И вот четыре мужа-силача
Ткань эту, вижу, тянут, волоча.

Их лица от натуги посинели,
Но ткань порвать те люди не сумели.

Четвертой ночью диво видел я:
Шел некто жаждущий возле ручья.

И рыба на него водой плескала,
Но мнилось: влага мужа устрашала.

Кипя, за ним понесся водный вал,
А жаждущий от влаги убегал.

И пятой ночью сон я видел чудный:
Мне снился шумный город многолюдный.

Слепцы в нем жили. Но из них любой
Не удручен, казалось, слепотой.

Нет, жизнь в огромном городе кипела.
Богатым торгом площадь их пестрела.

В шестую ночь приснилось мне: больны
Смертельно люди все одной страны.

Один лишь был здоров. И окружали
Его недужные и вопрошали:

«Как ты живешь? Ты в муке изнемог.
Зачем на скорби ты себя обрек?»

Так говоря, они чуть живы были,
А исцеления не находили.

И в ночь седьмую я увидел сон:
Конь снился мне. Был видом чуден он.

Две головы имел он горделивых,
Две шеи стройных и прекрасногривых.

Он с двух сторон траву проворно ел,
Но выхода на теле не имел.

В восьмую ночь приснилась мне долина;
Там на траве стояли три кувшина.

Два крайних полны свежею водой,
А средний — запыленный и пустой.

Вливали воду два раба безмолвных
В пустой кувшин из двух кувшинов полных,

Но все не убывала в них вода,
А в том — ни капли влаги, ни следа.

В девятый раз корова мне приснилась.
Вокруг росла трава, вода струилась.

С коровой телка юная была,
Заморена, тщедушна и мала.

Хоть тучностью корова поражала,
Но вымя телки тощей той сосала.

О мудрый муж, коль ты не утомлен,
Я расскажу тебе десятый сон:

Средь рощ зеленых, у подошвы горной
Ручей приснился мне в степи просторной.

В степи вода текла, цвели сады,
В ручье ни капли не было воды.

О муж, молю, открой мне тайны эти:
Что значат сны? Чего мне ждать на свете?»

МИХРАН ОТВЕЧАЕТ КЕЙДУ

Ответил Кейду светоч мудрецов:
«Не огорчайся предсказаньем снов.

Не рухнет царства твоего твердыня,
И фарр твой будет светел, как доныне.

Шах Искандар войска успел собрать,
Иран и Рум вооружил на рать.

Но с Искандаром битвы не ищи ты;
Ищи себе у мудрости защиты.

Четыре дара есть в твоем дому,
Не ведомых на свете никому.

Дар первый — дочь твоя, что озаряет
Твой трон и солнцем на земле блистает.

Второй твой дар — познаний водоем,
Мудрец великий в тайнике своем.

Твой третий дар — чудесный врачеватель,
Бальзамов животворных обладатель.

А дар четвертый — чаша, где вода
Чиста, прохладна, сладостна всегда.

И сколько бы воды ни изливала,
Та чаша никогда не убывала.

Пусть Искандар придет, ты мирно стой,
И войско уведет он стороной.

Коль выйдешь с ним на битву — все утратишь,
Ничем потерь великих не оплатишь.

Я обо всем размыслил. Мне ясна
Разгадка твоего любого сна.

Дом без дверей, со щелью лишь нелепой...
Сквозь щель ушел огромный слон свирепый.

Дом — это мир. А слон — жестокий шах,
В нечестии забывший божий страх,

Злодей, свое насилье утверждавший
И волей неба силу потерявший.

Твой сон второй. Был озарен венцом
Великий шах. Другой пришел потом.

То образ мира; одного он сбросит
В небытие; другого в жизнь приносит.

Жив человек, алчбою увлечен,
Но сердцем мертв и духом омрачен.

И пусть царит веселье средь народа,
А для скупца и радость, как невзгода.

Ты видел ткань, что четверо мужей
Тянули, рвали силой всей своей.

Ткань эту — веру чистую в Йездана —
Рвут четверо и тянут неустанно.

Слуга Зардушта — парс, один из них,
Баж и барсам несет в руках своих.

Другой — Мусы последователь строгий, —
Лишь своего он почитает бога.

А третий исповедует Христа, —
И вера эта в Греции взята.

Араб — четвертый, именем пророка *
Из праха верных вознесет высоко.

Ткань эта — истина. Но навсегда
Меж четырьмя из-за нее — вражда.

И все ж на этот спор из-за святыни
Муж-копьеносец выйдет из пустыни.

Он всех величьем сердца победит
И свет Йездана в мире утвердит.

А жаждущий, что убегал от влаги,
Лишен смятеньем силы и отваги —

То значит: скоро жалок будет тот,
Кто горсть воды познанья изопьет.

Меж тем плеяд достигнет трон злодея *,
Сокровищем познанья не владея,

Всех жаждущих он будет звать к воде,
Но не услышит отклика нигде.

Все люди духа будут, без изъятья,
Бежать его и слать ему проклятья.

Тебе приснился дивный пятый сон,
Что шумный град слепцами населен.

Богатств, — ты видел, — в граде полно было.
Судьба людей счастливых ослепила.

От этого они, кротам под стать,
Друг друга перестали узнавать.

Сон этот означает — срок настанет,
Когда мудрец слугой невежды станет.

И будет мудрый муж в толпе рабов
Презренным, словно древо без плодов.

И над ученым неуча возвысят
И скажут: все, мол, от него зависит!

И неуч лгать начнет, хоть будет он
Знать, что за ложь он будет истреблен.

В-шестых — ты видел слабого, больного,
Который спрашивал: «Как жив здоровый?»

Сон этот значит: бедствий дни придут,
Но дверь пред нищим богачи запрут.

Голодному не выкажет участья
Богач и не накормит в дни несчастья.

Того, чья доля сеять хлеб и жать,
Богатый перестанет уважать.

В-седьмых — двуглавый конь тебе приснился,
Который ел и голодом томился,

Не насыщаясь сочною травой.
То значит, что наступит век такой,

Когда обогатятся небывало
Богатые, и все им будет мало.

И не падет кроха из жадных рук
Ни бедным людям, ни мужам наук.

Богач себя беречь и холить будет,
Про состраданье к ближнему забудет.

Потом о трех кувшинах сон восьмой:
Два были полных и один пустой.

Он под струей воды не наполнялся;
Был сух, ни каплею не орошался.

И это значит: станет в мире так,
Что будет вовсе погибать бедняк.

И коль весною туча дождевая
Примчится с громом, небо закрывая,

То мимо все равно она пройдет,
А бедному ни капли не прольет.

Слать будут богачи дары друг другу,
Начнут в садах давать пиры друг другу.

И, стражами гоним от их ворот,
Бедняк без подаяния уйдет.

Твой сон девятый разъясним толково.
Что означают телка и корова?

Так вот: когда Кейван к Весам придет,
На бедняков тягчайший ляжет гнет.

От голода все станут как больные,
А брать с них будут подати двойные.

Богач не даст народу ничего,
Все тяготы взваливши на него.

Потом тебе ручей безводный снился;
Поток воды по берегам струился.

Кругом цвели лужайки и сады,
В ручье ж ни капли не было воды.

Что означает тот ручей безводный?
Ручей — правитель некий благородный.

Но, мудрости и знаний лишена,
Душа его угрюма и мрачна.

И мир, теснимый им, скорбит и страждет,
И сам средь изобилия он жаждет.

Всю жизнь войска он будет собирать,
Захочет всей вселенной обладать.

Но не останется ни войск, ни шаха.
Тогда возникнет новый трон из праха.

Весь мир от зла обезопасит он,
Йездана фарром чистым озарен.

И что тебе приснилось, то свершится...
Грозит вам Искандарова десница.

Когда с войсками вступит он в твой край,
Четыре вещи ты ему отдай.

И если дар твой всей душой он примет,
Он на тебя оружье не подымет.

Велик он, выше всех земных царей,
Мобедов многознающих мудрей,

И над его главою — фарр Изеда.
Ему во всем — удача и победа!»

И Кейд Михрана выслушал в слезах.
И обновился мир в его глазах.

Поцеловал его в чело и вежды.
Домой поехал, полн живой надежды.

Мобедами седыми окружен,
В свою столицу воротился он.

ИСКАНДАР ВЕДЕТ ВОЙСКА ПРОТИВ КЕЙДА

Укоренился Искандар в Иране,
В чертогах Кеев отдохнул от брани.

Затем на Кейда двинул он войска
Через равнины знойного песка,

Через врата заоблачных ущелий,
Где в безднах воды бешено кипели.

И города склонялись перед ним,
Твердыни отпирались перед ним.

Он шел, блистая фарром Кейянида,
Шлем боевой подъемля до Нахида.

И стал у стен Милада. Был богат
Тот город, полный замков и палат.

Сошли с коней румийцы в том уделе.
Шатры вокруг Милада забелели.

И царь дабира своего призвал
И, усадив, письмо продиктовал.

И так он Кейду написал посланье,
Слова того письма — как льва рычанье:

«Пришел победоносный Искандар,
Годами молод, славным родом стар.

Хвала тому, Йездан тому защита,
Чье сердце влагой знания омыто!

Кто на себя по силам труд берет,
Плоды своих усилий обретет.

Хвала тому, кто в правде утвердится,
Тому, кто правосудного страшится,

Кто ведает, что здесь я — тень творца,
Что я — основа трона и венца.

И я затем в письме тебе открылся,
Чтоб светом дух твой темный осветился.

Когда прочтешь мое письмо — не жди,
Вставай, поспешно сам ко мне иди.

Прочтешь ли ночью — встань без промедленья
И мне яви свое повиновенье.

Преступишь волю — брошу палачу,
Стальной пятой венец твой растопчу».

ОТВЕТ КЕЙДА ИСКАНДАРУ

Посланец шаха к Кейду поспешил,
Вступил в чертог, письмо ему вручил.

Кейд обласкал и восхвалил посланца,
С собою рядом усадил посланца,

Сказал: «Вражды во мне к владыке нет.
Я не нарушу верности обет.

Но как предстану я пред Искандаром,
Не одарив его достойным даром?

То не по нраву было бы ему,
То неугодно небу самому».

Дабира кликнул Кейд. Дабир явился —
И шелк узором письменным покрылся.

Дабир за мыслью Кейда успевал,
Писал, от слов его не отставал.

Сначала Кейд воздал хвалу Изеду,
Дарующему славу и победу,

Держащему весь мир в руке своей,
Судящему деяния людей.

Затем писал: «Склоняюсь пред тобою,
Владыка наш, ниспосланный судьбою.

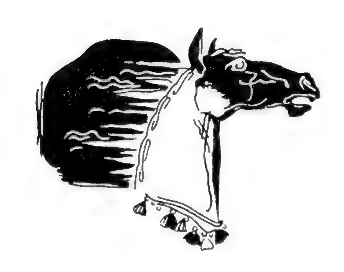
Милад, Каннудж тебе я отдаю,
Кладу корону пред тобой свою.

Есть во дворце моем четыре дива.
Их для тебя хранил я, царь счастливый.

Чудес подобных не было и нет,
И не найти, хоть обойти весь свет.

Прими их в дар, мой шах! Да озарится
Душа твоя, и счастье обновится!

Потом на службу сам перед тобой
Предстану я, как твой слуга простой».

ИСКАНДАР ОТПРАВЛЯЕТ ПОСЛА ЗА ЧЕТЫРЬМЯ ДАРАМИ

Гонец румийский к шаху поспешил,
Посланье Кейда шаху он вручил.

И молвил Искандар: «Какие дива
Скрывает от вселенной Кейд счастливый,

Подобных коим не было и нет?
Скачи к нему, узнай и дай ответ.

Я видел все. И в мире мне известно
Все, созданное волею небесной».

Гонец коня расседлывать не стал,
Как вихрь, обратно к Кейду прискакал.

Сказал он: «Хочет ведать царь вселенной
О тех вещах, о тайне сокровенной,

О свойстве их, о сути их примет, —
Царь знает, что чудес на свете нет».

Кейд благородный, мудростью богатый,
Всех посторонних выслал из палаты,

Посланца усадил перед собой,
Сказал: «Что спорить с небом и судьбой?

Четыре дива ото всех таил я.
Во-первых — дочь прекрасную взрастил я.

Перед сиянием ее красот
Полуденный померкнет небосвод.

Смолы чернее кос ее арканы,
Уста ее — жасмин благоуханный.

Когда она из замка сходит вниз,
Завидует ей стройный кипарис.

Как солнце — облик девы благородной;
Величье сердца в ней и ум природный.

Разумна, целомудренна, скромна,
Высоких совершенств она полна.

Воспитанная мною в правой вере,
Царевна по крови, по сути — пери.

Есть чаша у меня. Когда вином
Ее наполнишь иль водой со льдом, —

Пусть все застолье пить из чаши будет,
Ни капли в дивной чаше не убудет.

Вино златое, чистая вода
В той чаше не иссякнут никогда.

Есть врачеватель у меня чудесный.
Любой недуг, душевный и телесный,

Он может распознать и излечить.
Коль Искандару станет он служить,

Он охранит здоровье мужа славы
От всех болезней, от любой отравы.

Есть мудрый звездочет, что предан мне.
Живет он в тайном месте, в тишине.

Его душе грядущее открыто,
От всяких тайных козней он — защита».

Посланец к Искандару поскакал,
В пути обратном ветер обогнал.

Все, что узнал, он рассказал владыке.
Расцвел весельем Искандар великий,

Сказал: «Не видел я чудес таких,
И целый мир не жаль отдать за них.

И если мудрый Кейд не поскупится,
Отдаст их — дух мой мрачный озарится.

Не стану я страну его топтать.
Добром ему сумею я воздать».

ИСКАНДАР ПОСЫЛАЕТ ДЕВЯТЕРЫХ МУДРЕЦОВ ДЛЯ ОСМОТРА ДАРОВ КЕЙДА

И выбрал он девятерых ученых,
Познанием, как светом, облаченных.

Посланье к Кейду старцам он вручил,
Он Кейда о прощении просил,

Писал: «Я посылаю прозорливых
Советников своих правдолюбивых.

Во всем высокий разум сих мужей
Пойдет за мыслью тонкою твоей.

А ты, о Кейд, радушье окажи им, —
Свои четыре дива покажи им.

Пусть мудрецы уверятся во всем
И известят письмом меня потом,

Что сами видели все дива эти,
Не виданные до сих пор на свете.

И дам тебе я грамоту тогда,
Поставлю в Хинде шахом навсегда».

Мобеды вняли шахское веленье
И в путь отправились без промедленья.

Кейд во дворце с почетом принял их,
Как девять ярких светочей земных.

За ужин сел с мобедами седыми,
До полночи беседовал он с ними.

Как только утро над землей взошло
И солнце бранный меч свой извлекло,

Дочь Кейдову служанки нарядили, —
Хотя парча и шелк луне нужны ли?

Был в зале для нее поставлен трон,
Китайскими шелками осенен.

Взошла в сиянье красоты и света
На трон царевна, как Нахид-планета.

И были во дворец приведены
Те мудрецы румийской стороны.

Вошли в покой невесты несравненной
Посланцы повелителя вселенной.

Увидев красоту ее лица
Под блеском бирюзового венца,

Все старцы онемели в изумленье,
Остолбенели в умопомраченье.

Их ноги будто к полу приросли,
Они ни шагу сделать не могли.

На это диво, глаз не отрывая,
Глядели старцы, рта не раскрывая.

Им век бы там, любуясь, простоять.
Но Кейд их наконец велел позвать.

Спросил: «Вы что так долго задержались?
Неужто дочерью залюбовались?

Как все мы, смертный человек — она,
И только красотой наделена».

Сказали старцы: «Красота такая
Не расцветала на шелках Китая

И не рождалась на стенах дворцов
Под чудотворной кистью мастеров.

Мы этой красотой живем и дышим,
В посланье шаху мы ее опишем».

В покой свой мудрецы ушли и там
Достали тушь, бумагу и калам.

И описали тонко и пространно
Царевну, как алмаз девятигранный.

Лист исписали сплошь они кругом.
Письмо царю отправили с гонцом.

Раскрыл письмо и погрузился в чтенье
Шах Искандар, исполнен изумленья.

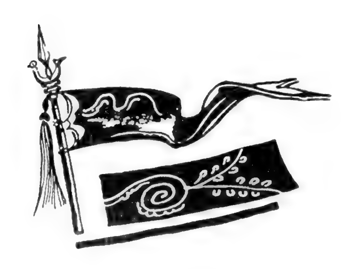
Описаны там были все черты
Той дивной, необычной красоты.

Он написал ответ: «Коль в самом деле
Все это так — вы, старцы, рай узрели!

Мир шаху Кейду, мир его стране!
А вы его дары везите мне.

Брать больше ничего с него не надо.
Я сам ему — защита и ограда.

Я, как никем, им щедро одарен, —
И дочь отдать мне не жалеет он!»

ДЕВЯТЬ РУМИЙСКИХ МУДРЕЦОВ ПРИВОЗЯТ ИСКАНДАРУ ЧЕТЫРЕ ДАРА КЕЙДА

Гонец письмо царя вселенной взял
И вновь к румийским старцам поскакал.

И приняли из рук гонца мобеды
Посланье мужа славы и победы.

Сломав печать, послание прочли
И к Кейду все девятеро пришли.

Вручили Кейду — с почестью великой
Письмо, написанное их владыкой.

Кейд, прочитав письмо, возликовал,
Что вал угрозы бранной миновал.

И сто мужей он выбрал горделивых,
Разумных, сведущих, красноречивых.

Открыл врата сокровищниц своих,
Венцы и ожерелья взял из них,

Алмазы, драгоценные одежды,
Чей блеск смыкаться заставляет вежды.

Достал сокровища и на трехстах
Верблюдах нагрузил их во вьюках.

Понес дирхемов груз десяток наров,
Понес другой десяток груз динаров.

Для дочери устроил властелин
Из свежего алоэ паланкин.

И десять он послал слонов ученых,
Несущих десять башенок злаченых.

Поплакала царевна, но в поход
С ней мудрый лекарь шел и звездочет.

В ее руках сияющая чаша,
Блаженно-опьяняющая чаша.

Красавица в чертог царя вошла
В короне кос над белизной чела.

Был завит, словно кольца аргувана,
Ее кудрей поток благоуханный.

Как кипарис вздыхающий, стройна,
Над кипарисом — яркая луна.

Ее глаза — нарциссы. Вся она
Из неги несказанной соткана.

И устремил владыка взгляд свой ясный
На лик ее, на стан ее прекрасный,

И, полный восхищения, сказал:
«Свет чистой радости мне засиял!

Велик Йездан, созвездья утвердивший
И деву-солнце в мире породивший!»

И ликом он и сердцем посветлел
И, с трона встав, мобедам повелел,

Чтоб сочетали те его и пери
По вере Масиха, по древней вере *.

Он неисчерпную открыл казну
И одарил индийскую луну.

ИСКАНДАР ИСПЫТЫВАЕТ ЗВЕЗДОЧЕТА, ВРАЧЕВАТЕЛЯ И ЧАШУ КЕЙДА

В чертоге шаха дева водворилась,
На троне шаха славой озарилась.

Тут звездочета Искандар призвал,
Испытывать всезнающего стал.

Наполнить чашу маслом приказал он,
Всезнающему чашу отослал он.

И написал: «Пребудь у нас в чести
И этим маслом тело умасти.

Потом от мудреца-единоверца
Я мед приму для разума и сердца».

Мудрец ту чашу масла в руки взял,
Но умащаться он не пожелал.

«Не наложу я на себя оковы, —
Сказал он, — дам ему ответ толковый».

Он сотни игол в масло набросал
И чашу Искандару отослал.

Шах, увидавши иглы, удивился.
Звать кузнеца велел. Кузнец явился.

Расплавил иглы и из них стальной
Отлил он шарик в форме земляной.

Царь этот шарик отослал обратно;
Все мудрецу в загадке было внятно.

Он этот шарик отполировал,
Как зеркало, и шаху отослал.

Спал Искандар в шатре, но тут же встал он,
Взглянул на шарик. Как звезда, блистал он.

Царь этот шарик смачивал водой,
Пока металл не обагрился ржой.

Послал тот ржавый шарик звездочету,
Взвалил ему на голову заботу.

Мудрец задачей не был удручен;
Сталь ото ржавчины очистил он

Так, что поверхность светлого металла,
Как зеркало залива, заблистала.

Такие свойства шарику тому
Он придал, что не липла ржа к нему.

Залюбовался царь блистаньем сферы,
Призвал хранителя наук и веры.

Всезнающего стал он вопрошать,
Что он хотел без слов ему сказать.

Мудрец ему ответил: «Всякий знает,
Что масло в мускулы не проникает.

Когда ты чашу масла мне послал:
«Я выше вас в познанье», — ты сказал.

Ответил я: «О падишах великий,
Те, кто страшатся вечного владыки,

Как иглы, проникают в костный мозг,
Пронзают скалы, как покорный воск».

Еще сказать хотел я в том посланье,
Что разум трезвый, сердце, дух и знанье —

Источник сокровенных слов моих —
И тоньше, и острее игл стальных.

Ты мне ответил: «Многое свершилось.
От крови сердце ржавчиной покрылось.

Как с сердца эту ржавчину отмыть?
Нам о другом не нужно говорить».

Я отвечал: «Покорствуя Йездану,
Тебя от зла хранить не перестану.

Пока — далек от бедствий и вражды —
Не станешь ты как зеркало воды!»

Ответы поразили шаха мира
И сердце покорили шаха мира.

Он на дверях казны сломал печать,
Мешок динаров приказал достать,

Куски шелков китайских несравненных,
Большую чашу перлов драгоценных;

И мудрецу сказал: «О друг, бери!»
А тот в ответ: «Есть у меня внутри

Жемчужина. Она в беде мне служит,
Но с Ахриманом, с алчностью не дружит.

Ей стражи для охраны не нужны,
Разбойники мне с нею не страшны.

В ночи мой страж — познанья дар счастливый,
Венец и трон мой — разум прозорливый.

Здесь, в мире, разум нам нужней всего.
Стучится зло к нам в двери без него.

А пищу и одежду посылает
Мне тот, который видит все и знает.

Зачем мне это лишнее копить?
Зачем богатства эти сторожить?

Пусть это спрячет твой казнохранитель.
Да будет разум наш путеводитель!»

Был Искандар тем старцем изумлен.
«Учитель мой! — ему ответил он. —

Перед Йезданом, пред его святыней,
Клянусь тебе, не провинюсь отныне!

Отныне мне, как путеводный свет,
Всегда потребен будет твой совет».

ИСКАНДАР ИСПЫТЫВАЕТ ИНДИЙСКОГО ВРАЧЕВАТЕЛЯ

Потом он врачевателя призвал,
Что по глазам недуг распознавал.

Спросил его: «О мудрый муж, какая
Причина всех болезней основная?»

«Многояденье, — врач сказал в ответ, —
Обжорство — основной здоровью вред.

Кто ест без меры, будет ли здоровым?
Мы крепки воздержанием суровым.

Но из целебных мне известных трав
Чудесный изготовлю я состав.

То средство охранит твое здоровье
От тучности, одышки, полнокровья.

То средство бодрость духа породит.
Ешь досыта — тебе не повредит.

Легко по жилам будет кровь струиться,
И вся твоя природа возродится.

Плоть будет разуму подчинена.
Ты расцветешь, как ранняя весна.

Вернутся розы юности на щеки.
Как солнце станет разум твой высокий.

Седины темя не осеребрят,
И годы плеч твоих не отягчат».

Царь молвил: «Много дивного видал я,
Но о подобном чуде не слыхал я.

Коль благом одаришь меня таким,
То будешь ты наставником моим.

Душой и сердцем пред тобой открытый,
Я стану от врагов тебе защитой».

И милостью своей он озарил
Ученого и щедро одарил.

А у того недолги были сборы, —
Один с рассветом поднялся он в горы.

Великой долей в знаньях наделен,
Всех трав целебных свойства ведал он.

И знал он, из чего составить надо
Противоядье от любого яда.

И, много трав на тех горах собрав,
Чудесный изготовил он состав.

Он смазал тело шаха тем составом,
И крепким шах на диво стал и здравым.

Но все ж потом недомогать он стал
Из-за того, что по ночам не спал.

Хоть был к себе он строг во всем и сдержан,
Но страстно был он к женщинам привержен.

Он так свое здоровье не берег,
Что, наконец, опасно занемог.

Тот врач пришел к царю и видит: хвор он;
Взглянул на бледный лик, на тусклый взор он

И молвил: «Одряхлел бы и Рустам,
Когда бы так же предан был страстям.

Три ночи ты не спал и стал недужен.
Тебе покой, и сон, и отдых нужен».

А тот в ответ: «Здоров я, друг, вполне,
И никаких болезней нет во мне».

Но мудрый лекарь с ним не согласился;
Он той же ночью в книги углубился.

Был в тайных книгах им бальзам открыт,
Чья капля вожделенья охладит.

Дал каплю снадобья царю — и что же?
Царь в эту ночь один уснул на ложе.

Вошел он к шаху утром; видит — шах
Один сидит в унынии, в слезах.

Все понял мудрый врач, повеселел он,
Стол накрывать, певцов позвать велел он.

Он вылил склянку снадобья того,
Налил вина царю взамен его.

А царь: «Зачем ты пролил это зелье?
Ведь вновь его составить не безделье».

Ответил врач: «Вчера, мой властелин,
На сиром ложе ты уснул один.

Зачем мои познанья и услуги,
Коль спать один ты будешь без подруги?!»

И рассмеялся Искандар в ответ:
«Без Хинда мира нет и солнца нет!

Все звездочеты, все врачи вселенной
Здесь собрались, в стране благословенной».

И царь динаров мех принесть велел
И своего коня привесть велел,

Сказал: «Прими мой дар, о муж счастливый,
Душою чистый и правдоречивый!»

ИСКАНДАР ИСПЫТЫВАЕТ ЧАШУ КЕЙДА

И он послал за дивной чашей той,
Наполнил чашу чистою водой.

Из чаши все по очереди пили,
Но дна блестящего не осушили.

Не убывала в чаше той вода,
Свежа была, как будто бы со льда.

И царь воскликнул: «Чаша — дар бесценный!
А мудрый Кейд всех выше во вселенной!

Мы будем правы, если назовем
Всю Индию — «Великий Кейдов дом».

От прочих видом чаша неотлична,
Но по волшебным свойствам необычна».

И звездочета Искандар спросил:
«В чем тайна здесь? От злых иль добрых сил?

Пьем, — а вода не убывает в чаше.
Здесь чары звезд, иль это хитрость ваша?»

Мудрец ответил: «Истину узнай,
И этой чашей не пренебрегай.

Давно мы эту чашу смастерили;
Она великих стоила усилий.

Над нею сонм трудился мудрецов
Из всех великой Индии концов.

Кейд повелел создать нам чашу эту.
Всё делали мы по его совету.

Не спали ночи, соблюдали пост
И следовали указанью звезд.

А свойство тайное, что в чаше скрыто,
Подобно свойству сильного магнита.

Рассеянную в воздухе она
Вбирает влагу. И всегда полна.

Но это совершается незримо,
Для глаза нашего неуследимо».

Был Искандар ответом восхищен.
«Хвала науке вашей», — молвил он.

Сказал потом Милада знатным людям:
«В союзе, в дружбе с Кейдом век мы будем.

Пока я жив, пока судьбой храним,
Завета дружбы не нарушу с ним.

Он щедр, его дары подобны чуду.
Вовек я дани брать с него не буду».

Потом сокровища казны своей
Шах Искандар навьючил на коней.

Динары, перлы, пышные уборы —
Все это он увез глубоко в горы.

В пещере некой клад богатый скрыл.
Камнями вход в пещеру завалил.

Прошли века. О кладе люди знали,
Но где он был зарыт, не отыскали.

Взял Искандар лишь памятку с собой,
Как тайною пройти к нему тропой.

ПИСЬМО ИСКАНДАРА ФОРУ ИНДИЙСКОМУ

Зарыл в горах сокровища, и вот
Вновь он с войсками выступил в поход.

В пределах царства Фора станом стал он,
И сел в шатре, и Фору написал он:

«Сын Фейлакуса пишет, Искандар,
От неба мощь и власть приявший в дар!

Привет тебе, о Фор, правитель Хинда!
Счастливый, гордый повелитель Синда!»

Сперва в письме Йездан был восхвален,
Которым свод небесный утвержден.

И дальше: «Только свыше одаренным
Дано владеть страной, венцом и троном.

А если смертным бог пренебрежет,
Ему и солнце света не пошлет.

Ты, верно, слышал, что предвечной волей
Дано нам, людям, в темной сей юдоли?

Ни блеск побед, ни трон, ни фарр, ни честь
И ни сокровища — невечны здесь.

Уйдем — и память нашу прах завеет.
Другой сокровищами завладеет.

Но в круге, где замкнул нас небосвод,
Деяний добрых слава не умрет.

И ты, когда прочтешь мое посланье,
О добром только помышляй деянье,

Сойди с престола, на коня садись,
Ко мне с повинною поторопись.

Проси пощады, не лукавь напрасно.
Со мною спор затягивать опасно.

А если ты не покоришься мне,
Ища исход в неправедной войне, —

Твоим уделом будут сожаленья,
Когда я выйду с конницей в сраженье».

Вот так писал письмо и наконец
Освободился и ушел писец.

Печать царя к посланью приложили,
Бывалого посланца снарядили.

Посланец к Фору во дворец вступил,
С вельможами о многом говорил.

Был позван к Фору тот гонец ученый,
Усажен возле царственного трона.

ПОСЛАНЬЕ ФОРА ИСКАНДАРУ

Когда посланье грозный Фор читал,
Из-под бровей он молнии метал.

Потом ответил резко и сурово.
Как семя древа браней, сеял слово.

Так начал он письмо: «Блажен лишь тот,
Кто в божьем страхе жизнь свою блюдет.

Мне не о чем болтать многоречиво.
Несчастен муж заносчиво-хвастливый.

Ты мне велишь явиться на поклон?
Ты, знать, стыда и разума лишен.

Не смел отец твой нам писать такое!
Ты храбр — так выходи на поле боя.

Несчастного Дару ты победил,
Когда Дара покинут богом был.

Коль семя бросишь в землю, минет время —
И деревом могучим станет семя.

Так мощь моя и сила возросла
И вашей власти путы отрясла.

Кейд уступил тебе без битвы, в страхе,
И ты решил, что дичь твоя — все шахи.

И кеи древние моим отцам
Так не писали, как ты пишешь нам.

Я — Фор, сын Фора, правнук тигров ярых.
Мы прежде знать не знали о кейсарах.

Как помощи моей Дара просил, —
Я понял, что Йездан Дару забыл.

Все ж боевых слонов ему послал я,
И в помощи ему не отказал я.

Но был Дара убит рукой раба,
Иран постигла горькая судьба.

Яд для тебя бальзамом обратился,
Когда царя иранский трон лишился.

Когда б его предатель не убил,
Тебя Дара пятою б раздавил.

Ты ж обезумел: я, мол, победитель;
Мол, целый мир теперь моя обитель!

Но я ведь не Дара. Я грозный Фор.
Ты лучше не вступай со мною в спор.

Как выведу слонов моих могучих,
Трубящих, словно гром в небесных тучах,

Как выведу войска за рядом ряд —
Они дорогу ветру преградят.

О войнах бредишь ты, о возвышенье.
Душой ты — Ахримана порожденье.

Не сей посева ненависти здесь.
Страшись судьбы. Ее внезапна месть.

Опомнись! О себе подумай лучше!
Хочу добра душе твоей заблудшей!»

ИСКАНДАР ГОТОВИТСЯ К ВОЙНЕ С ФОРОМ

Когда посланье Фора получил —
В поход румиец войско ополчил.

Он выбрал самых доблестных и верных,
Отвагою и мощью беспримерных.

В пределы Фора двинул он войска,
Как бы стальная хлынула река.

Вперед он слал разъезды и дозоры,
Но все тесней их обступали горы.

Так труден путь был в грозных тех горах,
Что гасла доблесть у мужей в сердцах.

Обвалы, реки путь им преграждали,
И всадники и кони их устали.

Толпою на привале ввечеру
Все повалили к шахскому шатру.

И молвили: «О царь! Что вдаль нас гонит?
Земля от войск твоих великих стонет.

Ведь не стремится Фор к войне с тобой,
Фагфур и Синда царь не рвутся в бой.

Зачем ты губишь нас? Что держишь в думах?
В стране проклятой, среди скал угрюмых

Мы пропадем бесславно в скорый час!
Все кони обезножели у нас.

Как без коней мы с Фором будем биться?
Как мы домой сумеем воротиться?

Мы все больны. Нам пешим не дойти.
Пути в горах обратно не найти.

Мы прежде ни пред кем не отступали,
Врагов сильнейших всюду побеждали.

Но здесь — с кем биться нам средь гор и рек?
А жить ведь хочет каждый человек.

Все здесь мы пропадем до встречи с Фором.
Не покрывай же нашу честь позором!

Веди назад; мы дальше не пойдем!»
Увидя их в смятении таком,

Шах отвечал: «Я вас не узнаю!
Вы были все с иранцами в бою.

Кто пострадал из вас? Все целы, живы.
Дару постигнул жребий несчастливый.

Ну что ж! Я и без вас пойду один
Среди ущелий, не страшась лавин.

Пойду навстречу Фору неуклонно
И раздавлю пятой главу дракона.

Когда покончу с Фором, в Рум вернусь,
За племя непокорное возьмусь.

Иран войска свои пошлет всегда мне,
А вы — румийцы — больше не друзья мне!»

Как увидали люди — гневен шах,
Вопя: «Прости ты нас! — упали в прах. —

Мы все отныне под твоей рукою.
Веди! Везде пойдем мы за тобою.

Погибнут кони — мы пешком пойдем.
Мы пешие на бой с врагом пойдем.

Пусть в битве наша кровь рекой струится
И холм из трупов наших взгромоздится,

Пусть даже небо с нами выйдет в бой —
К врагу не обернемся мы спиной.

Мы — стадо, ты — пастух. Распоряжайся.
На преданных рабов не обижайся».

Шах Искандар, простивши им вину,
По-новому решил вести войну.

Он тридцать тысяч взял мужей Ирана,
Одетых в сталь, как голова тарана.

За ними пахлаваны Рума шли,
Сильнейшие мужи его земли.

А вслед за ними сорок тысяч было —
Надежная, испытанная сила.

А вслед за ними конница хозар,
Блистающая в золоте, как жар.

За ними вслед, как волн бегущих пена,
Арабы из Хиджаза и Йемена.

Взял десять тысяч копьеносцев он.
Любой из тех мужей — как мощный слон.

Их кони на себе не подымали;
Они стеной железною стояли.

Мужей, которым дан прозренья дар, —
Взял шестьдесят мобедов Искандар.

Проведал Фор, что, одолевши кручи,
Ведет войска румиец, словно тучи.

Не стал он медлить: вывел в семь рядов
Врагу навстречу боевых слонов.

А вслед, загородив степные шири,
Раскинул рать фарсанга на четыре.

В румийский стан лазутчики пришли,
Так перед шахом речи повели:

«Слонов свирепых тысячи у Фора.
Они растопчут вас. Им нет отпора.

Слон на могучем хоботе своем
Вздымает к небу всадника с конем

И, бросив оземь, насмерть убивает.
Броню слона копье не пробивает.

Слон сквозь ряды проходит, как таран.
Его защитник на небе — Кейван».

Они, дабы лишить царя отваги,
Слона изобразили на бумаге.

А царь своих мобедов звать велел,
Слона из воска изваять велел.

Сказал ученым: «Жду от вас я слова,
Где средство против чудища такого?

Подумайте, как нам беду избыть,
Как брешь в живой стене слонов пробить?»

А те царю: «Не пребывай в печали!»
Умелых кузнецов они собрали —

Египетских, румийских мастеров.
За тайный труд взялись, не тратя слов.

Конь выкован был под седлом железный,
Посажен всадник был на нем железный.

Швы медью склепаны. Но посмотри —
Тот конь железный полым был внутри.

В коня горючей нефти бочку влили
И на тележке к шаху покатили.

Был восхищен великий Искандар,
Дал мудрецам в награду щедрый дар.

Всем дал награду кузнецам умелым.
И тысячи коней ковать велел им,

И краской, как живых, раскрасить их —
В гнедых, чубарых, серых, вороных.

И кузнецы взялись, и в две недели
Две тысячи их выковать сумели —

Коней железных, всадников стальных
И на тележках утвердили их.

БОЙ ИСКАНДАРА И ФОРА

Сошлись два войска, и увидел Фора
Румиец в блеске бранного убора.

Помчались ратоборцы с двух сторон,
Всклубился прах, копытами взметен.

Пришли в движение на горном склоне,
Помчались огнедышащие кони.

Слоны свирепые хватали их,
А кони жаром обжигали их.

Кругом огонь... индийцы изумились,
В смятении за головы схватились.

Ревущим пламенем обожжены,
Вспять повернули ярые слоны.

Они своих же воинов топтали.
Ряды индийцев, дрогнув, побежали.

Блеснул кейсару вновь победы свет.
Он бросил конницу бегущим вслед.

И длилась за бегущими погоня,
Пока не встал Кейван на небосклоне

И мгла индиговая не легла
На мир, дневные завершив дела.

Меж двух высоких гор на перевале
Войска румийца на ночь станом стали.

И был надежный выставлен дозор
На крутосклоне и в ущельях гор.

Вот солнце в золотой короне встало,
Кристаллом белым небо заблистало.

Воспрянули громады ратных сил,
И рев карнаев дали огласил.

Блистая копьями и шишаками,
Фор вышел в степь со свежими войсками.

И выехал пред строем Искандар
С мечом в руке, блистающим как жар.

И вот гонец его предстал пред Фором;
Индийца стал склонять к переговорам:

«Ждет Искандар тебя, не рвется в бой.
Сперва он хочет говорить с тобой.

Тебя послушать хочет царь счастливый.
Он примет всякий довод справедливый».

Фор выехал пред строем, вняв гонцу.
Два шаха встретились лицом к лицу.

И молвил Искандар: «О муж отваги!
Полны убитых долы и овраги.

Их топчут кони, птицы их клюют,
Степные звери их на части рвут.

Зачем же только смерть — отважных доля?!
Зачем нам утучнять телами поле?!

Мы здесь за них в ответе — два царя,
Два равных доблестью богатыря.

Давай к суду Йездана обратимся,
На поединок выйдем и сразимся.

Кто победит — Йезданом осенен, —
Тот и возьмет войска, слонов и трон».

Был Фор доволен речью Искандара.
Он был могуч, как слон огромно-ярый.

Сказал он: «Поединок — честь мужей,
Обычай истинных богатырей!»

Фор был уверен — мощь его безмерна,
А конь его был как дракон пещерный.

Противник с легким скакуном своим
Тростинкою казался перед ним.

Вот ратоборцы за мечи схватились
И, по полю петляя, закружились.

Увидел Искандар: противник — слон,
Под ним — гора, в руке — стальной дракон.

В тревоге ускользать от Фора стал он,
На жизнь свою надежду потерял он,

Как вдруг в индийском войске шум возник;
Раздался там тревожный чей-то крик.

Тем неизвестным шумом Фор смутился,
К своим войскам всем станом обратился.

Прислушиваться стал. А Искандар,
Как молния, нанес ему удар.

Взмолясь: «Во имя неба — да свершится!» —
Главу и шею Фора до ключицы

Рассек он. Рухнул Фор с седла во прах,
И шум и клики раздались в войсках.

У шаха Искандара был старинный
Огромный барабан из шкуры львиной.

Тот барабан, как гром, загрохотал.
Ты скажешь: дол рекой железной стал.

Бой закипел, но, как стена, стояли
Индийцы, ни на пядь не отступали.

Тут чей-то голос поле огласил:
«Эй, лучшие мужи индийских сил!

Ведь Фора в прах сама судьба повергла.
Его звезда высокая померкла.

Чего вы ради рветесь в бой теперь,
Что ищете вы крови и потерь?!»

Бой смолк на время. Люди Хинда в страхе
Увидели: их царь лежит во прахе.

Разрублена державная глава,
Мертва десница исполина-льва.

Тут войско Хинда стоном застонало,
Оружье брани наземь побросало.

Вопя, посыпав головы землей,
Они к кейсару двинулись толпой.

Но Искандар сказал им: «Не скорбите!
Вы, храбрые, мечи свои возьмите.

Не будете вы мной притеснены,
Все для меня, как дети, вы равны».

И он в столицу Фора прибыл вскоре.
Там — пир одним, другим — беда и горе.

Таков седой закон юдоли сей.
То ты скорбишь, то радуешься в ней.

Мудрец в пирах, что есть в запасе, тратит.
Как знать — кто завтра дом его захватит!

Богатства мира Фор скопить сумел.
Пришел румиец — ими завладел.

Так власть свою и волю утвердил он.
Богатства Фора войску раздарил он.

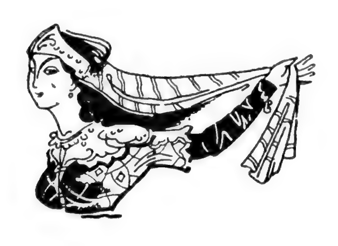
Жил муж Савург. Он знатен родом был.
Он в Хиндустане чтим народом был.

Савурга шахом Искандар поставил.
«Не прячь динары! — уходя, наставил, —

Пируй и щедро всех людей дари.
Невечны здесь ни троны, ни цари.

Был Фор. Мое теперь тут новоселье.
На смену скорби вновь пришло веселье!»

Страну устроил и в поход потом
Пошел он — волей высшею ведом.

ИСКАНДАР И КЕЙДАФА

А в Андалусе женщина царила,
Несметною владела ратной силой.

Ей имя было — Кейдафа. Она
Сияла фарром, мудрости полна.

Художника она позвать велела,
Который сходство схватывал умело.

Сказала: «К Искандару поезжай,
Откуда прибыл ты — не сообщай.

Внимательно его ты изучай,
Черты его, повадки примечай.

И в красках — силой своего уменья —
Запечатлей его изображенье».

Художник выслушал ее приказ,
Пошел, собрался в путь в недолгий час.

Из Андалуса прибыл в Миср далекий
К владыке Рума и всего Востока.

Ценя искусства чудотворный дар,
Его радушно принял Искандар.

Царя везде сопровождал художник,
С собой бумагу, краски брал художник.

Когда же Искандар был, как живой,
Написан им, вернулся он домой.

На образ Искандара посмотрела
Царица и душою помрачнела;

И молвила себе: «Весь мир земной
Он будет попирать своей пятой.

Хоть встань против него стеной железной,
Сопротивленье будет бесполезно».

А Искандар Кейтуна той порой
Спросил: «Кто равен в мире с Кейдафой?»

Кейтун ему сказал: «О мой владыка,
Мужей нет равных той жене великой.

Она богата. А ее войска
Бесчисленней пустынного песка.

По мудрости ее и по величью,
По царственному фарру и обличью,

По знаньям, по уму — хоть мир пройдешь —
Подобных в наше время не найдешь.

Она воздвигла крепость из гранита,
Чьи стены необорная защита.

Фарсангов десять этих стен длина,
До облаков небесных вышина.

Что ей набеги вражьи и дерзанья?!
По всей земле идут о ней сказанья».

ИСКАНДАР ПИШЕТ ПИСЬМО КЕЙДАФЕ

Шах Искандар царю Кейтуну внял,
В ладони хлопнул он, писца позвал.

На свитке шелковом — изделье Чина —
Тот написал письмо от властелина

К владычице, надменной Кейдафе,
Премудрой, несравненной Кейдафе:

«Хвала деснице — необъятность мира
Держащей от зенита до надира!

Хвала вращающему небосвод,
Творцу добра, источнику щедрот!

Мечей на брань с тобой мы не точили,
Твою — до сей поры — мы славу чтили.

Но разум твой гордыней омрачен,
Прочти письмо — да просветится он!

Дань мне пошли за все былые годы.
Ведь нет у вас для выбора свободы.

Не выстоять в бою твоим войскам.
А покоришься — благо будет вам.

Покорных щит мой от невзгод избавит,
Строптивых — колесо судьбы раздавит.

Ведь не со мной — с судьбой вступили в спор
Дара великий и могучий Фор!»

Вот тушь просохла подписи узорной,
На лист печать легла, как мускус черный.

Взял свиток и, покинувши дворец,
В далекий Андалус погнал гонец.

Когда письмо царица прочитала,
Она изумлена была сначала,

Потом велела написать ответ:
«Хвала тому, кто создал тьму и свет,

Воздвиг над миром небо голубое
И поместил в нем доброе и злое!

Тебе он дал победу над Дарой,
Сраженье с Фором ты почел игрой.

Победы голову тебе вскружили,
Льстецы тебя хвалою опьянили.

Хоть я и польщена, что я, жена,
С Дарой, с могучим Фором сравнена,

Но я ведь Фора и Дары сильнее,
Войск больше у меня, мой фарр светлее.

Неужто я кейсару покорюсь,
Его угрозы дерзкой устрашусь?

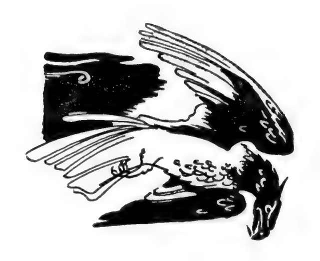
У врат моих дозор в сто тысяч кружит,
В войсках моих князья и шахи служат.

Я кликну клич — ко мне со всех сторон
Сберется пахлаванов миллион.

Все подданные у меня богаты,
Желаньем драться за меня объяты.

Ты много слов пустых наговорил.
Будь жив Дара — ты б разве победил?!»

К письму печать златую приложила,
Гонца обратно, как стрелу, пустила.

РУМИЙЦЫ БЕРУТ В ПЛЕН СЫНА КЕЙДАФЫ

Царь Искандар письмо ее прочел,
Велел трубить в карнаи, рать повел.

Пустыней шел, под зноем, средь безводий.
И целый месяц он провел в походе.

Был страж на Андалусских рубежах
Фирйан в своем уделе, славный шах.

На скалах башни крепости стояли,
Куда и журавли не долетали.

Повозка по стене пройти могла,
Так широка, толста стена была.

Шах Искандар, в заботах неустанный,
К стене пригнал баллисты и тараны.

Из катапульт камнями город бил,
Таранами подножье стен долбил;

Ворвался в город через брешь пролома,
Но в городе не учинил разгрома.

Не стал он кровь напрасно проливать
И грабить запретил и убивать.

Сын Кейдафы в том городе случился.
Он был Фирйану зять. Фирйан гордился

Таким высоким свойством и родством,
За что и удостоен был венцом.

Тот зять Фирйана Кейдарушем звался.
Фирйан ему во всем повиновался.

Шахргиру, — был такой румийский муж, —
С женой попался в путы Кейдаруш.

Шахргир привел их пред лицо владыки.
Кто пленник — понял Искандар великий.

Позвал к себе вазира своего,
Надел свою корону на него.

Был это Бейтакун — советник шаха.
А царь ему: «На трон садись без страха.

Я буду, как слуга, внизу стоять,
Тебя ж — владыкой мира называть.

Как приведут их, — пред четою пленной
Ты вид прими суровый и надменный,

Неумолимый гнев на них обрушь
И крикни: «Да погибнет Кейдаруш!

Эй, палачи!» А я тогда с мольбою —
Простить его — паду перед тобою.

Но в гневе ты не слушай ничего.
Потом, как бы смягчась, прости его».

Вазир внимал, себя злодеем числя.
Не понимал он тайной шахской мысли.

Премудрый Искандар сказал ему:
«О том, смотри, — ни слова никому.

Пусть Кейдаруш присутствует и слышит —
Ты скажешь мне, что Кейдафа нам пишет.

Потом прикажешь мне: «Скачи гонцом
С ответным нашим Кейдафе письмом».

«Исполню, — Бейтакун сказал с поклоном —
Твои слова да будут мне законом».

Как только ночь бежала и лучи
Светила дня блеснули, как мечи,

Бледнея от стыда, в душевной боли,
Сел Бейтакун на золотом престоле.

А у подножья, как слуга простой,
Стал Искандар с поникшей головой.

Ввел Кейдаруша в зал Шахргир суровый.
На пленнике железные оковы.

Держалась за руку его жена,
И плакал он, и плакала она.

Муж Бейтакун спросил: «Что это значит?
Кто этот пленник и о чем он плачет?»

А пленник: «Милосердье обнаружь!
Увы! Я сын царицы — Кейдаруш!

А это — нет в моих словах изъяна —
Жена моя со мною — дочь Фирйана.

Я увезти ее хотел к себе.
Но, видно, счастья нет в моей судьбе.

Настиг меня в пути аркан Шахргира.
Не разлучай нас, повелитель мира!

Мой дух убит зловещею звездой,
А плоть скорбит, пронзенная стрелой».

Внял Бейтакун бедняге Кейдарушу,
Но мыслил: «Воли шахской не нарушу!»

Он крикнул: «Эй, палач, обоих взять!
Живьем их надо в землю б закопать!

Но, так и быть, железом обезглавь их —
И брось на пустыре, волкам оставь их!»

Тут Искандар в слезах на землю пал:
«Помилуй их, владыка! — он взывал. —

Хоть ради службы всей моей усердной
Прости их, светоч мира милосердный!

Ведь молоды они! В чем их вина?
Мне жаль их! И кому их кровь нужна?

Простить и отпустить домой их надо.
Завет Йездана — милость и пощада!»

И молвил Бейтакун: «Эй, цвет мужей!
Ты спас от смерти этих двух людей».

И к Кейдарушу: «Вот он — без боязни
Вступился за тебя и спас от казни.

Ты к матери своей вернешься с ним;
Он едет к Кейдафе с письмом моим.

И если дань она платить согласна,
Тогда — добро! Живите безопасно.

Запомни: Всем обязан ты ему,
Пречистому дастуру моему.

И пусть ему беда не угрожает.
Добром ему воздай, как подобает,

Среди чужих ему защитой будь
И с миром проводи в обратный путь».

И Кейдаруш воскликнул со слезами:
«Клянусь душой, ушами и глазами —

Ему в лицо и ветер не дохнет!
И невредим обратно он придет!»

ИСКАНДАР ОТПРАВЛЯЕТСЯ ПОСЛОМ К КЕЙДАФЕ

И выбрал Искандар десятерых
Среди мужей испытанных своих.

Все преданны на жизнь и на смерть были,
Все тайну шаха в сердце заключили.

Шах им сказал: «Запомните, друзья,
Что «Бейтакун» зовусь отныне я».

Собрались в путь. Дорогою все время
Шах с Кейдарушем ехал стремя в стремя.

Приблизились к горе. Пошел подъем,
Где камни были цельным хрусталем.

Кругом сады плодовые пестрели,
Привольных пастбищ травы зеленели.

Столица Кейдафы над крутизной
Стояла, окруженная стеной.

О возвращенье сына услыхала
Царица и навстречу поскакала

Сама, с дружиной избранной своей,
Со свитою мобедов и князей.

Сын Кейдафы предстал, проворно спешась,
Она, нежданной встречею утешась, —

«Сядь на коня», — промолвила, и с ним
Поехала к воротам городским,

Глаз от его лица не отрывая
И рук его из рук не выпуская.

И юноша, не сдерживая слез,
Все рассказал ей, что он перенес.

Он говорил: «Фирйана крепость пала.
Ни войск, ни трона у него не стало.

Меня с женой, как тигр от крови яр,
Велел казнить свирепый Искандар.

Но спас меня горячею мольбою
Муж Бейтакун, приехавший со мною.

Когда б не он, давно б я трупом был.
Исполни, что бы он ни попросил!»

У Кейдафы от чувств разноречивых
Вся кровь вскипела предков горделивых.

Но вид она радушный приняла,
Приветствуя румийского посла.

И на почетном месте усадила,
И о здоровье ласково спросила.

Особый отвела ему чертог,
Чтоб отдохнуть он там со свитой мог.

Спал Искандар в ту ночь. А встав с рассветом,
Он во дворец явился за ответом.

Через проем завесы парчевой
Ввели его в блистающий покой.

А там на троне из слоновой кости
В короне Кейдафа встречала гостя.

В одеждах, златом затканных, вокруг
Стояло множество князей и слуг.

И счета не было жемчужным зернам
На каждом одеянии узорном.

Служанки были с серьгами в ушах,
В высоких золоченых башмачках.

Кейсар сперва не мог промолвить слова
Среди великолепия такого.

Трон Кейдафы алмазами сиял.
Иран такого трона не знавал.

Пред Кейдафой главой он преклонился,
Смиренно на колено опустился.

Послу царица оказала честь,
На золотой тахте велела сесть.

Внимание и ласку оказала.
Когда же время трапезы настало,

Она столы велела накрывать,
Принесть вина и музыкантов звать.

Столы в палате пировой просторной
Все были в золоте, в резьбе узорной,

Бесчисленные блюда принесли,
Кристальные сосуды принесли.

Вот, чаши взяв с подносов золотых,
За Кейдафу все осушили их.

Она ж, едва пригубив из фиала,
С кейсара глаз пытливых не спускала.

И казначею молвила: «Скорей
В сокровищнице потайной моей

Возьми и принеси без промедленья
Румийского царя изображенье».

Ходил недолго старый казначей.
Принес он свиток, положил пред ней.

Она изображение раскрыла,
Рисунок тот с лицом посла сравнила.

И разницы нималой не нашла
Между лицом кейсара и посла,

И поняла: к ней не гонец явился, —
Сам Искандар пришел — не устрашился.

Спросила: «Ну, с каким ты делом к нам
Приехал, муж, угодный небесам?»

Посол ответил: «Полн благоволенья,
Кейсар такое дал мне повеленье:

«Великой славной Кейдафе скажи:
Царица, с правдой, с мудростью дружи!

Надеюсь, ты не выкажешь упорства,
Повиновенье явишь и покорство.

Ведь коль со мною ты начнешь войну,
Все потеряешь — войско и казну.

О мудрости твоей я много слышал
И с войском до сих пор на вас не вышел.

Я ждал — на мир со мной пойдешь сама
Ты — по величью духа и ума.

И если ты сокровищ часть потратишь
И справедливую мне дань уплатишь, —

Счастливую ты обретешь судьбу.
Нет сил у вас со мной вступать в борьбу».

Великим гневом Кейдафа вскипела,
Но в тот же миг собою овладела

И мягко молвила: «Теперь ступай
В свои покои, гость, и отдыхай.

Тебя я завтра утром снова встречу
И на посланье шахское отвечу».

Ту ночь без сна провел румийский шах.
Он видел, что запутался в сетях.

Когда рассвет рассеял мглу тумана
И горы облачились в шелк багряный,

В чертоги Кейдафы явился шах,
В тревоге, но с улыбкой на устах.

Вазир его у входа встретил главный,
С почетом проводил к царице славной.

Вошел он в дивной красоты чертог.
Людей вместить он много тысяч мог.

Кругом — столпы из яшмы и кристалла.
На троне бирюзовом восседала

В чертоге том великая жена,
Надменной свитою окружена.

Из цельных плит порфира и агата
Слагались стены царственной палаты.

Пол — из алоэ. Ярче вешних утр
Светился капителей перламутр.

Дивясь высоким сводам и колоннам,
Гость ослеплен был лучезарным троном.

«Где есть и у кого подобный зал?
Да нет нигде!» — он сам себе сказал.

Он подошел к царице, поклонился
И в кресло перед нею опустился.

Сидел, молчал он, в думу погружен.
Она спросила: «Чем ты поражен?

Иль в Руме нет — столь гордом и богатом —
Дворца, подобного моим палатам?»

«Владычица! — ей Искандар сказал, —
Поистине я чудо увидал.

Что пред тобой цари и властелины?
Ты перлы черплешь из морской пучины!»

И рассмеялась Кейдафа в ответ,
Вся просияла, как небесный свет.

Она придворных свиту отпустила,
Посла перед собою посадила

И молвила: «Эй, Фейлакусов сын!
И впрямь ты смел, что к нам пришел один.

Ты крепок на пиру и в ратном споре,
И счастье людям ты несешь и горе».

Не ждал, что ждет его такой удар,
Похолодел великий Искандар.

Ответил он: «О мудрая царица!
Мне речь твоя насмешкой злою мнится.

С царем вселенной бедного гонца
Ты сравниваешь? Я молю творца,

Чтоб не возникло сплетни злоязыкой,
Чтоб не узнал об этом шах великий».

А та: «Не спорь. Напрасна ложь твоя.
Ты — Искандар. Тебя узнала я.

А как узнала — тайну я открою.
И ты смирись и не хитри со мною».

Раскрыла свиток, и увидел он
Тот шелк, где был он сам изображен

Так схоже, что не виделось различья
В изображенье и в живом обличье.

И, веру потеряв в свою судьбу,
Кейсар в досаде закусил губу,

Подумал: «Здесь один я, безоружен.
А меч всегда в одеждах скрытый нужен».

Все, что он думал, Кейдафа прочла
И так его насмешкой обожгла:

«Эй, пленник мой! Ты, видно, сожалеешь,
Что под рукой оружья не имеешь?

Будь ты с мечом, ты все равно б не смог
Уйти на волю через мой порог».

Ответил Искандар: «Не подобает
Тому, кто смелым духом обладает,

Кто целый мир решил завоевать,
В несчастный миг пред смертью отступать.

Будь меч со мной, кинжал короткий даже,
Я справился б со всей твоею стражей!

Я и тебя на месте бы убил
Иль сердце тут же сам себе пронзил».

КЕЙДАФА ДАЕТ НАСТАВЛЕНИЕ ИСКАНДАРУ

Тут Кейдафа невольно рассмеялась, —
Речь необдуманной ей показалась, —

И молвила: «Хоть ты судьбой храним,
Не обольщайся мужеством своим.

Не ты сразил мужей великих Синда,
Дару и Фора — исполина Хинда.

Судьбою был разрушен их оплот.
Их осудил бегущий небосвод.

Ну, а тебе благоволят светила,
И возгордился ты своею силой.

Йездан тебя возвысил, не забудь.
Йездану вечно благодарен будь.

Мнишь ты, что мудр. Пусть я тебя обижу —
Но мудрости в твоих делах не вижу.

Как может доброй волею попасть
Всезнающий мудрец в драконью пасть?!

Ты — шах, что ж сам взамен посла идешь ты?
Зачем поспешно сам свой саван шьешь ты?

Кровь не в моих обычьях проливать,
Да и послов постыдно убивать.

Лишь тот правитель впрямь великим будет,
Который мудр и справедливо судит.

А кто великодушия лишен —
Тот вечной адской муке обречен.

И я тебя отправлю восвояси,
От всяких зол в пути обезопася.

Надеюсь, будешь ты зрелей умом,
Впредь не поедешь никуда послом.

Во-первых — то тебе не подобает,
А во-вторых — ведь всяк тебя узнает.

Хранятся в тайной горнице моей
Изображенья всех земных царей.

Мой живописец тайно посетил их
И с дивным сходством всех изобразил их.

И от кого меня опасность ждет,
Узнал по гороскопам звездочет.

Пред тем, кто щедр и всем добра желает,
Сама судьба завесы открывает.

Тебя я Бейтакуном буду звать,
Чтоб тайну здесь никто не мог узнать.

И ты добром потом домой вернешься,
Коль мне великой клятвой поклянешься,

Что никогда против страны моей,
Против меня, против моих детей

Зла не умыслишь тайно или явно,
Меня ж — во всем себе признаешь равной».

Тут Искандар возликовал душой,
Что он живым в предел вернется свой.

И он поклялся именем Йездана,
И верой Масиха, и сталью бранной:

«Пока я жив, ни со страной твоей,
И ни с тобой, и ни с родней твоей

Я не хочу войны! И будешь славной
Ты зваться в мире — мне в величье равной!»

Лишь он поклялся, молвила она:
«Я тайное открыть тебе должна:

Мой старший сын, Тинуш, гневлив и вздорен.
И мне, увы, он не всегда покорен.

Как быть — я мать. А он был Фору зять.
Он жаждет мести и не должен знать,

Что видит не посла, а Искандара.
И ты прикинься сам врагом кейсара.

А если сын за Фора мстить начнет,
Он наземь опрокинет небосвод.

Теперь в посольский дом ступай спокойно,
В надежде доброй отдыхай спокойно».

ИСКАНДАР ПРИБЕГАЕТ К ХИТРОСТИ ПРОТИВ ТИНУША

Тревогу, тяготившую вчера,
Избыв, проспал румиец до утра.

В свое спасенье веря, полн надежды,
Навстречу утру разомкнул он вежды.

Покинул Искандар посольский дом,
Поехал он к царице на прием.

Она ждала в большом дворцовом зале.
У трона приближенные стояли.

В глуби чертога, светом залитой,
Блистал огромный идол золотой.

Струилось от цветов благоуханье,
Стояли оба сына в ожиданье —

Добросердечный юный Кейдаруш
И грозный видом богатырь Тинуш.

И младший ей: «О мать, страной счастливой
Рукою правящая справедливой!

Пусть славный Бейтакун — спаситель мой,
Довольный всем, отправится домой,

И чтоб его в дороге охраняли
И все его желанья исполняли.

Ведь он меня от смерти защитил,
Он мне и жизнь и счастье возвратил».

«Исполню, сын мой, — Кейдафа сказала, —
Все сделаю, как я пообещала».

Потом к послу: «Ну, гость наш дорогой!
Теперь пред нами свой тайник открой.

Мне невдомек, что Искандару нужно?
Соседи мы, — и жить могли бы дружно.

Поведай нам про шаха своего —
Каков он нравом, кто дастур его?»

«Владычица! — посол ей поклонился, —
В твоей стране я слишком загостился.

Дань требует он с вас; и я боюсь, —
Придет он с войском, если задержусь.

Дань взять с тебя немалую велит он.
Иначе — разорить страну грозит он!»

Когда Тинуш ту речь уразумел,
Он, словно зимний вихрь в степи, вскипел:

«Эй ты, безмозглый! Раб ты, а не воин!
Ты званья человека недостоин.

Ты перед кем сидишь, дикарь степной!
Встань на колени, не маши рукой!

Твой шах, как ты, должно быть, неотесан!
Да от меня и ног бы не унес он!

Да за такие дерзкие слова
Твоя бы вмиг слетела голова,

Когда бы не сидела здесь царица!
Но я тебя настигну, месть свершится!»

Тут Кейдафа на сына своего
Так крикнула, что обмер дух его.

«То не слова посла, — она сказала, —
С кейсара шкуру ты сдери сначала».

И громко страже: «Пусть он прочь уйдет,
Порыщет в дальнем поле, гнев уймет».

А Искандару молвила: «Тинушу
Порою злобный див смущает душу.

Он, может быть, замыслит что-нибудь,
Когда ты тронешься в обратный путь.

Но никакого зла я не желаю
Ни сыну, ни тебе. Как быть — не знаю».

«Все кончится добром, — он молвил ей, —
Вернуть вели Тинуша поскорей!»

Владычица Тинуша воротила,
На трон с собою рядом посадила.

Кейсар сказал ему: «О славный муж!
Не гневайся, терпенье обнаружь.

Во имя справедливости и чести
Служить тебе я буду в деле мести.

Дух алчности кейсаром овладел.
Я говорил лишь то, что он велел.

Я — лишь посол, слуга его, не боле.
Он требует от вас немалой доли.

И что б у вас тут ни стряслось со мной,
И пусть бы я расстался с головой,

Не огорчится он — я это знаю.
И вот тебе условье предлагаю:

Коль я кейсара за руку возьму
И приведу к подножью твоему

Без войска, без меча для обороны,
Как пленника — без трона и короны, —

Что ты мне в этом царстве подаришь,
Как за услугу отблагодаришь?»

Тинуш ему ответил: «Действуй смело.
Откладывать нельзя нам это дело.

И если будет так, как ты сказал,
И ты исполнишь все, что обещал,

То всю казну мою, коней проворных
И всех моих невольников покорных

Тебе я счастлив буду подарить
И век тебя потом благодарить.

Помощником моим ты славным будешь,
Советником моим ты главным будешь!»

«Клянусь!» — сказал кейсар и с места встал,
Тинушу руку крепко он пожал.

А тот: «Какие ты применишь чары,
Чтоб заманить в ловушку Искандара?»

Ответил шах: «Поеду я домой,
Ты, шахзаде, последуешь за мной.

И тысячу мужей возьмешь с собою,
Испытанных тобой, привычных к бою.

На том краю пустыни — лес, кусты,
И в том лесу засадой встанешь ты,

А сам я к Искандару поскачу.
И только час удобный улучу,

Узнаю — тайнами его владея, —
Что на уме у этого злодея.

Скажу ему: «Тебе богатства шлет
Царица и сама к тебе идет».

Посол твой скажет: «Старший сын царицы
Хотел бы пред тобою преклониться.

Он с малой свитою придет сюда,
Коль ты не причинишь ему вреда».

Кейсар ответит: «Смело пусть идет он!
Пусть чашу здесь со мною изопьет он».

Увидишь — выйдет Искандар без войск, —
Ты нанесешь ему удар без войск,

Но чтоб ловушки не подозревал он,
Чтоб о моей измене не узнал он...

Самоуверен и беспечен он,
В тени деревьев свой поставит трон.

Как только запирует он, не бойся, —
Хватай его и сердцем успокойся.

Я отомщу. Я был обижен им.
А ты — ты там с ним справишься с самим.

Тогда — я твой слуга! Что ни прикажешь,
Я сделаю! Исполню все, что скажешь!

Коль замысел исполнится, тогда
Забрезжит счастья твоего звезда.

И без кровопролития, без брани
Сокровища возьмешь ты вместо дани!»

Впивал Тинуш коварные слова,
Высоко поднялась его глава.

Сказал: «Во мне надежда возродилась!
Да! Счастье наше не навек затмилось!

Коль он в тенета наши попадет,
Месть беспощадная румийца ждет

За кровь Дары, за кровь героев Синда,
За гибель Фора, властелина Хинда!»

Когда те речи Кейдафа вняла,
Всю хитрость Искандара поняла,

Но смех она невольный подавила, —
Кораллы под густой вуалью скрыла.

Прочь вышел Искандар, исполнен дум.
Не спал его глубокий тонкий ум.

СОЮЗ ИСКАНДАРА С КЕЙДАФОЙ И ЕГО ВОЗВРАЩЕНИЕ

Когда рассвет стоцветно облака
Разрисовал, как чинские шелка,

И мрак лиловый скрылся за горами,
И встало солнца золотое знамя,

Вновь, положась на вечного творца,
Подъехал Искандар к вратам дворца.

Его с коня почтительно ссадили
И к Кейдафе в чертоги проводили.

Покинула толпа придворных зал,
И Кейдафе с поклоном он сказал:

«Пусть Муштари сопутствует бессменно
Тебе, великой, мудрой, несравненной!

Вот я опять теперь перед тобой
Клянусь Йездана славою святой,

Клянусь крестом и благостною вестью,
Клянусь законом, верой, царской честью,

Клянусь крылатым духом пресвятым,
Что ни тебе, ни подданным твоим

Вовек отныне угрожать не буду
И против вас злоумышлять не буду.

Без страха сын твой пусть со мной пойдет;
С его главы и волос не падет.

Я клятву жизнью всей своей скрепляю,
Добра и счастья я вам всем желаю!

Твои друзья теперь — мои друзья.
Святыней стала мне страна твоя!»

Румийца взглядом смерила царица,
Его словам поверила царица.

И позвала советников своих,
И сесть велела в креслах золотых.

Всех мудрецов, ниспосланных судьбою,
С почетом усадила пред собою

И позвала обоих сыновей
На тот совет мобедов и князей.

И к ним с такою речью обратилась:
«В сей краткой жизни, что бы ни случилось,

Ничто не стоит тягостных тревог,
Лишь от войны бы нас избавил бог!

Шах Искандар, душою беспокойный,
Всю жизнь свою не прекращает войны.

Богаты мы несметною казной,
Из-за богатств он нам грозит войной.

Но ведь не стоит горести душевной
Все золото в юдоли сей двухдневной.

Нам не нужна война, но и страна
Должна быть от врагов ограждена.

Добро, коль миром мы поладить сможем.
Союз и дружбу мы ему предложим.

Но если наш совет отвергнет он,
Пойдет на нас, душой ожесточен,

То на него сама я с войском выйду.
Я подданных своих не дам в обиду.

Так обернется для него война,
Что слезы будет лить над ним луна.

Но все ж сперва стремиться к миру будем,
Дабы не причинять страданий людям.

Что скажете? Права я или нет?
Какой, друзья, дадите мне совет?»

И стали отвечать поочередно
Князья правительнице благородной:

«О мудрая! Да во вселенной всей
Тебе подобных не было царей!

Столь мягко правишь ты и справедливо,
Что Андалус прослыл страной счастливой.

Да если Искандар на мир пойдет,
Мы обретем незыблемый оплот.

Тогда мы никого не устрашимся
И счастья и сокровищ не лишимся.

Ведь, если выкуп мы ему пошлем,
Мы большее богатство обретем.

Любой ценою — мир! Не назовется
Великим тот, кто вечно к войнам рвется».

Правительница выслушала их,
Мобедов и советников своих,

Улыбкой расцвела, повеселела,
Сокровищницу отпереть велела

И драгоценный принести венец,
Что в дни торжеств носил ее отец.

Он был великих мастеров твореньем;
В нем счета редким не было каменьям.

Она сказала: «Нет венцу цены.
Купить — не хватит никакой казны.

Венчался им прославленный владыка,
Отец мой, муж поистине великий.

И счастлив тот, кто обретет его.
Шах без него не стоит ничего».

Был у нее в палате потаенной
Престол, из прутьев золотых сплетенный.

Престол тот дивный счастье приносил,
Он самоцветами осыпан был.

И в виде четырех голов дракона
Отлиты были дивно ножки трона.

На спинке было перлов восемьсот,
А яхонтам был неизвестен счет.

Гранатовыми зернами сверкала
Там россыпь лалов — каждый в два мискала.

Там изумруды лучшие земли,
Как радуга зеленая, цвели.

Да, Кейдафу по щедрости, не споря,
Сравнил бы каждый с глубиною моря.

Потом неслыханной величины
Пятьсот слоновых бивней внесены.

И притащили сотни кож оленьих
Тисненых, в яркоцветных украшеньях,

И сто ловецких принесли орлов,
И сто охотничьих пригнали псов,

И, в шкурах леопардов берберийских,
Сто привели верблюдов аравийских,

И сотню, под охраной пастухов,
Могучих вьючных привели быков,

И принесли еще в резьбе бесценной
Четыре сотни кресел из эбена,

И из алоэ — дивной красоты
Четыре пышных принесли тахты,

И сто коней пригнали снаряженных
В красивых седлах, в дорогих попонах,

И в оружейном складе казначей
Индийских выбрал тысячу мечей,

И тысячу еще кольчуг булатных,
И тысячу блестящих шлемов ратных.

Сказала Кейдафа: «Сочтите всё.
Румийскому послу вручите всё.

Ему пора домой. Со щедрым даром
Пусть явится он перед Искандаром».

Когда рассвет над миром стяг развил
И лик небес лиловый убелил,

И горы сандараком заблистали,
Литавры во дворце загрохотали,

Сел Искандар на своего коня,
Чело злаченым шлемом осеня.

А с ним Тинуш с дружиной снарядился,
Вошел в чертог и с матерью простился,

Сказал: «Храни тебя предвечный бог!
Будь с счастьем — как основа и уток».

И с лжегонцом Тинуш поехал смелый.
И прибыли в румийские пределы.

Уже невдалеке лежал майдан,
Где всех румийских войск был главный стан.

В дубраве Искандар остановился,
Где тень была, ручей в траве струился.

Сказал Тинушу он: «С коня сойди.
Здесь отдыхай. Меня спокойно жди.

Сейчас поеду к своему царю я;
Увидишь, как его перехитрю я.

Сбежались воины, возликовав,
Что Искандар великий жив и здрав.

От громких кликов загремело поле.
Сел Искандар великий на престоле;

И кто опишет войска торжество?
От радости, что дождались его,

От умиленья воины рыдали,
Что снова лик владыки увидали.

Царь тут же выбрал тысячу из них —
Испытанных соратников своих,

В сражениях себя покрывших славой,
Разящих палицею быкоглавой.

И с ними окружил великий муж
Ту рощицу, где ждал его Тинуш.

И крикнул он: «Эй, жаждущий отмщенья!
Что предпочтешь ты — бегство иль сраженье?»

Когда Тинуш засаду увидал,
Похолодел он и затрепетал,

Сказал: «О шах! Не будь со мной суровым!
Ведь матери ты обязался словом.

Великодушен будь, прости меня,
Как Кейдаруша, отпусти меня!»

А Искандар великий засмеялся:
«О государь, чего ты испугался?

Не бойся. Никогда и никого
Не трону я из рода твоего.

Вовек я данной клятвы не нарушу.
Предательством губить не стану душу!»

И спешился Тинуш, и наземь пал,
И землю перед ним поцеловал.

Взял за руку его, велел подняться
И молвил шах: «Не надо унижаться.

Ты мне не раб. Ты равен мне во всем.
И чувства мести в сердце нет моем.

Когда я клятвой клялся пред царицей,
Твою десницу я пожал десницей

И обещал тебе, коль в Рум войдешь,
Ты Искандара за руку возьмешь.

Я все исполнил. Я клялся недаром.
Рука в руке стоишь ты с Искандаром.

Я — Искандар. Послом у вас я был.
Прости! Тебе я басни говорил!

Но мать твоя премудро угадала,
Что Искандар я, с самого начала».

И молвил слугам: «Ставьте поскорей
Помост для пира здесь, в тени ветвей!»

Все было сделано за миг единый.
Певцы явились, блюда, чаши, вина.

И много дал подарков дорогих
Тинушу царь из тайников своих.

Всех спутников Тинуша одарил он,
Навек их золотом обогатил он,

Великую Тинушу воздал честь
И молвил: «Не задерживайся здесь.

В свои пределы воротись родные,
А тут места опасные, глухие.

Скажи царице: «Мудрая жена,
Ты истинным величием полна.

Пока я жив, я клятву не забуду,
Союзу, дружбе с вами верен буду!»

ИСКАНДАР ПРИХОДИТ В СТРАНУ БРАХМАНОВ

Вот из своих пределов, как орел,
Взмыл Искандар, опять войска повел.

И он в страну брахманов прибыл вскоре.
Его влекло к себе познанья море.

Брахманы, услыхав, что славный шах
Остановился с войском в их краях,

Все вышли из своих пещерных келий
И обсуждать событье это сели.

И написали шаху-мудрецу
Письмо: «Хвала на небесах творцу!

А на земле — в юдоли нашей бренной —
Хвала тебе от нас, благословенный!

Пусть мощь твоя и мудрость возрастет,
И пусть твоя держава процветет!

Йездан, исполненный благоволенья,
Тебе полмира отдал во владенье.

Мы служим богу. Так пошли нам весть,
Зачем пришел? Чего ты ищешь здесь?

Страна у нас бедна; что с нас возьмешь ты?
Земных сокровищ здесь не обретешь ты.

Мы волей и терпением сильны.
Мы счастьем знанья истинным полны.

Терпенье наше все превозмогает.
А знанье людям зла не причиняет.

Ты здесь, в долинах и степях пустых,
Людей увидишь нищих и нагих.

Коль ты у нас задумал утвердиться,
То с войском здесь тебе не прокормиться».

Вот к шаху прибыл их гонец с письмом
Пешком; одежды не было на нем.

Лишь бедра темные свои облек он
Повязкою из травяных волокон.

И было нечто у него в глазах,
Что содрогнулся сердцем славный шах.

На месте том простился он с войсками;
Поехал лишь с немногими мужами.

Все мудрецы святые той земли
С высоких гор встречать его сошли.

Плоды у ног царя на землю клали.
Ведь все они не сеяли, не жали.

И громко восхваленье вознесли
Владыке обитаемой земли.

Прислушался к речам их шах великий,
Вгляделся в удивительные лики.

Все были босы и обнажены,
Но света и величия полны.

Одежды их из листьев облекали.
Плоды лесов их пищу составляли.

Не ведая о битвах и пирах,
Они в долинах жили и в горах.

Хоть полны разной дичи степи были,
Охота и убийства им претили.

Питье их было — чистая вода,
Плоды и злаки дикие — еда.

Он спрашивал их: «Что вам служит пищей?
Как вы возводите свои жилища?

Зло и добро нам дарит небосвод,
Что ж вы берете от земных щедрот?

Вы чем и как сражаетесь с врагами?»
И отвечал глава над мудрецами:

«О солнце славы, доблести звезда!
Мысль о войне издревле нам чужда.

У нас тепло, нам не нужны жилища,
Самой природой нам дается пища.

Зачем парчой нам тело украшать?
Ведь смертного нагим рождает мать.

Нагим уходит смертный в недра праха,
А мир — обитель горя, скорби, страха.

Алчбы мы чужды, вечность — наша цель.
Нам кровля — небо, а земля — постель.

К чему мироискателя старанья?
Его богатства и завоеванья?

Ведь сколько б ни собрал сокровищ он, —
В свой час он всё утратить обречен.

Блажен, кто к благу вечному стремится,
А вся земная слава истребится».

«Чего же больше, — Искандар спросил, —
Явлений явных или тайных сил?

Живых ли больше в бренном мире этом
Иль навсегда расставшихся со светом?»

И отвечал один из мудрецов:
«На миллион, быть может, мертвецов —

Два иль один живой едва ль найдется.
И счастлив, кто от вечных мук спасется!

Блажен, кто людям зла не принесет!
Ведь всяк уйдет отсюда в свой черед».

Спросил румиец: «В мировом просторе
Недвижной суши больше или моря?»

«Всю твердь земную, — отвечал брахман, —
Безбрежный омывает океан».

«Кто бодрствует во сне? — спросил владыка. —
Чей не простится вечно грех великий?

Кто в слепоте душевной, средь забот,
Не знает сам, зачем он здесь живет?»

Брахман в ответ: «О светоч мирозданья,
Пречистый шах, взыскующий познанья!

Грешнее всех, исполненный алчбы,
Завоеватель — баловень судьбы.

Коль ты духовным взором обратишься
Сам на себя — ты в этом убедишься.

Ведь вся земля захвачена тобой.
Сам небосвод как будто данник твой.

А ты не сыт, хоть миром обладаешь.
Мозг из земли исторгнуть ты желаешь.

Душой ты ада алчешь. Устрашись!
От войн кровопролитных отрешись!»

Еще спросил их Искандар великий:
«Кто ж на стезе неправды наш владыка?»

Сказали: «То алчба — душа греха,
Основа зла. Она к добру глуха».

Спросил он: «В чем же суть алчбы всеядной,
Ненасытимой, низкой, зверски жадной?»

Брахман ответил: «Алчность и нужда —
Два демона, не спящих никогда.

Один иссох и злого полн упорства.
Другой не спит ночами от обжорства.

Сразит обоих колесо времен.
Блажен, кто к правде духом устремлен!»

Внял Искандар, и цвет его ланит
Стал желтым, как поблекший шамбалид.

Его лицо морщинами покрылось,
Слеза из глаз невольно покатилась.

И он спросил их: «В чем нужда у вас?
Просите. Всё исполню в сей же час.

Всей властью с вами поделюсь моею,
Трудов своих для вас не пожалею».

Ответили: «Со смертью в бой иди.
От смерти нас, коль можешь, огради».

Сказал он: «Дни бегут неудержимо,
И в мире только смерть непобедима.

Будь ты хоть из железа сотворен,
Тебя пожрет таинственный дракон.

Увянет юный цвет, иссякнет сила —
И не спастись от старости унылой».

Сказал брахман: «О властелин-мудрец!
Всем одарил тебя благой творец.

Ты, словно солнце, разумом сияешь.
Что не избегнуть смерти нам, ты знаешь.

Что ж ты возжаждал мир завоевать,
Войн ядовитым воздухом дышать?!

Умрешь — твоя десница все утратит
И враг плоды трудов твоих захватит.

Зачем ты страшной тяготой такой
Обременился? Где он — разум твой?

Безумие — в юдоли нашей бренной
Надеяться на этот мир мгновенный!»

Ответил шах: «Я — раб, и не дано
Мне преступить, что небом решено.

Я преступил бы, будь я в состоянье,
Неведомое мне предначертанье.

Все решено заране. Никому
Не обойти, что суждено ему.

Не мной, а грозной волей провиденья
Убиты были павшие в сраженье.

Кто осужден судьбою, тот падет.
Насильник от возмездья не уйдет.

Они не жертвы моего удара.
Постигла их божественная кара.

Йездан велик. Мы все — его рабы.
И никому не скрыться от судьбы!»

Потом брахманов щедро одарил он,
Но в их стране недолго прогостил он.

Обиды никому не причинил
И вдаль стопы на запад устремил.

ИСКАНДАР ПРИБЫВАЕТ В СТРАНУ МЯГКОНОГИХ И УБИВАЕТ ДРАКОНА

В долину мягконогих прибыл он
И был толпой их дикой окружен.

Громадны телом, как слоны по силе,
Те воины, как дивы, наги были,

Без копий, без мечей и без щитов.
Раздался их громоподобный рев,

И град камней они, как буря, яро
Обрушили на войско Искандара.

Сомкнулись люди Рума, в бой пошли.
Хоть многие в той битве полегли,

Но справились они с ордою дикой.
Тут войску отдых дал кейсар великий.

Потом поспешно дальше рать повел
И к городу большому подошел.

Мужи градские все навстречу вышли
С добром, с поклоном, а не в сечу вышли.

Они кейсару поднесли дары:
Одежды, драгоценные ковры.

Шах Искандар с почетом усадил их
И обо всем с участьем расспросил их.

Он в мирный город с войском не вступил,
Палатки и шатры в степи разбил.

Гора вдали над степью возвышалась.
Она, казалось, в небо упиралась.

Угрюмы были склоны кручи той,
Обросшие чащобою густой.

Шах горожан спросил: «Как здесь пройти мне?
Какой дорогой войско провести мне?»

И горожане молвили в ответ:
«О достославный шах, вселенной свет!

Путь через гору эту пролегает,
Но путникам опасность угрожает.

В пещере за горой живет дракон.
Дыханьем все живое губит он.

И так его дыханье ядовито,
Что ваше войско будет им убито.

Из пасти пламя изрыгает он.
Пред ним изнемогают лев и слон.

И мы защиты от него не знаем.
Мы в день по пять быков ему бросаем.

Даем быков чудовищу тому,
Чтоб к нам сойти не вздумалось ему.

Коль он придет — ничто нам не поможет.
Он нас на месте толпами уложит».

Тут пятерых откормленных быков
Шах Искандар купил у мясников.

Велел зарезать их и снять с них шкуры,
Искусно целиком содрать с них шкуры,

И ядом с нефтью шкуры те налить,
И к логову драконьему тащить.

Когда на кручу шкуры подымали,
То в руки из рук их передавали.

Когда кейсар взошел на крутосклон,
Вниз поглядел и ужаснулся он.

Чудовище, подобно черной туче,
Клубилось над обрывом черной кручи.

Дракон дышал пылающим огнем,
Он скалы шарил синим языком.

По знаку шаха были в миг единый
Все бычьи шкуры сброшены с вершины.

Дракон голодный шкуры проглотил
И дух в ужасных муках испустил.

В крови дракона яд распространился,
О скалы головою он забился.

Тот яд и нефть нутро его прожгли,
И силы чудища изнемогли,

Последние утихли содроганья.
Тогда румийцы, полные дерзанья,

Приблизились и градом стрел в упор
Осыпали дракона диких гор.

Застыл он глыбой мертвой, недвижимой.
Кейсар войска провел немедля мимо

И вскоре подошел к другой горе
В снегах и ледниках, как в серебре.

Вершина той горы, как меч железный,
Вонзалась в синеву небесной бездны.

И на заоблачной вершине той
Был чей-то трон поставлен золотой.

Лежал на троне старец бездыханный,
И после смерти фарром осиянный.

На голове его венец блистал.
Его навес парчовый осенял.

Вокруг него сокровища лежали,
Но люди брать сокровищ не дерзали.

Кто прежде их похитить приходил,
В смятение впадал, лишался сил.

И умирал, как будто без причины,
И истлевал на склоне той вершины.

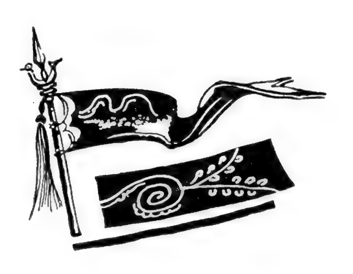
Кейсар взошел на кручу, увидал
Покойника и голос услыхал:

«Эй, Искандар! Узнай — в мгновенья эти
Дела твои кончаются на свете!

Пресыщенный земным добром и злом,
До вечных звезд вознесся ты челом.

Безмерное ты взял на плечи бремя,
Но и тебе уйти настало время!»

Тот голос Искандара устрашил.
С тревогой в сердце вниз он поспешил.

ИСКАНДАР ВИДИТ ЧУДЕСА В ГОРОДЕ ХАРУМЕ

Вот он к твердыням города Харума
Приблизился с богатырями Рума.

Там в ратных играх проводили дни
Воинственные женщины одни.

У каждой грудь была как плод граната,
Лишь справа под бронею из булата,

А слева грудь у них мужской была;
Такими их природа создала.

Перед валами, рвами и стенами
Стал властелин со знатными мужами,

И, справедливостью руководим,
Сначала он письмо отправил им.

Он так писал: «Хвала творцу вселенной,
Деснице справедливой неизменно!

Кто разумом высоким просветлен,
Тот неизменно к благу устремлен.

Вы слышали о том, что совершил я,
Как непокорных гордость сокрушил я?

А те, кто на меня с мечом пошли, —
Где все они? Во прахе полегли!

Предречено мне волей первозданной
Познать, пройти, увидеть мир пространный.

Я с вами не хочу войну вести.
Хочу я миром в город ваш войти.

И если тот, кто вами управляет,
Добра и справедливости желает, —

Пусть он, когда письмо мое прочтет,
Достойнейших меж вами изберет

И не замедлит с ними мне явиться,
И зла от рук моих не устрашится».

И выбрал шах мобеда одного,
И в город тот с письмом послал его.

Вход в крепость перед посланным открылся,
И он вступил в Харум и изумился.

Кругом он видит женщин лишь одних,
Ни одного мужчины среди них.

А девы-воины, со стен сбегая,
Столпились, на него взглянуть желая.

Воительницы знатные пришли;
Пред войском вслух письмо царя прочли.

Правительницы города Харума
Ту новость обсудили общей думой.

Написан ими был такой ответ:
«Эй, шах, дерзнувший покорить весь свет!

Посол твой нами в мудрости испытан,
Твой свиток нами до конца прочитан.

Ты о своем величии твердишь,
Ты о победах бывших говоришь,

Но если здесь на бой ты с нами выйдешь, —
Земли под нашей конницей невзвидишь.

Харум рядами башен окружен,
И в каждой десять тысяч храбрых жен.

Мы спим в кольчугах, неги мы не знаем.
Для блага тяготы претерпеваем.

Мы — девы. Мужа нет ни у одной.
Завет у нас незыблемый такой.

Ты видишь наши стены крепостные,
И рвы, и башни, и валы крутые?

И коль захочет замуж хоть одна,
Навек от нас уйти она должна.

Жара ли, снег ли, холод ли жестокий,
Она уходит через ров глубокий

В ваш мир людской от нас навеки прочь.
И если там у ней родится дочь,

К румянам нравом женственным влекома,
Она навеки остается дома.

А если дева мужеством полна,
То мать ее в Харум прислать должна.

А если будет ею сын рожден,
Под отчим кровом остается он.

У нас десятитысячные смены
Встают дозором на валы и стены.

И каждую, что явит мощь свою,
Мужчину-льва свалив с коня в бою,

Мы золотой короною венчаем
И подвиги ее изображаем.

У нас отважным девам нет числа,
Увенчанным за ратные дела.

Во дни нашествия иноплеменных
Они разили всадников надменных.

Ты — муж великий. Что ж судьбу пытать?
Зачем бесславия тебе искать?

Пойдет молва: на женщин, мол, напал он;
От женщин, мол, с позором убежал он.

Не позабудется подобный стыд
И не пройдет, доколе мир стоит.

Но если хочешь город наш увидеть,
То не помыслим мы тебя обидеть.

Мы пред тобою конницу свою
Построим, как идет она в бою.

От блеска шлемов солнце дня померкнет.
Строй в изумление тебя повергнет».

Печать Харума на письмо легла,
И свиток тот посланница взяла.

Она короной золотой блистала,
Парча с оплечий латных ниспадала.

С ней десять всадниц ехало в бронях,
И вышел ей навстречу славный шах.

Вручив письмо с достоинством и смело,
Сказала та, что община велела.

Шах с изумленьем свиток прочитал.
Уделом прозорливость он избрал.

И написал он на листе крылатом:
«Да будет разум в жизни нам вожатым!

На всей земле пространной нет царей,
Руке не подчинившихся моей.

Кто добровольно стал моим слугою,
Тот под счастливою живет звездою.

А я люблю сраженья и пиры,
Люблю и цвет земли и камфары.

С карнаями, литаврами, слонами
Пришел я, девы, — не сражаться с вами

И с конницей, которой равной нет,
Чей славою наполнен целый свет.

Когда ко мне всей ратью вы придете,
Добро, и мир, и благо обретете.

Я осмотрю ваш город, а потом
Не задержусь, пойду своим путем.

Хочу я ваши знать установленья,
Приемы битв, засад и нападенья.

И разве можно жить в подлунной сей
Мужам без жен и женам без мужей?

Понять хочу я, что вас ожидает?
Число у вас растет иль убывает?»

И был ответ посланнице вручен.
Вернулась та в собранье славных жен.

И всадницы на войсковом совете
Достойно вести обсудили эти.

«Две тысячи, — сказали, — изберем
Воительниц, прославленных умом.

Средь них пусть будет венценосных двести
В коронах и отличьях ратной чести,

В убранствах, что достойны лишь царей.
И по три ратля дорогих камней

Дадим мы каждой. Пусть пред Искандаром
Они предстанут с этим нашим даром.

Потом ему навстречу выйдем все
С добром, а не на сечу выйдем все.

И скажем так: «К нам долетели вести
О славе шаха, мудрости и чести».

Вот в стан вернулся посланный мобед,
Вручил царю воительниц ответ.

И слушал Искандар и изумлялся.
Шатры связать велел он, с места снялся.

Когда он совершил один пробег,
Завыла буря, заклубился снег.

В той буре многие погибли мужи
В снегу летящем, от свирепой стужи.

Плутая в тьме, в снегу они брели
И к крепости какой-то подошли.

Обволокла все войско туча дыма.
Сменился снег жарою нестерпимой,

Дыханья горна жгучего лютей.
Доспехи раскалились у людей.

Так, опаленные, они вступили
В тот город. Люди там как сажа были.

Как негры, толстогубы, и слюна
Кипела на губах, как смоль черна.

С горящими, как уголья, глазами,
Те люди выдыхали дым и пламя.

Вот безобразных дивов рать прошла.
Слонам в той рати не было числа.

И полководец их, клыки оскаля,
Сказал: «Жару и стужу мы наслали.

Мы здесь не пропускаем никого.
Не знал я, кто вы, — только и всего».

От наваждения освобожденный,
К Харуму ехал шах с душой смущенной.

И вот две тысячи сошло со стен
Прекрасных дев, сердца берущих в плен.

Была там роща, лиственною сенью
Манящая людей к отдохновенью.

В той роще девы, расстелив ковры,
Поставили и яства и дары.

Там отдых был усталым людям Рума.
Кейсар подъехал сам к стенам Харума.

И жены все встречать его пришли,
Венцы, каменья, краски принесли.

За ласку Искандар благодарил их,
Вокруг себя с почетом усадил их.

И вот вошел поутру в город он,
Его великолепьем поражен.

Он изучил Харум необычайный,
Узнал там удивительные тайны.

ИСКАНДАР ВЕДЕТ ВОЙСКА НА ЗАПАД

В Харуме погостив, повел он вскоре
Войска на запад и увидел море.

И там вошел он в город. Город тот
Огромный, рослый населял народ.

Их лица были желты, кудри красны.
Все исполины, все врагам опасны.

И хоть покорность проявили все,
Но били в грудь себя, вопили все.

Тут — кто они такие? — шах спросил их,
Какие дива в их краях? — спросил их.

Старейшина, воздав кейсару честь,
Сказал: «У нас источник дивный есть,

Там, далеко, где небосклон как пепел,
Воды его никто доселе не пил.

Лишь солнце на ночь пьет в потоке том
И в море погружается потом.

За тем потоком — ночь. Она беззвездна.
Там — край земли, обрыв зияет грозно.

Пришлось об этом столько мне слыхать,
Что никогда всего не рассказать.

Мобед, пытатель высоты небесной,
Мне говорил: «Там есть родник чудесный.

«Ручьем живой воды» источник тот
Назвал мой воспитатель звездочет».

Другой мобед сказал: «Бессмертным будет,
Кто хоть глоток живой воды добудет.

Из сада райского струится он.
Омойся в нем — твой грех любой прощен».

А шах: «Кто мне пройти в тот мрак поможет?
Какая тварь туда проникнуть может?»

А старец: «Не ходивший под седлом
Трехлеток. Можно ехать лишь на нем».

Встал шах; все табуны согнать велел он,
Трехлетков резвых отобрать велел он.

И десять тысяч верховых коней
Взял для своих испытанных мужей.

ИСКАНДАР ИЩЕТ ЖИВУЮ ВОДУ

Отважный, в окруженье мудрецов,
Повел он конницу своих бойцов.

В пространный город без конца и края
Вступил он вскоре, словно в кущи рая.

Украшенный садами, как эдем,
Был этот город изобилен всем.

Он с войском в городе остановился,
А утром в путь безвестный устремился

Один. Скакал в степи весь день, пока
Вечерние не смерклись облака,

Пока светила мира шар багровый
Не погрузился в океан лиловый,

Что вдалеке клубился зыбью волн.
Шах это чудом счел, тревоги полн;

Величию Йездана он дивился.
Потом в свой стан поспешно воротился.

Всю ночь творцу миров молился он;
И встал, стремленьем новым увлечен

Источника живой воды достигнуть,
Дабы всю милость вечного постигнуть.

И самых закаленных выбрал шах
Средь воинов, испытанных в трудах.

Он взял запас на сорок дней, не боле,
В поход через неведомое поле.

А войско, под надежною рукой,
В том городе оставил на постой.

В безвестный путь пустился шах-воитель,
С ним светлый Хызр * — его руководитель.

И, Хызру поручив себя всего,
Он шел по указаниям его.

Шах молвил Хызру: «С верой, за тобою
Иду, о муж с недремлющей душою!

Коль сможем мы живой воды испить,
Йездану вечно будем мы служить.

Кто полон доброй воли и усердья
В добре — и впрямь достоин тот бессмертья!

Есть в пазухе два камня у меня,
Блистающих в ночи, как солнце дня.

Один из них возьмешь ты для защиты
Души и тела; с ним вперед иди ты.

Другой же — мне и войску путь в ночи
Осветит, как сияние свечи.

Увидим, что от нас творец вселенной
Таит за тьмою тайны сокровенной.

Я полагаюсь на тебя во всем,
Веди меня неведомым путем!»

«Хвала Йездану!» — возгласил отряд,
И тронулись они за рядом ряд.

А Хызр во тьму, как светоч, устремился,
Водой и пищей не обременился.

Два дня, две ночи вслед румийцы шли,
Не ели, не пили, — изнемогли.

На третий день им два пути предстали.
Из виду Хызра люди потеряли.

Так Хызр один живой воды достиг —
И стал блажен, бессмертен и велик.

Омыл живой водой главу и тело,
Душой коснулся вечного предела.

Испил воды бессмертья, отдохнул;
Хваля творца, обратно повернул.

ИСКАНДАР БЕСЕДУЕТ С ПТИЦАМИ

Во мраке сбился Искандар с пути,
Не знал, куда ему с людьми идти.

Но свет ему забрезжил в дали дальной.
Он грани увидал горы хрустальной.

На той горе — до самых облаков —
Вздымался строй алоэвых столпов.

На каждом — птичьих гнезд он видит ворох,
На гнездах — птиц больших зеленоперых.

Все птицы стали громко клекотать,
И по-румийски громко толковать.

Когда их говор Искандар услышал,
К подножию горы из тьмы он вышел.

Одна из птиц спросила: «Человек!
Ты чем так озабочен целый век?

Достигнешь в этой жизни ты вершины,
Но вниз пойдешь исполненный кручины.

Есть в мире женщины; ты видел их?
Входил ты в дверь чертогов золотых?»

А он: «Те у меня есть и другие, —
И жены и чертоги золотые».

Слетела птица, услыхав ответ.
Пониже села, излучая свет,

Спросила: «Все ль от жизни взял ты в мире?
Ты упивался? Пировал ты в мире?»

Ответил шах: «Живущий средь живых,
Не взявший доли радостей земных,

Хоть жизнь отдаст деяньям справедливым
За всех людей, — он будет ли счастливым?»

И с ветки птица, медленно паря,
Спустилась и спросила у царя:

«Что одолеет в круге мирозданья —
Зло иль добро? Незнанье или знанье?»

Ответил Искандар: «Всех выше тот,
Кто светоч знанья истинный несет».

На столп взлетела птица, замолчала,
Багряным клювом когти чистить стала,

Спросила: «Мудрецы в твоей стране
Стремятся ли к нагорной вышине?»

Сказал он: «Чистым в помыслах, чьи взоры
Просветлены, нет лучше мест, чем горы».

Вновь на гнездо уселась птица та,
Счастлива знаньем, в помыслах чиста.

И поняла в раздумьях эта птица,
Что дня Суда не надо ей страшиться.

Велела, чтоб вселенной властелин
Пешком на высоту взошел один.

Пусть он увидит, что гора скрывает,
Чтó скорбью сердце мира наполняет.

ИСКАНДАР ВИДИТ ИСРАФИЛА

И он один взошел на гору ту,
На грозную поднялся высоту.

Там он с трубой увидел Исрафила.
Громаден, полон величавой силой,

Сидел он, на устах печать мольбы —
Когда же грянет грозный гром трубы!

Когда в лицо кейсара увидал он,
То, словно горный гром, загрохотал он.

Он закричал ему: «Эй, раб алчбы!
Я затрублю — не избежишь судьбы!

Ты сколько из-за власти перенес
Страданий! Сколько людям мук принес!»

Ответил Искандар: «Таков мой жребий.
Так было прежде решено на небе.

Но я не видел гор, которых все ж
Подземная не колебала дрожь».

Шах Искандар с горы сошел, рыдая,
Хвалу в слезах Йездану воздавая.

И двинулся он дальше в путь — во тьму,
А с ним все люди, верные ему.

Так двигался отряд во тьме глубокой.
Вдруг некий голос прозвучал высоко:

«Кто здесь коснется камня и его
Возьмет — раскается из-за него.

А если взять кто камень побоится —
Тоской из-за него испепелится!»

Тот голос люди услыхали все.
Как — что им делать? — размышляли все.

И думали: «Взять камень или нет?
Ведь все равно грозит нам гнев планет».

Одни твердили: «Как бы ни был дюж,
Взяв камень, истомится сердцем муж».

Другие: «Тех, кто столько мук увидят, —
В награду, верно, судьбы не обидят».

Одни набрали много тех камней,
Другие взяли несколько горстей.

А те совсем не взяли. И однако,
Лишь войско вышло из долины мрака,

Румийцы были все изумлены:
Камням тем дивным не было цены.

Там счета лалам не было бесценным,
Алмазам ярким, перлам несравненным.

Раскаивался тот, кто мало взял,
Кто лишнее дорогой разбросал.

Браня себя, раскаивался боле,
Кто ничего не взял своею волей.

Кейсар к войскам вернулся в город тот,
Дал людям отдых и пошел в поход.

ИСКАНДАР ВИДИТ МЕРТВЕЦА ВО ДВОРЦЕ ИЗ ЖЕЛТОГО ЯХОНТА

Они в походе месяц провели.
Кейсар и люди все изнемогли.

И подошли они к горе. Сурово
Вздымался к небу крутосклон лиловый.

Кейсар один туда подняться смог
И яхонтовый увидал чертог.

В чертоге бил фонтан воды соленой,
Над ним — лампад хрустальных строй зажженный.

Не угли — лалы пламенели в них;
Как крылья ворона, подставки их.

Весь дом, как солнце желтое, лучился.
Фонтан же изумрудами дробился;

Два золотых престола перед ним,
А на престолах — некто недвижим.

Как человек, но с головой кабаньей
Был этот мертвый, в пышном одеянье.

Парча из золота и серебра
Над ним; под ним же — прах и камфара.

Заклятье было: если муж надменный
В тот дом пятою вступит дерзновенной,

То мертвеца внезапно дрожь проймет,
А муж-пришелец вживе тлеть начнет.

Тут из фонтана громкий крик раздался:
«О алчный, ради праха ты старался!

Ты знал такое, что никто не знал.
Теперь тебе пора! Твой срок настал!

Теперь твой век недолго будет длиться,
И скоро твой престол тебя лишится!»

И прочь в смятенье устремился шах,
С горы, как дым, в свой стан спустился шах.

Повел войска оттуда, поспешая,
К Йездану громко, горестно взывая.

Через пустыню он повел войска;
В груди его — тревога и тоска.

Он торопился, проливая слезы,
Бежал, страшась неведомой угрозы.

ИСКАНДАР ВИДИТ ГОВОРЯЩЕЕ ДЕРЕВО

К неведомому городу он вышел,
Был счастлив, что людскую речь услышал.

Цвела, как сад эдема, вся страна —
Счастливыми людьми населена.

Добросердечны и чужды печали,
Кейсара люди на пути встречали,

Хвалу его приходу вознесли
И щедрые подарки принесли,

И вторили: «Храни тебя предвечный!
Ты к нам пришел, — живи и здравствуй вечно!

Здесь войск ничьих вовек не знали мы,
А о тебе и не слыхали мы.

Мы радуемся твоему приходу.
Живи у нас, главою стань народу».

Их речь кейсару как бальзам была,
Тоска от сердца шаха отошла.

И, отдохнув, спросил их шах счастливый:
«Какие есть тут чудеса и дива?»

Старейшина почтенный, в сединах,
Сказал: «О чистый помыслами шах!

Здесь чудо есть такое, что не сыщешь
Подобного, хоть целый свет обрыщешь.

Невдалеке есть древо в два ствола.
Дар предвещать судьба ему дала.

Муж и жена — те два ствола могучих,
Цветущих, густолиственных, пахучих.

И ствол-жена вещает по ночам,
Цветет, благоухает по ночам.

Муж начинает говорить с рассветом,
Чаруя душу зеленью и цветом».

Кейсар поехал к дереву тому.
Весь круг старшин сопутствовал ему.

Шах спрашивал: «Когда же те живые
Деревья говорят, в часы какие?»

Ответили: «Один из тех стволов
Лишь раз вещает за девять часов.

Таинственный их голос хоть и внятен,
Тебе, быть может, будет непонятен».

Кейсар спросил: «Что встретится потом,
Как дерево чудесное пройдем?»

И спутники кейсару отвечали:
«Ты сам поехать не захочешь дале.

Там больше нет дороги никому.
Там — света край, предел и грань всему».

Кейсар и старцы дальше поскакали
И дерево живое увидали.

Под мощным древом, у его корней,
Валялись шкуры и гора костей.

Кейсар спросил у спутников: «Откуда
Здесь шкуры и костей бараньих груда?»

А те: «Людей бывает много тут.
Со всех концов земли сюда идут.

Пока ответа древа ожидают,
Они животных в пищу убивают».

Когда рассвет над миром заблистал,
В ветвях внезапно слышен голос стал.

Глухой, подобен шуму листьев был он;
Зловещ был голос, счастья не сулил он.

Невольный страх кейсара охватил,
Он спутника старейшего спросил:

«Шум говорящих листьев устрашает
Мне сердце! Молви — что он означает?»

Муж престарелый — мудростью богат —
Ответил: «Шах мой! Листья говорят:

«Зачем стремится Искандар куда-то?
Зачем алчбой душа его объята?

Когда пройдет два раза по семь лет,
Как власть он принял, — он покинет свет».

В том предсказанье скрытые угрозы
Из глаз царя исторгли кровь — не слезы.

Молчаньем он запечатлел уста.
День смеркся. Наземь пала темнота.

Раздался в полночь шум ствола другого,
И Искандар спросил у старца снова:

«Что означает шум листвы густой
И этот голос, темный и глухой?»

Сказал мудрец, помедливши с ответом:
«Листва жены глаголет: «В мире этом

Зачем свой дух всегда терзаешь ты?
Куда спешишь, чего алкаешь ты?

Людей ты топчешь, низвергаешь троны,
Нет от тебя щита и обороны.

Недолго жить тебе в юдоли сей,
Не омрачай своих последних дней!»

Кейсар сказал: «Вот в чем моя тревога,
О муж, исполненный боязнью бога!

Спроси еще — где буду я судьбой
Настигнут? В Руме иль в стране другой?

Живой успею я иль не успею
Проститься с милой матерью моею?»

Листва в ответ: «Далек твой отчий край,
А срок твой мал, пожитки собирай!

Тебя живым в отчизне не увидят,
А мать в слезах навстречу праху выйдет.

Твоей звездой пресыщен небосвод,
В чужом краю твой смертный час придет».

И прочь от древа шах ушел — печален,
Безмолвен, в грудь мечом судьбы ужален,

Отголь вернулся к войску своему,
Навстречу вышли витязи к нему.

Тут принесли подарки дорогие
Владыке мира люди городские.

Там — в шкуру носорога шириной
Индигоцветный панцирь был стальной,

Китовый ус под чешуею стали.
Для богатырских плеч броню ковали,

Динары были в чашах из яиц
Не виданных нигде огромных птиц.

Был мех воловий яхонтов чудесных,
А серебра сто манов полновесных.

Кейсар старейшин поблагодарил,
Поехал прочь, лишь молча слезы лил.

ИСКАНДАР ПРИБЫВАЕТ К ФАГФУРУ ЧИНА

Пройдя великий путь, он в Чин вступил,
На отдых там войска остановил

И сел в шатре, призвал к себе дабира,
Писать велел: «От властелина мира

Письмо фагфуру. Сам пришел я к вам».
И доброе и злое было там

Написано. Когда печать поставил,
Посла кейсар к фагфуру не отправил.

Он сам послом поехал с тем письмом.
Был муж, наперсник преданный, при нем,

Неразлучимый с детства с властелином,
С ним бывший в духе, в помысле единым.

И пять ученых взял кейсар с собой,
И в путь поехал тайною тропой.

Фагфуру донесли: «Узнай, великий:
Гонец летит от грозного владыки!»

Войска навстречу выслал он гонцу.
Когда кейсар подъехал ко дворцу,

Увидел полчищ грозные громады,
Сады, чертоги, стены и ограды.

Смутилась в нем бесстрашная душа,
Но он пошел, тревогу заглуша.

Фагфур сидел на троне, бодр и весел;
Приблизился кейсар, поклон отвесил.

Фагфур кейсара принял, расспросил,
Потом его на отдых отпустил.

Лишь день померк и из-за гор, блистая,
Луна взошла, как чаша золотая,

Фагфур великий шаха вновь призвал,
И много дельных слов кейсар сказал.

Колена преклонил он, как посланец,
Письмо свое вручил он, как посланец.

Письмо гласило: «От владыки стран,
Что и у края мира ставил стан,

От шаханшаха, мира властелина,
Посланье славному фагфуру Чина».

Потом такие строки шли в письме:
«Хвала Йездану! Он — нам свет во тьме!

Великий Искандар повелевает, —
Пусть древний Чин живет и процветает!

В борьбе со мной погиб могучий Фор.
Неужто ты мне сможешь дать отпор?

Где шах Дара, великий царь вселенной?
Где мужи Синда, где Фирйан надменный?

Кто, от морей закатных по восток,
Бунтующий — противостать мне мог?

И небо счесть войска мои не мыслит;
Их лишь Нахид и солнце перечислят.

Противиться ты и не думай мне.
Иначе быть беде в твоей стране!

Не спорь, не поскользнись на этом камне,
Вставай и дань готовь за все года мне.

И если выйдешь ты навстречу мне
С покорством, как к Даре — по старине,

Престол, венец — я всё тебе оставлю,
От бедствий и скорбей тебя избавлю.

А если болен ты, преклонных лет
И сил в тебе подняться с места нет —

Не езди сам, пошли с охраной честной
Всё, чем земля твоя у нас известна.

Пошли венцы, престолы и шелка,
Брони, чья сталь неслыханно крепка,

Пошли художников твоих изделья,
Пошли коней, оружье, ожерелья.

Все это ты отправь в мою казну,
И я на вас тогда не посягну.

Уйду с войсками, Чин от зла избавлю,
Страну твою, твой трон тебе оставлю!»

Когда фагфур посланье прочитал,
Как тигр, пришел он в ярость, но смолчал.

И, ласковость изобразив на лике,
Сказал: «Подобен небу шах великий.

Ты опиши мне лик его и речь;
Каков он станом, выей, силой плеч».

Посол ответил: «О владыка Чина!
Не видел мир такого властелина.

А разумом и щедростью своей
Он превосходит всех земных царей.

Он станом — кипарис. Как воды Нила,
Неисчерпаем. В нем — слоновья сила.

А речь его, как звонкая стрела,
Из облаков заставит пасть орла».

Фагфур внимал посланцу, полн смущенья,
И он такое принял вдруг решенье:

Вина и блюда яств велел принесть,
В саду устроил пир — посланцу в честь.

И пили все, пока не захмелели,
Покамест небеса не потемнели.

Сказал фагфур за чашей: «Озари
Владыку Рума, вечный Муштари!

О муж! Я не забуду нашу встречу,
А утром Искандару я отвечу».

Посол покинул царственный айван
С плодом в руке, наполовину пьян,

И спал всю ночь спокойно после пира.
Когда ж в созвездье Льва светило мира

Взошло, надев сияющий венец, —
Кейсар пошел к фагфуру во дворец.

Фагфур его спросил: «Как ночь провел ты?
Я помню, был нетрезв, когда ушел ты».

Потом дабиру он велел прийти,
Бумагу, мускус, амбру принести.

Велел писать ответ и шелк китайский
Украсить, словно сад цветущий райский.

Писали так: «Хвала творцу всего!
И мужество и доблесть — от него.

И мудрость и познанье нам дарит он.
Пусть шаха Рума в бедах охранит он.

Бывалый твой гонец передо мной
Раскрыл красноречивый свиток твой.

С вниманьем я прочел твое посланье.
Все обсудил, созвав вельмож собранье.

Твои слова о Форе и Даре,
О доблести, о зле и о добре,

Что, всех сломив, ты царь царей отныне, —
Порождены, о шах, твоей гордыней.

Не ты мечом и войском побеждал:
Тебе Йездан победу даровал.

Все умирают — вечных судеб волей, —
Тот — на пиру, другой — на ратном поле.

Даре и Фору было суждено
Уйти. С судьбой нам спорить не дано.

Так не гордись! Будь ты из бронзы даже,
Ждет и тебя в грядущем доля та же.

Где кеи? Где цари царей земных?
Принес их ветер, смерч развеял их.

Мои слова ты не сочти в обиду:
Я не боюсь тебя, но в бой не выйду!

Нам вера запрещает убивать,
Кровь не в моих обычьях проливать.

Из-за стола, как ты, я пьян не встану.
Я поклоняюсь не тебе — Йездану.

Но я пошлю сокровищ столько все ж,
Что в скупости меня не упрекнешь».

И краска от стыда, как от удара,
Зажгла при этом щеки Искандара.

И он решил: «Отныне никогда
Послом я не поеду никуда!»

И тут с фагфуром мудрым он расстался,
Пошел к себе, в обратный путь собрался.

Фагфур свои хранилища открыл.
Он столь плодообильным древом был,

Такой казной несметною владел он,
Что малой части в дань не пожалел он.

Велел он вынесть пятьдесят венцов,
Потом динаров тысячу мешков

И десять тронов из кости слоновой
В алмазах, в лалах, в зерни бирюзовой.

Китайскими шелками и парчой,
Алоэ, чистой амброй, камфарой

Верблюдов тысячу велел он вьючить.
Не властна алчность душу мудрых мучить!

Бесценных, полных мускуса ларцов,
Куниц, и горностаев, и песцов

Хранитель по две тысячи доставил,
В казне же больше во сто раз оставил,

И пять десятков седел золотых,
И сто других, в каменьях дорогих.

Верблюдов сотни три гнедых пригнали,
Попонами бесценными убрали.

Из мудрецов китайских одного
Избрал фагфур — дастура своего,

Чтоб он главою был над караваном
В пути опасном по далеким странам,

Чтоб Искандару он письмо вручил
И в гости в Чин кейсара пригласил.

В пути далеком ехали все время
Посланец с Искандаром — стремя в стремя.

На берег моря прибыли, и вот —
Узнал в лицо кейсара мореход.

Царя встречая, войско пыль всклубило.
Все шах поведал, что с ним в Чине было.

Все воины в восторге и в пылу,
Пав перед шахом, воздали хвалу.

Посол, узнав, что это шах, в смущенье
Сошел с коня, в слезах прося прощенья.

Кейсар ему: «За что тебя прощать?
Одно прошу лишь — обо всем молчать».

Царь отдохнул ту ночь, а утром рано
Воссел на троне Рума и Ирана

И, одарив посла, сказал: «Храни
Тебя Йездан во все земные дни!

Скажи фагфуру Чина: «Пред владыкой
Отныне ты обрел почет великий.

Союз меж нами равный. Чин — навек
Отныне твой, от гор до устьев рек.

А коль владений надобно поболе —
Иди войной, твоя на это воля!

Я здесь, в твоих владеньях, отдохну,
Потом на юг и запад поверну».

Посол, как ветер, поспешил к фагфуру,
Посланье шахское вручил фагфуру.

ПРИБЫТИЕ ИСКАНДАРА В СИНД

Он месяц пробыл там и Чин покинул,
Дав людям отдых, войско дальше двинул.

От моря изумрудного они
Через пески недели шли и дни.

Пришли в Чафван, где замки крепкостенны,
Где города богаты и надменны.

Но всяк спешил кейсару честь воздать,
Толпой валили все его встречать.

Правители Чафвана, полны страхом,
Дань принесли, представ пред шаханшахом.

Спросил их Искандар, великий шах:
«Какое чудо есть у вас в краях?»

Ответил некто: «Если молвить честно —
Здесь чудо издревле одно известно.

Царят здесь горе, голод, нищета,
И всё здесь обретенное — тщета».

И выслушал кейсар его угрюмо,
И снова в Хинд повел он войско Рума.

Хинд выставил войска щитом стальным,
Синд выслал всадников — на помощь им.

Любой, кто огорчен был смертью Фора,
Готов был для свирепого отпора.

Карнаи загремели, и в пыли
Войска пошли, стеной слоны пошли.

Владыка Хинда, падишах счастливый,
Был муж разумный, твердый, справедливый.

Все воинство он сразу бросил в бой,
Но можно ль спорить смертному с судьбой?!

Все войско Синда было перебито.
Топтали степь румийские копыта.

Взял сто слонов в бою румийский шах,
Стан захватил, сокровища в шатрах.

Все вышли: старцы, женщины и дети
В слезах: «О правосуднейший на свете!

Край разорению не предавай,
Детей и стариков не убивай.

Ведь будешь там и ты, где все мы будем.
Блажен, кто в мире зла не делал людям».

Кейсар на плачущих и не взглянул,
К ним лика светлого не повернул.

Убили там и в рабство взяли многих
Детей, и жен, и стариков убогих.

Оттоль в Нимурз пошел он через Буст,
Весь край остался выжжен, гол и пуст.

В Йемен оттуда — в край, молвой хвалимый, —
Вступил он с конницей непобедимой.

Встал шах Йемена, меч свой бросил он,
Приехал к Искандару на поклон.

Со всей страны собрал, как подобало,
Дары, каким подобных не бывало.

Вьюки одежд, каких не видел свет,
Вьюки верблюжьи золотых монет,

Мешки жемчужин, порожденных морем.
Кто в мире так богат — не дружит с горем.

Кускам парчи там не было числа,
Корзин с шафраном тысяча была.

Была еще из хризолита чаша
И перлов семьдесят — всех в мире краше.

Еще из камня синего фиал,
В нем ворох желтых яхонтов сиял;

Фиал, где не было числа рубинам.
Все это он сложил пред властелином.

Йеменские вельможи поутру
Приехали к кейсарову шатру.

И принял Искандар, и ободрил их,
Вокруг престола с честью усадил их.

Ему хвалу вознес йеменский шах:
«Всегда победоносен ты в боях!

Ты прибыл к нам не близкою дорогой,
Ты погости здесь, отдохни немного!»

«Хвала тебе! — ответил Искандар. —
Дан разума тебе пресветлый дар».

Йеменский шах домой к себе вернулся.
А утром мир от шума войск проснулся.

ИСКАНДАР ВЕДЕТ ВОЙСКО В ВАВИЛОН

Оттоль повел он войско в Вавилон.
Пыль поднялась, затмила небосклон.

По знойной степи воины скакали,
Не зная передышки на привале.

И подошли к заоблачной горе,
Сияющей в снегу, как в серебре.

Дорогу войску преграждала круча,
Вершину темная скрывала туча.

Искали всюду, не могли найти
По скалам ни тропинки, ни пути.

И вверх они карабкаться решились.
Все лезли; даже трусы не страшились.

И наконец взошли на перевал,
И за горой румиец увидал

Реку и зеленеющие дали,
И шумно воины возликовали.

Молясь: «Йездан предвечный, осени!» —
К реке спустились наконец они.

Окрест долины дичи полны были.
Ни жажда им, ни голод не грозили.

Вдруг показался на излуке рек
Огромный, безобразный человек,

Как дикий зверь, обросший волосами,
С широкими слоновьими ушами.

Мужи, его завидя издали,
Поймали и к царю поволокли.

Кейсар, его увидя, изумился.
«Храни, Йездан!» — тихонько помолился,

Спросил: «Ты кто? И как сюда попал?
Как звать тебя? Что ты в реке искал?»

А великан, упав пред Искандаром,
Сказал: «О шах! Зовусь я Гушбастаром *,

За то, что на одном я ухе сплю,
Другим — укрыться от росы люблю.

А в этих водах рыбу я ловил».
И снова Искандар его спросил:

«А что там, на закате, в отдаленье,
Виднеется? Там город иль селенье?»

И отвечал косматый исполин:
«Живи со славой вечно, властелин!

Там город — людям в мире неизвестный.
Стоит на острове — как рай небесный.

Там нет земли, и глины, и камней.
Там все дворцы и башни — из костей.

На стенах костяных в огромных залах —
Картины, чудо-мастер написал их.

Как солнце, краски яркие горят.
Афрасиаб, Заххак и Кей-Кубад —

Пиры их, и охоты, и сраженья
В правдивом видятся изображенье.

Там люди ловят рыбу с давних лет;
У них иного пропитанья нет.

Пусть их владыка мира не неволит.
Один схожу я к ним, коль царь позволит».

Кейсар сказал ушастому: «Иди,
Кого-нибудь из них мне приведи».

В реку детина прыгнул, вплавь пустился
И через срок недолгий возвратился.

А вслед за ним явилось в царский стан
Почтенных восемьдесят горожан.

Там были старые и молодые.
Одежды их — меха, шелка цветные.

В руках у старцев — чаши золотые,
А в чашах — перлы, камни дорогие.

Кто был моложе, те несли венцы.
К царю царей приблизились гонцы.

Дары сложили. Всех он усадил их
И, расспросивши, с миром отпустил их.

Ночь отдыхал. А с первым петухом
Литавры грянули, карнаев гром.

Лишь разлилась заря по небосклону,
Он двинулся оттуда к Вавилону.

ИСКАНДАР ПИШЕТ ПИСЬМО АРАСТУ

И понял он, что смерть его близка,
Что обмелела дней его река.

В руке весь мир объединить хотел он,
Всех властелинов истребить хотел он,

Чтобы никто не мог на Рум восстать,
Пятой страну цветущую попрать!

С одною мыслью — дать закон свой миру —
Он своему наставнику и пиру *,

Седому Арасту письмо послал,
А всем своим мобедам приказал

Йездану о трудах его молиться,
От праха мира духом отрешиться.

Страх Арасту премудрого объял,
Когда его письмо он прочитал.

И написал он, сердцем сокрушенный,
Царю ответ, слезами орошенный.

Он так письмо слезами орошал,
Как будто бы ресницами писал:

«О властелин! Прочел я свиток твой.
Молю: ты отрекись от цели злой.

Мир хочешь взять? Но искренними будем:
Забудь войну, дай помощь бедным людям.

Остерегайся зла! Пришла пора
Нам сеять только семена добра.

Подвержен смерти всяк земнорожденный.
Уйдет в извечный мрак земнорожденный.

И царства в гроб с собой не унесли
Ушедшие властители земли.

Тебя, мой шах, решаюсь умолять я:
Довольно войн! Не то — тебе проклятье.

Умрешь — уронит меч твоя рука,
Рассеются, как пыль, твои войска.

Придут, узнав, что шаха нет в Иране,
Индийцы, и туранцы, и славяне.

Разграбят твой Иран, на Рум пойдут.
Знай, что восставший раб в расправе лют.

Но на того, кто миром всем владеет,
Пусть невзначай и ветер не повеет!

Ты созови мобедов и князей.
Пиры, беседы, праздники затей.

Дай всем им, по достоинству души их,
Награды, в книге чести запиши их —

Жизнь не щадивших за тебя в бою, —
Они державу создали твою.

Пусть ни один над прочими главою
Не станет. Все равны перед тобою!

Пусть станут все щитом родной стране,
Как камень к камню в крепостной стене!»

Шах прочитал посланье таковое,
И стало в мыслях у него иное.

Созвал князей он и богатырей,
Известных верной службою своей.

Сесть приказал им на места почета;
Их было много, было их без счета.

Но всем велел он в книге подписать,
Что большего не захотят искать,

А тех, что от него венцы прияли,
С тех пор «вождями племенными» звали.

Был в некий день весь город Вавилон
Диковинной приметой потрясен.

Там женщина ребенка породила.
Дитя невольно в ужас приводило.

Копыта, бычий хвост, а голова
Была с могучей гривой, как у льва.

Ребенок, чуть родился, умер вскоре.
Потомство от жены подобной — горе.

Кейсару труп дитяти принесли,
И с ужасом смотрел он издали.

Он думал: «Знак плохой...» Сказал: «Не стойте
На месте! В землю чудище заройте!»

Он вавилонских мудрецов созвал
И им об этом диве рассказал.

Не знали звездочеты, как им быть,
Хотели от кейсара правду скрыть.

Он закричал: «Коль правду от меня вы
Укроете — придет палач кровавый.

Всем головы вам отрубить велю,
Породу вашу в корне истреблю!»

Затрепетали старцы-звездочеты,
Воскликнули: «Владыка наш! Да что ты?

Ты счастлив, ты рожден под знаком Льва!
По всем краям о том идет молва.

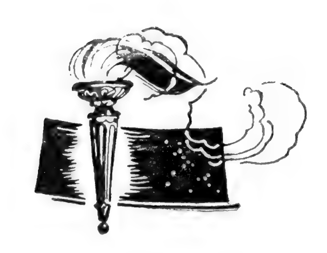
Но тот ребенок с львиной головою —
То знак дурной, ты обречен судьбою».

В том звездочеты клятву принесли
И в книгах предсказание нашли.

Внял старцам Искандар и огорчился,
Он об ущербности земной крушился.

Потом сказал: «О чем мне горевать?
Ведь смерти никому не избежать.

Нам не дано судьбою нашей править
И жизнь свою убавить иль прибавить.

ИСКАНДАР УМИРАЕТ В ВАВИЛОНЕ

Шах умирает! — войско услыхало,
И небо им от горя черным стало.

К подножию престола всей земли,
В слезах, седые воины пришли.

Кейсар услышал воинов рыданье
И понял — справедливо предсказанье.

Он в степь — к соратникам великих дел —
Себя на троне вынести велел.

Все войско плакало. Так изнемог он.
Так исхудал, что с ложа встать не смог он.

Как на огне клокочущий свинец,
Вскипела рать! «Храни тебя творец!»

И вторили: «О горькая судьбина!
Какого мы теряем властелина!

Зловещий час настал, и ночь темна,
И рухнет, разорится вся страна.

Давно враги на нас мечи точили,
Мы гибнем, а враги, как прежде, в силе.

Дни наши будут горечью полны,
Отравой смертною напоены!»

Муж Искандар привстал, сказал спокойно:
«Страшитесь бога! Плакать не достойно.

Но, как булат, храните мой завет,
Чтобы для вас не омрачался свет.

Что ждет меня, то вас постигнет — знайте.
Пребудьте мудры, зла не совершайте!»

Сказал и пал на ложе, не дыша.
Земную персть покинула душа.

Так громко люди в горе возопили,
Что воплем свод небесный оглушили.

Снимая шлемы, на головы прах
Все сыпали, в рыданьях и слезах.

У тысячи коней его любимых
Отрезали хвосты. И в черных дымах

До звезд небесных зарево взошло, —
Чертоги шаха воинство сожгло.

И сёдла на конях перевернули,
Давясь от слез, подпруги затянули.

И по степям в румийскую страну
Всю повезли несметную казну.

Омыли шаха розовой водою,
Осыпав мускусом и камфарою,

В золототканый саван облекли.
За гробом вслед войска, рыдая, шли.

Навеки тесный гроб заколотили,
Звезду угасшей доблести сокрыли.

Не гроб — из древа цельного ладья —
Ушедшему соблазнов бытия...

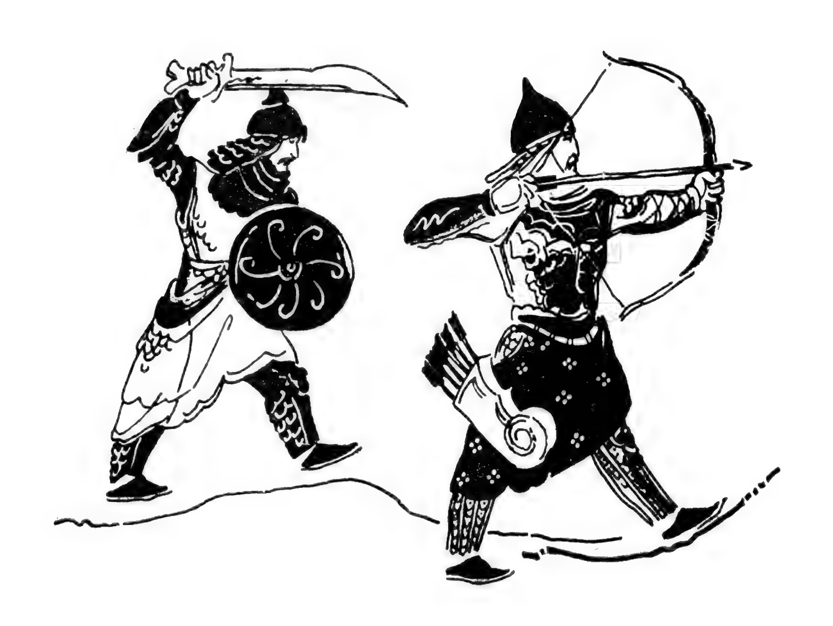
Что ж ты кичишься славой скоротечной?
Казна и трон — не солнце жизни вечной!

После Искандара в Иране правили Ашканиды (исторические — Аршакиды), однако Фирдоуси почти не касается их и переходит к изложению событий при последнем царе из этой династии — Ардаване.

Ардашир Бабакан

Когда убит был царственный Дара,
Не стало роду шахскому добра.

Но сын был у Дары — могучий станом,
Разумный, смелый; звался он Сасаном.

Он понял: счастью прежнему конец,
Когда увидел, что убит отец.

Напрасна, понял он, о мести дума...
И спасся бегством он от войска Рума.

И в Хинде, всеми брошенный, один,
Он умер. От него остался сын.

Потомков до четвертого колена
Сасаном называли неизменно.

Жизнь, полная лишений и труда,
Была у них. Они пасли стада.

Забыв свой царский род, бродя средь мрака,
Сасан последний прибыл в степь Бабака.

И пастухам сказал: «Я — овцепас,
Мне места не найдется ль среди вас?»

Он не гнушался никакой работой.
Его на службу главный взял с охотой.

Присматривался долго, а потом
Его поставил первым пастухом.

Бабак прекрасный спал в своем покое
И диво увидал во сне такое:

Его пастух на боевом слоне
Сидит с мечом, в сияющей броне.

И все его Сасаном называли
И почести, как шаху, воздавали.

И возвеличился он и потом
Украсил землю славой и добром.

Встал царь Бабак; виденье сна забылось.
Вот что в другую ночь ему приснилось:

Зардуштов раб из мрака вдалеке
Шел, три огня неся в своей руке.

И это: Михр, Азаргушасп, Харрад —
Три светоча — от Рыбы до Плеяд.

Они пылали ярче и обильней
Углей алоэ в царственной светильне.

Бабак проснулся. Сон свой вспомнил он,
Невольною тревогою смущен.

И все, что толковать умели сны,
Что были в тайных знаниях сильны,

Пришли в чертог царя. А вслед им тоже
Пришли мужи совета и вельможи.

Бабак открыл им тайну снов своих,
Смысл темный разгадать просил он их.

Задумался совет мужей разумных.
И самый старший в сонме многодумных

Сказал: «О шах! Иные времена
Настали. Вникни в смысл глубокий сна.

Тот, кто пасет твои отары в поле,
Как солнце мира, сядет на престоле.

Но если не о нем твой вещий сон,
Ты знай, что сядет сын его на трон!»

Внял мудрецам Бабак добросердечный.
Он понял знак, что дал ему предвечный.

Велел гонцам Сасана он найти
И пастуха в чертоги привести.

Одет в овчину, весь в снегу, пред шахом
Бедняк пастух предстал, исполнен страхом.

Всех посторонних прочь услал Бабак;
Перед Сасаном с трона встал Бабак.

С собою рядом посадил Сасана.
Кто он, откуда, — расспросил Сасана.

Царь спрашивал, но оробел пастух,
Внезапно онемел отважный дух.

Потом сказал: «На все, что вопрошаешь,
Отвечу, если жизнь мне обещаешь.

Клянись, пожми мне руку! И тебе
Я расскажу всю правду о себе.

Клянись: во всем, что скрыто и открыто,
Ты мне — доброжелатель и защита».

Царь молвил: «Мне свидетель — небосвод,
Что жизнь и хлеб насущный нам дает.

Клянусь — тебя никто здесь не обидит!
Тебя в почете, в славе мир увидит».

Тогда сказал пастух: «О властелин,
Откроюсь! Я — Сасан, Сасана сын.

Я — праправнук властелина мира,
Великого Бахмана Ардашира.

Исфандиар отцом Бахмана был.
Он власть Гуштаспа в мире утвердил».

И слезы хлынули, как свет средь мрака,
От тех речей из ясных глаз Бабака.

Велел он слугам баню истопить,
Омыть Сасана, пышно облачить.

Он одарил его своим халатом
И дорогим конем в седле богатом.

Он дал Сасану под жилье дворец,
Нужде Сасана положил конец.

Невольниц и рабов он дал Сасану
И множество даров послал Сасану.

Он так безмерно одарил его,
Что навсегда обогатил его.

Сасана, словно сына, полюбил он,
На дочери своей его женил он.

РОЖДЕНИЕ АРДАШИРА БАБАКАНА

Круг сороканедельный завершился, —
Как солнце, у царевны сын родился.

Здоров и весел, крепок и пригож,
Он дивно на Бахмана был похож.

В честь пращуров своих, владевших миром,
Отец назвал младенца Ардаширом.

Смотрел за ним, души не чая в нем,
И вырастил его богатырем.

По деду Ардаширом Бабаканом
Был назван юноша, могучий станом.

Его наукам стали обучать,
И, как алмаз, он знаньем стал блистать,

Величьем духа одарен врожденным,
Обогатился блеском обретенным.

И вскоре к Ардавану весть пришла,
Что ветвь Бабака в мире расцвела.

Что он в борьбе соперников не знает,
Что на пиру он, как Нахид, сияет.

Сел Ардаван на трон, писца призвал
И в Парс письмо Бабаку написал:

«О муж, в трудах правленья умудренный,
Советник наш, доверьем облаченный!

Я слышал — вырос внук в твоем дому,
Что нет в подлунной равного ему.

Пусть он своих достоинств не скрывает,
Ему у трона место подобает,

Средь круга избранных богатырей.
Так присылай его ко мне скорей.

Во всем с моими сыновьями равный,
При мне он будет — над князьями главный».

Бабак, прочтя письмо, был потрясен,
И много слез сначала пролил он.

Потом призвал премудрого дабира
И внука молодого — Ардашира.

Сказал: «Владыка нас почтил письмом.
Прочти, мой внук, размысли обо всем.

Хоть трудно мне с тобою расставаться,
Но мы царю должны повиноваться.

Я напишу: «К тебе — царю царей —
Я посылаю свет своих очей.

В заветах чести мною внук воспитан,
На зов твой, не замедлив, поспешит он.

Так приласкай же внука моего,
Чтоб не подул и ветер на него!»

Пошел Бабак, спустился в свой подвал он,
Богатства сокровенные достал он;

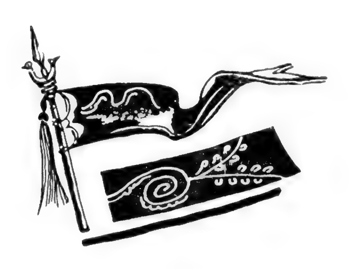
Для внука ничего не пощадил,
Оружьем, сбруей ратной одарил,

Дал все ему в дорогу снаряженье;
Привел коней, рабов для услуженья,

Чтоб внук явился пред лицом царя,
Как солнце светозарное горя.

Собрал он щедрый дар для Ардавана —
Динары, амбру, муск благоуханный.

И юноша от дедовских дверей
Со свитой, с караваном отбыл в Рей.

АРДАШИР ПРИБЫВАЕТ ВО ДВОРЕЦ АРДАВАНА

Пред ним ворота Рея отворили
И о прибытье шаху сообщили.

Царь пред собою гостя усадил.
«Как жив Бабак?» — участливо спросил.

Он дом ему отвел богатый с садом;
За трапезой сажал с собою рядом;

Послал ему богатые дары,
И кубки золотые, и ковры.

И опочил в покоях тех дареных
Бабака внук со свитой приближенных.

Когда престол рассвета заалел,
И мир, как лик румийца, побелел,

Проснулся Ардашир. И только встал он,
Подарки деда вновь пересчитал он.

И Ардавану он отправил их
С посланцем, под охраной слуг своих.

Царь умилился: «Так дарит не всякий,
Хоть молод, а разумен внук Бабака».

И он в чертоги Ардашира взял,
Скучать ему о доме не давал.

Царь на охоту ехал иль за пир
Садился — рядом с ним был Ардашир.

И стал для шаха он как сын любимый,
Ни в чем от шахзаде не отличимый.

Раз на охоте средь пустых равнин
За дичью гнался шахский старший сын.

У Ардавана четверо их было,
Сынов — его надежда, блеск и сила.

Близ Ардавана Ардашир скакал, —
Царь ни на шаг его не отпускал.

Онагр в степи далекой показался,
Дразня стрелков, как молния, он мчался.

Все следом — вскачь, да так, что прах полей
Смешался с потом бешеных коней.

Но сын Сасана — всех опередил он,
В онагра на скаку стрелу пустил он.

Онагру в круп широкий угодил,
Стрелой насквозь, как молнией, пронзил.

Шах Ардаван к онагру устремился;
Он, видя этот выстрел, изумился.

Спросил он: «Кто стрелой его поверг?
Чтоб свет стрелка вовеки не померк!»

Подъехал Ардашир, царю ответил:
«Стрела моя. Попал я — как наметил».

Сын Ардавана молвил: «Выстрел мой.
Стрела моя, а ты не спорь со мной».

Тут Ардашир воскликнул: «Ради бога —
Просторна степь, вдали онагров много,

И если можешь ты, как я, стрелять,
То докажи! А знатным стыдно лгать!»

Гнев охватил внезапно Ардавана,
Обрушился он вдруг на Бабакана.

«Моя вина! — владыка закричал. —
Зазнался ты, безмерно дерзким стал!

Кто ты такой, чтобы с мужами чести
Охотиться — с твоим владыкой вместе?

Не для того я внял нужде твоей,
Чтоб ты позорил царских сыновей!

Служить отныне на конюшне будешь.
Там, среди слуг, ты спесь свою забудешь.

А у тебя к коням хороший глаз, —
Так будешь главным конюхом у нас».

Прочь Ардашир уехал со слезами;
Он стал смотреть за шахскими конями.

Он думал: «Злобен сердцем Ардаван;
Нечестен — покарай его Йездан!»

Он деду написал письмо в обиде,
Исхода из беды своей не видя.

Все описал он, что произошло,
Как зло от низкой зависти пошло.

Прочел письмо Бабак и сокрушился,
Но никому он в горе не открылся.

Пошел и средь полночной тишины
Достал мешок динаров из казны

И, клятвенную взяв с гонца поруку,
Послал он тайно десять тысяч внуку.

Потом к себе дабира он призвал,
И так он Ардаширу написал:

«О юноша младой и неразумный!
Когда с царем ты ехал в свите шумной,

Ты с шахзаде поспорил... Почему?
Ведь ты — слуга; не ровня ты ему.

Премудрости ты высшей обучался,
Но, видно, глупым отроком остался.

Ты не хотел в чести близ трона быть,
Теперь царю старайся угодить.

Тебе в нужде я деньги посылаю.
Благоразумен будь! Благословляю!

Когда ты эти деньги проживешь, —
Пока я жив, — ты помощь вновь найдешь».

Верблюд с посланцем, старцем умудренным,
Предстал пред Ардаширом удрученным.

Прочел он, сердце ободрилось в нем,
И много мыслей зародилось в нем.

Он мудро с низким званьем примирился,
С конями на конюшне поселился.

В своем углу он разостлал ковры,
Затеял с утра до ночи пиры.

Презрел он время. Дни и ночи плыли,
А с ним — струна, вино, плясуньи были.

ГУЛЬНАР ВИДИТ АРДАШИРА. СМЕРТЬ БАБАКА

У шаха башня в крепости была;
Гульнар, рабыня, в башне той жила.

Под стать ей, луноликой, тонкостанной,
Был лишь расцвет весны благоуханной.

Шах всех дастуров старых отстранил,
Ей все ключи сокровищниц вручил.

Была раба Гульнар, — я лгать не стану, —
Дороже жизни шаху Ардавану.

На кровлю вышла раз Гульнар-луна,
Взгляд Ардаширу бросила она.

Ей улыбнулся Ардашир ответно.
И в сердце ей вошел он неприметно.

И дух ее безрадостный вскипел.
Когда закат туманный потемнел,

Зубец стены арканом обмотала
Гульнар. И тихо вниз спускаться стала.

Творцу миров молитву вознесла,
К конюшне царской дерзостно пошла.

Благоухая амброю и муском,
Прокралась между стойл в проходе узком,

К избраннику приникла своему
И голову приподняла ему.

Проснулся он; взглянул и видит: чудо!
Красавица!.. Но кто она? Откуда?

Спросил: «Скажи, луна, откуда ты
Взошла над бездной бедствий и тщеты?»

Гульнар в ответ: «Я — шахская рабыня.
Люблю тебя! Я вся твоя отныне!

Когда захочешь, я к тебе приду
И скорбь твою от сердца отведу!»

Жизнь такова: пройдет столетье, миг ли —
Где муж, кого б несчастья не постигли?

Бабак — при жизни промыслом храним —
Скончался, место уступил другим.

Шах Ардаван, узнав про смерть Бабака,
Поник душой, предвидя бездну мрака.

Он с горя слег, когда, как с барсом барс,
Сцепились сыновья его за Парс.

И старшему, по древнему закону,
Царь отдал Парс, и войско, и корону.

Воспрянул тот, в литавры бить велел,
Войскам несметным в сборе быть велел.

Но омрачилось сердце Ардашира
Тем, что несправедлив владыка мира.

И в гневе он в душе своей решил:
«Довольно Ардавану я служил!

Ведь я не ведал, что его обидел!
За что же он меня возненавидел?»

И Ардашир себе сказал: «Бежать!»
А царь велел астрологов созвать.

О таинствах планет, о звездных силах,
О будущем державы вопросил их:

«Что предвещает вечный небосвод?
Кто сей престол после меня займет?»

Две ночи маги не сходили с башни,
Где был луны-Гульнар приют всегдашний, —

И третья ночь настала. Лишь тогда
Взошла на небо шахская звезда.

Гульнар, все споры звездочетов слыша,
Три ночи не спала, таясь под крышей.

Всем волхвованиям обучена,
Речей их тайну поняла она —

И все запомнила, что говорилось.
Бушующее пламя в ней таилось.

С высокой башни мудрецы сошли
И волю неба шаху изрекли.

Таблицы показали, где ответы
Записаны, что дали им планеты;

Немой глагол таинственных высот,
Что приоткрыл им вечный небосвод:

«Едва успеет солнце закатиться,
Как сердце шаха тяжко огорчится:

Сбежит твой некий раб. Но он скорей
Не раб, а отпрыск подлинных царей.

И станет раб могучим властелином,
Что принесет добро простолюдинам».

И, вняв глаголу неба в их словах,
Душою огорчился старый шах.

АРДАШИР БЕЖИТ С ГУЛЬНАР

Когда земля ночною тьмой покрылась,
Как тень, Гульнар в конюшне появилась.

Вскипел, как море, юный Бабакан:
«Решай! Довольно! Я — иль Ардаван!»

Гульнар в слезах на край кошмы присела,
Все рассказала, что узнать успела.

Когда о предсказанье услыхал,
Терпенье Ардашир в удел избрал.

И он сказал ей: «О моя отрада,
Чего нам ждать? Бежать немедля надо!

Расстаться я с тобою не могу...
Коль я от Ардавана убегу,

Скажи: бежишь ли ты со мною вместе?
Иль тут, в плену, останешься — в бесчестье?

Увенчана короной золотой
Ты будешь, коль последуешь за мной!»

Гульнар сказала: «Здесь я не останусь,
Пока дышу, с тобою не расстанусь!»

И слезы падали из нежных глаз,
Как вслед алмазу огненный алмаз.

Ответил Ардашир: «Доверься богу!
Мы завтра тайно двинемся в дорогу».

Гульнар обратно во дворец ушла,
В слезах остаток ночи провела.

Когда земля от солнца пожелтела
И тень лиловой ночи отлетела,

Смятеньем нетерпения горя,
Гульнар открыла дверь казны царя.

Взяла алмазы, жемчуга и лалы,
Динаров золотых запас немалый.

И всю добычу, полная надежд,
Зашила в складки собственных одежд.

Вот ночь настала, полная тревоги...
Шах Ардаван заснул в своем чертоге.

Гульнар во тьму порхнула, как стрела,
Добычу Ардаширу принесла.

Сидел он с полной чашей, не печалясь,
Вокруг же слуги пьяные валялись.

И, радостный, он встал навстречу ей,
Из стойла вывел резвых двух коней.

Увидев золото в руках у ней
И лалы, жарких угольев красней,

Он налитую чашу отодвинул,
На головы коней узды накинул.

Сел на коня он, в шлеме и броне,
Повесив меч надежный на ремне.

Гульнар вскочила на коня другого,
И выехали, не сказав ни слова.

С подругой милой поскакал он в Парс,
Как на свободу вырвавшийся барс.

АРДАВАН УЗНАЕТ О БЕГСТВЕ ГУЛЬНАР И АРДАШИРА

Так было: без невольницы своей
Шах Ардаван своих не мыслил дней.

Чуть голову с подушек подымал он,
Гульнар свою с любовью обнимал он.

Настало утро; встать царю пора —
Но нет Гульнар на ложе, как вчера.

Рабыни нет. Вскочил, рассвирепел он.
Подать воды, подать халат велел он.

А сонм вельмож уже в дверях стоял,
Украшен был престол и тронный зал.

Вазир великий перед ним явился,
Подобострастно перед ним склонился

И доложил: «О шах, вселенной свет!
Тут все князья явились на совет».

И крикнул шах: «Эй слуги, что случилось,
Что к нам Гульнар сегодня не явилась?

Обижена иль чем занемогла,
Что появиться нынче не смогла?»

Тут шаху главный доложил дабир:
«Сбежал сегодня ночью Ардашир.

И гордость стойла славного царева
Угнал он — Серого и Вороного».

Догадка сердце шаха, как кинжал,
Пронзила: «Раб сбежал — Гульнар украл!»

В нем древний дух суровый пробудился.
Он шлем надел, в кольчугу облачился,

Пошел он с войском грозных удальцов,
Все на пути огнем спалить готов.

Летел как ветер, полн ожесточенья,
Пока не въехал в некое селенье.

Спросил у жителей, у пастухов:
«Не проскакали ль двое беглецов?

Не проезжали ль рано на рассвете
Два всадника через угодья эти?»

А те: «Промчались двое тут селом
На сером скакуне и вороном.

Вослед им тур понесся, пыль взметая,
Рогами золочеными блистая».

И царь сказал дастуру: «То — они!
Но этот тур что значит? Объясни».

Дастур ответил: «Это знак великий,
Что будет в мире Ардашир владыкой.

То — фарр его. Ты знаменье почти,
Напрасную погоню прекрати!»

Царь промолчал, советнику не внял он.
Дав людям отдых, дальше поскакал он.

Летело войско, словно ураган,
А впереди — с вазиром Ардаван.

Но Ардашир с Гульнар не отдыхали;
Они, как вихрь, все дальше улетали.

И кто догонит, кто в петлю возьмет
Того, кому защита — небосвод?

А беглецы от жажды истомились
И в роще у ручья остановились.

И Ардашир сказал своей Гульнар:
«Нас мучит жажда и полдневный жар,

Из силы выбились и мы и кони,
И далеко ушли мы от погони.

Здесь, у ручья, мы силы подкрепим;
Час отдохнем и дальше полетим».

В поту, как солнце, щеки их блистали,
Когда они к потоку подскакали.

Чуть Ардашир хотел сойти с коня,
Два мужа подошли — светлее дня.

И молвили они: «Спеши! Не время
Бросать поводья и оставить стремя!

Ты промыслом от гибели спасен.
Беги, чтоб не настиг тебя дракон!

Погибельно вам будет промедленье,
Теперь лишь в быстроте твое спасенье».

Внял Ардашир советникам своим.
Гульнар мгновенно согласилась с ним.

И вновь они на стременах привстали
И дальше в степь, как вихри, ускакали.

За ними с войском мчался Ардаван,
С душою черной, гневом обуян.

Когда миродержавное светило
Лик светозарный к западу склонило,

Увидел пред собою старый шах
Прекрасный город, тонущий в садах.

Людей спросил он, что его встречали:
«Здесь двое верховых не проскакали?»

Старейшина ответил городской:
«О царь счастливый, в помыслах благой!

Когда над миром солнце дня блеснуло,
А ночь знамена синие свернула,

Два конных через город пронеслись,
А кто, откуда — нам не назвались.

Скакал вослед им тур золоторогий,
Какие в царском пишутся чертоге».

И Ардавану вновь сказал мобед:
«Прерви погоню, о вселенной свет!

Тур этот — фарр и счастье Ардашира.
Ты собери войска, владыка мира.

Войной края и страны мы пройдем,
А так — мы только ветер обретем.

Ты сыну своему отправь посланье,
Пусть он проявит ревность и старанье.

Пусть Ардаширова падет глава,
Покамест тур не превратится в льва».

Внял Ардаван ему, челом склонился;
Он понял — славный век его затмился.

И спешился и отдых дал войскам,
Молясь тому, кто все дарует нам.

АРДАВАН ПИШЕТ ПИСЬМО СВОЕМУ СЫНУ БАХМАНУ, ПРИКАЗЫВАЯ РАЗЫСКАТЬ АРДАШИРА

Едва рассвет окрасил облака,
Шах повернул назад свои войска.

С лицом поблекшим, тростника желтее,
Он вечером вступил в ворота Рея.

И в Парс письмо отправил сыну он:
«Наш светлый фарр изменой омрачен.

Раб Ардашир, как вор в ночи, без звука,
Бежал, стрелою вылетел из лука.

Поймай его! Он в Парсе. Но смотри —
Ни слова никому не говори».

АРДАШИР СОБИРАЕТ ВОЙСКО

И прибыл Ардашир на берег моря,
И помолился: «О защитник в горе!

Ты спас меня, так не оставь меня!
По верному пути направь меня!»

Встречаясь там с береговым народом,
Он подружился с мужем-мореходом.

Поведал, сколько бедствий претерпел.
Моряк на Ардашира посмотрел,

Вгляделся зорко он в его обличье,
Увидел фарр его и мощь величья,

И понял: это — сын царей земли.
Все обошел свои он корабли.

Сошли на берег, полные отваги,
Мужи, заботясь о грядущем благе

Все, в чьей душе был голос предков жив,
Пришли, о кее вести получив.

Все родичи Бабака встрепенулись
И в помощь Ардаширу потянулись.

С холмов, с нагорий в облачном дыму
Сходились люди храбрые к нему.

«Кей появился!» — вести полетели,
И стариков сердца помолодели.

Мобеды из убежищ поднялись,
Советники премудрые сошлись.

И Ардашир уста раскрыл пред ними:
«Эй, славные познаньями своими,

Постигнувшие сердцем суть всего!
Я знаю, нет средь вас ни одного,

Кто б не слыхал, каким подверг невзгодам
Нас Искандар — пришелец, низкий родом!

Он славу древнюю низверг во мрак,
Весь мир зажал в насильственный кулак.

Я к вам пришел — потомок Руинтана,
И вас нашел под гнетом Ардавана!

Но пасть самой судьбой обречена
Та власть, что вам насилием дана.

Коль вы друзьями станете моими, —
Сынов Аршака истребится имя.

Что думаете вы? Ответа жду.
В великом деле я совета жду».

И все, кто были в этом славном сборе —
Мудрец иль муж бывалый в ратном споре, —

Все встали, чувством пламенным горя,
Все отвечали на вопрос царя.

Одни: «Мы все — из племени Бабака.
Ты — солнце наше, вставшее из мрака!»

Другие хором: «Предок наш — Сасан.
Мы все на битву препояшем стан!

Все — телом и душой — в твоей мы власти.
С тобой разделим счастье и несчастье.

Ведь ты двумя светилами рожден.
Мы все — с тобой! Тебе — и власть и трон.

Прикажешь — горы превратим в равнины,
Бушующие укротим пучины».

Внял Ардашир собравшихся ответ.
И духом он вознесся до планет.

Мужей достойных поблагодарил он.
Величье, волю бодрую явил он.

На берегу он город основал.
И вырос город; многолюдным стал.

Муж-звездочет явился к Ардаширу,
Сказал: «О шах, звездой блеснувший миру!

Ты призван корень Кеев обновить,
Исторгнуть плевел, пришлых истребить,

Трон Ардавана сокрушить, как молот.
Твоя звезда нова, и сам ты молод!

Среди сынов Аршака Ардаван
Сильнее всех и выше, чем Кейван.

Бери же в руки власть, не медля, с бою, —
И все враги падут перед тобою!»

И эти старца вещего слова
Дух окрылили Ардашира-льва.

С рассветом встал, покинул свой престол он,
Вооружась, в Истахр войска повел он.

Сын Ардавана, славный муж Бахман,
Узнав, что ополчился Бабакан,

Встревожился, не стал он медлить боле,
Собрал свои полки и вывел в поле.

АРДАШИР СРАЖАЕТСЯ С БАХМАНОМ И ОДЕРЖИВАЕТ ПОБЕДУ

Жил славный муж по имени Тэбак,
Привержен к богу, помыслами благ,

Наместник царский в городе Джахраме —
Он был главой над верными войсками.

Муж справедливый, мудрый, полный сил,
Семь сыновей он славных возрастил.

Услышав о явленье Бабакана,
Восстал он, откололся от Бахмана.

И к Ардаширу, мудростью влеком,
С войсками он пошел под трубный гром.

Пред Ардаширом в радости великой
Он спешился, как пред своим владыкой.

У ног его челом склонился в пыль
И о Сасане древнем вспомнил быль.

Сказал: «Тебе да буду я оплотом!»
И принял Ардашир его с почетом.

Но сам в душе сомненьем был смущен:
«Не Ардаваном ли подослан он?..»

В пути Тэбака он оберегался;
Он власти старца, войск его боялся.

Был прозорлив Тэбак, видавший мир;
Он знал — не доверяет Ардашир.

Пришел к нему с Авестою священной,
Сказал: «Да слышит нас творец вселенной, —

Клянусь! Тебе я предан навсегда!
Нарушу клятву — сгину без следа!

Едва я вести о тебе услышал,
С войсками я к тебе на помощь вышел.

Власть Ардавана стала мне гнусна;
Как юноше старуха мне она.

Я преданный твой раб навек отныне,
И в том тебе клянусь на сей святыне!»

Внял слову сокровенному тому,
Душой поверил Ардашир ему.

Как своего отца, его почтил он,
Тэбаку власть над воинством вручил он.

И пред Йезданом пал и до утра
Молил, чтоб указал пути добра,

Чтоб дал победу над драконом гнева,
Чтоб возрастить помог величья древо.

В чертоги предков Ардашир вступил,
Грехи отцов молитвой искупил.

Советников своих созвал в палату,
Открыл казну и войску роздал плату.

Как барс, воспрянул и полки повел,
Дабы Аршака сокрушить престол.

И повстречались, как два моря зыблясь,
Две рати, и, воинственные, сшиблись.

Бой закипел. Пылали, как лучи,
В руках мужей индийские мечи.

Сшибались грудью, копьями, щитами;
Кровь потекла горячими ручьями.

Дрались, друг друга яростно тесня,
Пока не пожелтело солнце дня.

Ночь подняла шатер свой бирюзовый,
Когда повел войска Тэбак суровый.

Взлетела тучей пыль черней смолы,
И Ардашир звездой блеснул из мглы.

Сын Ардавана раною томился.
Увидя шаха, в бегство он пустился.

Муж Ардашир вослед за ним летел
Под громом труб и градом черных стрел.

Он вел погоню яростнее барса
До самых стен Истахра — сердца Парса.

Там слава победителя ждала.
Весть о победе земли обтекла.

Он в Парсе роздал войску в честь победы
Сокровища, что собирали деды.

День отдохнул, набрался новых сил
И дальше в море войска устремил.

БИТВА АРДАШИРА С АРДАВАНОМ

И страхом сердце шаха омрачилось,
Когда узнал он: грозное свершилось.

Воскликнул Ардаван: «Открыл мобед
Мне древле волю тайную планет.

И волю неба не преодолеть нам,
Чем жить в бесчестье, лучше умереть нам.

Не думал я, что станет Бабакан
Завоевателем, владыкой стран».

Долг старый войску заплатить велел он,
Обоз к походу снарядить велел он.

Дейлем прислал дружины и Гилян.
Сошлись полки, шумя, как океан.

Но Ардашир повел ему навстречу
Отважных войско, рвущееся в сечу.

И встретились они средь пыльной мглы;
Их разделял один полет стрелы.

В рядах карнаи так загрохотали,
Что змеи из убежищ убегали.

И зазвучал под золотом знамен
Мечей лиловых скрежет, лязг и звон.

Так сряду сорок дней сраженье длилось,
Для витязей вселенная стеснилась.

Росли убитых горы по долам.
Постыла жизнь измученным бойцам.

Тут грозовые тучи налетели,
И молнии на тучах заблестели.

Такой свирепый ветер смерчи взвил,
Что души ужасом оледенил.

Земля разверзлась, содрогнулись горы,
Казалось, мира потряслись опоры.

Подземный гром и гром на небесах, —
Объял великий Ардавана страх.

И средь людей его пошло роптанье:
«То — вещий знак, небес предначертанье.

Видать, на гибель мы обречены.
Видать, неправедны пути войны».

Мобеды возопили: «Царь! Пощада!»
Но стрелы низвергались гуще града.

Остался злополучный властелин
Покинут всеми, Ардаван — один.

И громом грянул голос Ардашира:
«Палач, схвати врага владыки мира,

Казни, надеждам вражьим вопреки!
Мечом его на части рассеки!»

Палач пошел, исполнил приказанье.
Муж Ардаван покинул мирозданье.

Вот он, в деяньях грозный небосвод!
Пал Ардаван, и Ардашир падет.

Людей до звезд возносит мир надменный
И низвергает наземь в прах презренный!

Двоих схватили царских сыновей,
И цвет увял Аршаковых ветвей.

Обоим ноги в кандалы забили,
В зиндан юнцов несчастных посадили.

Два старших сына потихоньку, в ночь,
Разгром увидя, ускакали прочь.

В слезах они достигли Хиндустана,
Судьба их стоит целого дастана.

Вся степь была усеяна кругом
Убитыми в оружье дорогом.

Шах Ардашир велел собрать добычу
И ратным людям всю раздать добычу.

Тэбак души величие явил —
Он труп царя казненного омыл.

Омыл в слезах от крови и от праха,
Воздвиг он дахму пышную для шаха.

Парчой и шелком тело спеленал,
Чело его короной увенчал.

И с почестью его похоронили,
Порог его дворца не преступили.

Явился к Ардаширу муж Тэбак,
Сказал: «О шах, как свет гонящий мрак,

На дочери прекрасной Ардавана
Женись! У ней — венец и фарр Ирана!

Сокровище тогда ты обретешь,
Которого превыше не найдешь.

Так нам закон повелевает древний!»
И Ардашир женился на царевне.

Он пробыл в Рее месяц или два;
О нем не молкла добрая молва.

Вот в Парс вернулся озаренный славой
Сасана сын, воитель величавый.

И город новый там построил шах,
Богатый, пышный, тонущий в садах.

Фонтаны били там, ручьи журчали,
Тот город Хурра-Ардашир назвали.

Там хауз был большой, светлей стекла.
Вода по трубам из него текла.

Над тем прудом у чистого истока
Построил царь Зардушту храм высокий.

И праздники Михргана и Сада
С народом здесь он праздновал всегда.

Вокруг же храма стогны простирались,
Цвели сады, строенья красовались.

Марзбаны, видя город — перл земли, —
Названьем Гур тот город нарекли.

Прекраснее всех городов прекрасных
Стал город Гур; в нем не было несчастных.

Невдалеке от города текла
Река. Ей преграждала путь скала.

Царь вызвал сильных телом на подмогу,
В скале велел воде пробить дорогу.

От засухи весь Парс он защитил,
Убогих поселян обогатил.

ВОЙНА АРДАШИРА С КУРДАМИ

Когда восстал народ вольнолюбивый,
Рать из Истахра вывел царь счастливый.

Когда вступил в их степи властелин,
Пошли на бой все курды, как один.

Войну игрою шах считал сначала,
Но вслед за курдами вся степь восстала.

Дрались весь день. Померкли облака.
И отступили шахские войска.

И поднял Ардашир все войско Парса.
Там каждый всадник был лютее барса.

Войска повел на курдов он с утра.
Бой закипел не тот, что был вчера.

Но царь в степи, холмами тел покрытой,
Опять остался с малою защитой.

Так опаляла зноем высота,
Что запеклись у воинов уста.

Вот умиротворяющее знамя
Ночь подняла над ратными рядами.

И увидал вдали костер один
Муж Ардашир — вселенной властелин.

И поскакал он с малою дружиной
На тот костер — во тьме, тропой пустынной.

Вблизи костра увидел пастухов,
Овец, ягнят, и козлищ, и овнов.

Тут спешился с дружиной шах великий.
Был полон пылью, высох рот владыки.

Воды спросил он. Пастухи пошли
Айран прохладный, воду принесли.

Он жажду утолил водой с айраном,
Лег и накрылся боевым кафтаном.

Уснул он крепко на траве степной,
Подушка в изголовье — шлем стальной.

Блеснул рассвет, из-за морей ударя;
От сна восстала сила государя.

Тут подошел к нему старик пастух,
Сказал: «Да будет бодр твой светлый дух!

Как ты попал в пустыню? На ночлеге
Здесь ни покоя не найдешь, ни неги».

Ответил царь: «О старец, услужи, —
Ближайшее селенье укажи».

Сказал старик: «До ближнего привала
С тобою будет проводник бывалый.

Фарсангов пять пустыней ты пройдешь, —
И водопой, и корм коням найдешь.

А там пойдут богатые селенья —
И в каждом — свой глава, свое правленье».

Встал, распрощался царь со стариком,
Повел дружину за проводником;

Достиг ручья и рощицы зеленой
И в край вступил богато населенный.

Радушно встречен, там он станом стал
И в Хурра-Ардашир гонцов послал.

И встало воинство по слову шаха,
На помощь двинулось по зову шаха.

Тут медлить славный Ардашир не стал;
Он к курдам в степь лазутчиков послал.

Лазутчики в дорогу устремились
И, все разведав, к шаху возвратились,

Сказали: «Курды радости полны,
Им-де цари и шахи не нужны.

Бежал-де Ардашир, исполнен страха;
В Истахре одряхлело счастье шаха!»

Воспрянул шах, услышав их слова,
До солнца поднялась его глава.

Средь войск, ему на помощь приведенных,
Мужей он десять тысяч выбрал конных.

И тысячу прославленных стрелков,
Взметающих стрелу до облаков.

АРДАШИР СОВЕРШАЕТ НА КУРДОВ НОЧНОЕ НАПАДЕНИЕ И РАЗБИВАЕТ ИХ ВОЙСКО

С закатом солнца он повел войска
Тропой среди пустынного песка.

Когда глухая полночь миновала,
Становье курдов перед ним предстало.

Глядит — в степи беспечно курды спят,
А души воинов его кипят.

И дать велел он скакунам поводья,
Пустил войска на курдские угодья.

И закипела страшная резня.
Все кончилось до наступленья дня.

Тут степняков убитых не считали,
Венцом кровавым поле увенчали,

Кто жив остался, тех забрали в плен,
Так сильный из-за глупости презрен.

Богатства захватил владыка мира,
Бойцов обогатил владыка мира.

И если старец нес динаров таз,
То на него не устремляли глаз.

На золото его и не глядели, —
Так все они тогда разбогатели.

Победою не возгордился шах,
В Истахр с войсками воротился шах.

«Теперь, — сказал он войску, — отдыхайте!
Для новой рати силы набирайте!»

Сказал: «Пируйте, пейте, ешьте тут!
Пусть боевые кони отдохнут».

Все от оружия освободились,
К делам своим домашним возвратились.

А что замыслил дальше Бабакан,
Узнаем, выслушав другой дастан.

ДАСТАН О ЧЕРВЕ ХАФТВАДА

Дихкан извлек рассказ из тайника
О чуде, бывшем в древние века.

Лежит у волн Персидского залива
В обширном Парсе Куджаран счастливый.

Там город был. А город славный тот
Трудолюбивый населял народ.

Там не в гаремах девы прозябали,
А все трудом достаток добывали.

Бывал там хлопка щедрый урожай;
Искусством пряжи был прославлен край.

Когда ворота града отпирались,
Все девушки к воротам собирались.

У каждой хлопка чистого полно,
У каждой и свое веретено.

На холм поднявшись со своей поклажей,
Они весь день сидели там за пряжей.

Ни сон им, ни еда на ум не шла;
В том белом хлопке слава их была.

Запасы хлопка в пряжу превращались;
Они домой лишь к ночи возвращались.

И некий муж, по имени Хафтвад,
Прославил тот благословенный град.

Он был отцом семи сынов могучих,
Семи богатырей — слонов могучих.

Дочь у него была всего одна,
И счастьем всей семьи была она.

Сидели девушки под сенью склона,
Звенящие пуская веретена.

А в полдень, бросив пряжу, сели есть,
Сложили вместе, что в запасе есть.

Сложила пряжу дочь Хафтвада, встала
И, яблоко, что с яблони упало,

В траве увидев, живо подняла.
Вот тут открылись дивные дела...

Чуть только плод румяный надкусила,
Крик изумленья дева испустила.

Там червь сидел. Того червя она
Достала кончиком веретена.

И молвила толпе прядильщиц славных:
«Хвала творцу, не знающему равных!

Я талисман нашла! Дана мне власть,
Дано мне счастье — втрое больше прясть!»

Подруги хором все захохотали;
В улыбках зубы перлами блистали.

Но втрое больше их Хафтвада дочь
Напряла все ж, пока не пала ночь.

Число мотков на камне записала,
Домой с дневною пряжей прибежала.

Порадовалась мать ее труду:
«Ты обрела счастливую звезду!»

И вновь они мотки пересчитали.
Тугие нити, словно шелк, блистали.

И, пробудясь на утренней заре,
Подруги сели прясть на той горе.

И снова им сказала дочь Хафтвада:
«О девушки, за что же мне награда?

Я больше спрясть могу, чем нужно мне!
Такая власть в моем веретене!»

Она работу к пóлдню завершила,
А больше прясть ей хлопка не хватило.

И с пряжею своей домой пришла,
И радость и веселье принесла.

А девушка, чуть утро наступало,
Кусочек яблока червю давала.

Рос червь, и втрое пряжи с каждым днем
Та чародейка приносила в дом.

Отец и мать однажды — так случилось —
Спросили дочь: «Скажи нам, сделай милость:

Вот наша хижина обогатилась,
А оттого, что много ты трудилась.

Как успеваешь ты? О дочь, открой!
Иль светлой пери стала ты сестрой?»

И девушка родителям открыла,
Как червяка нашла и сохранила.

И показала им червя она
В пенале своего веретена.

Он ярким светом в темноте лучился.
Хафтвад находке дочери дивился,

Сказал: «Вот знак, что счастлив наш удел!»
Душой и сердцем он помолодел.

Забот и нужд с него свалилось бремя.
Вот миновало небольшое время, —

Они ухаживали за червем,
Кормили медом, маслом, молоком.

Червь вырастал и силы набирался;
Он яркоцветным телом красовался.

Спиной, как мускус, черною блистал,
И вскоре тесен стал ему пенал.

И вот сундук просторный смастерили,
В сундук червя с молитвой поместили.

Никто так не был в городе богат,
Как вскорости разбогател Хафтвад.

Светил он мудрости житейской светом,
Все люди шли к Хафтваду за советом.

В то время Куджараном правил князь,
Закон и правду затоптавший в грязь.

Жестокий, он заботой жил единой,
Как отобрать добро простолюдина.

Узнал он, что Хафтвад разбогател,
И дом его ограбить захотел.

Но семь сынов Хафтвада ополчились,
И горожане все вооружились.

Мечи и копья в руки взяли все,
В защиту за Хафтвада встали все.

Хафтвад повел на битву ополченье;
Он мужество и мощь явил в сраженье.

Твердыню злого князя разгромил,
Забрал казну, а самого казнил.

Хафтвад вернулся в блеске славы бранной.
Его избрали князем Куджарана.

И, преданным народом окружен,
На крутизне поставил крепость он.

В ее стене железные ворота,
Надежней в мире не было оплота.

В том славном замке, что Хафтвад воздвиг,
Бил из скалы несякнущий родник.

Тройные стены замок окружали,
До облак башни грозные вставали.

Вот тесен стал сундук червю тому,
В скале колодец вырыли ему.

В просторный тот колодец бережливо
Был червь опущен, выросший на диво.

Стояла стража верная над ним,
Чтоб червь накормлен был и невредим.

Корм для него в большом котле варили,
Отборной, лучшей снеди не щадили.

Пять лет прошло. И вырос червь, как слон,
Рогами, бивнями вооружен.

За ним сама смотрела дочь Хафтвада;
Кормить его была ее отрада

Едой из риса, меда, молока.
Его от стужи кутали в шелка.

Как жизнь свою, Хафтвад его любил,
Червем, как милым сыном, дорожил.

Он всю страну от моря до Кирмана
Объединил под властью Худжарана.

Над войском он поставил семерых
Отважных, верных сыновей своих.

И все, что на Хафтвада выступали,
Цари — разбиты были и бежали.

Такая мощь была червем дана,
И процвела Хафтвадова страна.

Хафтвад сидел средь своего оплота,
И вихрь не смел дохнуть в его ворота.

СРАЖЕНИЕ АРДАШИРА С ХАФТВАДОМ И ПОРАЖЕНИЕ АРДАШИРА

Река молвы несла Хафтвада славу,
То Ардаширу стало не по нраву.

Простерлась повелителя рука —
И двинулись огромные войска.

Хафтвад о приближенье войск услышал,
Но даже поглядеть на них не вышел.

Уверенный в могуществе своем,
Он знал — врага любого ждет разгром.

Послал полки навстречу войску шаха.
Затмилось небо облаками праха

И почернел весь мир, когда Хафтвад
Дружины в битву двинул из засад.

К земле копыта коней прирастали,
А люди рук от ног не отличали,

Такой повеял ветер в лица им.
Военачальник, ужасом гоним,

Прочь ускакал. Бежали с поля брани
Живые, кроясь в мраке и тумане.

Пришли и повинились пред царем,
Какой великий понесли разгром.

Встал Ардашир и сам войска возглавил,
Людей вооружил, творца прославил,

Пошел он на Хафтвада; но вознес
Хафтвад главу до неба, как утес.

Укрылся с войском на своей вершине,
Замкнул врата железные твердыни.

Вот старший сын Хафтвада услыхал:
Война! В беду отец его попал!

В ту пору за морем далеко был он,
Но, сев на корабли, домой приплыл он.

Он был воитель с твердою рукой,
Суровый, властный, звался он Шахой.

Когда с дружиной он приплыл к Хафтваду,
Он сердцу отчему принес отраду.

На Ардашира с правого крыла,
Гремя грозою, рать его пошла.

И вот сошлись и сшиблись оба строя
На пыльном, на широком поле боя.

На рать Шахоя глянул Ардашир —
И тесен стал ему прекрасный мир.

Слух оглушал карнаев грохот гневный.
Был нестерпим свирепый зной полдневный.

Был то — не бой, был ад такой, скажи,
Что без сознанья падали мужи.

Мечи в пыли, как молнии, блистали;
Как божий гром, литавры грохотали.

Основы дрогнули земных глубин,
А воздух стал багряным, как рубин.

Удары палиц по железным шлемам
Ужасны были. Мнилось — гибель всем им.

Взрывая пыль, летели скакуны.
Равнины были трупами полны.

Войска Хафтвада шли, как в час прилива
Индийский океан — за гривой грива.

Так было тесно на поле бойцам,
Что не было спасенья муравьям.

Желтея, солнце к западу склонилось,
Земля чадрою синей облачилась.

Шах Ардашир отвел войска во мглу
Вечернюю, за озеро в тылу.

Там станом стал, когда в небесной черни,
Как мускус, почернел янтарь вечерний.

Им не хватило в озере воды,
Коням и людям не было еды.

МИХРАК, СЫН НУШЗАДА, РАЗОРЯЕТ ДОМ АРДАШИРА

Михрак в Джахраме, правнук кеев, жил.
Нушзад Михрака-мужа возрастил.

Узнал Михрак о бедах Ардашира,
Что окружен врагом владыка мира,

Что обречен он с войском голодать,
Что некуда им больше отступать.

И ополчил войска Михрак упрямый
И на столицу двинул из Джахрама.

Сокровищницы шахские Михрак
Опустошил, страну поверг во мрак.

Лев-Ардашир, услыша весть об этом,
Великим обязал себя обетом:

«Клянусь не выступать на бой с врагом,
Не защитив сперва свой отчий дом!»

Помощников своих созвал он главных,
Мужей науки, полководцев славных.

«Что думаете вы? — он им сказал. —
Мы — в яме. Да еще Михрак напал.

Разбиты мы, невмоготу нам стало...
И вот еще Михрака не хватало!»

«О государь! — сказал ему совет. —
Ему спасенья от возмездья нет!

Ты — кей, владыка истинный. Как можно
Тужить, когда твой враг — Михрак ничтожный?

Ты — царь, хранимый волею судьбы,
Повелевай! Мы все — твои рабы!»

Шах приказал подать вино и чаши,
Раскрыть суфру, весны цветущей краше.

Барашков жарить на углях велел,
Устроил пир, душой повеселел.

Когда жаркое на углях поспело,
Стрела из тьмы глубокой прилетела.

Барашку в спину та стрела вошла.
Отпрянули все гости от стола,

И побледнели щеки их от страха,
Не содрогнулось только сердце шаха.

Он выдернул стрелу; глядит — она
Письмом таинственным испещрена.

Встал, разобрал дабир, мудрец индийский,
Письмо, что писано по-пехлевийски.

Сказал: «О шах! Звезда твоя светла.
Друг пишет нам. Письмо его — стрела:

«Когда б из лука целился в царя я,
Стрелу в него вогнал бы до пера я.

Есть червь у нас в твердыне — наш оплот;
Пусть миром государь от нас уйдет!»

И все вазиры шаха изумились,
Когда им знаки тайные открылись

На черной деревянной той стреле.
Густела ночь. Тонула даль во мгле.

И все молились в робости великой,
Чтоб фарр не мерк над истинным владыкой.

АРДАШИР, УЗНАВ ТАЙНУ НЕПОБЕДИМОСТИ ХАФТВАДА, ПРИБЕГАЕТ К ХИТРОСТИ И УБИВАЕТ ЧУДЕСНОГО ЧЕРВЯ

Мужи не спали, думами полны.
Когда померк ущербный серп луны,

Восстала мощь святая Ардашира,
С войсками в Парс пошел владыка мира.

Шло вражье войско по пятам его,
Гналось за ним по всем путям его.

Всех славных выбили в иранском войске,
Но царь с дружиной вырвался геройски.

Вдогонку крик летел: «Тебе — бежать!
А червь на троне будет восседать!»

И люди восклицали: «Это — чудо!
Какой-то червь на троне! Как? Откуда?»

Так от Хафтвада Ардашир бежал,
Нигде не становился на привал.

А к вечеру увидел он селенье,
Усадьбы мирные, сады в цветенье.

Два юноши из дома одного
С поклоном низким встретили его.

Потом царя участливо спросили:
«Кто вы? Вы все в поту, в дорожной пыли.

Дорогой дальней вы утомлены,
И ваши скакуны запалены».

Ответил царь: «Мы — люди Ардашира,
Отстали мы от войск владыки мира.

Хафтвад за нами гонится с червем,
Мы здесь у вас немного отдохнем».

Те юноши поморщились с презреньем,
Исполненные тайным огорченьем,

Царю сказали: «Дом наш посети!»
И помогли ему с коня сойти.

Пред ним калитку сада отворили
И дастархан для ужина накрыли.

Сел царь за стол, дружинники кругом,
А юноши служили за столом.

Служа, сказали: «Время быстротечно.
О муж, добро и зло недолговечно.

Ты вспомни, как Заххак был вознесен
И что обрел он, сев на Кеев трон.

Афрасиаба вспомни! Сколько горя
Он всем принес, неистовый, как море.

Ты вспомни Искандара, что сгубил
Славнейших, цвет вселенной истребил.

Где все они? Где блеск их величавый?
О них осталась лишь дурная слава.

Не в рай цветущий — в леденящий ад
Ушли они. Не вечен и Хафтвад!»

И от хозяйской речи, сердцу милой,
Муж Ардашир воспрянул с новой силой.

Улыбкой он застолье озарил
И тайну этим юношам открыл:

«От ваших слов утихла в сердце рана.
Я — Ардашир, гонимый сын Сасана!

И мне совет ваш нужен, как мне быть,
Как мне червя Хафтвада истребить?»

Когда всю правду юноши узнали,
Они пред гостем на колени пали,

Сказали: «Царствуй и живи всегда!
Превыше бед и зла твоя звезда!

Да станет дух твой твердою скалою,
А мы — твои! Мы — навсегда с тобою!

Вот ты у нас совета попросил, —
Поможем мы тебе по мере сил.

Дабы Хафтвада силу опрокинуть —
Увы, — придется путь прямой покинуть.

Тут не помог бы вам и сам Рустам,
Прибегнуть к хитрости придется вам.

Хафтвад в нагорной крепости гнездится.
Там червь в колодце, как дракон, таится.

Та крепость неприступна и грозна.
Оттоль Хафтваду вся земля видна.

Ему защита — волны океана
И червь, рожденный мозгом Ахримана.

Тот червь — жестокий, кровожадный див.
Хафтвад непобедим, пока он жив».

А царь, кивая головой склоненной,
Внимал им, молча в думы погруженный.

Сказал: «Душе от ваших слов светло.
Я с вами разделю добро и зло!»

А юноши, склонившись головами,
Ответили прекрасными словами:

«С тобой всегда, везде мы, светлый шах,
С тобой, пока стоим мы на ногах!»

Воспрянул с места, духом справедливый,
Не стал он медлить, властелин счастливый.

Домой помчался, быстрый, как огонь,
А юноши с ним рядом одвуконь.

И прискакал, могучий, светлолицый,
Шах Ардашир в предел своей столицы.

И мудрецов и знатных на совет
Собрал немедля шах, вселенной свет.

За службу щедро наградил он войско,
И на Михрака устремил он войско.

Михрак не мыслил о сраженье с ним.
Как дым, бежал он, ужасом гоним.

Он спрятался в лесной чащобе дикой,
Когда к Джахраму подступил владыка.

Бежал Михрак, предатель, подлый тать,
Но всюду царь велел его искать.

Михрака люди шахские схватили,
Главу мечом от тела отделили.

И были все зачинщики войны
По воле шаха тут же казнены.

Погиб Нушзада род. Лишь дочь Михрака
Укрылась тенью средь ночного мрака.

АРДАШИР ИСТРЕБЛЯЕТ ЧЕРВЯ ХАФТВАДА

Встал Ардашир, покинул свой престол,
На бой с червем войска свои повел —

Богатырей двенадцать тысяч ратных,
В железных латах, в шишаках булатных.

Остался за спиной степной простор.
Вошли войска в долину между гор.

Я вспомню мужа славного — Шахргира;
Он полководцем был у Ардашира.

Шах повелел тому богатырю:
«Стой здесь, а я поезжу, посмотрю.

Ты ночь не спи. Против врагов упорных
Бывалых, зорких посылай дозорных.

Жди с войском здесь. Смотри, чтоб досветла
В степи охрана наша не спала.

А я пойду — вручу Йездану душу,
Все вражье чародейство я разрушу.

Увидев дым и пламя на стене,
Вставай, на помощь двигайся ко мне!

Тогда ты знай: судьба червя затмилась,
Ты знай: звезда Хафтвада закатилась».

Шах из дружины преданной своей
Испытанных в боях избрал мужей.

Средь них ни вздох, ни разговор случайный
Владыки замысел не выдал тайный.

Шах Ардашир войска обогатил,
Бронями и оружьем оснастил.

Отрекся от казны владыка мира, —
Осталось олово у Ардашира.

Свинец и олово в двух сундуках
В дорогу взял с собой премудрый шах.

А также взял еще котел огромный,
Дабы развеять чары силы темной.

Еще он десять отобрал ослов,
Погонщиками — верных удальцов.

Ослов навьючить золотом велел он,
Погонщиков же в рубища одел он.

Так изготовившись, на подвиг свой
Пошел он со стесненною душой.

Те юноши, что счастье предсказали,
С ним были здесь, бок о бок с ним скакали.

Шах Ардашир избрал в свои войска
Сильнейших, чья рука в бою крепка.

Настала ночь, повеяла прохлада,
Когда он подошел к стенам Хафтвада.

Того червя оберегал отряд.
Число охраны было — шестьдесят.

Страж хмурый крикнул со стены сердито:
«Эй вы! Что во вьюках у вас укрыто?»

И отвечал с поклоном мудрый шах:
«Добра у нас немало во вьюках.

Шелка и дорогие украшенья,
Меха и драгоценные каменья.

Эй, друг! Купец из Хорасана я.
Там мой богатый дом, моя семья.

Я волею червя обогатился
И вот к нему с дарами устремился.

Я золотой казны не пощажу,
Дары к подножью трона возложу».

Поверили и отперли ворота
Хранители Хафтвадова оплота.

И с караваном в крепость шах вступил,
Вьюки свои с товарами раскрыл.

Приветлив и речист со стражей был он,
И всех спервоначалу одарил он.

Велел суфру для трапезы раскрыть
И всех позвал с ним ужин разделить.

Открыв кувшин, струей рубинноцветной
Наполнил дедовский фиал заветный.

Те стражи рис на молоке и мед
Червю варили, каждый в свой черед.

Когда же с непривычки охмелели,
Они варить еду не захотели,

Заспорили: тебя, мол, старше я,
И очередь сегодня не моя!

Царь им сказал: «Не спорьте, ради бога!
Купил я молока и риса много.

Позвольте мне червю еду варить,
Его за счастье отблагодарить!

И мне за это, может быть, — кто знает? —
Светлей звезда удачи засияет.

Три дня служить мне дайте! Все три дня
Сидите здесь, пируйте у меня.

Здесь я у вас потом на круче горной
Построю дом; не дом — дворец просторный.

Тут у меня богатый торг пойдет, —
А дивный червь удачу мне пошлет».

«Добро! — сказали стражи, — муж бывалый,
Корми червя! А нас вином пожалуй!»

Шах приказал вина и яств подать,
И стражи снова сели пировать.

Они без меры пили и пьянели,
О службе позабыли и о деле.

Когда в разгаре был веселый пир,
Встал повелитель мира Ардашир,

К убежищу червя стопы направил,
В котле свинец и олово расплавил.

Он ждал, готов на подвиг, полный сил.
С рассветом час кормежки наступил.

Проснулся червь в колодце. И оттуда
Язык свой высунул, большой, как блюдо.

И вылил муж в колодезную тьму
Свинец кипящий — прямо в пасть ему.

Тут в горле у червя загрохотало,
Мир всколебался, туча дыма встала.

И на стены с оружием в руках,
С дружиной поднялся отважный шах.

Служители червя все пьяны были;
Их тут же в миг единый истребили.

И на стене высокой городской
Шах Ардашир разжег костер большой.

Дозорный вихрем поскакал к Шахргиру,
Вскричал: «Удача! Слава Ардаширу!»

Сел на коня Шахргир. И, как река,
К вратам твердыни двинулись войска.

АРДАШИР УБИВАЕТ ХАФТВАДА

Когда о бедствии узнал Хафтвад,
Он с ложа встал, смятением объят.

К стене высокой поспешил с дружиной,
Но на стене увидел властелина.

Царь на стене стоял, как грозный лев,
В ворота шли войска, как божий гнев.

И, словно гром, раздался голос шаха:
«Веди, Шахргир, людей на бой без страха!

Червь чудодейный мною истреблен,
Свинцом клокочущим испепелен!»

Мужи Ирана воодушевились,
За палицы и за мечи схватились.

Отвага запылала в их сердцах,
Когда их ободрил великий шах.

Рассеялась, бежала рать Хафтвада...
Догнали, в плен успели взять Хафтвада.

Аркана пехлевийского петлей
Был пойман старший сын его, Шахой.

Вот со стены сошел владыка мира,
С весельем обнял верного Шахргира.

Конь для царя был подан боевой —
В нагруднике и в сбруе золотой.

Сел на коня хосров благословенный,
Сказал: «Да истребится враг надменный!»

Хафтвада и Шахоя привели, —
На виселице смерть они нашли.

Царь овладел богатствами Хафтвада,
Сказал: «Все это — воинам награда».

И вся неисчислимая казна
Была из замка вниз унесена.

Так он разбил врага, обогатился
И к Хурра-Ардаширу устремился.

Закон Зардушта утвердил святой
И праздники с их пышностью былой.

Двух юношей, в чьем доме гостем был он,
За помощь возвеличил, наградил он.

Из края в край весь Парс объехал он.
Был им порядок мудрый утвержден.

На время там забот он бремя скинул,
А после войско к Шахризуру двинул.

В Керман большую он отправил рать
И мужа, что достоин управлять.

А сам пошел к твердыням Медаина,
И враг бежал пред счастьем властелина.

Таков сей мир, сей грозный небосвод;
Он от людей таит, что им несет.

С душою твердой, чуждый обольщенья,
Взирай, мудрец, на взлеты и паденья.

ВОСШЕСТВИЕ АРДАШИРА НА ПРЕСТОЛ

В Багдаде, что ему был богом дан *,
Сел Ардашир великий — Бабакан;

И на престоле Кеев — в зале тронной —
Венчался бирюзовою короной.

Царем царей в народе наречен.
Величьем стал Гуштаспу равен он.

В нем слава Кей-Кубада возродилась;
Он справедливость утвердил и милость.

Сказал он: «Столп мой — до конца времен
Добра и справедливости закон!

Клянусь вершить лишь добрые деянья!
Но зло да будет злому воздаянье.

И коль меня благословит Йездан,
Я светом блага озарю Иран.

Мне богом мир во власть вручен отныне,
И правосудье — мой закон отныне!

Никто из вас, воителей моих,
Наместников, правителей моих,

Отныне мирно спать да не посмеет,
Когда добра народу не содеет!

Дворец мой всем открыт. Сам стану я
Просящему — защитник и судья».

Мужи владыке воздали хвалою:
«Живи! На благо людям — правь землею!»

Шах разослал войска по всем краям
С посланием к бунтующим князьям,

Дабы с повинной шли к подножью трона,
А непокорным — суд и меч закона.

ПОВЕСТЬ ОБ АРДАШИРЕ И ДОЧЕРИ АРДАВАНА

Когда затмилось счастье Ардавана,
Стал Ардашир владыкой — сын Сасана.

И Ардавана дочь к себе он взял;
Та знала, где отец казну скрывал.

Два сына Ардавана в Хинд бежали,
Деля в скитаньях радость и печали.

А двое младших братьев под замком
Томились в заточении глухом.

Сын старший в Хиндустане укрывался;
Бахманом этот муж достойный звался.

Избрал он среди верных слуг своих
Посланца расторопнее других.

Вручил посланцу перстень с каплей яда,
Сказал: «К коварству нам прибегнуть надо.

Как дым, лети в Иран и перстень сей —
Тайком от всех — вручи сестре моей.

Скажи ей: «Лживы вражьи обещанья!
Твои два брата в горестном изгнанье.

Другие два — в узилище, в цепях.
В их сердце — мука, слезы на глазах.

Ты отреклась от нас, ты нас забыла,
Не даст тебе добра господня сила!

Но если ты царицей хочешь стать
И нашу преданность завоевать,

Брось Ардаширу в чашу каплю яда,
А большего нам от тебя не надо».

Гонец в Иран, как ветер, поспешил,
Письмо царевне тайно он вручил.

Прочла царевна братское посланье,
И обожгло ей душу состраданье.

Яд у гонца из рук она взяла
И мыслью мщенья с этих пор жила.

Собрался как-то шах в степях раздольных
Порыскать, пострелять онагров вольных.

Но истомил коней полдневный зной,
И к полдню воротился он домой.

Вошел в чертоги шах, не сняв кафтана,
Навстречу вышла дочерь Ардавана,

Топазовую чашу поднесла,
Воды студеной в чашу налила,

Фисташки, сахар в воду опустила,
Фисташки эти ядом отравила.

Взял чашу Ардашир, но уронил
Из рук ее — и вдребезги разбил.

Затрепетала дочь царя, как волос.
Помнилось ей — в ней сердце раскололось.

В сомненье царь в лицо ей поглядел,
Помыслил: «Жалок смертного удел!»

Сомнения проверить захотел он,
И четырех цыплят принесть велел он.

Стал за цыплятами он наблюдать;
Они фисташки принялись клевать.

Цыплята живо все фисташки съели,
Попадали — и тут же околели.

Хосров благословенный сел на трон,
Мобедов и старейших созвал он.

И вопросил дастура: «Что ты скажешь?
Когда врага, как друга, ты уважишь,

Согреешь на груди своей змею
И посягнет змея на жизнь твою,

Как быть с таким неслыханным коварством?
Скажи, каким мы исцелим лекарством

От угрызений и сердечных мук
Врага, который был нам прежде друг?»

Дастур ответил: «Если враг презренный
Поднимет руку на царя вселенной,

Немедля надо в корне зло пресечь —
И отделить главу его от плеч».

Царь приказал: «Дочь Ардавана-шаха
Прочь уведи от нас, казни без страха!»

Дастур, царевну за руку держа,
Увел ее. Пошла она, дрожа.

Потом взмолилась: «О рожденный светом!
И ты и я не вечны в мире этом.

Откроюсь пред тобой, пока дышу:
Плод Ардашира в чреве я ношу.

Печаль моя мне разум омрачила,
И пусть я виселицу заслужила,

Ты с казнью лютою повремени, —
Рожу дитя, тогда меня казни!»

Дастур вернулся, пред царем предстал он;
Все рассказал ему, что услыхал он.

А царь: «Не слушай ты ее речей!
Вези ее подальше и убей».

РОЖДЕНИЕ ШАПУРА, СЫНА АРДАШИРА

«Как быть мне? — размышлял дастур-мобед, —
Как видно, наступило время бед!

Мы — обитатели земного мира —
Все смертны. Сына нет у Ардашира.

Пусть он хоть два столетья проживет,
Но он умрет, и враг на трон взойдет.

Мне бесполезно с шахом словопренье.
Я сам приму великое решенье.

Луну мечом я не повергну в прах.
Раскается еще суровый шах.

Я подожду, кто от нее родится, —
Тогда и воля шахская свершится.

К лицу ль мне злу бессмысленно служить?
Я должен зорким быть, разумным быть!»

И вот царевну в замке отдаленном
Он поселил в покое потаенном;

Сказал: «Живи, не ведая обид.
Здесь только ветер в окна залетит».

Но думал сам: «Врагами окружен я...
И буду оклеветан, обвинен я.

Так поступлю я, чтобы недруг злой
Не загрязнил вовек источник мой».

Ушел к себе. И в потайном покое
Отсек свое достоинство мужское.

Прижег, бальзам на рану наложил,
Отрезанные части засолил

И в потайной ларец от тленья спрятал.
Стеная, тот ларец он запечатал.

Пришел к царю, сказал: «Под крышкой здесь
Свидетельство, что совершилась месть.

Записаны здесь год и день отмщенья.
Отдай ларец в казну на сохраненье».

СПУСТЯ СЕМЬ ЛЕТ АРДАШИР УЗНАЕТ О РОЖДЕНИИ СЫНА И ПРИЗНАЕТ ЕГО

И вот царевне срок рожать настал.
Об этом даже ветер не узнал.

Дочь Ардавана сына породила,
Как будто солнце миру подарила.

Хозяин замка всех чужих прогнал,
Шапуром сына шаха он назвал.

Растил его он втайне, в доме старом.
Царевич вырос, осиянный фарром.

Вот прибыл к шаху тот дастур-вазир
И видит — молча плачет Ардашир.

Ему сказал мобед: «Эй, шах вселенной,
Ты стань причастен к тайне сокровенной.

Исполнились желания твои —
Враги твои утоплены в крови.

Нет горя! Время радости настало —
Пора веселья, песен и фиала!

Твои — все семь вселенной поясов,
Войска, и правый путь, и трон отцов!»

И скорбный Ардашир ему ответил:
«О друг, ты духом тверд и сердцем светел!

Ты прав: покорна моему мечу,
Судьба дала мне все, что я хочу,

Но пятьдесят один мне год, — подумай!
Как в камфаре, я в проседи угрюмой.

Мой мускус побелел *, мой цвет увял,
Мне нужен сын, чтоб рядом тут стоял,

Опорой был бы мне. Тоска о сыне
Так велика, что мне земля — пустыня!

Родного, кровного со мною нет!
Кто сядет здесь, когда покину свет?»

И тут подумал старец прозорливый:
«Теперь открыться срок настал счастливый».

Сказал: «О ласковый к рабам своим
Владыка, небом посланный самим!

Я в этом горе дам тебе отраду,
Коль ты пообещаешь мне пощаду».

Царь удивился: «Речь твоя темна.
Открой, о мудрый, в чем твоя вина?

Все говори, что ведаешь, без страха!
А слово мудреца — услада шаха».

И так ему ответствовал мобед:
«О мудрый властелин, вселенной свет!

В твоей казне один ларец хранится;
В нем тайна некая должна открыться».

Тут казначея Ардашир призвал,
Принесть ларец немедля приказал,

Сказал: «Посмотрим, что ларец скрывает.
И пусть догадка душу не терзает».

Принес ларец к престолу казначей,
Хранитель всех сокровищ и ключей.

Спросил мобеда властелин вселенной:
«Что ты сокрыл в ларец запечатленный?»

Ответил тот: «Себя я оскопил
И плоть свою в ларце заветном скрыл.

Дочь Ардавана мне, о царь, вручил ты,
Убить велел. В ту пору гневен был ты.

Я не убил ее. Она была
В те дни твоим ребенком тяжела.

Я вечного Йездана устрашился
И тут же оскопить себя решился,

Чтобы меня не заподозрил ты,
Чтоб не погиб я в море клеветы.

Я сына твоего назвал Шапуром,
И он достоин стать твоим дастуром.

Теперь исполнилось ему семь лет,
И сыновей, ему подобных, нет

И не было у всех царей вселенной.
И он твой сын, о шах благословенный!

А мать его — в сокрытье, вместе с ним.
Живет она и дышит им одним».

Царь выслушал мобеда, изумился.
В раздумье он безмолвно погрузился.

Потом сказал: «О друг мой, верный мне,
Ты принял муки по моей вине!

Твоей услуги я не позабуду,
Твое добро я вечно помнить буду.

Найди ты сто ровесников его,
Похожих всем на сына моего.

Пусть одинаково все облачатся;
Мой сын средь них не должен отличаться.

Дай каждому ты для игры чоуган
И в мяч играть веди их на майдан.

Престол поставь мне. Буду я с престола
Следить за этой детворой веселой,

А сердце правду пусть подскажет мне
И сына моего укажет мне».

ШАПУР ИГРАЕТ В ЧОУГАН, И ОТЕЦ УЗНАЕТ ЕГО

Сто схожих отроков нашел мобед,
И в мяч играть их всех привел мобед.

Все, как один, что капли водяные;
Их платья — одинаково цветные,

И по лицу их отличить нельзя.
Вот шум веселый в поле поднялся.

Запрыгал мяч под клюшками кривыми;
Играл Шапур, как равный, вместе с ними.

Царь вышел, сел на золотой престол,
Вздохнул и взглядом поле он обвел.

На одного ребенка указал он:
«Вот он — мой сын», — советнику сказал он.

Мобед ответил: «Мудрый властелин,
Узнал ты вещим сердцем! Он — твой сын!»

Тут одному из свиты царь счастливый
Сказал: «Иди, слуга мой прозорливый,

Возьми чоуган, иди в толпу детей,
Ввяжись в игру, а мяч ко мне отбей.

Тот из детей, кто всех храбрее будет,
Кто у подножья трона мяч добудет

И прочь погонит на глазах моих,
Тот, кто окажется смелей других,

Тот отрок — сын мой будет, несомненно,
Моя надежда, свет мой незатменный».

Сел на коня тот муж, чоуган схватил
И мяч к подножью шахскому отбил.

Все мальчики вслед за мячом пустились,
Но вдруг, увидев шаха, устрашились,

Как будто джин их к месту приковал.
И лишь один к престолу подбежал.

Он в поле мяч угнал, клюкой ударя,
И даже не взглянул на государя.

И сердцем Ардашир повеселел,
Как будто чудом вдруг помолодел.

Шапура слуги подняли с земли
И на руках к престолу принесли.

И обнял сына, слезы проливая,
Великий шах, Йездана прославляя.

В глаза он сына, в щеки целовал.
«Да станет тайна явной! — он сказал. —

Был одинок я, сердцем я терзался,
А сын мой, как в небытии, скрывался.

Йездан воздвиг мой трон в родной стране,
От смерти сына сохранил он мне!

Хоть вознесись до солнца в сей юдоли,
Не преступить велений вечной воли!»

Открыл он дверь сокровищниц своих,
Достал без счета лалов дорогих.

По-царски щедро сына одарил он,
Его индийской амброй окропил он.

Нагрудником жемчужным подарил,
Венцом его алмазным осенил.

И верного он наградил дастура,
Назвал его «Наставником Шапура».

Его просторный загородный дом
Наполнил золотом и серебром.

Жене преступной оказал он милость,
Велел, чтоб во дворец она явилась.

Простил ей давнюю ее вину,
От ржавчины освободил луну.

Учителей и звездочетов мудрых
Избрал он средь мобедов снежнокудрых.

Он их приставил к сыну своему,
Дабы учили чтенью и письму,

Дабы всегда они при сыне были,
Его повадкам царственным учили.

Как меч в бою и щит в руках держать,
Как бой вести и с войском пировать.

Потом, в отличье от монеты старой,
Он изменить велел чекан динара.

На стороне одной был Ардашир,
А на другой — изображен вазир,

Что сына спас. Гаранмая он звался;
Был мудр он и умом не заблуждался.

Печать и перстень шах ему вручил
И все края об этом известил.

И одарил он в радости сердечной
Всех бедняков, как нам велит предвечный.

Построил город он на пустыре —
В садах, подобный утренней заре.

Джунди-Шапуром город тот назвали,
Другим названьем не именовали.

АРДАШИР ВОПРОШАЕТ О БУДУЩЕМ ИНДИЙСКОГО МУДРЕЦА КЕЙДА

Возрос Шапур, апрелем красовался.
Но Ардашир за жизнь его боялся,

Не расставался с сыном никогда,
Чтобы от сглаза не пришла беда.

А эти годы были неспокойны,
Кипели нескончаемые войны.

Едва он бунт на юге усмирял —
На севере другой злодей вставал.

И царь взывал к пресветлому Йездану:
«О скоро ль воевать я перестану?

О скоро ли врагов я усмирю
И смуту в царстве умиротворю?»

Ему дастур промолвил прозорливый:
«О царь, чистосердечный, справедливый!

В стране индийской мудрый Кейд живет,
Защитник правых, страждущих оплот.

Провидит судьбы мира он. И знает —
Где ждет добро, где зло подстерегает.

Грядущий жребий твой предскажет он —
Тот жребий, что от века предрешен».

Внял шах совету старого вазира,
Избрал посланца повелитель мира.

И в Индию, к порогу мудреца,
С богатым даром он послал гонца.

И написал: «Эй, под звездой счастливой
Живущий в боге, муж правдолюбивый!

Мне суждено ль собрать, в конце концов,
В державу семь вселенной поясов?

Коль нет, то воевать я перестану;
Я не пойду наперекор Йездану».

Вот прибыл к Кейду царственный посол,
Даров богатых караван привел.

Сокрытое из тайника достал он,
Что шах велел сказать, пересказал он.

Кейд расспросил его о всех делах,
Которыми так огорчен был шах.

Взял астролябию и до рассвета
В движении светил искал ответа.

Он вопрошал у медленных планет,
Где польза скрыта, где таится вред.

Сказал гонцу: «Мне слава Ардашира
Видна в триагональной связи мира.

Коль с племенем Михрака шахский род
Сольется, — счастье ваше расцветет.

Наступит мир, довольство и отрада,
И воевать тогда уж вам не надо.

Богатство властелина возрастет
И меньше станет тягот и забот.

Когда с Михраком шах вражду забудет,
Вселенная ему покорна будет».

Потом сказал: «Не мешкай, поезжай,
Все без утайки шаху передай!

И на него с небес прольется милость,
Коль он исполнит то, что мне открылось».

Гонец вернулся к шаху во дворец,
Все передал, что повелел мудрец.

Той вестью сердце шаха огорчилось,
Лицо владыки бледностью покрылось.

Он молвил: «Никогда не будет так:
Мне родичем не станет лютый враг.

И нам на троне племени не надо
От семени Михрака и Нушзада.

Жаль мне забот напрасных и трудов,
Жаль на войне загубленных врагов.

Дочь от Михрака лишь одна осталась;
До сей поры она от нас скрывалась.

Но соглядатаи мои сейчас
Поскачут в Рум, поедут в Чин, в Тараз.

Найду и на огне ее спалю я,
Росток Михрака в прах испепелю я».

И тут же приказал скакать в Джахрам
Владыка зорким нескольким мужам.

Когда Михрака дочь о том узнала,
Она из дома отчего бежала.

И скрылась у дихкана одного,
И жить осталась в доме у него.

Дихкан почтенный чтил ее глубоко,
Взрастил ее, как кипарис высокий.

Прекрасна, целомудренна, умна,
Она всех дев затмила, как луна.

ШАПУР ЖЕНИТСЯ НА ДОЧЕРИ МИХРАКА

С тех пор два года, три ли миновало.
Звезда Ирана высоко стояла.

Раз на охоту, скукою тесним,
Поехал шах. Шапур был вместе с ним.

Охотники по степи поскакали,
Козуль, онагров, ланей догоняли.

Селенье увидали: там сады,
Дворы, айваны, мирный плеск воды.

Шапур сказал: «Я здесь на отдых стану!»
В село приехал, в дом вошел к дихкану.

При этом доме сад тенистый был.
Под ветви сада юноша вступил.

И девушка ему в саду предстала;
Она бадью в колодец опускала.

Увидела царевича луна,
С улыбкой подошла к нему она,

Сказала: «Радостно живи, счастливо!
Тебя да не коснется злоба дива!

Скакун твой, несомненно, хочет пить,
Ты разреши его мне напоить.

В колодце здесь вода чиста, прохладна,
И сам ты отдохни в тени отрадной».

А он: «Спасибо на слове твоем.
Не отягчай себя мужским трудом.

Слуг сильных много у меня найдется;
Они достанут воду из колодца».

А девушка, усмешку затая,
Прочь отошла и села у ручья.

Шапур сказал мужам: «Давайте ведра
Да воду нам зачерпывайте бодро!»

А люди шаха молвили: «Добро!»
И привязали к колесу ведро.

Когда ж тащить ведро пора настала,
Лицо слуги с натуги красным стало.

Тот дюжий муж не мог ведро поднять.
Взялся Шапур беднягу укорять:

«Эй, полуженщина! Знать, силы мало
Поднять ведро? А дева подымала!

Легко ей воду день за днем таскать!
А ты одну бадью не мог поднять!»

Он, оттолкнув слугу, со всею силой
Взялся за ворот — да не тут-то было.

Ведро он поднял, выбившись из сил,
И деву-водоноску восхвалил,

Которая, не утрудясь нимало,
Неслыханную тяжесть подымала

Из кладезя без помощи, одна.
Решил он: «Крови кеевой она».

Ведро он поднял богатырской силой,
И девушка Шапура восхвалила:

«Живи, цвети, покамест мир стоит,
И пусть, как солнце, разум твой горит!

Уж если сам Шапур мне ведра тянет,
Пусть молоком вода в колодце станет!»

А юноша: «Откуда знаешь ты,
Что я — Шапур, о светоч красоты?»

Она в ответ: «От мудрецов правдивых
Узнала много я примет счастливых,

Что явится Шапур — силен, как слон,
Что Нилу щедростью подобен он,

Что кипарис он ростом, медный станом,
Что схож во всем с богатырем Бахманом».

Сказал Шапур: «О дева, луч зари!
Что ни спрошу — ты правду говори.

Кто ты — открой, сомнения развеяв.
В твоем лице черты великих кеев!»

Она лицо с улыбкой подняла:
«Я — дочь владельца этого села».

Шапур ей: «Правду говори без страха,
А лжи вовек не быть в чести у шаха.

Не может породить дихкан простой
Прекрасной, сильной дочери такой!»

А девушка: «Все обо мне узнаешь,
Когда пощаду мне пообещаешь.

Кто я, откуда — все я расскажу,
Коль этим милость шаха заслужу».

А он: «В саду, где дружба расцветает,
Колючка злобы не произрастает.

Все говори! В душе своей рассей
Страх предо мной и пред царем царей!»

Она: «Я пред тобой открыться рада.
Я — дочь Михрака, внучка я Нушзада.

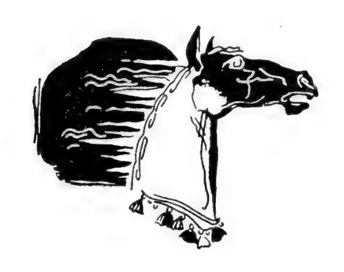
Я в раннем детстве знала много слез.
Меня сюда наставник мой привез.

Я здесь от гнева шахского укрылась,
В служанку-водоноску превратилась».

Шапур вошел в большой прохладный дом.
Дихкан служил Шапуру за столом.

Шапур сказал: «Будь нам Йездан свидетель, —
Отдай мне дочку в жены, благодетель!»

Шапуру в жены деву отдал он,
Зардушта древний соблюдя закон.

У ШАПУРА РОЖДАЕТСЯ СЫН ХОРМУЗ ОТ ДОЧЕРИ МИХРАКА

После того еще пора прошла —
И роза плод прекрасный принесла.

Шапуру пери сына породила,
Как будто солнцем землю озарила.

Казалось, воплотились в нем — Бахман
И сам великий всадник Руинтан.

Хормузом — в чаянье добра и славы —
Нарек его родитель величавый.

Увидел он, когда прошло семь лет, —
Хормузу равных не было и нет.

Родители его от всех скрывали,
Играть с детьми другими не пускали.

Раз Ардашир, заботами томим,
Собрался в степь; Шапур поехал с ним.

Хормуз — ему наскучило ученье —
Тайком от старших вышел из селенья

В степь, где охоте предавался шах.
Лук у Хормуза, две стрелы в руках.

Пристал он тут же к сельским мальчуганам,
Что мяч гоняли по полю чоуганом.

И вот после охоты Бабакан
На деревенский прискакал майдан.

Был рядом с шахом муж преклонных лет,
Мудрец и над мобедами мобед.

И вдруг ременный мяч, клюкой отбитый,
Упал коню владыки под копыта.

Притихли дети в страхе пред царем.
Никто не устремился за мячом.

И лишь Хормуз, росток владыки мира,
Один не убоялся Ардашира.

У ног царя успел он мяч поднять,
Погнал его своей клюкою вспять,

К игре с веселым криком устремился.
Шах Ардашир невольно изумился.

«О муж! — сказал мобеду Бабакан, —
Узнай, чей родом этот мальчуган?»

Тот спрашивал. Склоняясь пред мобедом,
Мужи в ответ: «Он никому не ведом».

Взял мальчика мобед и на руках
Принес туда, где ждал державный шах.

И царь спросил: «Дитя, чьего ты рода?
Видна в тебе высокая порода».

Хормуз в ответ: «Не следует скрывать,
Кто я и кто мои отец и мать.

Отец мой — сын твой славный, внук Бабака,
Шапур-царевич, мать же — дочь Михрака».

Царь был таким ответом поражен.
Сперва невольно рассмеялся он,

Задумался. Потом позвал Шапура,
Расспрашивать он строго стал Шапура.

Тот устрашился дела своего,
И побледнел невольно лик его.

А государь великий рассмеялся,
Сказал: «Неужто ты меня боялся?

Нам нужен сын от матери любой,
Сын царственный, что порожден тобой!»

Шапур в ответ: «О шах благословенный!
Бессмертен будь, как солнце над вселенной!

Он — сын мой, а зовут его Хормуз.
Я ведал, что запретен мой союз.

За своего ребенка полон страха,
Его я укрывал от взоров шаха.

Михрака дочерью, моей женой,
Рожденный отпрыск, несомненно, мой!»

О том колодце, о бадье тяжелой
Он рассказал отцу с душой веселой.

Смеялся, сына слушая, отец,
Потом пошел со всеми во дворец;

Нес на руках он внука дорогого
К подножию престола золотого,

На трон с собою рядом усадил,
Чело его короной осенил;

Сокровищницы отворил он недра,
Сначала внука одарил он щедро

И, несказанной радостью объят,
Со всею свитой вышел из палат;

Казну без сожаленья расточил он,
Всех бедняков в тот день обогатил он.

Велел, чтоб от зари и до зари
Зардуштовы сияли алтари.

А вечером в садах своих владыка
На радостях устроил пир великий.

И витязям Ирана молвил он:
«Кто разумом высоким наделен,

Пусть верит вещих мудрецов прозреньям
И пусть не спорит с предопределеньем.

Предрек индийский Кейд когда-то мне,
Что мира не видать моей стране,

Что счастья не видать царю Ирана,
Ни войск, ни фарра, ни венца, ни сана,

Пока Михрака и Сасана род
Единого плода не принесет.

И восемь лет счастливых миновало,
И все по-нашему вершиться стало.

С тех пор, как был зачат Хормуз, мой внук,
Благоволит ко мне небесный круг.

Семь поясов земных мне покорились,
И дивно замыслы мои свершились!»

В тот вечер шаханшахом всей земли
Мобеды Ардашира нарекли.

АРДАШИР УСТРАИВАЕТ ДЕЛА МИРА

Внимай словам об устроенье мира,
О мудрости и фарре Ардашира.

Добром и славой он наполнил свет,
Исполнил справедливости завет.

Чтобы иметь войска для обороны,
Такие он установил законы,

Чтоб каждый муж, что сына породил,
Его отважным, доблестным растил;

Чтоб сын, воспитан ратною наукой,
Возрос богатырем, стрелком из лука,

Чтоб он мечом и палицей владел,
Был крепок мышцами и духом смел.

Когда ж, отцом воспитан благородным,
Сын вырастал для ратных дел пригодным,

Являлся он к владыке во дворец.
Там в книгу заносил его писец.

Всех вместе этих юношей держали,
Жилье и пищу от казны давали,

И под началом старых воевод
В дни браней посылали их в поход.

Мобед был с ними, опытом богатый,
И в каждой тысяче был соглядатай.

И если кто в служенье нерадив,
Иль телом немощен, или труслив,

И кто силен, в бою не ведал страха,
Записывал тот соглядатай шаха.

Все эти письма Ардашир читал,
Он доблестных по-царски награждал.

Он всех отважных одарял богато,
Без счета сыпал серебро и злато.

А робких и негодных для войны
Прочь отсылал: мол, мне вы не нужны.

Такое войско, наконец, собрал он,
Что пахлаванам счета сам не знал он.

Того, кто опытен и умудрен,
Главою над войсками ставил он.

Когда войска походом выступали,
Глашатаи ходили и кричали:

«Эй, витязи! Вам обещает шах:
Кто доблестью прославится в боях,

Получат все одежду с плеч владыки,
Их имена возвысит шах великий!»

Так утвердил он и устроил мир.
Войска — отара, пастырь — Ардашир.

В совет людей толковых посадил он.
Пути глупцам, невеждам преградил он.

Тот, кто учен был и красноречив,
И тот, чей слог и почерк был красив,

Тот, кто в своем искусстве изощрился, —
При Ардашире славился и чтился.

А те, чей почерк плох, в ком знанья нет,
Царем не допускались на совет.

Их гнали всех на черные работы.
Мудрец делил с царем его заботы.

И где б царю ни встретился дабир,
Хвалил его искусство Ардашир.

Царь говорил ему: «Мужи калама —
Опора государственного храма.

На них стоит и войско и страна.
С их помощью полна у нас казна.

Ученых чту душе моей родными
И каждым помыслом делюсь я с ними».

Наместника ли в область отправлял —
Он так его в дорогу наставлял:

«Презри стяжанье, будь защитой людям.
И помни: здесь мы жить не вечно будем.

Будь мудр всегда — во все земные дни.
От сердца глупость алчную гони.

Брать родичей с собой я запрещаю,
С тобой я войско верных посылаю.

Раз в месяц бедных одаряй людей.
Но пусть не видит милости злодей.

Коль ты благоустроить край сумеешь,
Ты сердцем шаханшаха овладеешь.

А если в страхе будет спать бедняк,
Ты предал душу диву, мне ты — враг!»

Будь жалоба или другое дело —
В чертог царя входили люди смело.

Дабиры верные встречали их,
С чем и откуда — вопрошали их;

В краю наместник правый суд творит ли?
Заботится ль о людях? Нет обид ли?

Кто в городе их славен и учен?
Кто беден и судьбою обделен?

И всяк ответ бывал царю поведан.
И царь о тех, кто набожен и предан,

Так говорил: «Плоды трудов моих
Пусть будут к благу подданных таких,

Которые добра не забывают,
Умом и добродетелью сияют.

Чту старцев мудрых, повидавших свет,
И юных, жадных к знанью с детских лет.

Ведь юноше, что к солнцу знанья рвется,
С годами старца заменить придется».

Война ль грозила, враг ли восставал,
Свой разум шах на помощь призывал.

Чтоб не было войны несправедливой,
Он извещал врага красноречиво.

Посол скакал в предел царя того,
Чтоб выведать все помыслы его.

Коль разум у восставшего остался,
То Ардаширу он повиновался.

И получал от шаханшаха он
Дары, халат и грамоту на трон.

Но если им безумие владело
И ненавистью сердце в нем кипело, —

Войска владыка мира созывал,
Всем воинам дирхемы раздавал;

Главою войск такого мужа ставил,
Который разумом себя прославил.

С ним был дабир обязан власть делить,
Дабы разбой и зло предотвратить.

Потом садился на коня глашатай,
Чей клич, как грома вешнего раскаты,

Кругом фарсанга на два слышен был.
«Воинственные мужи! — он гласил, —

Пусть всяк, — великий шах повелевает, —
Кто благородным сердцем обладает,

В пути ни бедным зла не причинит,
Ни богачам обид не сотворит.

Селений, городов не разоряйте,
Что нужно всем, за деньги покупайте.

На все у вас довольно серебра.
Не отнимайте у людей добра!

А кто к врагу спиною повернется,
Тому в дальнейшем тяжело придется.

Тому от палача конец принять
Или всю жизнь в оковах изнывать.

Позор ему, и мир его забудет,
И темный прах ему покровом будет».

Шах поучал сардара: «Укрепись
Душой, но без разведки в бой не рвись.

Когда пойдешь безвестной стороною,
Пусть впереди слоны идут стеною.

А перед боем сделай смотр войскам,
Им перед боем слово молви сам:

«Враги пред нами! Кто они такие?
Как палицы подымем боевые,

Пусть будет сто их против одного,
В живых мы не оставим никого!

Вернемся — будем славны и богаты
И все получим шахские халаты».

Когда войска столкнутся, ты смотри,
Чтоб лучшие твои богатыри

В сраженье самовольно не вступали
И средоточья войск не покидали.

Так бой веди, чтоб левое крыло
На правое крыло врага пошло.

А правое, единодушным гневом
Объятое, пускай дерется с левым.

А средоточье войска и оплот
Пусть до поры не движется вперед.

Когда же вражий центр придет в движенье,
И ты ядро свое веди в сраженье.

И если ты победу одержал
И пред тобой противник побежал,

То помни — лишней крови лить не надо.
Вот мой завет: сдающимся — пощада.

Но если враг бежал, тобой тесним,
В погоню с войском не спеши за ним.

Разъезды шли, разведай осторожно;
Засада за любым холмом возможна.

Ты победил, но ты — в земле чужой.
Не для тебя беспечность и покой.

Богатырей, что в битву рвутся рьяно,
Ты одаряй своей добычей бранной.

Ты отличай воинственных мужей,
Что в битве жизнью жертвуют своей,

Не убивай врагов, что в плен попали,
Вели, чтобы ко мне их отсылали.

У нас найдется дело им всегда —
Каналы рыть и строить города.

Что я сказал, запомни слово в слово.
Завет преступишь — осужу сурово.

Йездана помни! Знай — он твой оплот.
Лишь он один к победе приведет».

Откуда бы — из Рума иль Турана —
Ни приезжал посол в предел Ирана,

Едва марзбан об этом узнавал,
Людей послу навстречу посылал

Ночлег готовить на любой стоянке;
А ведали тем делом канаранги.

Они везли шатры, запас еды,
Чтобы посол ни в чем не знал нужды.

Когда наместник узнавал причину,
Зачем посланец едет к властелину,

Он на верблюде посылал гонца
С письмом к порогу шахского дворца.

И шахские палаты украшались.
Князья послу навстречу устремлялись,

Вдоль по дороге строились войска,
Одеты в златотканые шелка.

Владыка звать велел посла в палаты,
Сажал на золотой престол богатый.

Расспросы вел: как имя, как дела?
Какая цель посланца привела?

Зло иль добро царит в его державе,
О шахе, о войсках его и славе.

Тут шах вставал. Посланца наконец
На отдых уводили во дворец.

А вечером вели в палату пира,
Сажали близ престола Ардашира.

Шах на охоту брал с собой посла.
Охота пышной, царственной была;

Домой с почетом провожал посланца.
Своим халатом награждал посланца.

Велением царя во все концы
Страны пошли мобеды-мудрецы,

Чтоб города основывать и строить.
Расходы он не пожалел утроить,

Чтоб каждый нищий, что бездомен был,
Чей жребий горестен и темен был,

Имел и хлеб и кров над головою
И славил бога с чистою душою.

Чтоб расцвела страна, чтобы росло
Ее счастливых подданных число.

Так долгий век свой благом шах прославил,
Так имя доброе в веках оставил.

Таким да будет каждый государь,
Каким был Ардашир великий встарь!

Я имя доброе его подъемлю,
Через века молве о нем я внемлю!

Все сохранял он в памяти своей,
Держа везде доверенных людей.

И все он знал душою беспокойной.
Коль разорялся человек достойный,

То, как отец, он помогал ему,
Отчаиваться не давал ему.

Земельным шах дарил его наделом,
Давал волов и слуг, могучих телом,

Чтоб он сады сажал, поля пахал.
Дарил он — и никто о том не знал.

Когда ж дихкан имел еще и сына,
То сына брали в школу властелина,

Коль юноша к наукам склонен был, —
А школы шах повсюду учредил.

Так Ардашир помочь в нужде старался
Всем, кто в нужде признаться не боялся.

Был справедлив со всеми властелин,
Будь это знатный иль простолюдин.

Он всем равно являл благоволенье.
Цвела держава в дни его правленья.

Коль царь путями истины идет,
Его деяний время не сотрет.

Так правил сын Сасана благородный,
Весь век трудясь для пользы всенародной.

Он разослал по всей стране своей
Дабиров — мудрых, знающих людей.

И где земля истощена бывала
Или воды в каналах не хватало,

То подати он с той земли слагал,
Скотом, деньгами, хлебом помогал.

И если засуха ли, саранча ли
Дихкан и земледельцев разоряли, —

Он щедро помогал им из казны,
Чтоб стали вновь амбары их полны.

Послушай мудреца, о шах великий!
Стань, как отец, заботливым владыкой!

И если хочешь горестей не знать
И без труда сокровища собрать, —

Не угнетай народ! Хвалимый всеми,
Ты победишь забвение и время.

О НЕПОСТОЯНСТВЕ СУДЬБЫ

Беги, живущий, суеты мирской,
Не прилепляйся к миру всей душой!

Таких, как ты и я, он много видел
И всех со дня рожденья ненавидел.

Кто б ни был ты — поденщик или царь, —
Уйдешь, а мир останется, как встарь.

Пусть твой венец к Плеядам вознесется,
Собрать пожитки все ж тебе придется.

Железный ты — тебя расплавит он,
Ты немощен — не будешь пощажен.

Стан, как чоуган, от старости согнется,
Из глаз потухших дождик слез польется.

Шафранным станет свежий цвет ланит,
И бремя лет тебя отяготит.

Хоть стан согнулся, дух живой не дремлет.
Друзья ушли, никто тебе не внемлет.

Будь ты простолюдин иль шаханшах,
Пристанище твое в грядущем — прах.

Куда ушли мужи в коронах звездных?
Где фарр и счастье властелинов грозных?

Где полководцы, пахлаваны-львы?
Где кости их? Где гордые главы?

Их изголовье — прах, зола и камень.
Но славу добрых не пожрет и пламень.

Муж Ардашир, опора слов моих,
Ты слышал те слова? Запомни их!

АРДАШИР ПЕРЕДАЕТ УПРАВЛЕНИЕ СТРАНОЙ ШАПУРУ

Шел семьдесят девятый год владыке,
И занедужил Ардашир великий.

И понял он, что смерть его близка,
Что обмелела дней его река.

Шапура к ложу своему призвал он.
Как жить и править, сыну завещал он:

«Всегда к моим заветам прибегай,
Дурным советником пренебрегай.

Умей в делах правленья беспокойных
От недостойных отличать достойных.

Я правосудье в мире утверждал,
Достоинства людей не унижал.

Моей деснице страны покорились,
Но дни мои, увы, укоротились.

На ниве мира потрудился я,
И, пот пролив, обогатился я.

Власть над полмиром я тебе вручаю,
Хранить закон и веру завещаю.

То счастье, то несчастье нам несет
Вращающийся вечный небосвод.

Иль оседлать коня судьбы ты сможешь
И счастье и величие умножишь,

Иль превратит судьба тебя в коня,
Над бедственною пропастью гоня.

В коварном сем чертоге нет мгновенья
Отрады — без отравы опасенья.

Будь зорким стражем тела и души
И зло величьем духа сокруши.

У твердых в вере ты ищи примера,
Чтоб, словно сестры, стали власть и вера.

Без шахской власти вера несильна,
Без веры не удержится страна.

Без власти — вера злобою гонима,
Без веры — власть раздорами крушима.

Две эти силы духом рождены,
Как две основы, переплетены.

Так стражами они друг другу служат.
В одном зерне их мудрый обнаружит.

Без веры власть не может обойтись;
Как верные друзья, они сжились.

Коль верному даны и ум и разум,
То оба мира обретет он разом.

Сильна страна — так будет впредь, как встарь, —
Когда на страже веры государь.

Неверен, божьего не знает страха,
Кто порицает истинного шаха.

Того слугой Йездана не назвать,
Кто может злобой к шаху воспылать.

Сказал учитель наш красноречивый:
«Лишь вера — сердце власти справедливой».

Три червоточины в престоле есть:
Злой царь, его насилие и месть.

Царь, если недостойного возлюбит, —
Достойнейших унизит и погубит.

И в-третьих: жадность шахская, когда
Народу разоренье и беда.

Так будь разумным, щедрым, справедливым.
Страна счастлива — будет царь счастливым.

Лжи приближаться к трону запрети,
Ходи всегда по правому пути.

Для добрых дел сокровищ не жалей;
Они стране — как влага для полей.

А если шах жесток, и скуп, и жаден, —
Труд подданных тяжел и безотраден.

Дихкан скопил казну, украсил дом —
Он это создал потом и трудом, —

И царь не отнимать казну дихкана,
А должен охранять казну дихкана.

Всегда старайся гнев свой потушить.
Прости вину, где можешь ты простить.

Ты в гневе за пустяк осудишь грозно;
Раскаешься потом, да будет поздно.

Коль падишах гневлив, едва ль народ
Его владыкой мудрым назовет.

Мы шахский гнев, как злой порок, осудим,
И ты добро старайся делать людям.

Коль шах на миг допустит в сердце страх,
То может осмелеть соседний шах.

Будь мудр и тверд в сей жизни многобедой
И всем явленьям в мире цену ведай.

Знай: быть царем достоин только тот,
Кто щедр, как этот вечный небосвод.

Не спит, в раздумье о народных бедах,
Кто светоч знанья чтит в святых мобедах,

Кто на совет свой призывает их,
О злом и добром вопрошает их.

Во дни, когда вкушает мир страна,
Уместен пир, охота не грешна.

Но помни то, что издревле известно:
Питье вина с охотой несовместно.

И голова от чаши тяжела,
И в цель твоя не попадет стрела.

Но если враг появится, тогда вы
Забудьте пир, охоту и забавы.

Тогда войска отвсюду созывай,
Оружие и деньги раздавай.

Не отлагай сегодняшнее дело
На долгий срок. За все берись умело.

Не приближай советников дурных,
Не слушай низких: зависть в сердце их.

К наветам подлых слухом не склоняйся
И клеветою злой не огорчайся.

Ведь для клеветников святыни нет, —
Что ни спроси, солгут они в ответ.

Тебе ль советоваться с их толпою?
Пусть разум твой руководит тобою!

Безмерна подлость низких и лжецов,
И тесно на земле от подлецов.

Коль тайну даже близкому доверишь,
Ты бедственных последствий не измеришь,

Считай, что в яму брошена она,
Молве и разнотолкам предана.

Коль тайна в городе распространится,
Покоя твой разумный дух лишится.

В углах тихонько осмеют тебя
И безрассудным назовут тебя.

Не поноси людей, хоть ты и в силе,
Дабы тебя в ответ не поносили.

Остерегайся, о приявший власть,
Чтоб разум твой не омрачила страсть.

Будь мудр и сдержан, шах, ко всем и всюду,
Доброжелателен к простому люду.

Тот, кто горяч, в решеньях важных скор,
Кого ничей не трогает укор,

Кто чтит себя превыше всех на свете, —
Не должен восседать в твоем совете.

Отринь от сердца, на престол воссев,
Страстей смятенье, ненависть и гнев.

А властелин, страстями обуянный,
Не будет и поклонником Йездана.

Не притворяйся набожным; нелжив
Пред небом стой. Не будь многоречив.

Советам мудрецов-мобедов внемли
И лучшие советы их приемли.

Чтоб вески были шахские слова,
Глубоко их обдумывай сперва.

Не отвергай мольбы того, кто беден,
Не приближай того, кто зол и вреден.

Просящего простить его — прости,
За прежнюю вину ему не мсти.

Будь милостивым, щедрым, справедливым —
И назовут тебя царем счастливым.

Коль устрашится враг и станет льстить —
Веди войска, вели в литавры бить.

Иди в поход, пока войны боится
Твой враг, пока слаба его десница.

И коль запросит мира он в ответ,
И если в просьбе той изъяна нет —

Надень ему ярмо посильной дани,
Не лей напрасно кровь на поле брани.

Приобретай познанья, ибо в них
Достоинство и свет царей земных.

За справедливость мир тебя возлюбит,
А свет познанья славу усугубит.

Храни завет отца, не забывай.
Настанет время — сыну завещай.

Когда обидел сына я невольно,
За всех обиженных мне стало больно.

Запомните навеки мой завет;
В нем истина и путеводный свет.

Боюсь — пятисотлетие промчится,
И власть моих потомков прекратится.

Забудут мой закон за внуком внук,
Поводья правды выпустят из рук.

От разума и знанья отрекутся
И над советом мудрых посмеются.

И клятвы, ими данные, попрут,
И грабить и насильничать начнут.

И мир стеснят народу, и с презреньем
Подвергнут верных мукам и гоненьям.

И правнук к Ахриману на поклон
Придет, унижен, в подлость облачен.

И чистый свет Зардушта опоганят,
И сокровенное открыто станет.

Что созидал я, прахом все пойдет,
Держава рухнет, и престол падет.

И я всегда молю творца вселенной,
В чьей воле все в юдоли этой бренной,

Чтоб он от зла потомков защитил,
Чтоб имя доброе вам сохранил.

От неба и земли да будет слава
Тому, кто не сойдет с дороги правой,

Тому, кто в руки светоч мой возьмет
И в колоквинт не превратит мой мед!

Уж сорок лет прошло, как шахом стал я.
Шесть городов великих основал я.

Там веет воздух мускусный легко,
Там в реках — не вода, а молоко.

Один назвал я Хурра-Ардаширом;
Тот город весь в садах, исполнен миром.

Рам-Ардашир — то город мой другой.
На Парс оттуда я пошел войной.

Хормуз же Ардашир — мой город третий.
И нет ему подобного на свете.

Так сладко там дыханье ветерка,
Что молодеет сердце старика.

Я украшал тот город неустанно;
Богат он, люден — радость Хузистана.

А Барка-Ардашир — четвертый град.
В тени садов фонтаны там шумят.

Еще в стране Мейсан и у Евфрата
Два града есть, украшенных богато.

Я — Ардашир — для вас их основал.
Запомни все, что я тебе сказал.

Готовь для вечного успокоенья
Мне дахму и прими узду правленья.

Я жил в трудах для блага, не для зла.
И вот моя держава расцвела.

Уйду, ты царствуй мудро, справедливо,
Живи победоносно и счастливо!»

Умолк он, духом светел до конца.
О, жаль его главы, его венца!

Над ним свершилось то, что постигает
Всех смертных. Он ушел. Куда? Кто знает?..

Блажен, кто здесь величия не знал,
Кто с сожаленьем трон не покидал.

Усердствуют, казну приобретают,
А что придется бросить все — не знают.

В конце концов мы все сойдем во прах.
Земля и саван лягут на щеках.

Не собирай сребра в бегущем мире.
Живи лишь для добра в бегущем мире.

Блажен, кто чашу полную возьмет
И в память слуг Йездана изопьет.

И пусть, когда дойдет до Ардашира,
Он, радостный, заснет на лоне мира.

Воспой теперь Шапура век златой!
Открой уста! Вино, пиры воспой!

В последующих дастанах Фирдоуси описывает царствования многих сасанидских шахов, бесчисленные войны с Византией.

Бахрам Гур

РОЖДЕНИЕ БАХРАМА

Семь лет он царствовал, добра не зная,
Мобедов многомудрых притесняя,

А в год восьмой, когда цвела весна
И солнца власть была утверждена,

Родился под звездою светлой славы
Счастливый мальчик у царя державы.

В ребенке малом радость обретя,
Бахрамом царь назвал свое дитя.

Он обратился к мудрым звездочетам,
Что взысканы доверьем и почетом, —

Один из них, разумный, честный муж
Из Индии, по имени Суруш,

Другой был персом, звался он Хушйаром,
Поверг он в трепет небо вещим даром, —

Велел им книги звездные прочесть,
Являя разум, и добро, и честь.

Исследовав румийские таблицы *
И угломеры применив, провидцы

Открыли тайну древних звездных книг:
Бахрам пребудет на земле велик,

Семи держав пребудет он владыкой,
Богобоязненный и светлоликий.

Астрологи к властителю земли
С таблицами румийскими пришли,

Сказали Йездигерду: «Славный, грозный!
Мы разгадали сущность тайны звездной,

Небес мы услыхали голоса:
Благоволят к младенцу небеса.

Семь стран он осенит своею властью,
Влекомый к славе, благородству, счастью».

Чертог царя покинули жрецы,
А царские вельможи, мудрецы

Беседу в дальнем повели покое:
Исполнится ль пророчество благое?

«Достоин будет сей Бахрам венца,
Когда он нравом не пойдет в отца,

А коль с отцом он будет схож по нраву,
Он разорит иранскую державу.

И воин и мобед начнут роптать,
Покинет и Бахрама благодать».

Пришли мобеды мудрые к владыке,
Добросердечны и сладкоязыки,

Сказали: «Непорочное дитя
Явилось, дивной чистотой блестя.

О царь, внушил ты трепет мирозданью,
Послы всех стран к тебе приходят с данью,

Смотри же: там, где блещет знанья свет, —
Там счастье, благоденствия расцвет.

Назначь ему наставников прекрасных,
Чтоб он возрадовал людей подвластных.

Причастный к разуму, к его дарам,
Счастливо будет царствовать Бахрам».

Вняв мудрым, Йездигерд гонцов отправил,
Он вестников со всех концов отправил

В далекий Рум, в Китай и в Хиндустан,
В столицы, города различных стран,

С мечтой о воспитателе желанном
Помчался славный муж к аравитянам.

Гонцы испробовали все пути,
Чтоб мальчику наставника найти

Средь знатоков письмен, красот словесных,
Средь звездочетов, разумом известных.

Мобеды прибыли со всех сторон,
Был каждый светлым знаньем умудрен.

Они, высокой домогаясь чести,
Предстали перед Йездигердом вместе.

Расспрашивая, обласкал их шах,
Велел их в разных поселить местах.

Арабы прибыли — Мунзир с Нуманом,
С отрядом копьеносцев, мощных станом.

Пройдя земель далеких рубежи,
Явились в Парс великие мужи,

Сказав: «Пусть Йездигерду служит разум,
Мы внемлем, как рабы, его приказам.

Кого из нас ты можешь предпочесть,
Кому такую ты окажешь честь —

Царевича воспитывать, лелеять,
И просветить, и в сердце мрак развеять?

Румийцы, персы, Индии сыны,
О царь, мы в математике сильны,

Тот — ритор, тот — астролог, тот — философ,
Неразрешимых нет для нас вопросов.

Смотри, приступим к делу в добрый час,
Ты должен выбрать одного из нас».

Сказал Мунзир: «Мы — слуги, о великий,
Мы в мире существуем для владыки,

Ему открыт наш нрав и твердый дух
Затем, что стадо — мы, а он — пастух.

Мы — воины, мы — сыновья отваги,
Боятся нас ученые бедняги.

Никто из нас, бесстрашных, не постиг
Ни геометрии, ни звездных книг,

Но мы летим, как вихрь, на поле брани,
Под нами — скакуны-аравитяне.

Мы — слуги шаха и его судьбы,
А сыну Йездигерда мы — рабы».

ЙЕЗДИГЕРД ОТДАЕТ БАХРАМА МУНЗИРУ И НУМАНУ

Собрался с мыслями властитель мира,
Когда он выслушал слова Мунзира.

Он взвесил и начало и конец, —
Арабу отдал мальчика отец.

Царь одарил его одеждой ценной,
Вознес главу Мунзира над вселенной.

В халате царском, с важностью в очах,
Сел на коня Мунзир, йеменский шах...

От стен дворцовых до степной равнины
Стоят верблюды, кони, паланкины,

И от базара до дворцовых врат
Рабы, рабыни без числа стоят.

У горожан веселие во взоре,
Дома сверкают в праздничном уборе.

Мунзир вступил в Йемен, достиг ворот, —
Ему навстречу вышел весь народ.

Явиться он велел аравитянам,
И персов он собрал, высоких саном,

Созвал из тех, кто скачет на коне,
Знатнейших, почитаемых в стране.

Он выбрал четырех кормилиц знатных,
Здоровых, чистых, обликом приятных, —

Двух персиянок из семьи царей,
Двух славных аравийских дочерей.

Младенца столь блистательного рода
Кормили женщины четыре года.

Их молоком питаясь, мальчик рос,
Как лев, он грозен стал, сильноголос.

Семь лет ему исполнилось — и что же
Мунзиру он сказал, на льва похожий?

«О муж, — сказал он, — правящий страной!
Не думай, что младенец я грудной.

Отдай меня наставникам ученым,
Пришла пора учить меня законам».

Сказал Мунзир: «Хоть славен твой удел,
Еще ты для науки не созрел.

Когда же ты, мой мальчик, повзрослеешь,
Когда же для науки ты созреешь,

Тебе играть я во дворце не дам,
Не играм ты предашься, а трудам».

Сказал Бахрам: «Неправ ты, седоглавый,
Я не дитя, мне не нужны забавы,

Я мудр, хотя еще мне мало лет
И у меня могучей выи нет.

Ты не умен, хоть накопил ты годы,
Увы, ты не постиг моей природы.

Пойми: кто ищет вовремя, — найдет,
Он сам поймет, когда его черед.

Коль вовремя свое ты выбрал время,
То с сердца сбросил ты заботы бремя,

Работа же не вовремя — мертва.
Венчает человека голова.

Истоки правды в знанье заблистали,
Блажен, кто увидал конец в начале.

Ты к знанью приобщи меня, к дарам,
Которыми владеть дано царям».

Мунзир внимал в смятенье мальчугану,
Он обратился мысленно к Йездану.

В Сурсан, где мудрость издавна жила,
Отправил на верблюде он посла.

Посланец, знанья мудрецов изведав,
Трех выбрал почитаемых мобедов.

Один был избран, чтоб учил письму,
Чтобы невежества развеял тьму,

Другой — чтоб научил его старинной —
С гепардами — охоте соколиной,

Играть в чоуган, из лука в цель стрелять,
Владеть в бою мечом, идти на рать,

Уменью скакуном горячим править
И в нужный час богатырей возглавить.

А третий — чтоб обучен был Бахрам
Речам и государственным делам,

Чтоб он узнал обряды и уставы —
Все то, что должен знать глава державы.

К Мунзиру прибыли они втроем,
Чтоб рассказать о знании своем.

Мунзир вручил наставникам Бахрама,
Стремившегося к знаниям упрямо.

Бахрам учился, не жалея сил,
Способности к наукам он явил.

Все знания с охотою большою
Усваивал он разумом, душою.

Исполнилось Бахраму дважды шесть:
Он — витязей вершина, свет и честь!

Без мудрецов ясна ему наука,
Постиг игру в чоуган, стрельбу из лука,

Искусство управлять конем в бою,
Скакать в пустынном и лесном краю.

Мунзиру он сказал: «О родовитый,
Моих учителей домой верни ты».

Мунзир не пожалел для них даров,
Покинули они радушный кров.

Затем сказал Бахрам: «Коней пустыни
Пусть копьеносцы мне покажут ныне.

Пусть предо мной их проведут скорей,
Пусть копья поднесут к глазам коней,

Не пожалею золота, куплю я
Коня, чью стать и силу полюблю я».

Сказал наставник юноше в ответ:
«О царь, дарующий державам свет!

Моих коней табунщик пред тобою,
А я — твой друг, мы связаны судьбою.

Какая будет радость для меня,
Коль у арабов купишь ты коня!»

Сказал Бахрам: «О честности основа!
Мунзир, я выберу коня такого,

Чтоб стремя с поводом его слилось,
Когда бы мне с горы скакать пришлось.

Его я буду обучать с терпеньем,
Его я с ветром подружу весенним,

Нельзя коня сердито принуждать:
Его сначала надо испытать».

Мунзир Нуману приказал: «В пустыне
Коней отменных разыщи ты ныне.

Ты всадников-арабов обойди,
Коней военных, статных приведи».

Нуман поехал, — на степных дорогах
Нашел он сто коней крылатоногих.

Тотчас помчался юноша к коням,
И начал их испытывать Бахрам.

Кружился на степном, просторном лоне, —
Под всадником изнемогали кони.

Он выбрал наконец, к исходу дня,
Гнедого, сильногрудого коня,

А также рыже-красного, такого,
Что был грознее чудища морского,

Из-под его подков огонь сверкал,
Был пот на красной шерсти — как коралл.

Мунзир у всадников из рощ куфийских
Купил коней отборных, аравийских.

Понравились Бахраму два коня,
Блиставшие, как божество огня.

Как яблоню, Бахрам коней берег,
Чтоб их не тронул даже ветерок.

Однажды он Мунзиру молвил слово:
«О славный муж, краса всего земного!

Твоя душа отраду мне дает,
В твоем дому не ведаю забот.

Но знай: без потаенного мечтанья
Нет сердца на просторах мирозданья.

Слабеет муж, когда невесел он,
А если весел, — крепок и силен.

Источник нашей радости — подруга,
Она во всем — помощница супруга.

Влечет красавица, любовь даря,
И воина простого, и царя!

На женщине воздвиглась вера в бога,
К добру, к любви открыта ей дорога.

Вели ко мне — и просьбу не отринь —
Пять-шесть красивых привести рабынь.

Избрав одну иль двух, вкушу веселье,
Найду покой, неведомый доселе.

Быть может, сын родится у меня
И станет для меня сияньем дня,

А мой отец, владеющий землею,
Меня возвысит громкой похвалою».

Мудрец, чья поседела голова,
Мунзир одобрил юноши слова.

К работорговцу он гонца отправил,
Чтоб тот красавиц побыстрей доставил.

Румийских сорок дев привел гонец —
Отраду, наслаждение сердец.

Царевич выбрал двух розовощеких,
Двух темнокудрых и огненноокиx.

Их стан — вечноцветущий кипарис,
В котором нега с томностью слились.

Одна владела чангом несравненно,
Другая — как Сухейль, звезда Йемена.

Красавиц, украшавших этот мир,
Купил для сына царского Мунзир.

Бахрам обрадовался несказанно.
Он запылал рубином Бадахшана.

РАССКАЗ О БАХРАМЕ И МУЗЫКАНТШЕ НА ОХОТЕ

Его занятье — то чоуган, то лук,
Охотясь, он топтал то степь, то луг.

Однажды с музыкантшею, без свиты,
Помчался в степь охотник именитый.

Его румийку звали Азада,
Он с нею время проводил всегда.

Она всегда была ему желанна,
Ее шептал он имя постоянно.

Лишь на верблюде ездил он верхом,
Что был покрыт атласным чепраком...

Тропа — то вверх, то вниз, кругом — безлюдье,
Четыре стремени на том верблюде,

Два золотых и два — из серебра,
На каждом — дорогих камней игра.

Во всех искусствах был Бахрам умелым.
Он поскакал с колчаном, самострелом.

Чета газелей мчалась по холмам.
Сказал, смеясь, красавице Бахрам:

«Луна моя! Сейчас начну я ловлю.
Как только лук могучий изготовлю, —

Кого сначала мне сразить тогда:
Самец — в годах, а самка — молода».

«О лев, — сказала Азада, — ужели
Гордится муж, что он сильней газели?

Чтоб заслужить прозванье храбреца,
Стрелою в самку преврати самца.

Газель захочет убежать отсюда, —
Пусти за нею своего верблюда.

Ты камешек метни в живую цель,
Чтоб ухо начала чесать газель.

Как засвербит, — газель тебя потешит,
Поднимет ногу и ушко почешет.

Ты ногу с головою сшей стрелой, —
Тебя вознагражу я похвалой».

Бахрам степной травой, прямой тропою
С натянутой помчался тетивою.

В колчане у охотника была
Особая двуострая стрела.

Самец взметнулся на равнине пестрой, —
Бахрам тотчас подсек стрелой двуострой

Его рога, подсек на всем скаку.
И подивилась Азада стрелку.

Едва самец своих рогов лишился,
Он сразу как бы в самку превратился.

А в самку две стрелы всадил Бахрам,
Чтоб уподобились они рогам.

Бежит газель, и вся в крови дорога,
И две стрелы на голове — два рога.

Помчался всадник за другой четой,
А в самостреле — камешек простой.

Красавицу румийку восхитил он:
Газели в ухо камешек всадил он,

Та — ухо начала чесать ногой,
Охотник натянул свой лук тугой,

К ноге газели вдруг пришил он ухо, —
Тогда рабыня зарыдала глухо.

Сказал: «Смотри, добыча не спаслась!»
Но слезы у нее текли из глаз.

Она сказала: «Это не отвага,
Ты злобный бес, ты чужд любви и блага!»

Красавицу ударил юный шах, —
Свалилась из седла, зарылась в прах.

Пустил верблюда всадник, полный злости,
Он смял ее, кромсая грудь и кости.

Сказал Бахрам: «Безумна ты была!
Ужели ты мне пожелала зла?

Ведь если б промахнулся я, то скоро
Легло б на весь мой род пятно позора!»

Так суждено ей было умереть,
А царь не брал рабынь на ловлю впредь.

БАХРАМ СОВЕРШАЕТ ПОДВИГ НА ОХОТЕ

Через неделю он скакал с отрядом.
На длани — соколы, гепарды — рядом.

Глядит он: под горой, рассвирепев,
Онагра жадный раздирает лев.

Он ворона-стрелу пустил умело.
Стрела, сперва присев, потом взлетела.

Пришила жертву с хищником к земле,
Кровь льва и кровь онагра — на стреле.

Прошло семь дней, — с Мунзиром и Нуманом
Скакал Бахрам, украшенный колчаном.

Вокруг — толпа аравитян-вельмож,
От них — добро и правда, зло и ложь.

Хотел седой Мунзир, стремясь ко благу,
Чтоб им явил Бахрам свою отвагу.

Подобные верблюдам диким, вдруг
Слетелись страусы на пестрый луг.

Пришел в волненье всадник юнолицый,
Когда пред ним предстали эти птицы.

Погладив лук, достойный похвалы,
Четыре приготовил он стрелы,

Охотник меткий, с твердою рукою, —
Одну вослед послал он за другою.

Ловитель-муж, чье зрение остро,
Он всеми стрелами рассек перо,

Но так рассек он стрелами стальными,
Что места не было игле меж ними,

Как бы в один всадил их волосок, —
Все убедились, что хорош стрелок!

Восславили его аравитяне.
Искусный в играх и на поле брани,

Сказал Мунзир: «Как дерево — плодам,
Тебе я сердцем радуюсь, Бахрам!

Вовек твоя звезда пусть не затмится,
Пусть вечно будет крепкой поясница!»

Мунзир как бы вознесся до небес,
Гордясь подобным чудом из чудес.

Едва лишь возвратился он с дороги,
Художников призвал в свои чертоги,

Бахрама, лук его и самострел
На шелке он изобразить велел.

Бахрам широкоплечий, мощногрудый,
Воссевший с луком на спине верблюда,

Стреляющий умело, метко в цель,
Онагр, и лев, и страус, и газель,

И степь, и всадники-аравитяне —
Все было нарисовано на ткани.

С картиной, чтоб возликовал отец,
Отправлен к Йездигерду был гонец.

Когда мужи войны, мужи совета
Увидели изображенье это, —

Царевича восславили они,
Стопы к царю направили они,

О дивной ловкости его и силе
Поведать государю поспешили.

БАХРАМ В СОПРОВОЖДЕНИИ НУМАНА ПРИБЫВАЕТ К ОТЦУ

Бахрам решил увидеться с отцом.
Бахрам? Нет, солнце с озорным лицом!

Бахрам сказал Мунзиру в день весенний:
«Чем дольше у тебя живу в Йемене,

Тем больше видеть я хочу отца,
Нет моему томлению конца».

Не стал Мунзир Бахраму прекословить,
Велел дары владыке приготовить:

Коней арабских в сбруе золотой,
Мечи, прославленные остротой,

Все то, что в этом мире драгоценно,
Все, что хранится в рудниках Адена *.

С Бахрамом вместе послан был Нуман,
Мунзира сын, звезда аравитян.

Так прибыли в Истахр, о властелинах
Словам внимая повестей старинных.

Когда услышал царь подлунных стран,
Что сын в пути, что с ним — араб Нуман,

Он выслал всех мобедов им навстречу,
Всех прозорливых старцев с мудрой речью.

Завидев стать сыновнюю вдали
И мощь и стан властителя земли,

Царь восхитился юношей красивым,
Могучим, рослым, гордым и учтивым.

С ним ласково беседу царь повел
И усадил его на свой престол.

В столице дом отвел он для Нумана,
Бахраму дал дворец, достойный сана,

Он дал ему рабынь, рабов и слуг,
И стал отцу Бахрам служить, как друг:

Чтобы затылок почесать, мгновенья
Не находил, не знал отдохновенья!

Нуман решил отправиться домой:
Вкушал он месяц отдых и покой.

Он призван был средь ночи Йездигердом.
Был царь в ту ночь спокойным, добросердым.

Сказал: «Перед Мунзиром я в долгу,
Ему воздать всей мерой не смогу.

Бахрама он воспитывал со рвеньем,
Труд благодарный высоко мы ценим.

Хвала его усердью и труду,
Я вижу, что с рассудком он в ладу.

У нас ты задержался: несомненно,
Отец тебя заждался, царь Йемена».

Полсотни тысяч от царя страны
Динаров получил он из казны

И десять быстрых, с пламенем во взоре,
Коней, блиставших в золотом уборе,

Он благовонья получил, ковры,
Рабынь, рабов и прочие дары.

Назначенные двум аравитянам,
Даренья были собраны Михраном.

Нуман, ликуя, одарил друзей, —
Был каждый счастлив долею своей.

Тот самодержец, что Ираном правил,
Мунзиру храброму письмо направил,

О сыне он писал, благодаря
За все труды йеменского царя:

«Горжусь я сыном, умным, сильным, статным,
В долгу я пред тобою неоплатном!»

И от Бахрама весточка пошла:
«Знай, худо здесь идут мои дела.

Не этого я сердцем ждал горячим,
Иного ждал я обращенья с младшим.

Не сын и не слуга я при отце
И не любимец знатный во дворце».

Пришел к Нуману с речью откровенной
О склонностях дурных царя вселенной.

Нуман покинул государя двор,
К Мунзиру поскакал во весь опор.

Мунзир, утешенный приездом сына,
Поцеловал посланье властелина.

Он был дарам и славословьям рад,
Властителя восславил он стократ.

Затем тайком, печальными словами
Нуман отцу поведал о Бахраме.

Объяла воспитателя тоска,
Когда прочел письмо ученика.

Поторопился мудрый муж с ответом,
С благословенным поспешил советом.

Писал он так: «Иди, о славный князь,
С отцовского пути не уклонясь.

Не делай опрометчивого шага,
Равно прими и зло царя и благо.

Могуч храбрец, ума признавший власть,
Терпением он победит напасть.

Таков небес вращающихся разум,
Не в силах мы перечить их приказам.

У неба две души: одна — добра,
Другая — вероломна и хитра.

Так небо создал наш господь, и надо,
Чтоб пастуху послушным было стадо.

А испытаешь ты нужду в деньгах,
Иль в золоте, иль в царских жемчугах, —

Пришлю я все, чем я богат в Йемене:
Не стоит золото твоих мучений.

Как сердца моего любовь и жар,
Прими динаров десять тысяч в дар

И душу помрачневшую порадуй
Рабыней, что была твоей отрадой.

Прими ее: от горя и забот
Она тебе забвенье принесет.

Ты у отца, оставшись без динара,
Просить не должен денежного дара:

Я вновь тебя с охотой одарю
Любым богатством, надобным царю.

Ты будь слугою, шаха восхваляя,
Усердье в услуженье проявляя.

Пойми, что повелителя держав
Вовек ты не исправишь злобный нрав».

Прислал Бахраму десять прозорливых
Арабов сведущих, красноречивых.

Они с любовью к юноше пришли,
Вручив ему рабов и кошели.

Бахрам обрадовался их приходу,
Из сердца своего изгнал невзгоду.

Мунзира принял он совет благой,
Отцу и днем и ночью был слугой.

ЙЕЗДИГЕРД ЗАТОЧАЕТ БАХРАМА В ТЕМНИЦУ; БАХРАМ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К МУНЗИРУ

Однажды пиршества гремели клики.
Стоял Бахрам, прислуживал владыке.

Уже стоять он более не мог,
Ему хотелось спать, он падал с ног.

Разгневала отца его усталость,
Он крикнул стражам, отвергая жалость:

«Прочь уведите наглого юнца, —
Ни трона не увидит, ни венца!

Его под стражей содержите строго,
Он недостоин царского чертога».

Вдали от шаха, жертва бед и зол,
В тюрьме царевич целый год провел.

Лишь в праздники — Сада, Ноуруз великий —
С придворными являлся он к владыке.

Случилось, что из Рума, как посол,
Тинуш к царю иранскому пришел.

Он прибыл от кейсара с кошелями,
С богатой данью, с крепкими рабами.

Его с почетом встретил шаханшах,
С приязнью, с благосклонностью в очах.

Бахрам послал ему такое слово:
«О муж отваги, разума благого!

В обиде на меня глава страны,
Предлог ничтожен, нет моей вины.

Так заступись ты за меня с участьем,
Мой день, быть может, вновь заблещет счастьем,

Быть может, шах меня отправит вновь
К Мунзиру, чья сильна ко мне любовь».

Румиец выслушал его посланье,
Исполнил он царевича желанье.

Обиженный Бахрам возликовал,
Неправедные путы разорвал,

Больным и нищим роздал много денег,
Собрался в путь освобожденный пленник,

Всех слуг своих созвав, как вихрь степной,
Со свитой поскакал во тьме ночной.

Сказал Бахрам: «Спаслись мы, слава богу,
Мы в нужный час отправились в дорогу!»

Йемен приветствовал его приезд,
Навстречу толпы шли из разных мест.

К нему направились Мунзир с Нуманом
И копьеносцы в одеянье бранном.

Прах, войском поднятый, затмил весь мир.
Приблизился к царевичу Мунзир.

Два мужа обнялись при всем народе.
Бахрам поведал о своей невзгоде.

Седой Мунзир воскликнул, зарыдав:
«Погубит шаханшаха злобный нрав!

Враждует с разумом отец твой старый,
Боюсь, владыка не избегнет кары».

Сказал Бахрам: «Хотя творит он зло,
Хочу я, чтоб возмездье не пришло».

Мунзир помог ему сойти с гнедого,
Ему слугою добрым стал он снова,

Опять предался всей душой Бахрам
Охоте, играм, подвигам, пирам.

ИЕЗДИГЕРД ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ТУС; ЕГО УБИВАЕТ ВОДЯНОЙ КОНЬ

Так длилась дней стремительная смена:
Царь — в Парсе, а Бахрам — в степях Йемена.

Кружились звезды, свой закон творя,
Чтоб гасли радость и печаль царя.

Тревожась о путях, делах державных,
Царь Йездигерд созвал мобедов славных.

Велел он книги звездные прочесть,
Чтоб звездочеты выведали весть:

Когда и где удар его повергнет,
Глаза его погаснут, шлем померкнет,

Когда и где пробьет его черед,
Когда за государем смерть придет.

Ответил звездочет: «С тоской угрюмой,
Царь, никогда о смерти ты не думай.

А в скорбный час приедет царь владык
Туда, где блещет Су, бежит родник.

Он с войском в Тус отправится, веселый,
И трубным ревом огласятся долы.

Там для него наступит вечный сон, —
Об этом дне да не услышит он.

А вспомнит он о смерти, — будет худо:
Бог в тайне этот день хранит покуда».

Услышав те слова, поклялся шах
Харрад-Бурзином, солнцем в небесах:

«Пусть, — гневаясь, ликуя иль страдая, —
С водою Су не встречусь никогда я!»

Прошло три месяца: в тот грозный год
Возжаждал крови царской небосвод.

Из носа кровь пошла у властелина, —
Недуга не ясна врачам причина:

Задержат зельем на неделю кровь, —
Семь дней пройдет — потоком льется вновь.

«О государь, — мобед сказал сурово, —
Ты отвернулся от пути благого.

Спастись от смерти вздумал ты, но впредь
Запомни: нам ее не одолеть.

Ты через Шахд, — один есть выход ныне, —
К потоку Су отправься в паланкине.

Пред богом, с думой скорбной на челе,
К той опаленной припади земле.

Скажи: «Я раб, я — тления частица,
В тенетах клятв моя душа томится,

И вот к тебе, всеправый судия,
Узнать свой смертный час явился я».

Одобрил эту речь властитель царства:
Как бы обрел от немощи лекарство.

Он триста паланкинов двинул в путь,
Стремясь прохладу Шахд-реки вдохнуть.

Он днем и ночью ехал по долине,
А кровь текла у шаха в паланкине.

Родник, чье имя Су, пред ним возник.
Царь вышел и увидел тот родник.

Главу он окропил водой целебной,
Восславил бога песнею хвалебной.

Тут кровь из носа перестала течь.
Поел владыка и решил прилечь.

Он возгордился: «Глупы предсказанья, —
Давно бы кончились мои терзанья!»

Свое провозглашал он торжество:
Мол, все добро исходит от него...

Вдруг серый конь, коротконогий, с задом
Как у онагра, с диким, жарким взглядом,

Явился из воды, свиреп, как лев.
В глазах, больших и серых, темный гнев.

Хвост — до копыт, черны, сильны копыта,
Лохмата грива, пеной грудь покрыта.

Царь приказал, спокойствие храня:
«Пусть верховые окружат коня».

Пастух, объездчики, с седлом, с арканом,
Решили захватить коня обманом.

Но мог ли шах постичь творца глагол,
Понять, кто это чудище привел?

Изнемогли пастух и верховые,
А конь стоял, не опуская выи.

Шах рассердился: с поводом, с седлом
Направился к коню в веселье злом.

А серый конь стоял, спокойный, строгий,
Короткие уперлись в землю ноги.

Царь оседлал его, потом взнуздал,
А конь, казалось, лишь того и ждал.

Подпруги туго натянул владыка,
А чудище стоит, свиреполико!

Царь сзади подошел: задумал он
Хвост подвязать, а конь взревел, взбешен,

Царя ударил в голову копытом, —
И прах поднялся над царем убитым.

Из праха создан, в прахе он исчез...
Чего еще ты хочешь от небес?

От их вращенья нет нам избавленья,
Так для чего им возносить моленья?

Лишь властелину солнца и луны —
Лишь богу будем преданны, верны...

Настал конец владыки жизни бурной,
А конь, как пыль, пропал в реке лазурной,

Чудовище растаяло в воде, —
Такого дива не было нигде!

Заплакала дружина громогласно:
«Ты в Тусе, царь, судьбой наказан властной!»

В пыли, одежды на себе порвав,
Мужи рыдали о царе держав.

Пришел мобед и тело шаханшаха
Рассек мечом от головы до паха.

Он в тело налил мускус, камфару,
Он тело шелком обмотал к утру,

Короной увенчав царя сначала,
На грудь царя набросил покрывало.

В златом гробу в Парс прибыл властелин, —
Был сделан из платана паланкин...

Таков обычай в этой бренной келье:
Здесь горестью сменяется веселье.

Ты служишь миру — он с тобой свиреп...
Вином веселым ты запей свой хлеб,

Раскаяньем исправь ты прегрешенье:
Единственное мудрое решенье.

ВЕЛЬМОЖИ САЖАЮТ НА ПРЕСТОЛ ХОСРОВА

Лишь уложили в склеп царя земли,
Рыдая, персы знатные пришли,

Наместники, богатыри, мобеды,
И мудрецы-жрецы, и сердцеведы.

Вся знать — сановник, и храбрец, и князь —
У склепа Йездигерда собралась:

Густахм, слонов уничтожавший смело,
Каран, чьей мощи не было предела,

Милад, правитель области Араш,
Пируз, отважный воин, верный страж,

И каждый, кто блистал умом и саном,
Чье имя почиталось всем Ираном,

Кто был царем унижен и гоним, —
Пришел в столицу с воинством своим.

Сказал Гушасп, красноречивый воин:
«О вы, кто славы и добра достоин!

С тех пор, как существует человек,
Царя такого не было вовек.

Он был мучителем родов старинных,
Он грабил подданных, казнил невинных,

Когда подобный царствовал злодей?
И древних ужаснул бы он людей!

Помолимся о нем — и хватит: боле
Пусть род его не будет на престоле!

Бахрам? Он сын его, и плоть, и кость,
В нем та же зреет мерзость, та же злость.

Он предан лишь Мунзиру, нравом дикий.
Насильнику не быть у нас владыкой!»

Вельможи, что в столице собрались,
Друг другу крепкой клятвой поклялись:

«Мы не желаем никого на царство
Из рода, чье занятие — коварство».

На этом разойдясь, решила знать:
Царя другого надобно искать.

Когда на западе и на востоке
Князья узнали: умер шах жестокий,

То царь аланов, двинув ратный стан,
И те, под чьей рукой Бивард, Шугнан,

И прочие решили так: «Прекрасно!
Я — шах, мне вся вселенная подвластна!»

Скончался царь с короной на челе —
И смута воцарилась на земле.

Князья, мобеды, воины в Иране,
Богатые умом и светом знаний,

Явились в Парс и стали обсуждать:
На ком из них почиет благодать?

Кто из вельмож, причастных высшей доле,
В венце воссесть достоин на престоле?

Где витязя мы щедрого найдем,
Который стал бы праведным царем?

Кто край родной избавил бы от мук?
Ведь царство без царя — что дикий луг!

Был старый муж, Хосровом величался,
Умом и добрым нравом отличался,

Он был могуч, богат и родовит,
Ни от кого он не терпел обид.

Ему вручили витязи державу,
Он воинов возглавил по уставу.

БАХРАМ УЗНАЕТ О СМЕРТИ ОТЦА

Пришла к Бахраму весть: «Погружена,
По воле неба, в скорбь твоя страна.

Отец твой, гордый царь, лежит недвижно,
Со славой умер он скоропостижно.

«Мы не хотим, — сказала твердо рать, —
Царя из рода этого избрать.

Да будет и Бахрам отвергнут всеми:
Он — сын злодея, кровь его и семя!»

Царем страны, по воле храбрецов,
Стал некий муж, по имени Хосров».

Бахрам, узнав, что умер царь могучий,
Ланиты исцарапал в скорби жгучей.

Страна Йемен была потрясена,
И две недели плакала страна.

Царевич тридцать дней провел в печали,
Когда же дни иные заблистали,

К нему пришел Мунзир, пришел Нуман, —
Явились во главе аравитян.

Раздавлены вельможи вестью злою:
Не сожжены, а сделались золою!

Освободили от оков язык:
«О государь, ты истинно велик!

Чтоб горстью праха стать, мы в мир приходим,
Мы снадобья от смерти не находим.

Умрет, кто матерью на свет рожден,
Его дорога — зло, а смерть — закон».

Мунзиру отвечал Бахрам: «Отныне,
Когда мятутся дни мои в унынье,

Когда величье, сила и почет
Покинут, может быть, наш древний род, —

Степь Всадников затопчет враг упрямый *,
Дома арабов превратит он в ямы.

Отец мой мертв. Я плачу в тишине.
Подумайте и помогите мне».

Мунзир ему внимал, душою светел,
Он мужественно юноше ответил:

«Мое настало время наконец,
Я ногу вдену в стремя наконец!

На троне ты сиди в блистанье счастья,
Надень венец и царские запястья».

Мунзира мысль была ясна, смела,
Йемена знать согласна с ней была.

Покинули дворец аравитяне,
Решили опоясаться для брани.

Мунзир Нуману приказал: «Иди,
Из грозных львов ты войско снаряди,

Ты десять тысяч выбери из стана
Шейбана и из племени Гассана.

Иранцам покажу, кто шаханшах
С богатством, с войском, с разумом в очах!»

Нуман вернулся с мощной силой ратной,
С кольчужной, меченосной и булатной.

Он приказал бойцам идти на рать,
Вселенную конями затоптать.

Под конницей тряслось земное лоно,
Изнемогало вплоть до Ктесифона.

Всех брали в плен — грудных детей и жен,
Никто врагами не был пощажен.

Бездействовал престол, бессильный, старый,
Свирепствовали грабежи, пожары.

Узнали тюрки и румийский край,
Узнали Хиндустан, Мекран, Китай,

Что шаханшаха нет, Иран расстроен,
Никто державой править недостоин,

И начались насилье и набег,
Не мог найти защиту человек.

Иранский дом губил и грабил каждый,
Алкал престола и пылал от жажды.

ПИСЬМО ИРАНЦЕВ МУНЗИРУ; ОТВЕТ МУНЗИРА

Иранцы, получив об этом весть,
Решили отстоять добро и честь.

Кто знал, что тяготы такие лягут
На них? И собрались, устав от тягот:

«Кругом беда. Теснят нас все сильней
Рум, Хиндустан и всадники Степей.

Теперь подумать надо нам о средстве,
Как жизнь людей спасти от этих бедствий».

Они избрали мудрого посла,
В чьем сердце честь высокая жила, —

Он Джавануем звался, муж учтивый,
В законах сведущий, красноречивый, —

Чтоб он к Мунзиру поскакал чуть свет,
Сказал слова и выслушал ответ.

«Мунзир могучий! Ты гордиться вправе,
Вселенная твоей покорна славе, —

Ты — наша мощь, ты — полководец наш,
Ирана и Мекрана верный страж.

Когда от крови, как перо павлина,
Стал пестрым мир, лишенный властелина,

Тебе йеменский был вручен престол:
Не ты ль трудился, чтоб Иран расцвел?

А ныне кровь ты всюду проливаешь,
Насильничаешь, грабишь, убиваешь,

Упреков и проклятий не боясь...
Меж правом и злодейством где же связь?

Смотри: ты стар. Прислушайся к советам,
Поверь, что не раскаешься ты в этом.

Не забывай другого судии,
Ему открыты помыслы твои.

Посол к тебе приехал для решенья, —
Людей бывалых передаст реченья».

Покинул быстро Джавануй дворец,
В Степь Копьеносцев поскакал мудрец.

Предстал он пред Мунзиром утром рано,
Вручил ему слова мужей Ирана.

Тот выслушал ученого привет,
Но губы не раскрыл свои в ответ,

Лишь молвил так: «Что я тебе отвечу?
Ступай ты к шаханшаху с этой речью.

Ищи пути, с Бахрамом говоря, —
И ты ответ услышишь от царя».

Посол почтенный вместе со слугою
Направился к Бахрамову покою.

Ученый муж Бахрама увидал,
И вот уста раскрыл он для похвал,

Но мощный стан Бахрама, выя, плечи
Посла на миг лишили дара речи:

С лица царя как бы вино лилось,
Благоухал он мускусом волос.

Красноречивый муж застыл на месте,
И сразу о своей забыл он вести.

Бахрам, поняв, что старец поражен,
Что разум царским ликом помрачен,

Приветствовал и обласкал посланца
И на сиденье усадил иранца.

Спросил, когда пришел в себя посол:
«Зачем ты из Ирана к нам пришел?

Ведь ныне тяжек путь и неспокоен, —
За труд вознагражденья ты достоин!»

Затем слуге властитель дал приказ:
«Посла к Мунзиру отведи сейчас,

Скажи, чтоб выслушал Мунзир посланье,
Узнал мужей иранских пожеланье,

Чтоб он ответил, выслушав сперва,
Чтоб выбрал благородные слова».

Иранский муж, придя с таким наказом,
Мунзира сердце озарил и разум.

Посланца выслушал йеменский шах, —
Отрады не нашел в его речах.

«О мудрый муж, — сказал он Джавануй, —
Кто грешен, кару понесет большую.

Ты мне принес посланье и привет,
Иранцев знатных понял я совет.

Ты им скажи: «Кто был тому виною,
Что на иранцев мы пошли войною?

Здесь — шах Бахрам. У шаха есть войска,
Величье, ум и мощная рука.

Напрасно жизнью жертвовать не надо:
Из логова не извлекай ты гада.

Когда б иранцы слушались меня,
Не дожили б до горестного дня.

Ваш Джавануй беседовал с владыкой,
С ним ласков был воитель светлоликий.

Достоин ли, — спросите мудреца, —
Бахрам величья, счастья и венца?»

Обрадовалось сердце Джавануя,
Он речь Мунзира выслушал, ликуя.

Сказал: «Мунзир, ты знаньями богат,
Надеждою твои слова звенят.

Хоть разума лишились мы в Иране,
Хоть много нас легло на поле брани,

Хочу я, правды ищущий старик,
Чтоб ты мои слова теперь постиг.

Ты и Бахрам — Ирана плоть от плоти —
Да на земле без горя проживете.

Взяв соколов, гепардов, вы с царем
Должны в Иран отправиться вдвоем.

Победоносно пусть Бахрам прибудет,
От нашей знати вам вреда не будет.

Ты скажешь то, что долг сказать велит,
Недаром ты умен и знаменит.

Все низкое отверг твой дух высокий,
Не раздаются вслед тебе упреки».

Мунзир с дарами проводил посла,
И радостна душа его была.

БАХРАМ ПРИБЫВАЕТ В ДЖАХРАМ; К НЕМУ ПРИХОДЯТ ИРАНЦЫ

Мунзир и шах на тайную беседу
Созвали тех, кто мог добыть победу.

Мунзир для шаха отобрал бойцов —
Арабских тридцать тысяч удальцов,

Зажег в них дерзость, битвы пламень ярый,
Дал копьеносцам доблестным динары.

Уже к иранцам прискакал посол,
Когда об этом слух до них дошел.

Они, от слов посла познав кручину,
К пречистому пошли Азар-Бурзину,

Моля творца, чтобы для них война
Была побед и радости полна.

В Джахрам вступил Мунзир высокородный,
Войска расположил в степи безводной.

Разбил Бахрам шатер среди песка,
Со всех сторон в степи текли войска.

«Наставник мой, — Бахрам сказал Мунзиру, —
Ты прибыл с войском, ты не склонен к миру,

Начнем же битву, бранный разговор —
И рать на рать пусть поглядит в упор».

«Иранцев знатных, — был ответ Мунзира, —
Ты созови для радостного пира.

Ты слушай их, запоминай, учись,
Погорячатся — сам не горячись.

В их замысел проникнем сокровенный:
Кого хотят назвать царем вселенной?

Узнав, мы будем бдительны, умны:
А вдруг достигнем цели без войны?

Но если, злобные, возжаждут боя,
Привычки тигра хищного усвоя, —

Я степь Джахрама в море превращу,
Я их надежды в горе превращу!

Они должны твой стан увидеть статный,
И твой открытый лик, и нрав приятный,

Ученость и величье светлых дум,
Учтивость, терпеливость, ясный ум.

Тогда тебе, и лишь тебе по праву,
Вручат венец и славную державу.

А если, став на путь грехов и зол,
Они отнимут у тебя престол,

Так вот я здесь, мой меч и рать со мною,
Я светопреставление устрою.

Увидишь ты, как хмурю я чело, —
Пусть я погибну, чтоб ты жил светло!

Дивясь моим дружинам необъятным,
Уменью моему, приемам ратным,

Поняв, что беспощаден я в бою,
Что бог благословляет длань мою, —

Тебя и лишь тебя, о несравненный,
Провозгласят они царем вселенной!»

Внимая этим радостным словам,
Восторг и трепет ощутил Бахрам.

Когда лучи рассыпал шар багровый,
Все были к встрече с персами готовы.

Иранские князья пришли на зов
Арабских витязей и мудрецов.

Бахрам, в венце, — чтоб трепетали гости, —
Воссел на троне из слоновой кости.

Иранцев он готовился принять,
Как шах, на ком почиет благодать.

Мунзир от шаха справа был посажен,
А слева был Нуман, могуч, отважен.

В шатре, и впереди и позади,
Виднелись лишь арабские вожди,

А персы, предводители народа,
Перед завесой медлили у входа.

Шах приказал завесу приподнять
И персов пропустить — князей и знать.

Они предстали пред Бахрамом властным,
Пред гордым троном и венцом прекрасным,

Провозгласили: «Вечно счастлив будь,
Не зная зла, сверши свой правый путь!»

Шах расспросил их ласково, спокойно,
И каждого он усадил достойно.

ИРАНЦЫ НЕ ПРИЗНАЮТ БАХРАМА СВОИМ ШАХОМ

Сказал Бахрам: «Князья моей страны,
Мужи совета и мужи войны!

От праотцев досталась мне держава,
А вам Ираном править кто дал право?»

Воскликнули иранцы: «Мы живем
Не для того, чтоб трепетать пред злом.

Тебя вовек на царство не поставим,
Ты — рать возглавь, а мы — страну возглавим.

Нас истерзал твой злобный, мерзкий род,
В тоске стенали мы из года в год».

Сказал Бахрам: «Да будет так. От века
Страстям покорно сердце человека.

Не я, другой — ваш царь, но отчего
Он избран без согласья моего?»

Сказал мобед: «Стезя добра едина
Для властелина и простолюдина.

Нам равный, станешь ты одним из нас
И выберешь владыку в добрый час».

Три дня прошло, — борьба была в разгаре:
Из персов выбирали государя.

Ста знатных написали имена —
Мужей, которых чтила вся страна.

Бахрама, признанного целым светом,
Стояло имя в славном списке этом.

Хитря, бранясь, — кого провозгласят? —
От сотни отделили пятьдесят.

Бахрам был первым в этом новом списке:
Искал он правды, к трону самый близкий.

Был список сокращен до тридцати:
Был славен каждый муж, у всех в чести.

Бахрам был первым в этом списке тоже:
Он был царем, все прочие — вельможи.

Оставили мобеды четверых, —
Бахрама имя было среди них!

Когда о шахе речь зашла вплотную,
Седые персы, вспомнив боль былую,

Сказали так: «Не нужен нам Бахрам,
Он легкомыслен, вспыльчив и упрям».

Среди вождей поднялся шум великий,
И брань, и оскорбительные крики.

Сказал Мунзир иранцам на пиру:
«Одно я знать хочу, стремясь к добру:

В чем шах Бахрам виновен перед вами?
Он чист и не отягощен годами!»

И начали в ответ князья и знать
Обиженных иранцев созывать.

Калек собрали, кто жестокосердым
Истерзан был и сломлен Йездигердом.

Один без рук пришел, он изнемог,
Другой без рук явился и без ног.

Отрезаны у третьих руки, уши,
Остались лишь одни тела, — где души?

Без плеч явился получеловек, —
Нуман смотрел в смятенье на калек.

Разгневался Мунзир, узрев безногих,
Узрев, что выбиты глаза у многих.

То зрелище Бахрама потрясло.
Сказал он об отце: «Ты делал зло!

Скажи: зачем твоя душа ослепла?
Мой дух зачем ты сделал горстью пепла?»

Сказал Мунзир: «Бахрам, не прячь лица, —
Не скроешь злодеяния отца.

Ты видел? Так ответствуй словом веским,
Не подобает быть владыке резким».

БАХРАМ ДЕРЖИТ ПЕРЕД ИРАНЦАМИ РЕЧЬ О СВОЕЙ ПРИГОДНОСТИ К ЦАРСТВОВАНИЮ

Сказал Бахрам: «Высокие князья,
Победы, счастья, мудрости друзья!

Да, изверг мой отец, готов признать я,
Что он достоин моего проклятья.

Стать жертвой зла пришлось мне самому,
Он омрачил мою любовь к нему.

Его дворец был для меня тюрьмою,
Но сжалился всевышний надо мною,

А если бы меня Тинуш не спас,
В темнице я бы в юности погас.

Царь невзлюбил меня, смотрел он люто,
И я бежал в Йемен, ища приюта...

Не быть подобным людям на земле,
Не то земля разрушится во мгле!

Я разум получил, хвала Йездану,
От разума вкушать я не устану.

Создателя в свидетели беру:
Молю творца вести меня к добру,

Чтоб от грехов отца, от злодеяний
Очистилась моя душа в Иране.

Лишь к правде будет устремлен мой дух,
Людей взлелею, как стада — пастух.

Как подданные пожелают, буду
Я жить и славить господа повсюду.

Я справедлив, я даровит, учен;
Насильник — дарования лишен.

Как жалок мне насильник низколобый:
Ничтожество — источник лжи и злобы!

Я буду мудро царствовать в стране,
От предков царство перешло ко мне.

С Шапура счет начну до Ардашира, —
Все царствовали на просторах мира,

Из рода в род все праотцы мои —
Наставники мне в вере и любви.

Я предан разуму, добру, наукам,
По матери — стал Шамирану внуком.

Искусный всадник, я душой велик,
Я смел, мне внятен разума язык.

На пир иль на сраженье взоры кину, —
Среди мужчин я не найду мужчину.

Я кладами сокрытыми богат,
Друзьями именитыми богат!

Весь мир благоустрою справедливо,
И подданные будут жить счастливо.

Мы с вами перед богом всеблагим
Еще одно условье заключим.

Давайте трон возьмем царя вселенной,
На трон венец положим драгоценный,

И тот венец, не тратя лишних слов,
Мы поместим меж двух свирепых львов.

К престолу с двух сторон мы львов привяжем,
Тому, кто хочет царствовать, прикажем:

Пусть к трону подойдет, возьмет венец,
Пусть увенчает голову храбрец,

Пусть трон займет, как надлежит мужчине,
Львы — по бокам, владыка — посредине,

И если с правдой он пришел, с добром,
То лишь его мы шахом изберем.

Но если от условья уклонитесь, —
Моим соперником да будет витязь:

Я, и Мунзир, и палица, и меч,
И все арабы не бегут от сеч.

Я вашего кумира обезглавлю,
И кровью жертв я землю окровавлю.

Сказал я и от вас ответа жду.
Я к вам взываю — к правому суду».

Он слово произнес, и встал, и вышел,
И, мнилось, весь Иран его услышал.

Воскликнули мобеды и князья:
«То не безумья низкого стезя,

То не стезя злодейства и обмана, —
На нем почиет благодать Йездана.

Он говорит нам только о добре, —
Увидим благо при таком царе.

Он обратился к нам и со словами
О львах, о троне, о венце меж львами, —

Что ж! Если львы Бахрама разорвут,
То не осудит нас господень суд.

Он сам условье предложил такое,
Погибнет он, — мы заживем в покое,

А сможет он у львов отнять венец, —
То Фаридуна превзойдет храбрец,

Он станет шахом: так велит всевышний.
Вот правда. Прочие слова — излишни».

Минула ночь, и вот рассвет взошел,
И шах Бахрам воссел на свой престол.

Иранцев удивил он красноречьем,
Когда заговорил о дне прошедшем.

И был таков ответ князей, жрецов:
«О шах, ученейший из мудрецов!

Как только ты венец добудешь смело,
Что сотворишь? С чего начнешь ты дело?

Как правду и добро творить начнешь?
Как уничтожишь зло? Разрушишь ложь?»

Мужам отважным, мудрецам почтенным,
Бахрам ответил словом вдохновенным:

«Я истреблю несправедливость, гнет,
Любовью, лаской привлеку народ.

Тому, кто разум проявил и доблесть,
Пожалую большой удел иль область,

А подданные под моей рукой
Найдут отраду, правду и покой.

Тому, кто счет ведет своим обидам, —
Всем бедным деньги из казны я выдам.

Кто грех свершил, — совет я дам тому,
За грех вторичный — заточу в тюрьму.

Получит рать — клянусь я перед всеми —
Довольствие в положенное время.

Я низость и обман развею в прах:
Что будет в сердце, будет на устах.

Умрет богач, не дав земле потомства, —
Я не пойду путями вероломства,

В казну его богатств не отберу,
Я бедным их раздам, стремясь к добру.

Я не поддамся гневу и наветам,
Лишь мудрым буду следовать советам.

Не стану дело начинать, пока
Не выслушаю мненья знатока.

Пребуду мягким, милосердным к людям,
Когда ко мне придут за правосудьем.

Я тем, кто предан праведным трудам,
Всегда благодеянием воздам,

Но злом воздам преступникам, злодеям
Затем, что о державе мы радеем.

Свидетель бог, чью волю я постиг,
Что разуму покорен мой язык».

Царю внимали князь, мудрец, ученый
И воин, сединами убеленный,

И все сказали громко: «Мы — рабы
Твоих велений и твоей судьбы».

Сказал Бахрам: «Мужи, чьи мысли святы!
Здесь каждый — мой наставник и вожатый.

От слов своих не отступлю, о нет,
Пусть даже минет сто иль двести лет!

Сперва — забота о венце, наследстве,
Затем — униженных спасу от бедствий».

Жрецы, мобеды, воины страны,
Словами царскими поражены,

Раскаялись в своих речах поспешных,
Прощенья для себя просили, грешных,

Бахрама прославляли, говоря:
«Достойнейшего мы нашли царя!

Ни знатностью, ни доблестью военной
Никто с ним не сравнится во вселенной.

Он создан, чтобы защищать закон,
Он ради высшей правды сотворен!

Он поведет нас только к доброй цели,
Мы будем жить для пиршеств и веселий.

Тому, кто с ним поспорит, — срам и стыд:
Свой разум в сон тем самым погрузит.

Где у него соперники живые?
Такого стана нет, и плеч, и выи!

Кто в мире будет выше, чем Бахрам,
Коль царствовать начнет на страх врагам?

Да разве устрашат иранцы шаха?
Мы для него — всего лишь горстка праха!»

Пришли к Бахраму: «Вождь богатырей,
Ты нам по нраву, будь царем царей.

Мы помыслов твоих не знали ране,
Ни знаний, ни речей, ни дарований.

Поскольку знатен и богат Хосров,
Он стал царем по воле мудрецов.

С Хосровом связывает нас присяга,
А ныне от него не видим блага,

И если не уйдет он, то страна
Погибнет, войнами разорена.

Одни — Хосрова с убежденьем славят,
Другие — лишь Бахрама шахом ставят.

Есть выход: он в условии твоем.
Сверши его — и станешь ты царем.

А львы предлогом явятся, не боле,
Никто и не помыслит о престоле».

Бахрам не прекословил мудрецам:
Условье это предложил он сам...

В стране обычай был многовековый:
Когда на царство царь венчался новый,

То подходил к нему верховный жрец,
Три мужа с ним — три знатока сердец.

Он шаха на престол сажал великий,
Давал благословение владыке.

Он подносил ему венец златой,
Сверкавший благодатью, красотой.

Старинной шапкой предков царь венчался,
И жрец щеками щек его касался.

Затем царю бросали деньги в дар,
Он бедным каждый отдавал динар...

Вот знатные пришли с венцом, с престолом.
Бахрам помчался в степь с лицом веселым.

Двух ярых львов Густахм кормил в степи.
Мобеду он вручил их на цепи.

Львов повели для испытанья шаха, —
У тех, кто вел, душа зашлась от страха.

К престолу привязали двух зверей,
На нем — златой венец царя царей.

Вселенная на тот престол глядела:
Мол, юноша свое свершит ли дело?

БАХРАМ И ХОСРОВ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В СТЕПЬ; БАХРАМ УБИВАЕТ ЛЬВОВ

И вот в степи — Хосров и юный шах.
Горит, трепещет кровь у них в сердцах!

Когда Хосров двух ярых львов увидел,
Когда меж них венец Хосров увидел,

Мобедам он сказал: «Пусть ныне тот,
Кто хочет царствовать, венец возьмет.

К тому ж я стар, а мой соперник молод.
От львов меня бросает в жар и холод.

Пусть первым он приблизится к зверям:
Моложе и сильней меня Бахрам».

Сказал Бахрам: «Охотно соглашусь я,
От слов своих вовек не откажусь я».

С бычьеголовой палицей вперед
Пошел он, изумляя весь народ.

«О государь, — мобед промолвил строго, —
Разумен ты, учен, боишься бога,

Зачем же ты стремишься зверю в пасть?
И что приобретешь? Всего лишь власть!

Отдашь за царство душу молодую?
Тем самым жизнь свою отдашь впустую!

Все люди жалости к тебе полны,
Твоя тут воля, нашей нет вины».

Бахрам ему сказал: «О жрец верховный,
Ни ты и ни другие — не виновны.

Двум ярым львам — противник я в бою,
Я вызова от храбрых не таю».

Ответствовал мобед: «Иди с молитвой,
Очисти сердце от грехов пред битвой».

Послушался мобеда юный шах,
Очистил дух, покаялся в грехах.

Взметнул он палицу с главою бычьей,
А львы меж тем следили за добычей.

Вдруг, цепи разорвав, подъемля рев,
На шаха кинулся один из львов.

По голове его ударил витязь —
И мертвый лев упал, борьбой пресытясь.

Ударил шах другого льва — и враз
Кровь полилась на грудь из львиных глаз.

Воссел властитель на престол наследный,
На голову надел венец победный.

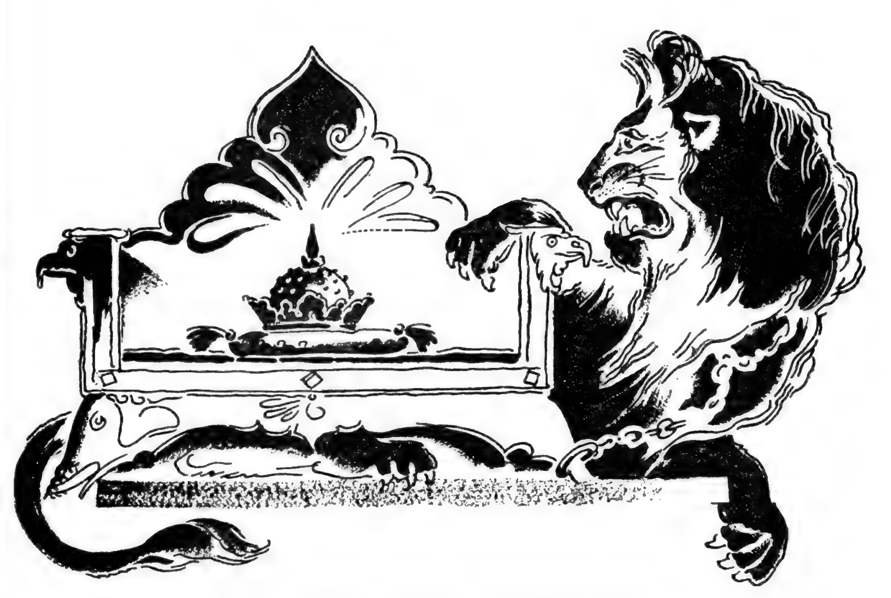
Сказал Хосров, склонясь перед царем:
«О шах, начну тебе служить добром.

Пребудь благословенным властелином,
Над всеми витязями — господином.

Мы для тебя — рабы, а ты — глава,
Ты светел, ты достоин торжества.

Ища приюта, мы приходим к богу:
Заблудшим указует он дорогу».

Владыку мира восхвалила знать,
Жемчужинами стала осыпать.

Так в день суруша, в месяце азаре
Услышал мир о новом государе...

Луна померкла, мрачен небосвод,
Из черной тучи снег идет, идет.

Ни гор, ни речки, ни полей не видно,
И ворона, что мглы черней, не видно.

Ни дров, ни солонины у меня,
И нет — до новой жатвы — ячменя.

Хоть вижу снег — слоновьей кости гору, —
Поборов я боюсь в такую пору.

Весь мир вверх дном перевернулся вдруг...
Хотя бы чем-нибудь помог мне друг!

Теперь я удивлю вас дивным сказом, —
Чудеснее не выдумает разум!

ВОСШЕСТВИЕ БАХРАМА НА ПРЕСТОЛ; ЕГО СОВЕТЫ ВЕЛЬМОЖАМ И НАМЕСТНИКАМ

Когда Бахрам воссел на шахский трон,
Восславил шаха светлый небосклон.

Бахрам свои вознес благодаренья
Предвечному зиждителю творенья,

Дарующему счастье и беду,
Дарующему роскошь и нужду.

Затем сказал: «Венец и трон державы
Мне дал господь, всевидящий, всеправый.

Он для меня — добро, надежда, страх,
Благодарю его в своих мольбах.

Покорство богу, преданность обетам —
Источник нашей гордости лишь в этом».

Послышались иранцев голоса:
«Покорства мы надели пояса.

Да будет власть царя благословенна,
Бессмертно счастье и душа нетленна!»

Молитву о Бахраме сотворя,
Каменьями осыпали царя.

«Мужи! — сказал Бахрам. — Вам приходилось
Познать судьбы и милость и немилость.

Мы все — рабы, а бог для всех един,
Он, только он — законный господин.

Я горе прогоню, добро посею,
Я не позволю действовать злодею».

Так он сказал. Все поспешили встать
И славить шаха начали опять.

У них беседа потекла ночная.
Но вот и солнце вспыхнуло, сверкая,

Воссел властитель во дворце своем.
К нему пришли иранцы на прием.

Сказал им царь с душевной чистотою:
«Вельможи под счастливою звездою!

Склонимся пред величием творца
И от гордыни отвратим сердца».

На третий день сказал он знатным людям:
«Пренебрегать молитвами не будем.

Пускай в сердцах восторжествует бог,
Докажем всем, что существует бог,

Последний Судный день, рай и геенна,
Добро и зло, незыблемость и смена.

Тот неразумен, тот грешит всегда,
Кто не боится Страшного суда».

А на четвертый день, исполнен силы,
Венец надев державный, сердцу милый,

Промолвил шах: «Мне всех богатств нужней
Отрада, благоденствие людей.

Нет, не влечет меня сей мир трехдневный
С его тоскою и судьбой плачевной,

Тот мир — бессмертен, этот — прах и тлен,
Не попади алчбе и горю в плен».

На пятый день такое молвил слово:
«Не надо мне плодов труда чужого.

Дорога в рай с трудом сопряжена.
Блажен, кто блага сеет семена».

Сказал он в день шестой: «Пока я правлю,
От разоренья подданных избавлю.

Покой в Иране будет нерушим,
Мы злоумышленников устрашим».

Сказал он в день седьмой: «Князья державы,
Вы опытны, умны и величавы!

Суров я буду к жадному скупцу,
Зато стремиться буду к мудрецу.

Наказан будет мною недостойный, —
Я буду строже, чем отец покойный.

А тот, кто будет с нами жить в ладу,
Забудет горе, тяготы, беду».

Вот, в день восьмой, призвал он Джавануя,
О благе подданных своих ревнуя.

«Наместникам, — вельможе повелел, —
И всем князьям, и в каждый наш удел

Отправь слова, где будут свет и милость:
«Бахрама власть на троне утвердилась.

Он милостив, и щедр, и справедлив,
Враждует с кривдой, бога восхвалив.

Он обладает и умом и статью,
Он царство озаряет благодатью.

Тот, кто мне предан, будет мной ценим,
А лицемерных мы искореним.

Я буду править, счастьем осененный,
Вновь Тахмураса я приму законы.

Со всеми буду справедлив, хорош,
И даже с тем, кто сам проявит ложь.

В стремленье к правде предков превзойду я,
И вас дорогой правды поведу я.

Пойду, как деды, злу и кривде чужд,
Лишь тем путем, которым шел Зардушт.

Приняв Зардушта древние уставы,
Я говорю: «Я — ваш вожатый правый!»

Вы все — владыки жен своих, детей,
Оплоты веры, стражи областей.

Вы все — в своих имениях владыки,
Богобоязненны и светлолики.

Нам для казны богатства не нужны,
Чтобы страдал бедняк из-за казны.

Что мне судьбы коварной самовластье,
Коль бог продлит и жизнь мою, и счастье?

Прочтите эти добрые слова, —
Достигнете богатства, торжества.

Мы шлем приветы вам, не зная злобы,
Тем, кто нас любит, — наш привет особый».

К посланиям приложена печать.
Велел властитель вестников созвать.

С посланьями отправились мобеды —
Отважные мужи и сердцеведы.

БАХРАМ ГУР ПРОЩАЕТСЯ С МУНЗИРОМ И НУМАНОМ И РАЗДАЕТ НАРОДУ ДЕНЬГИ

Вот солнце озарило небосклон,
Взойдя из-за горы, нарушив сон.

Пришли, перед Бахрамом виноваты,
К Мунзиру люди, трепетом объяты:

«За нас ты заступись перед царем,
Да за грехи прощенье обретем.

Жестокий Йездигерд всему причина:
Из-за отца мы гневались на сына.

Нас истерзал, измучил старый шах,
Он мерзок был в поступках и речах,

Из-за отца, источника насилий,
Мы от Бахрама сердце отвратили».

Мунзир пошел и стал просить царя,
Слова добра и ласки говоря.

Бахрам простил их, благо совершая,
Хотя на них была вина большая.

Дворец велел он превратить в цветник.
Явились те, кто честен и велик.

Когда был тот чертог благоустроен,
То усадили тех, кто был достоин.

Вельможам было пиршество дано,
Звенели лютни, и лилось вино.

Одни ушли — другие появились:
Пиры царя без перерыва длились.

Три дня в пирах и празднествах прошли,
Томилось горе от дворца вдали.

Шах рассказал, как вел борьбу с обманом,
Как шаху помогли Мунзир с Нуманом.

Мужей отважных стали прославлять,
Их край цветущий восхвалила знать.

Затем свою казну раскрыть велел он,
И двум арабам подарить велел он

Доспехи боя, с седлами коней,
Парчу и груду дорогих камней.

Едва покончил Джавануй с подсчетом,
Арабам он вручил дары с почетом.

Никто не ведал меры тем дарам:
Всех щедростью превосходил Бахрам!

Понравились дары аравитянам,
Покинули царя Мунзир с Нуманом.

Затем одежду, что бойцу нужна,
Халат, доспехи брани, скакуна

Велел он приготовить для Хосрова,
Шах обласкал сановника седого.

Затем, оставив царственный престол,
К Нарси Бахрам-властитель подошел.

Был брат един с ним сердцем и устами,
Моложе повелителя годами.

Царь объявил: Нарси — бойцов глава,
Пускай блюдет границы и права.

Вручил он брату войско по уставу,
Он щедростью привлек к себе державу.

Бахрам открыл врата казны, и сам
Он выдал жалованье всем бойцам.

Затем Гушаспа вызвал он, дабира,
Что встал перед лицом владыки мира.

С ним Джавануй был вызван, казначей,
Проникший зорким взглядом в суть вещей.

Направились в диван столпы державы.
Там был Кейван, вельможа седоглавый,

Чья мысль была одним лишь занята:
В уме хранил расчеты и счета.

Расходам подведя итог вначале,
Они казны остаток подсчитали:

В казне дирхемов составлял запас
По триста тысяч ровно двести раз!

Шах роздал все. Поджег он казначейство.
Возликовало каждое семейство.

Страна хвалу Бахраму вознесла,
И долго не смолкала та хвала.

Все к капищу огня тогда явились,
В храм в честь Ноуруза и Сада явились.

В огонь был брошен мускус, и Бахрам
Прославлен был, когда вступил он в храм.

Когда народ властителя восславил,
По всей державе царь гонцов отправил,

Чтобы вернули в город поскорей
Всех Йездигердом изгнанных людей.

Указ издал он: ради нужд народных
К себе он приближает благородных.

Князей в свои халаты царь одел,
И каждому он выделил удел.

Повсюду слыша речи о Бахраме,
Ученые с вельможами, жрецами,

Исполненные чистоты сердец,
К властителю явились во дворец.

Верховному мобеду поручил он,
Чтобы в державе правый суд вершил он.

Благоустроив и страну и рать,
Он приказал глашатаям кричать:

«О подданные радостного шаха!
Греха не знайте, ни тоски, ни страха!

Хвалите лишь того, кто справедлив,
Кто вечен, мирозданье сотворив.

Вы сердцем уповайте лишь на бога,
Он помощь подает, он судит строго.

Всем подданным, всем жителям страны,
Что будут мне покорны и верны,

Окажем множество благодеяний,
Гнев и корысть искореним в Иране.

А тот, кто станет нарушать закон,
Наказан будет мной и осужден.

А если мощь от бога мы получим
И нам судьба поможет стать могучим,

То милости умножим мы стократ, —
Да люди славят нас, благодарят!»

Услышав это царское воззванье,
Иран пришел в восторг и ликованье.

Как только стала власть царя крепка,
Поникла перед радостью тоска.

Занятия царя, его забота —
Пиры и скачки, игры и охота.

РАССКАЗ О БАХРАМЕ ГУРЕ И О ЛАМБАКЕ-ВОДОНОСЕ

Со свитой царь отправился на лов:
Решил он поохотиться на львов.

Явился старец с посохом к владыке,
Сказал: «Богобоязненный, великий!

О двух мужах уста мои гласят:
Один из них бедняк, другой — богат.

Казны, добра не счесть у богатея,
У Барахама, хитрого еврея.

Гостеприимен водонос Ламбак,
Любезен, благороден сей бедняк».

«Но кто они? — спросил глава державы, —
О чем толкует старец седоглавый?»

Один из приближенных молвил так:
«О славный шах, известен мне Ламбак.

Он водонос, и продает он воду.
Гостеприимством нравится народу.

Полдня он возит воду, а потом
Гостей он ищет и приводит в дом.

Он все проест, что заработать сможет,
И ничего на завтра не отложит.

Живет иначе Барахам-хитрец,
Еврей презренный, выжига-скупец.

Есть у него дирхемы и динары,
Ковры, каменья, всякие товары».

Сказал Бахрам глашатаю: «Тотчас
Базару объяви ты мой приказ:

«Шах запрещает от утра до мрака
Пить воду, купленную у Ламбака!»

Так пребывал он до заката дня,
Потом погнал летучего коня.

Приехал шах к жилищу водоноса
И, в дверь стуча, вскричал громкоголосо:

«Я — всадник, в нашем войске я в чести.
Настала ночь, и сбился я с пути.

Ты человечность и добро проявишь,
Коль на ночь у себя меня оставишь».

Ламбак услышал ласковую речь, —
И гость сумел к себе его привлечь.

«Входи скорей, о всадник, — он ответил, —
Желаю, чтобы шах тебя отметил!

Пришло бы десять воинов с тобой, —
Я стал бы с наслажденьем их слугой».

Шах спешился. Такой прием случаен?
Стал за конем ухаживать хозяин.

Коня он вытер, труд свой не ценя,
Набросил недоуздок на коня.

Затем он позаботился о госте:
Ему он подал шахматы из кости.

Еду готовить начал водонос,
И блюда разные он преподнес.

Сказал Бахраму: «Гость в моем жилище,
Ты пешки отложи, отведай пищи».

Поели — а еда была сытна, —
Пришел хозяин с чашею вина.

Бахрам дивился этому радушью,
Гостеприимству и великодушью.

Всю ночь проспал, не раскрывая глаз,
И услыхал, проснувшись в ранний час, —

Ламбак сказал: «Без корму конь остался,
Весь день скакал, а ночью не питался.

Не уезжай сегодня, я прошу,
Друзей, чтоб не скучал ты, приглашу.

Все принесу тебе, служа сердечно,
Со мною день ты проведешь беспечно».

В ответ Бахрам-властитель произнес:
«Сегодня я не занят, водонос!»

Ламбак пошел, взяв бурдюки с водою, —
Не продал ничего, гоним нуждою!

Рубаху снял с себя сей муж простой,
Потом достал один бурдюк пустой,

Их продал на базаре без лукавства,
Принес он мясо и другие яства.

Он сетовал: «Заждался гость!» Спеша,
Пришел домой, сварил он калуша.

Сварил; поели, радуясь обеду,
И за вином продолжили беседу.

Из чаши пил властитель допоздна
С тем бедняком — любителем вина.

Когда сменился мрак ночной рассветом,
К Бахраму водонос вошел с приветом:

«Будь весел ночью, весел ясным днем,
Не ведай о мучении земном.

Побудь и этот день в моем жилище:
Богаче я с тобой, светлей и чище».

«И в третий день дано да будет нам
Повеселиться», — отвечал Бахрам.

«Будь счастлив!» — молвил водонос владыке,
Великую хвалу вознес владыке.

Пошел и заложил два бурдюка
И свой передник у ростовщика.

Все нужное купил, и расплатился,
И весело к Бахраму возвратился.

Сказал: «Вставай, начнем свои труды,
Знай, что растет мужчина от еды!»

Стал быстро мясо резать царь державы,
Поставил на огонь, достал приправы.

Поели, чаши подняли с вином,
За шаханшаха выпили вдвоем.

Постель для гостя постелив с любовью,
Ламбак свечу поставил к изголовью.

Пришел четвертый день, взошла заря
И разбудила славного царя.

Ламбак сказал: «О всадник! В тесном, темном,
Три дня ты пожил в этом доме скромном.

Конечно, здесь ты отдохнуть не смог,
Но если шах к тебе не будет строг,

В жилище бедном, на плохой постели,
Еще со мною две побудь недели».

Бахрам ему сказал слова любви:
«Десятилетья радостно живи!

Три дня с тобой мы жили без печали,
Старинных миродержцев вспоминали.

Где нужно, расскажу я о тебе,
Я позабочусь о твоей судьбе.

Твое гостеприимство — плодотворно,
Богатство, честь добудешь ты, бесспорно».

С весельем сел на скакуна Бахрам,
Помчался на охоту по горам.

До самой ночи он скакал со свитой,
А ночью царь уехал знаменитый.

РАССКАЗ О БАХРАМЕ ГУРЕ И О ЕВРЕЕ БАРАХАМЕ

Погнал Бахрам, — а ночь была темна, —
К жилищу Барахама скакуна.

В дверь постучал: «С охоты прискакал я,
От свиты государевой отстал я.

Настала ночь, а сбился я с пути,
Царя и свиту не могу найти.

Приют мне на ночь нужен, отдых краткий,
Хозяев не нарушу я порядки».

Служитель к Барахаму поспешил
И просьбу незнакомца изложил.

А Барахам: «Поговори с ним круто,
Мол, в этом доме нет ему приюта».

Пришел слуга: «Узнай, о человек,
Что здесь ты стать не можешь на ночлег».

А царь: «Ответ поведай господину:
Куда же я коня отсюда двину?

Прошу себе ночлега и коню,
Убытка я тебе не причиню».

Пошел служитель к Барахаму снова,
Ответ поведал путника ночного:

«Уйти не хочет он, стучится в дверь,
Не знаю, что сказать ему теперь».

А Барахам: «Скажи: В сыром жилище
Живет еврей — голодный, жалкий, нищий,

Не знает об уюте и тепле,
Не ест, не пьет, на голой спит земле».

Бахрам ответил: «Если мне откажут,
Приюта в этом доме не окажут,

То у дверей засну я трудным сном,
Не буду в тягость, не войду я в дом».

Ответил Барахам: «О славный воин,
От слов твоих я огорчен, расстроен.

Заснешь — тебя ограбит вор ночной,
А скажут все, что я тому виной.

Войди в мой дом, поскольку ночь сурова
И у тебя нет выхода другого.

Не требуй ничего: я не припас
И савана, чтоб встретить смертный час!

Помочится твой конь, иль испражнится,
Иль стойло разобьет, не смей лениться:

Желаю, чтобы вымел ты навоз
И в поле испражнения отнес,

А мне заплатишь за кирпич разбитый.
Входи же, воин шаха, и поспи ты».

Сказал Бахрам: «Согласие даю,
Закладываю голову свою».

Войдя к еврею, обнажил кинжал он,
И поводом гнедого привязал он,

И лег, и растянулся на земле,
И голова и шея — на седле.

Хозяин запер двери в час полночный
И принялся за ужин, сытный, сочный.

Затем сказал: «Послушай, человек,
Запомни эту заповедь навек:

«Имущий ест, — так мир устроен сущий,
И, не имея, смотрит неимущий».

Ответствовал Бахрам: «Из древних книг
Та заповедь, и я ее постиг.

Теперь ее увидел я воочью, —
Когда вот здесь поужинал ты ночью».

Поев, себе вина принес еврей,
Он сделался от хмеля веселей.

«О всадник, — он воскликнул, — возликую,
Когда запомнишь заповедь другую:

«В душе имущего — всегда покой,
Дирхемы служат для него броней.

У тех, кто не имеет, — губы сухи,
Как у тебя, что болен с голодухи».

А шах: «Запомню заповедь, поверь,
В ее словах я убежден теперь.

Коль жизнь твоя от хмеля станет краше, —
Благословенье пьющему и чаше!»

Лишь солнце обнажило свой кинжал,
Сон от Бахрама сразу убежал.

Оседлан был седлом скакун голодный.
Седлом? О нет, подстилкою холодной!

Тут Барахам вскричал: «Ты слишком скор,
Эй, всадник, ты нарушил договор!

Навоз коня, что увлажнен мочою,
Ты обещал мне вымести метлою.

Так вымети и вынеси навоз:
Ты обещал мне, — слово произнес!»

Сказал властитель: «Дай распоряженье,
Чтоб твой служитель вынес испражненье.

Я золотом за это заплачу, —
Во всем я подчиняюсь богачу».

«Нет у меня, — сказал купец Бахраму, —
Слуги, чтобы навоз он сбросил в яму,

Чтобы подмел и вычистил мой двор.
Будь честен, соблюдай наш договор!»

Бахрам сердился, тем словам внимая,
Но мысль ему пришла на ум иная.

Был у него засунут за сапог
Благоухавший мускусом платок.

Навоз он вымел тем платком атласным
И в яму сбросил с тем платком прекрасным.

Но, подбежав, платок схватил скупец:
Весьма Бахрама удивил купец!

Сказал он скряге: «Если царь державный
Узнает, как ты щедр, о благонравный,

Ты обретешь богатство и почет,
Наш царь тебя над знатью вознесет».

БАХРАМ ГУР ДАРИТ СОКРОВИЩА БАРАХАМА ЛАМБАКУ

Бахрам помчался к своему чертогу,
В раздумье погруженный всю дорогу.

Всю ночь не спал, но прятал ото всех
И помыслы свои, и светлый смех.

Воссел он утром на престоле славы,
И воинства к нему явились главы.

Шах повелел, чтобы пришел Ламбак.
С руками на груди пришел бедняк.

Позвал и Барахама-богатея,
Злонравного, презренного еврея.

Вот привели обоих в тронный зал.
Мобеда честного Бахрам позвал.

Сказал Бахрам: «Твоя стезя — прямая,
Возьми коней и, честность соблюдая,

Ступай немедля к Барахаму в дом,
Все принеси мне, что найдешь ты в нем».

Отправился безгрешный в дом еврея,
Застыл, перед богатствами немея:

Там золото, ковры, шелка, меха,
Сосуды, одеяний вороха.

Вещей на караван хватило б целый, —
Жилища были б тесны им пределы!

Там столько яхонтов и жемчугов,
На кошельках венцы взамен замков!

Не счесть мобеду с золотом сосудов,
Пригнать велел он тысячу верблюдов.

Сокровища навьючив наконец,
Велел он их отправить во дворец.

«Войди!» — мобед услышал повеленье,
Вошел и молвил шаху в изумленье:

«В казне владыки нет таких щедрот,
Харваров здесь не менее двухсот».

Бахрам подумал, взорами сверкая:
«О боже, алчность какова людская!

Как много денег скряга накопил,
Но для какого блага накопил?»

Он сто верблюдов с золотом, деньгами,
С коврами, серебром и жемчугами

Ламбаку подарил, и водонос
Пошел к себе, сокровища увез.

Затем позвал властитель Барахама:
«Скупец, копивший золото упрямо!

Ты плакал: ничего, мол, не сберег, —
А так ли жил, скажи мне, ваш пророк?

Ко мне явился всадник на рассвете,
О стародавнем сообщил завете:

«Тот, у кого все есть, — и должен есть,
А кто лишен всего, — не должен цвесть».

Теперь, скупец, живя в нужде, с обидой,
Ты водоносу щедрому завидуй».

Он о платке, навозе, кирпиче
Напомнил, вызвав трепет в богаче.

Дал пять дирхемов мужу синагоги:
«Вот все твое добро — и прочь с дороги!

Ты большего не заслужил: раздам
Твои дирхемы нищим, беднякам».

Шах роздал деньги, бедным сострадая,
Лишен всего, ушел еврей, рыдая:

Не он — другие, чья душа щедра,
Заслуживали злата, серебра.

РАССКАЗ О БАХРАМЕ ГУРЕ И О МИХР-БИНДАДЕ

Царь пожелал, смеясь, прогнать заботу,
С гепардами поехать на охоту.

Погнал коня, а сокол — на руке.
Безлюдно и вблизи и вдалеке.

Пред ним предстал внезапно лес зеленый,
Приют отрады, солнцем озаренный.

Казалось, это райские места,
Ни пастухов не видно, ни скота.

Подумал шах: «Здесь львы живут, наверно,
Здесь встретишь храбрецов, чья мощь безмерна!»

Властитель мира стал кружить в лесу,
Оглядывая дикую красу.

Нежданно льва Бахрам увидел в чаще,
И сразу обнажил он меч разящий.

Он закричал, помчась навстречу льву,
Натягивая лука тетиву.

Стрела взвилась, чтоб в сердце льва вонзиться.
Упал самец — и овдовела львица.

Тогда, встав на дыбы, разъярена,
На шаха с ревом бросилась она.

Но шах ее рассек в одно мгновенье,
Так львица потерпела пораженье.

Тут вышел древний муж из-за куста,
Смеялись ласково его уста.

Тому седому старцу, Михр-Биндаду,
Победа шаха принесла отраду.

То был дихкан, он чтил творца владык,
Недалеко от леса жил старик.

Он подошел к властителю с поклоном,
Восславил шаха словом умиленным:

«О славный князь, — воскликнул муж седой, —
Вовек владей счастливою звездой!

Дихкан я, о неведомый пришелец,
Я этих нив, садов, жилищ владелец.

Владелец я быков, ослов, овец,
Но львы меня измучили вконец.

Теперь всевышний длань твою направил,
Мечом от бедствий ты меня избавил.

Ты отдохни, ты посиди в лесу,
Тебе вина и меду принесу.

Есть у меня овец бессчетных стадо,
Плодов немало на деревьях сада».

Сошел с коня владеющий страной,
Дивился долго прелести лесной.

Ручьи звенели, зелень трепетала,
Здесь молодость, казалось, обитала!

Вот из деревни Михр-Биндад пришел,
Старейшин, музыкантов он привел.

Зарезать он велел баранов жирных, —
Пришла пора для пирований мирных.

Наелся шах, а старец преподнес
Вино в сосудах и охапки роз.

Пил властелин, и старец пил из чаши,
Стремясь, чтоб день казался гостю краше.

Разгорячен вином, сказал старик:
«Мой гость, как вестник счастья ты возник!

На шаханшаха ты похож величьем,
На полумесяц ты похож обличьем!»

«Да, может быть, — сказал Бахрам. — Творцом
Изваяны мы все, его резцом.

Он так творит, как хочет мысль благая,
Не расширяя и не сокращая.

А если так подобен я царю,
То этот лес и край тебе дарю».

Сказал он и погнал коня отселе,
В свой сад цветущий прибыл он в веселье.

Судьба ему отраду принесла,
А приключеньям не было числа.

РАССКАЗ О БАХРАМЕ ГУРЕ И О КАБРУЕ И О ТОМ, КАК БАХРАМ ЗАПРЕТИЛ ПИТЬ ВИНО

Шах попросил вина, проснувшись рано.
Пришли к нему воители Ирана.

Явился некий знатный муж: привез
Он множество плодов, душистых роз,

Привез он из деревни дар богатый:
То были яблоки, айва, гранаты.

Бахрам приветил нового слугу,
В знатнейшем усадил его кругу.

Уселся тот, поклон отвесив низкий,
Кабруем звался он по-пехлевийски.

Он счастлив был, увидев поутру
Царя и воинов на том пиру.

Вино в хрустальной чаше запылало, —
Вскипело сердце, хмеля возжелало.

«О шах, — сказал он, — милость мне даруй.
Люблю вино. Зовут меня Кабруй».

Вино он выпил перед господином,
Он чашу духом осушил единым.

Затем он осушил семь чаш подряд.
Всех пьяниц посрамил он, говорят!

С царем простившись, вышел он из зала,
Но верх над ним вино — он понял — взяло.

Из города погнал он в степь коня:
Вино пылало в нем сильней огня!

Он отделился от других и вскоре
Увидел благодатное предгорье.

Сошел с коня, прилег, едва живой,
У дерева заснул он под листвой.

Тут ворон прилетел, чернее ночи,
И выклевал бесчувственному очи.

Другие, прискакав на горный склон,
Увидели: то был последний сон.

Заплакали в смятении, в испуге, —
Вино и пьянство проклинали слуги.

Когда Бахрам проснулся, во дворец
Вошел доброжелатель и мудрец.

Сказал: «Кабруй заснул в тиши предгорной,
Глаза Кабруя вырвал ворон черный!»

Был потрясен Бахрам, познал печаль.
Увы, ему Кабруя стало жаль.

Он тут же огласил дворец приказом:
«О гордые мужи, чей славен разум!

Умельцам или витязям, — равно
Отныне запрещаю пить вино».

РАССКАЗ О ЮНОМ САПОЖНИКЕ, О ЛЬВЕ И О ТОМ, КАК БАХРАМ РАЗРЕШИЛ ПИТЬ ВИНО

Так целый год прошел с того событья,
Не ведали в Иране винопитья,

А если шах сзывал на пир гостей,
То лишь для звуков древних повестей.

Но вот сапожник, юный и влюбленный,
Взял девушку зажиточную в жены,

Однако не справлялся с тем трудом.
Скорбела мать о сыне молодом.

Она вина припрятала немного.
Сынка позвав к себе, сказала строго:

«Семь полных чаш, мой сын, ты осуши, —
Исполнится мечта твоей души.

Рудник хорош, но рудокоп, не скрою,
Работает не войлочной киркою!»

Испил, — окрепли силы у него,
Сильнее стали жилы у него!

Он осмелел, прошла его истома,
Вошел, отверстье сделал в двери дома.

Был труд ему приятен, не тяжел,
И радостный он к матери пошел.

Меж тем дрожали улицы от страха:
Покинул грозный лев зверинец шаха.

Сапожник пьян, все тленно для него,
И море по колено для него!

Вскочил на льва, в свою победу веря,
Вскочил и за уши схватил он зверя.

Был сыт в то время этот лев-беглец,
Он — снизу, сверху — молодой храбрец.

Меж тем служитель, взяв аркан и путы,
Стремглав бежал, ища, где хищник лютый.

И что же? Видит чудо на земле:
Смельчак сидит на льве, как на осле!

Слуга явился во дворец и смело
Бахраму рассказал про это дело,

О чуде рассказал, что видел сам,
С трудом поверив собственным глазам.

Был удивлен Бахрам таким рассказом,
Призвал мобедов, чей известен разум,

Сказал: «Узнайте, от кого свой род
Сапожник этот молодой ведет, —

Наверно, витязями были предки,
Что ж, подвиги для витязей не редки!»

Пошли, нашли и допросили мать,
Надеясь храбрость в знатности признать.

И мать, конца не видя разговорам,
Предстать решила перед царским взором.

Сперва хвалу Бахраму вознесла:
«Живи, не зная дням своим числа!

Мой сын женился, мальчик неумелый,
Он стал хозяином, еще незрелый:

Тростиночка для дела не годна.
«Как слабость устранить?» — скорбит жена.

Вино ему дала я наудачу, —
Никто не ведал, что вино я прячу.

Зарделся лик его, окрепла трость,
Безвольный войлок превратился в кость.

Отец его — сапожник, дед — сапожник,
О всех спроси — один ответ: сапожник!

Лишь тем он знатен, что испил вина.
Прости, о шах, на мне лежит вина».

Властитель рассмеялся: «Повсеместно
Да станет эта повесть всем известна!»

Мобеду он сказал: «Пусть пьют вино,
Оно дозволено, разрешено.

Пусть столько пьют, чтобы, на льва воссев,
Скакали — и не сбрасывал их лев!»

Воскликнул шах, чьи доблестны деянья:
«Вельможи в златотканом одеянье!

Вы пейте в меру. Хмелем зажжены,
Вы думать о последствиях должны.

Вы после пира вовремя засните,
Иначе вред себе вы причините».

РАССКАЗ О ТОМ, КАК МОБЕД БАХРАМА РАЗОРИЛ СЕЛЕНИЕ И ПОТОМ ВНОВЬ ЕГО БЛАГОУСТРОИЛ

В сопровождении богатырей
Поехал на охоту царь царей.

Хормозд, начальник, слева был, а справа —
Мобед, чье сердце чисто, величаво.

Скакал Бахрам, внимал седым мужам,
В их сказах жили Фаридун и Джам.

Пред ним — луга, ложбины, буераки,
Пред ним — гепарды, кречеты, собаки.

Жара, — скорей уехать бы отсель, —
Хоть бы один онагр, одна газель!

Царь изнемог, был душен день и зноен,
С охоты возвращался он, расстроен,

Как вдруг зеленый видит он приют:
Счастливо, видно, люди здесь живут!

Охотников увидев в отдаленье,
Навстречу выбежало все селенье.

Бахрама утомил тяжелый путь,
Хотел он в той деревне отдохнуть.

Но были глупы жители селенья,
Властителю не вознесли хваленья.

Разгневался на земледельцев шах,
На них не глянул с милостью в очах.

Сказал мобеду: «Их не надо трогать,
Но пусть течет у них в арыках деготь,

Пусть вместо человечьего жилья
Здесь мы увидим логово зверья!»

Уразумев приказ владыки строгий,
Мобед к домам направился с дороги,

Сказал крестьянам: «Дивный здесь приют,
Стада пестреют, и сады цветут.

Пришлось царю по нраву место ваше,
Он хочет, чтоб еще вы жили краше.

Вас всех он хочет превратить в господ,
Деревню — в город. Вы, простой народ, —

Все господа — и женщины и дети,
Вы не подвластны никому на свете.

Поденщик жалкий, важный старшина, —
Отныне ваша доля сравнена.

Все господа — и жены и мужчины,
Нет подчиненных, все теперь — старшины!»

Возликовали жители тогда:
Отныне все в деревне — господа!

Все уравнялись — и мужья и жены,
Стал равен старшине слуга поденный.

В деревне стала молодежь дерзка
И старшину убила — старика.

С мечами друг на друга шли мужчины,
И кровь лилась повсюду без причины.

На деда внук пошел, и мать — на дочь,
Кто жить хотел, бежал оттуда прочь.

Остались только старцы и калеки,
Казалось, прекратился труд навеки.

Поля заглохли, высохли сады,
В арыках больше не было воды.

Замолкли все жилища до едина:
И люди убежали и скотина.

Вот минул год, пришла пора весны.
Поехал на охоту царь страны.

Он к тем местам цветущим прибыл вскоре, —
Но всюду запустенье, дикость, горе.

Поля заглохли, высохла листва,
Ни одного живого существа!

Лицо Бахрама горестью затмилось,
Увидел он всевышнего немилость.

Мобеду он сказал: «Гляди, Рузбех,
Крестьяне разорились, жаль мне всех.

Сады, дома разорены в селенье, —
Восстанови за счет казны селенье!»

К жилищам, развалившимся от бед,
По слову шаха поскакал мобед.

Объездил все дома и все кварталы,
Предстал пред ним старик, больной, усталый.

Сойдя с коня, произнеся привет,
Седого старца обласкал мобед.

Спросил: «Скажи мне, муж, годами древний,
Кто разорение принес деревне?»

Старик ему ответил: «В некий час
Державный шах проехал мимо нас.

Примчался к людям, отделясь от свиты,
Мобед — неумный, злой, хоть родовитый.

Он так сказал нам: «Все вы — господа,
Над вами нет ни права, ни суда.

Равны подростки, женщины, мужчины,
Вы все — над господами властелины».

Безумны стали жены и мужи.
Пошли убийства, драки, грабежи.

Мобеду я желаю божьей кары,
Да поразят его судьбы удары!

В деревне хуже худшего дела,
Не знаю, как избавимся от зла!»

Взглянув на старца ласковей, душевней,
Спросил мобед: «Кто старший над деревней?»

А тот: «Лишь там бывает старшина,
Где в поле плодоносят семена».

Рузбех ответил: «Кончилось унынье,
Ты старшиной деревни будь отныне!

Быков, баранов из казны проси.
Советы, может быть, нужны? Проси!

Бездельников казни ты, как владелец:
Тебе да подчинится земледелец!

А тот мобед... Его не надо клясть,
Пойми, была над ним чужая власть.

Тебе нужны помощники? Динары?
Проси что хочешь, мудрый, строгий, старый».

Те речи оживили старика,
Ушла, растаяла его тоска.

Направился глава деревни к дому,
Всех жителей созвал он к водоему.

Велел он обрабатывать поля, —
Да будет снова вспахана земля!

Он у соседей взял волов тяжелых, —
Все оживилось на лугах и в долах.

Он с земледельцами делил труды, —
Повсюду вскоре выросли сады.

Как только часть деревни возродилась,
В людских сердцах отрада утвердилась.

Все, кто бежал, скитаясь вдалеке,
Кто на чужбине слезы лил в тоске,

Услышав о жилищах возрожденных,
О тех полях, заботой огражденных, —

Со всех сторон направились домой,
Восстановить желая край родной.

И вот земля украшена садами,
И птицами, и тучными стадами,

Стал плодородным разоренный край, —
Чудесный, солнцем озаренный рай!

Прошло три года — не узнать селенья:
Всех жителей исполнились стремленья...

Опять весной поля оживлены.
Поехал на охоту царь страны.

С Бахрамом был Рузбех, добром влекомый.
Едва к деревне прибыли знакомой,

Увидел шах, что стало веселей
От шумных стад и радостных полей.

Здесь новые дома, порядок новый,
По всей деревне — тучные коровы,

В арыках не смолкает шум воды,
Повсюду — нивы, гумна и сады.

Да, это рай! В степях цветут тюльпаны,
В горах пасутся овцы и бараны.

«Рузбех, скажи мне, — шах проговорил, —
Как ты деревню эту разорил?

Все люди устремились прочь отсюда, —
Как возродил ты край? Как сделал чудо?»

А тот: «Я слово произнес одно,
И разорило древний край оно.

Будь счастлив шах! От одного лишь слова
Цветущим это место стало снова.

«Ты разори, — велел мне царь царей, —
Деревню, земледельцев не жалей!»

Но трепет я почувствовал пред богом,
Слова я вспомнил о возмездье строгом.

Я понял: та душа обречена,
В которой двойственность заключена.

Я понял: та держава разорится,
Где два царя замыслят воцариться.

Тогда я подал жителям совет.
Сказал: «Теперь господ над вами нет.

Детей и жен к мужчинам приравняем,
К старшинам — слуг, старательных — к лентяям».

Лишь превратился весь народ в господ,
Как всех господ поубивал народ.

Цветущее селенье опустело, —
Да бог меня простит за это дело!

Но сжалился над ними шах благой,
Пришел я к ним и путь открыл другой,

Над ними старца мудрого поставил,
Который прозорливо их возглавил.

Сердца привлек он силою ума,
Он превратил развалины в дома.

Один стал господином надо всеми, —
Взошло добра спасительное семя.

Сначала им открыл я ложный путь,
Потом — божественный, надежный путь.

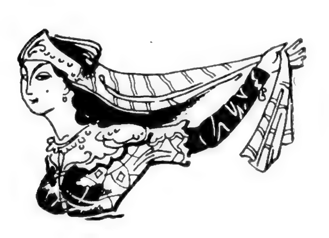
И жемчугов, и трона золотого
Ценней разумно сказанное слово.

Отраду мира только тот постиг,
Чей разум — царь и богатырь — язык».

Бахрам воскликнул: «Ты венца достоин,
Рузбех, ты званья мудреца достоин!»

Дела мобеда увенчал успех.
Дары от шаха получил Рузбех.

Мобед вознесся, награжденный златом
И царственным блистающим халатом.

РАССКАЗ О БАХРАМЕ ГУРЕ И О ЧЕТЫРЕХ СЕСТРАХ

Прошло семь дней. С вельможами опять
Шах пожелал на ловлю поскакать.

Весь месяц на охоте пребывал он,
Со всадниками шумно пировал он.

Он мчался по степям и по горам, —
Охотою пресытился Бахрам.

Он прибыл в область дальнюю со свитой.
Весь мир темнеет, сумраком обвитый.

Несутся витязи, взметая прах,
Внимая сказам о былых царях.

Большой костер увидели нежданно, —
Быть может, это пиршество Бахмана?

Но дальше поскакал глава земли,
Увидел он селение вдали.

Вот мельница виднеется отселе,
Пред нею в круг старейшины воссели,

Вот девушки приблизились к костру,
Подобны украшеньям на пиру.

В венках из роз, они прекрасны, юны,
Звенят и очаровывают струны,

Поют о том, что царь силен, как лев,
И за напевом следует напев.

Певицы лунолики, тонкостанны,
Подобно мускусу благоуханны.

Пред мельницею выстроившись в ряд,
Цветы вздымая, юноши стоят.

Они уже опьянены отчасти:
Их опьяняют и вино и счастье.

Взвилась внезапно песня к небесам.
Одна запела: «Славен шах Бахрам!

Он обладатель божьей благодати,
Прекрасного лица и царской стати.

Он мускусом своих волос пьянит,
Вино как бы течет с его ланит.

Он Гуром прозывается недаром: *
Онагров-гуров он разит ударом!»

Услышав эту песню, царь царей
К красавицам примчался поскорей.

От края местность оглядел до края.
Пылал костер, пространство озаряя.

Блистали луноликие вокруг,
Степь расцвела от красоты подруг.

К ним кравчих повелел Бахрам направить
И прямо на пути вино поставить.

Подруги подошли к царю земли,
Им чаши кравчие преподнесли.

Тут выступили, не затмив друг друга,
Четыре наилучшие из круга:

Одна — Мушкназ, другая — Мушканак,
Еще — Назйаб, за нею — Савсанак.

Пленительны, стройны, весеннелики,
Они с цветами подошли к владыке,

Запели о Бахраме вчетвером —
О властелине, взысканном добром.

В своей душе почуяв трепет страстный,
У девушек спросил охотник властный:

«О, кто вы, что похожи на сестер?
Зачем вы ночью разожгли костер?»

Одна сказала: «Господин пригожий,
На государя обликом похожий!

Отец наш — мельник. Под горой — наш дом.
Здесь много дичи водится кругом.

Отец годами стар и слаб глазами,
И для него мы зажигаем пламя».

Неся свои охотничьи дары,
Старик сошел с соседями с горы.

Бахрама увидав, объятый страхом,
Лицом он вытер землю перед шахом.

Шах подал старцу кубок золотой:
Понравился ему старик седой.

Спросил: «Зачем красавиц в доме прячешь?
Пора им замуж. Скоро ль день назначишь?»

Ответил уроженец этих мест:
«Нет женихов для четырех невест.

Уже их возраст наступил счастливый,
Они безгрешны, девственны, красивы,

Но только нет приданого у них,
Нет золота желанного у них».

Шах молвил, их красой обвороженный:
«Отец, всех четырех беру я в жены».

Сказал старик, блиставший сединой:
«О всадник, ты не смейся надо мной,

Нет у меня добра, скажу по чести,
Нет серебра, волов, ослов, поместий».

А шах: «Мне их богатства не нужны,
Мне лишь четыре надобны жены».

Сказал старик: «Живи ты с ними в мире,
Они — твои служанки, все четыре.

Увидел их, избрал, одобрил ты
Плохие и хорошие черты».

Сказал Бахрам: «Нужды не ведай боле,
Всех четырех беру по божьей воле».

Он встал, взглянул на четырех сестер, —
И огласился кликами простор.

Велел прислужникам сестер отправить;
В свои покои девушек доставить...

Все возрастало воинов число,
Всю ночь степной равниной войско шло.

Не спал старик, прислушиваясь к шуму,
Одну все время мельник думал думу.

Сказал жене: «Богатый, знатный муж, —
Как он заехал ночью в нашу глушь?»

Ответила жена, вздохнув глубоко:
«Костер увидел всадник издалёка.

Сошел с коня, остановился тут,
Послушал он, как девушки поют».

Сказал ей мельник: «Что-то сердце гложет,
Но успокоишь ты меня, быть может,

Когда подашь надежду иль совет».
«Он послан богом, — был ее ответ. —

Вельможа не спросил о нашем роде,
Не домогался денег и угодий,

Не дочь царя, не царская казна, —
Красавица была ему нужна.

На наших дочерей язычник взглянет, —
Кумирам поклоняться перестанет!»

Мир, как светильник, засверкал: взошла
Заря из-за вороньего крыла.

Беседовали старики о многом —
О бедности, о поведенье строгом...

Пришел, прервал беседу старшина.
«Мой друг!» — сказал соседу старшина, —

Живи отныне, счастьем окрыленный:
Старик, твой гость ночной — побег зеленый.

Он прискакал сюда во весь опор,
Когда увидел празднество, костер.

Отныне дочери твои четыре
В его покоях пребывают в мире.

Узнай, о мельник: для царя царей
Взрастил ты непорочных дочерей.

Державный шах Бахрам — твой зять отныне,
Тебя повсюду будут знать отныне.

Тебе в удел он отдал этот край,
Владей землей, царя благословляй.

Теперь ты стал главою всей округи.
Да что главой! Ты — господин, мы — слуги.

Приказывай, на то — твои права,
Должны мы исполнять твои слова».

Та речь была диковинной для слуха.
Взмолились богу мельник и старуха.

А старшина: «Сошел с небес жених,
Увидев прелесть дочерей твоих!»

РАССКАЗ О ТОМ, КАК БАХРАМ ГУР НАШЕЛ КЛАД ЦАРЯ ДЖАМШИДА

Бойцы, мобеды на другой неделе
С Бахрамом на охоту полетели.

Увидели вельможи старика, —
Сжимала посох крепкая рука.

Спросил мобедов старец седоглавый:
«Где шах Бахрам? Мне нужен царь державы».

А те: «Что надо? Говори, старик, —
Тебе нельзя взглянуть на царский лик».

Сказал старик: «Ищу с Бахрамом встречи,
Без шаханшаха не начну я речи».

Решили: «Пусть предстанет пред царем
Проситель, ибо он пришел с добром».

Сказал владыке муж необычайный:
«К тебе пришел я для беседы тайной».

Тогда Бахрам, молчание храня,
От войска в сторону погнал коня.

Старик промолвил: «На меня взгляни-ка,
Прислушайся к моим словам, владыка.

Шах, я — дихкан, владелец этих мест.
Здесь все мое, что видишь ты окрест.

Я поливал водой свои угодья,
Чтоб от земли добиться плодородья.

Вдруг слышу я: вода шумит, бурля, —
Явила мне отверстие земля.

Неясный гул как будто шел из праха,
И я тогда затрепетал от страха.

Почудилось: кимвалов звон звенит
Из-под воды, что клад в земле зарыт».

Услышав тот рассказ, прямой и точный,
Бахрам отъехал в степь, к воде проточной,

И отдал он служителям приказ,
Чтоб землекопов привели тотчас.

Сошел с коня властитель благородный,
Разбили для него шатер походный.

Настала ночь, и воины пришли,
В степи костры, светильники зажгли.

Вот солнце сбросило свои покровы, —
Казалось, что обточен день лиловый.

Работники пошли со всех сторон, —
Казалось, целым войском прах взметен!

Работали упорно и упрямо, —
Где было ровно, там зияла яма!

Устали от рытья, когда в земле
Возникло что-то, что сродни скале.

Но то был дом! Кирпич виднелся жженый,
Был крепок камень, известью скрепленный.

По кирпичам кирками, в глубине,
Ударили — и дверь нашли в стене.

Вошел в ту дверь, пройдя по дну прокопа,
Мобед в сопровожденье землекопа.

Их изумленным взорам вдруг предстал
Высокий, длинный и просторный зал.

Два золотых быка склоняли выи,
Пред ними — ясли, тоже золотые.

Что в яслях ослепительно блестит?
Полно каменьев — яхонт, хризолит!

Как у Тельца, сверкают чрева бычьи,
Там яблоки, айва, — не счесть добычи.

Жемчужины в плодах заключены,
Им нет цены: такой величины!

Состарились быки в земных глубинах,
Печаль виднелась в их глазах-рубинах.

Онагры, львы легли вокруг быков,
Глаза — из яхонтов и жемчугов!

Златые здесь фазаны и павлины,
Их очи — яхонт и хрусталь старинный.

Когда мобед увидел этот клад,
Он побежал к властителю назад,

Сказал царю: «Вставай, со счастьем дружен,
Затем, что клад несметный обнаружен.

Мы дом нашли, где множество щедрот,
Был сторожем сокровищ небосвод».

Сказал Бахрам: «Кто клад в земле запрячет,
Там и свое прозванье обозначит.

Ступай узнай, кем был богатый муж,
В земле его ты имя обнаружь».

Сошел, глазами посмотрел своими,
Увидел на быках Джамшида имя.

Сказал, вернувшись: «Буквы там гласят:
Принадлежал Джамшиду этот клад».

Бахрам ответил: «О глава мобедов,
Познал ты счастье, суть вещей изведав!

К чему мне клад, который здесь лежит,
Которым некогда владел Джамшид?

Пока я царь, лишь то ценить я буду,
Что силой правосудия добуду.

Достойным этот клад раздай, мобед,
Богатства не возьму, душе во вред.

Понадобится нам казна иль слава, —
Добудем с помощью меча и права.

А войску эта ни к чему казна:
Для подвигов земля нам не тесна.

Придерживаясь древнего порядка,
Все сосчитай каменья без остатка,

Продай за золото и серебро
И сотвори немедленно добро:

Вдов и сирот, чей жребий так печален,
Ты собери из хижин и развалин,

Всех сосчитай ты страждущих людей,
Всех утешенья жаждущих людей,

Кого гнетут несчастье и обида, —
Их одари динарами Джамшида.

А я, пока еще я жив, здоров,
Не стану домогаться тех даров.

Того, кто нам сказал про клад зарытый,
Десятой частью клада одари ты.

Кто примет от Джамшида мертвый клад,
Вовек не будет радостью богат,

А если потружусь я с войском вместе, —
Достигну славы, и богатств, и чести.

И я, и быстрый конь, и острый меч —
Лжи не боимся, не бежим от сеч!»

Затем пришел, предстал перед вратами
Казны, в поту накопленной трудами,

И воинов созвал: за целый год
Он жалованье выдал им вперед.

Затем он пиршество устроил в храме,
Велел дворец украсить жемчугами.

Вино пылало в чаше, как рубин.
Развеселясь, воскликнул властелин:

«Друзья мои, чьи мысли величавы!
Вы древних помните царей державы?

Хушанг в начале был, Ноузар — в конце,
О Фаридуне вспомним, мудреце,

Дойдем таким путем до Кей-Кубада,
Чье сердце было царской власти радо, —

Кто жив из тех мужей? Кому хвала
Звучит за справедливые дела?

Когда их унесла судьба иль старость,
Молва какая после них осталась?

Тот был безгрешен, этот — виноват,
Тот почитаем, этого бранят...

И мы уйдем — и пастухи и стадо.
Так что же делать? Зла творить не надо!

К чему мне деньги жителей могил?
К чему богатство, что не я копил?

К чему мне эта временная келья?
Трон и богатство не дают веселья!

Пристала ль мудрым скорби мрачной тень,
Коль есть хотя б один веселый день?!

Когда хоть раз один слуга мой верный,
Дихкан почтенный, подданный примерный

На мой пожалуется тяжкий гнет, —
Пусть я умру и трон мой пропадет!»

Старик Махйар внимал царю народа, —
Он жил сто шестьдесят четыре года.

Он встал, сказал: «О правосудный царь,
Мы слышали о тех, кто правил встарь,

О Фаридуне, о могучем Джаме,
О тех, кто были славными мужами.

Но не было таких, как ты, царей!
Надежда слабых, кто тебя мудрей?

Будь сердце у тебя большим, как море,
Валы б гремели на его просторе!

Ты светишь светом вестника творца,
Ты разум затмеваешь мудреца!

Ты роздал (пыли для тебя дешевле!)
Сокровища, каких не знали древле.

Джамшид был назван испокон веков
Владетелем сокровища быков.

Никто не знал, где камни, ожерелья, —
В драконьей пасти? В глуби подземелья?

Ты их нашел, но ими пренебрег,
Отвергнув мир, где властвует порок.

О, кем из смертных был бы обнаружен
На дне морском подобный клад жемчужин?

Ты отдал бедным золотых быков,
Не пожалел для них и жемчугов.

Будь счастлив, никогда не ведай зол,
Вовеки царский украшай престол.

Тебя восславят в книгах словом громким,
Твои деяния придут к потомкам».

РАССКАЗ О БАХРАМЕ ГУРЕ, КУПЦЕ И СЛУГЕ

В степях охотился однажды шах.
Он был сердит: страдал от жажды шах.

Назад поехал он, изнемогая:
Измучила его жара степная.

Пред ним — дворец какого-то купца,
Не видно было слуг у стен дворца.

Сказал купцу: «Приют мне дай на время,
И я твое не увеличу бремя».

Купец Бахраму спешиться помог,
На место указал, где тот прилег.

От боли в животе страдал владыка.
Купцу два-три дирхема дал владыка.

«Мне ядрышек миндальных, — молвил царь, —
С кусочком сыра старого поджарь».

Но миндаля у торгаша скупого
Не оказалось в доме для больного.

Он вечером пришел, сладкоголос,
И жареную курицу принес.

На скатерти ее он подал с солью.
Заговорил Бахрам, терзаем болью:

«Тебя просил я, чтоб ты мне помог, —
От боли в животе я изнемог.

Вот несколько монет. Без проволочек
Купи мне сыру старого кусочек!»

«Эй, неразумный, — отвечал купец, —
Не говори со мною, как глупец!

Не всем такую курицу приносят,
В ком совесть есть, тот большего не просит!»

Царю, которому подвластен мир,
От этой речи опротивел сыр.

О просьбе сожалея, сел за ужин,
Решил, что спор с хозяином не нужен.

На грубом ложе погрузился в сон,
Купцу ни слова не промолвил он.

Когда над миром солнце засверкало,
Когда исчезло ночи покрывало,

Скупец-богач стал упрекать слугу:
«Ты глуп, одно тебе сказать могу!

Цена той курице — дирхема ниже,
А ты, дурак, переплатил! Пойми же,

Что, поражен высокою ценой,
Был этот всадник недоволен мной.

А если бы на грош купил ты сыру,
Мы с бедным всадником пришли бы к миру».

«Он — гость, — слуга ответил богачу, —
И я за эту курицу плачу.

О курице забудь, забудь о злости,
Ты вместе с ним ко мне пожалуй в гости».

Когда Бахрам, проснувшись ото сна,
Шаги направил к стойлу скакуна,

Чтоб оседлать его и в путь пуститься,
Чтоб во дворец обратно возвратиться,

Сказал ему слуга: «Войди в мой дом,
Сегодня ты побудь с твоим рабом».

Пришел к нему Бахрам неприхотливый,
Дивился лишь его судьбе счастливой.

Яиц две сотни приобрел слуга,
И с ними к повару пришел слуга:

«Миндаль возьми, поджарь скорей, мой милый,
Ты с хлебом старый сыр нагрей, мой милый.

Он этой пищи захотел вчера, —
Пусть будет скатерть у тебя щедра».

Сказал Бахраму: «Гость в моем жилище!
Вчера как раз просил ты этой пищи,

Тебе готовы мы служить во всем,
Изысканные блюда принесем».

Пошел — и на базаре всем запасся:
Купил он курицу, баранье мясо,

Купил вино, и сахар, и миндаль, —
Для гостя денег юноше не жаль.

Достал он розовой воды, шафрана
И мускуса — и возвратился рано.

Еда была пахуча и вкусна,
Душа была у юноши ясна.

Когда был съеден тот обед сладчайший,
Принес хозяин и вино и чаши,

С охотой занялись хмельным питьем
И пребывали радостно вдвоем.

Затем сказал властитель: «Я отбуду:
Разыскивает шах меня повсюду,

А ты не удаляйся от вина,
Покуда не напьешься допьяна».

Вскочил в седло, погладил вороного,
Поехал, пьяный от вина хмельного,

Сказал купцу: «Хотя ты все продашь,
Не думай лишь о выгоде, торгаш.

Меня за грош ты прошлой ночью продал,
Бранил слугу: «Ты много денег отдал

За курицу, чтобы тебе пропасть,
Хозяина поверг в драконью пасть!»

Сказав, Бахрам отправился в дорогу,
Коня погнал он к царскому чертогу.

Когда, венцом увенчан, день взошел,
Воссел Бахрам, сияя, на престол

И приказал начальнику приема
Позвать того купца, владельца дома.

Купец явился вместе со слугой,
Один печален, радостен другой.

Шах обласкал слугу с лицом приятным,
С ним обращался, как с вельможей знатным,

Ему вручил со златом кошелек,
Простое сердце навсегда привлек.

Затем сказал купцу: «Как раб постылый,
Ты на слугу трудись вплоть до могилы,

Считай дирхемы шесть по десяти,
Два раза в месяц ты ему плати,

Пусть эти деньги на гостей он тратит,
Пусть щедрый раздает, а жадный платит».

Затем сказал мобеду: «Если шах
Не будет сведущим в людских делах,

Как он поймет, где правоты основа?
Как отличит он доброго от злого?

Кто разуму желает торжества,
Пусть примет эти мудрые слова:

«Не человек — презренный, жадный скряга,
Не будь скупым — и ты достигнешь блага».

РАССКАЗ О БАХРАМЕ ГУРЕ, О ДРАКОНЕ И О ЖЕНЕ ОГОРОДНИКА

Провел он время в обществе певцов,
И кравчих, и князей, и мудрецов.

Весна пришла, и стал душистым воздух,
Земля в тюльпанах, словно небо в звездах!

В угодьях много дичи развелось,
А в реках молоко с вином лилось.

Сплошною нитью на земле чернели
Бегущие онагры и газели.

Стал полон мускуса речной поток,
Вино — как бы гранатовый цветок.

Сказали шаху: «Вденем ногу в стремя,
Охоты на онагров нынче время».

Он так ответил: «Из мужей войны
Мне десять сотен всадников нужны.

Охотничьи гепарды, балабаны
И кречеты моей душе желанны.

Отсель в Туран мы устремим коней,
Охотиться мы будем тридцать дней».

В Туран приехал царственный ловитель,
Увидел мир — цветущую обитель.

Онагр иль серна, лань иль горный тур —
Всех убивал Бахрам, прозваньем Гур.

Два дня Бахрам и свита пировали,
С вином не расставались на привале,

Когда взошел, сверкая, третий день
И в бегство обратил ночную тень,

Когда земли раздвинулись просторы,
Как кость слоновья заблестели горы, —

Шах поскакал — и видит: разъярен,
Вздымается чудовище-дракон!

С Бахрама ростом, шерсть на голове,
А груди — как у женщины: их две!

Шах вынул стрелы, трепета не зная.
Впилась в драконью грудь стрела стальная.

Затем вонзилась в голову стрела,
И с ядом кровь оттуда потекла.

Сойдя с коня, спустился шах по склону,
Он грудь кинжалом распорол дракону, —

Там, в чреве, юноша навек застыл:
Его дракон свирепый проглотил.

Над мертвым долго плакал царь державы, —
Темно в глазах от мерзостной отравы!

Смятенный, вновь Бахрам пустился в путь,
Желая искупаться, отдохнуть.

Он прискакал в селенье под горою,
Увидел дом вечернею порою.

Вдруг женщину заметил властелин:
Лицо закрыто, на плече — кувшин.

Сказал Бахрам: «Я болен, в сердце смута,
В жилище вашем я прошу приюта».

А та: «О всадник, вместе мы войдем,
Своим считай отныне этот дом».

Во двор погнал охотник вороного,
Жена вошла, сказала мужу слово:

«Ты сена принеси да посмотри:
Нет щетки? Шерстью ты коня потри!»

Затем в порядок привела жилище,
Стал внутренний покой светлей и чище.

Подушку и циновку принесла.
«О всадник, — молвила, — тебе хвала!»

Пришла с водой, радушье обнаружа,
При этом шепотом бранила мужа:

«Ты не умеешь принимать людей,
Стоишь без дела, старый дуралей!

Ухаживать за воином — занятье
Не женское, да нет в тебе понятья!»

Бахрам умылся. Он драконий яд
Не мог забыть и смутой был объят.

Хозяйка принесла, восславив бога,
Хлеб, зелень, уксус, молока немного.

Поев немного, вскоре шах уснул,
В китайский полог он лицо уткнул.

Жена сказала мужу утром рано:
«Эй, грязный ты мужлан, зарежь барана,

Будь с этим знатным гостем подобрей,
Мне кажется, — из рода он царей;

Смотри, он царственным лучится светом,
Он — царь, и я могу поклясться в этом!»

Расчетливый супруг сказал жене:
«Все время ты проводишь в болтовне!

Веретена не крутишь — видит небо,
Сидим без солонины, дров и хлеба.

Барашка он сожрет, что я сберег,
Уедет, а какой нам в этом прок?

Сама подумай, — предстоит нам вскоре
Зима, и холод, и нужда, и горе».

Но мужа не послушалась жена,
Добра, гостеприимна и умна.

С хозяином поспорила бедняжка,
В конце концов зарезал он барашка.

Вот мясо, овощи — на дне котла.
К поленьям головешку поднесла.

Затем разложены пред гостем были
Хлеб, яйца, масло, зелень в изобилье.

Вошла хозяйка к всаднику в покой, —
Пришла с бараньей жареной ногой.

Бахрам поел, заснуть никак не может,
Неясная тоска его тревожит.

Хозяйка тыкву принесла с вином
И ягоды, чтоб скушал перед сном.

Бахрам сказал: «Ты, вижу, молчалива!
Седую быль поведай мне правдиво,

Чтоб выпил я вина под твой рассказ,
Чтобы огонь тоски во мне погас.

Но только слово мне скажи вначале:
От шаха ты не ведаешь печали?»

«Да, так: над нами власть ему дана», —
Сказала малословная жена.

«Пусть так,— сказал Бахрам.— Но что обидно,—
Добра и правды от него не видно».

Она — в ответ: «Вот правда без прикрас.
В деревне много жителей у нас.

К нам едут, едут, едут непрестанно
Чиновники из шахского дивана.

У них короткий с нами разговор:
«Плати, не то — в тюрьму! Преступник! Вор!»

Они взимают подати, налоги,
Народ нищает, к правде нет дороги.

Позорят добродетельных девиц,
Безделью, любострастью нет границ.

Что не идет в казну — для них убытки.
Такие нам от государя пытки!»

Шах призадумался, увидев зло:
Пятно позора на него легло,

И так решил он: «В мире тягот много.
Те, кто мне служит, не боятся бога.

Жестоко буду я карать людей,
Я выясню, кто честен, кто злодей».

Его терзали думы о насилье, —
Они покой из сердца уносили.

Когда, раздвинув мускусный шатер,
Возникло солнце, озарив простор,

Жена сказала мужу: «Дров прибавишь,
Котел с водою на огонь поставишь

И тайно — осторожность нам нужна —
Ты в эту воду бросишь семена.

Работай, моему послушный слову,
Пока не кончу я доить корову».

Она корову с луга привела,
На пастбище травы ей нарвала,

Сказала, потерев рукою вымя:
«Да славится вовеки божье имя!»

Но в вымени не стало молока.
Была печаль хозяйки глубока.

Сказала: «Муж! Хозяин! Погляди-ка,
Переменился государь-владыка:

Утратив этой ночью благодать,
Насильником отныне хочет стать».

Ответил муж: «Оставь царя в покое!
К чему твое предчувствие дурное?»

Жена сказала: «Милый мой супруг,
Я не напрасно огорчилась вдруг.

Когда землей начнет владеть насильник,
Погаснет на небе луны светильник,

Не станет у коровы молока,
Не будет медоносного цветка.

Обман и сластолюбье воцарятся,
Сердца людские в камень превратятся,

Волк будет пожирать людей-овец,
Над умным будет властвовать глупец,

И яйца под наседкой станут гнилью,
Как только устремится шах к насилью!

Корова той же кормится травой,
Да и остался прежним водопой,

Но перестали быть сосцы живыми,
Опало, молока лишилось вымя».

Из-за стены внимая тем словам,
Раскаянье почувствовал Бахрам.

Йездану он сказал: «О бесконечный,
О времени владыка вековечный!

Пусть царствованья кончится пора,
Как только откажусь я от добра!»

А женщина, восславив божье имя,
Рукой потерла вновь коровье вымя,

И потекло оттуда молоко.
Сказала: «Бог, чье дело велико!

Жестокого ты добрым сделал снова —
И снова стала дойною корова!»

Сказала мужу честная жена:
«Душа царя к добру возвращена.

Так вести ты обрадуйся бесценной:
Над нами сжалился творец вселенной!»

Когда в котле вскипело молоко,
У всех на сердце сделалось легко.

Стол принесла жена, чиста, безгрешна,
Хозяин вслед за ней вошел поспешно.

Была похлебка в миске на столе, —
Еды вкусней не сыщешь на земле!

Шах, насладясь молочною похлебкой,
Сказал хозяйке — чистой, доброй, робкой:

«Ту плеть, которую ты видишь здесь,
Пойди, на людной улице повесь.

Повесь ее на ветви крепкой, свежей,
Чтоб видели прохожий и проезжий.

Затем начни внимательно смотреть
На проходящих и на эту плеть».

Хозяин побежал, послушен, весел,
Плеть всадника на дерево повесил.

Смотрел, не отрывал от плети глаз.
Вдруг показалось войско, пыль взвилась,

И людям плеть на дереве цветущем
Напомнила о шахе всемогущем.

Увидев плеть, сходили все с коней
И мимо шли, склоняясь перед ней.

Воскликнули жена и муж смятенный:
«Наш гость не кто иной, как шах вселенной!»

Они с дороги возвратились в дом,
Сказали, отягченные стыдом:

«О царь царей, властителей властитель,
Мудрец над мудрецами и воитель!

К нам, жалким, привела тебя судьба:
Муж — огородник и жена — раба.

Мы не узнали шаха мирозданья,
Не оказали должного вниманья.

Поверят ли, что, облик свой тая,
Шах прибыл в наши нищие края!»

А шах: «Трудился ты на огороде, —
Теперь владельцем будешь всех угодий.

Всегда таким же ты радушным будь,
Живи в богатстве и нужду забудь».

Смеясь, покинул шаханшах жилище,
Покинул край заброшенный и нищий,

И гордый конь, могуч и быстроног,
Его помчал в сверкающий чертог.

БАХРАМ ГУР ЕДЕТ НА ОХОТУ И БЕРЕТ СЕБЕ В ЖЕНЫ ДОЧЕРЕЙ ДИХКАНА БУРЗИНА

На третий день охотник именитый
Отправился с доспехами и свитой.

Он взял с собою близких и друзей —
То были триста витязей-князей.

У каждого — по тридцать слуг, чьи лица
Изобличали перса иль румийца.

На десяти верблюдах шелк багрян,
Блистает злато седел и стремян,

Престол царя — на десяти верблюдах,
То — паланкин, в сапфирах, в изумрудах.

Семь впереди слонов, их шаг тяжел,
На них синеет бронзовый престол.

Хрусталь и золото — его подножье:
Шах восседал, хваля величье божье.

У каждого, кто меч держал и лук, —
По тридцать золотом сверкавших слуг.

Сто мулов продвигались под певцами,
Украшенными дивными венцами.

С сокольничими собрались на лов
Сто кречетов, сто сорок соколов.

Все птицы шаху дороги, а все же
Был черный сокол всех ему дороже.

Как на лазури золото, сверкнув,
Нас ослепит, — слепил и желтый клюв.

Тугри — нарек его Бахрам с любовью,
Два глаза у него — две чаши с кровью.

С венцом он прислан был из дальних стран:
Его Бахраму подарил хакан.

Прислал он также шаху ожерелья,
Браслеты и китайские изделья,

Верблюдов триста, знатоков дорог,
Сто тридцать перстней, тридцать пар серег.

Сто двадцать с шахом двигалось отборных
Гепардов — беспощадных и проворных.

Из жемчугов ошейники на них,
Приманчив блеск цепочек золотых.

Так выехал Бахрам, влекомый дичью, —
Юпитер пел хвалу его величью!

Охотники, умелые стрелки,
Коней пустили к берегу реки,

Где раз в семь лет, — лишь так, а не иначе, —
Охотился Бахрам, ища удачи.

Когда к реке приблизился отряд,
Увидел шах, что птицы там парят.

Запели барабаны громогласно,
Взлетел Тугри — нетерпеливо, властно.

Журавль изнемогал в его когтях,
Когда летел, внушал он барсам страх,

Когда хватал добычу, он ярился, —
И вот он скрылся, в небе растворился!

Взлетел стрелой, исчез в лучах зари.
Сокольничий кричал: «Тугри! Тугри!»

На звуки колокольцев шах помчался
И что ни миг все больше омрачался.

Он думал: «Где я сокола найду?»
Вдруг сад увидел и дворец в саду.

В степи остаться приказав отряду,
Приблизился он с малой свитой к саду.

Он въехал в сад просторный и густой.
Перед собой увидел склон крутой.

Увидел водоем вблизи от дома,
Старик седой сидел у водоема.

Под стариком разостланы шелка,
Не счесть рабов, рабынь у старика.

Три дочери вкруг старика сидели,
Венцы из бирюзы на них блестели.

Все три прелестны, каждая стройна,
Их брови — луки, лица их — весна.

Хрустальные в руках красавиц чаши.
Подумал шах: «Что во вселенной краше?»

В его глазах померкло все кругом,
Забыл Бахрам о соколе своем!

Дихкан богатый побледнел от страха,
Когда внезапно он увидел шаха.

В смятенье задрожал дихкан Бурзин,
Когда предстал пред старцем властелин.

Как ветер, побежал он, седоглавый,
Упал к ногам властителя державы.

«О шах! — воскликнул. — Пусть из года в год
Тебе покорно служит небосвод!

Я не дерзну, ничем не знаменитый,
Тебя, владыка, пригласить со свитой,

Но если б ты пожаловал в мой сад,
Вкусил бы я отраду из отрад!»

Сказал Бахрам: «Душа моя томится,
Охотничья у нас пропала птица,

Я сокола искал, — не отыскал,
На звуки колокольцев прискакал».

Дихкан Бурзин владыке так ответил:
«Я птицу черную в саду приметил.

Смола и золото — ее цвета,
Окраска клюва, как зарер, желта.

Прикажешь, — с древа грецкого ореха
Слетит она сейчас, твоя потеха».

Бахрам велел рабу: «Ты осмотри
Все дерева и отыщи Тугри».

Вернулся раб, опережая ветер:
«Да будет царь вовек душою светел!

Тугри сидит на ветке невредим,
Сокольничий сейчас предстанет с ним».

Когда нашелся сокол несравненный,
Сказал Бурзин: «О властелин вселенной,

Печать благословения на том,
К кому, как светлый гость, вошел ты в дом.

Сойди с коня, вина у нас отведай,
Обрадуй нас высокою беседой».

Тогда у водоема царь владык
Сошел с коня — и счастлив был старик.

Тут прибыли в цветущую обитель
Мобед, и слуги, и домоправитель.

Бурзин, подняв вино, что ярче роз,
Сначала имя шаха произнес.

Затем царю, чьи славятся поступки,
Преподнесли вино в хрустальном кубке.

Душа Бахрама радостна, ясна,
Испил он сверх отметины вина.

Возликовал Бурзин, царя восславил,
Везде кувшины полные расставил.

Сам опьянев, сказал он дочерям:
«Не кто-нибудь к нам прибыл, а Бахрам!

Сюда заехал не обычный воин, —
Наш дом приезда шаха удостоен!

Так принесите лютню поскорей,
Так спойте песню в честь царя царей!»

Вновь царь взглянул на трех красавиц дружных.
Блеск исходил от их венцов жемчужных.

Одна танцует, средняя — поет,
У младшей лютня плачет и зовет.

Хмельной напиток из-за звонких песен
Бахраму показался так чудесен!

Спросил он: «Кто они, старик седой,
Красавицы, живущие с тобой?»

Сказал Бурзин: «О шах с умом провидца,
Да без тебя для нас весь мир затмится!

Перед тобою — дочери мои,
Отрада, украшение семьи.

Одна играть на лютне мастерица,
Одна — плясунья и одна — певица.

Нет у меня, о шах, ни в чем нужды,
Есть деньги, пастбища, поля, сады,

Три дочери, как три цветка весенних,
И нет им надобности в восхваленьях!»

Сказал певице: «Сердце оживи,
Воспой царя, достойного любви».

Вот песня зазвенела вместе с лютней, —
На сердце легче и в саду уютней.

«О луноликий властелин, — сперва
Такие услыхал Бахрам слова, —

Ты равен только месяцу на небе,
Владеть страной — единственный твой жребий.

Твой стан — платан, лицо — светлей звезды.
И скипетр и престол тобой горды.

Твой лик дарит, о царь царей, блаженство,
Дыхание твоих кудрей — блаженство!

Тигриный стан, могучая рука,
А благодать — светла и высока.

Гранатовый цветок — твои ланиты,
Сердца людские для тебя раскрыты.

Улавливает барсов твой аркан,
А сердце у тебя — как океан.

Ты волосок стрелою разрезаешь,
Ты воду в молоко преображаешь.

Когда твою десницу видит рать
И меч, готовый недруга карать,

То рать бежит, смятением гонима,
Хотя б она была неисчислима!»

Внимая песне, что была звучна,
Властитель кубок осушил до дна.

Сказал Бурзину: «Ты уже не молод,
Ты на земле познал и жар и холод.

Не сыщешь зятя лучшего, чем я,
Я — царь царей, бери меня в зятья!

Трех милых дочерей отдай мне в жены, —
Возвысишься, почетом окруженный!»

А тот: «Земля тебе подчинена,
Ты — радость пьющих, ты — восторг вина.

Каким тебе отвечу я ответом?
Кто смел бы на земле мечтать об этом?

Я лишь служить безропотно смогу,
Когда меня ты примешь, как слугу, —

Служить венцу, печати властелина,
Престолу, благодати властелина.

Трех дочерей отныне ты возьми,
В прислужницы, в рабыни ты возьми.

На три луны взглянул ты издалёка,
И ни в одной ты не нашел порока.

Их стан — платан, их цвет — слоновья кость,
Они твой трон украсят, светлый гость!

Теперь скажу о том, что я припрятал
Для витязя, который их посватал.

У твоего нижайшего раба —
Сады, поля, подвалы, погреба,

Полно одежд, жемчужин, изумрудов, —
Для шаха двести нагружу верблюдов,

Венцы, браслеты, перстни подарю
И дочерей — высокому царю!»

Над старцем посмеялся шах: «Не нужен
Царю твой дар, не надо мне жемчужин,

Твоих одежд, и перстней, и ковров, —
Лишь будь участником моих пиров!»

А тот: «Я Каюмарса чту законы
И трех девиц тебе вручаю в жены,

У ног твоих они отныне — прах,
Найдешь служанок в этих дочерях.

Махафарид, и Фиранак за нею,
И Шамбалид — отдам, не пожалею».

Бахрам, их красотою поражен,
Поставил их превыше главных жен.

Слуга принес для дочерей Бурзина
И для царя четыре паланкина.

Вот в паланкины сели три луны.
Пришли рабыни, в Руме рождены.

Их было шестьдесят; пришли, блистая,
Восславив трех сестер — трех гурий рая.

Они в покой вступили золотой.
Шах опьянялся юной красотой.

Один из слуг, чей день прошел в заботах,
Повесил плеть Бахрама на воротах:

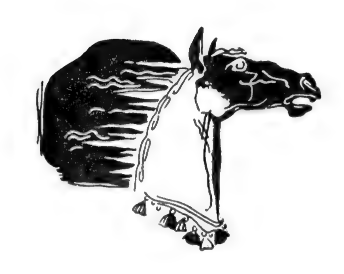
Так отличали славного царя
Воители, на эту плеть смотря,

Все подбегали к длинной рукояти,
Ей кланялись, как царской благодати...

И пил, и веселился властелин,
И, опьяненный, сел он в паланкин,

Отправился к сияющему дому —
К чертогу мускусному, золотому.

Неделю там провел он, — говорил,
И пил, и ел, и слушал, и дарил.

ПОДВИГИ БАХРАМА НА ОХОТЕ

С Рузбехом, с тысячью отважных — снова
Бахрам помчался, сев на вороного.

Онаграми кишела степь вокруг.
Снял властелин священный царский лук,

Стрелу с пером вороньим приготовил,
При этом он Йездана славословил.

Шумели ветерки — весны гонцы,
И бегали за самками самцы.

Самцы кусают яростно друг друга,
Окрашена их кровью зелень луга.

Властитель ждет. Кровь льется без конца.
Сцепились два онагра, два самца.

Был победитель сильным и здоровым,
И самку под себя подмял он с ревом.

Натянута у лука тетива!
И засмеялся шаханшах сперва,

Стрела взвилась и быстро опустилась,
В онагра с наконечником вонзилась.

Пришил он вместе самку и самца,
И восхитились воинов сердца.

Такой успех — неслыханная редкость!
Восславили властителя за меткость,

Воскликнули: «Вкушай покой и мир,
Все дни твои да превратятся в пир,

Ты — шах, бесстрашья первооткрыватель,
Ты — мужества и силы обладатель!»

БАХРАМ УБИВАЕТ ЛЬВОВ, ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ДОМ ЮВЕЛИРА И БЕРЕТ В ЖЕНЫ ЕГО ДОЧЬ

Уехав из степи на вороном,
Вдруг оказался шах в краю лесном.

Чету свирепых львов увидел в чаще
И натянул свой лук, стрелой разящий.

Пронзила сердце хищника стрела,
С пером насквозь она его прошла!

Охотник не помиловал и львицы:
Стрелою грудь пришил к бедру вдовицы.

«Стрела, — сказал при этом, — не остра,
И наконечник туп, и нет пера».

О нем сказали воины с хвалою:
«О государь, владеющий стрелою!

Из тех, кто восседает на престоле,
Таких, как ты, нет и не будет боле!

Падет пред тем гранитная гора,
Кто льва сразит стрелою без пера!»

Вот властелин помчался вдоль поляны,
Паслись на ней и овцы и бараны.

Ни ветерка, трава мягка, тиха,
Нигде не видно было пастуха.

Исполненный пред хищниками страха,
Один из пастухов увидел шаха.

Сказал Бахрам: «Кто стадо здесь пасет?
Опасные места, — погибнет скот!»

«Со стадом здесь, — пастух ответил главный, —
Лишь я бываю, о воитель славный.

Я с ним спустился с гор, ища родник.
Владеет стадом ювелир-старик.

Опасности, тревоги, беды мира,
Увы, не устрашают ювелира.

Он золотом и серебром богат,
В сокровищницах — жемчуга блестят.

Единственная дочь его — певица,
Чьи кудри любят завитками виться.

На свете он живет давным-давно,
Лишь из ее руки он пьет вино.

Когда бы не Бахрама власть и милость,
Его могущество бы прекратилось,

Но золота не жаждет царь страны,
Его мобеды праведны, честны...

Не скажешь ли: кто львов сразил ужасных?
Кого хвалить в молитвах ежечасных?»

Сказал Бахрам: «Погибли львы от стрел
Охотника, что ловок был и смел.

С ним было семь друзей, достойных чести,
Они уехали отсюда вместе.

Где ж твой хозяин? Безо всякой лжи,
Дорогу к ювелиру укажи».

Сказал пастух: «Скачи без промедленья,
Достигнешь ты цветущего селенья.

О крае, где всегда шумит листва,
До самого царя дошла молва!

Когда окрестность в черный шелк одета,
Богач-старик пирует до рассвета.

Издалека услышишь, удивлен,
И пиршественный гул, и лютни звон».

Бахрам и скакуна и облаченья
Потребовал, желая приключенья.

Покинул всех, помчался на коне, —
Вновь сластолюбец запылал в огне.

Сановникам сказал Рузбех почтенный:
«Отправился в деревню шах вселенной.

Он постучится к ювелиру в дом, —
Узнайте, что произойдет потом:

Красою новою обвороженный,
Дочь старика себе возьмет он в жены,

Сперва уединится с ней Бахрам,
А после поведет в священный храм.

Неутомимо жаждет он соитья,
А жены ищут от него укрытья!

Стал мужем ста красавиц шах Бахрам,
А это для владыки стыд и срам.

Есть у него, помимо ста супружниц,
Поболее девятисот прислужниц.

На их кудрях — тяжелые венцы,
Принадлежат им царские дворцы.

Растут налоги, — их надолго ль хватит?
А шах всю подать Рума в месяц тратит!

Лицо, что украшает все пиры,
И мощный стан погибнут до поры.

А жаль! Он славен силой удалою,
Онагров двух разит одной стрелою!

Но женщины Бахрама истощат,
К бессилью приведет его разврат.

Глаза поблекнут, и лицо увянет,
А тело немощным и дряблым станет.

От женщин у мужчины седина,
А седина надеждами бедна!

От женщины — и немощь и несчастье,
Согнет прямые плечи сладострастье.

Одно соитье в месяц — вот закон
Для мужа, что рассудку подчинен.

Чтоб стать отцом — еще одно соитье:
Такой предел себе установите.

Любовь сверх этой меры нам вредна,
Всю кровь из сердца высосет до дна».

Так во дворец дружина возвратилась,
Когда на небе солнце заблудилось.

Был над Бахрамом темен небосвод,
А рядом — лишь служитель-коновод.

Казалось, что вокруг безлюдно, глухо,
Но звуки лютни донеслись до слуха.

Помчался к звукам лютни на гнедом
И вдруг увидел ювелира дом.

Ударил в дверь кольцом, потом с порога
Ночлега попросил во имя бога.

Отозвалась служанка за стеной:
«Кто это в дверь стучится в час ночной?»

Бахрам сказал: «Шах, натянув поводья,
Отправился в охотничьи угодья.

Вдруг на ногу стал припадать гнедой,
И я отстал, застигнут темнотой.

Боюсь: отнимут воры в ночь глухую
И скакуна, и золотую сбрую».

Прислужница предстала пред купцом:
«Какой-то всадник в дверь стучит кольцом.

«Нагрянут воры, — он твердит, вздыхая, —
Исчезнут конь и сбруя золотая».

Сказал купец: «Впусти его сейчас,
Или гостей ты видишь в первый раз?»

Служанка двери сразу же открыла,
«О всадник, в дом входи», — проговорила.

Вошел и осмотрелся шах вокруг.
Повсюду множество стояло слуг.

Подумал шах: «О боже правосудный,
Ты к благу нас ведешь дорогой чудной!

Из всех законов — правду изберу,
Отрину алчность и приду к добру.

Я только для добра на трон воссяду,
Да принесу я подданным отраду.

Коль благо возвеличу я в стране,
То будет светлой память обо мне.

Пусть весь народ, как этот ювелир,
Живет, не зная зла, вкушая мир!»

Поднявшись, дочь хозяина увидел,
Красавицу нечаянно увидел.

Навстречу гостю с места встал дихкан
И, подойдя, согнул высокий стан,

Сказал: «Найди покой в объятьях ночи,
Да станет жизнь твоих врагов короче!»

Хозяин гостю с радостью служил,
Циновку и подушку предложил.

На скатерти, какие в доме были,
Велел расставить яства в изобилье.

Велел в конюшню отвести коня,
Ни сена не жалеть, ни ячменя.

Слуга Бахрама тоже был уважен,
За скатертью отдельною посажен.

Потом присесть велели и купцу.
Присел он к витязю лицом к лицу.

Сказал он, рассыпаясь в извиненьях:
«Не гость — хозяин ты в моих владеньях!

Но слово я тебе сказать дерзну:
Ты перед тем, как отойти ко сну,

Сперва поешь, потом поднимем чаши, —
Ко сну от чаши путь ведет кратчайший!

Однако помни: крепок винный хмель,
Испив его, ты должен лечь в постель.

Проснешься рано, мне подаришь дружбу,
Поедешь к повелителю на службу».

Сказал Бахрам: «Где ночью мы найдем
Такой, как у тебя, радушный дом?

За эту ночь благодарю я бога:
В сердцах неблагодарных — боль, тревога».

Служанка принесла с водою таз,
С красавца гостя не сводила глаз.

Умывшись и сказав благословенье,
Шах пожелал в вине найти забвенье.

Служанка чашу принесла с вином,
Затем — сосуд: пылали розы в нем.

Дихкан поднялся с чашей золотою,
Он вымыл чашу розовой водою,

Вручил Бахраму, как заведено,
Спросил: «Как звать того, кто пьет вино?

Я заключу с тобой союз, о всадник,
Тебе Бахрамом я клянусь, о всадник!»

От этих слов стал весел государь.
«Гушаспом я зовусь, — ответил царь. —

Сюда приехал я не ради пира,
А ради лютни в доме ювелира».

Сказал хозяин: «Это дочь моя.
Ее красой сверкает ночь моя.

Она — мой кравчий и моя певица,
Ее игрою сердце веселится».

Та, что сияла юной красотой,
Звалась Арзу — Желанием, Мечтой.

Сказал отец: «Войди, сердца пленяя,
Сыграй Гушаспу, дочь моя родная».

Прелестна, как звезда Сухейль, мила,
Певица к падишаху подошла.

Сказала: «Богатырь с лицом вельможи,
На шаха удивительно похожий!

Ты здесь найдешь веселье для очей,
Отныне мой отец — твой казначей.

Пусть для тебя, чья доблесть несомненна,
Пребудет эта ночь благословенна».

«Сыграй на лютне, — ей сказал отец, —
Спой ту же песнь, усладу всех сердец.

Быть может, твоему послушна дару,
Опять вернется молодость к Махйару».

На лютне песнь исполнила она,
Что магами была сочинена.

Заговорили шелковые струны,
И задышал жасмином голос юный.

Запела то, что спеть велел старик, —
И кипарис у ручейка возник, —

Нет, амбра вкруг тычинок розы красной!
В стыдливом сердце — звуки песни страстной:

«Твой враг да будет с корнем истреблен,
Твой дух да будет знаньем просветлен!

На Фаридуна ты похож осанкой,
А я — Арзу, я рождена служанкой.

О храбрый всадник, рада я тебе,
Как шах — победе, что добыл в борьбе!»

Вот подошла — с веселой лютней, с песней —
И стала для царя еще прелестней.

Сказала: «На владыку ты похож,
Как солнце ты пред нами предстаешь!

Тот, кто своими не видал глазами
Бахрама, овладевшего сердцами, —

Пускай на твой посмотрит гордый лик:
Воистину Бахрама ты двойник!

Тростинке ты подобен стройным станом,
Мне движущимся кажешься платаном!

Ты сердцем — лев, ты телом — мощный слон,
Твоей стрелы боится небосклон.

Подобны розам у тебя ланиты,
Они пылают, как гранат раскрытый.

Ты статен, строен и широкоплеч,
Ты мог бы гору Бисутун рассечь.

Арзу лежать у ног твоих согласна,
Но только жизнь ее возьми ты властно!»

Воспитанностью, пением, игрой,
Лицом, сиявшим утренней зарей, —

Всем, всем она пленила властелина,
Душа пылала с телом воедино.

Увидев, что объял Махйара хмель,
Хозяину промолвил царь земель:

«Отдай мне дочь по древнему уставу,
И доброте твоей воздам я славу».

«Арзу! — сказал отец. — На гостя глянь:
Какую взять с него ты хочешь дань?

Какие в нем достоинства ты видишь?
Быть может, за него ты замуж выйдешь?»

Арзу сказала: «Добрый мой отец,
Любви и благородства образец!

Коль ты расстаться порешил со мною,
То лишь Гушаспу стану я женою.

Да можно ль равного ему найти?
Да можно ль крикнуть шаху: «Прочь с пути?»

Ответом дочери не успокоен,
Сказал старик Бахраму: «Славный воин!

Ее ты видел красоту и стать,
Но должно душу, знанья, ум познать.

Сперва ее достоинства изведай
И с сердцем собственным ты побеседуй.

При красоте она и не бедна,
Хвала моим богатствам не нужна.

Махйар в делах не знает неудачи,
Каменьями Бахрама я богаче.

Испей вина, пусть эта ночь пройдет,
Не торопись, настанет твой черед.

Достойные мужи, чей нрав не мелок,
Не заключают в пьяном виде сделок.

Повремени и честь мне окажи.
Проснутся утром знатные мужи,

Мы старцев позовем благочестивых,
Ученых, мудрых и неторопливых.

То, что во тьме ночной произойдет,
Никак не примет наш закон в расчет.

Плохое дело — ты не будь в обиде —
На девушке жениться в пьяном виде».

Бахрам ответил: «Смертным не дано
Гадать о том, что богом суждено.

Понравилась мне в эту ночь певица,
А прорицать дурное — не годится».

Спросил отец: «Ответствуй, дочь моя,
Арзу, его ты выбрала в мужья?»

А та: «Он только в дом вступил, и разом
Ему я сердце отдала и разум.

Сверши ты дело, — нам поможет бог,
Я знаю, небосвод к тебе не строг».

А старец: «Ты — его жена отныне,
Покорной быть ему должна отныне».

Он отдал дочь — и взял ее Бахрам.
Да будет свет сиять им по утрам!

Пришел слуга и плеть владыки мира
Повесил на воротах ювелира.

Ушла Арзу, что сделалась женой.
Весь дом заснул, объятый тишиной.

Лишь для хозяина нашлось занятье:
Заботясь о Гушаспе, как о зяте,

Старик сказал слуге: «Не смей заснуть,
Ты к пастухам отправь кого-нибудь.

Пойми: смотреть на стол мне будет тяжко,
Коль не увижу на столе барашка.

Гушаспу ты прислуживай в саду,
Проснется — принеси бузы и льду,

Еще ты принеси, ему в угоду,
И камфару и розовую воду.

А я-то пьян, я стар, посплю еще,
А то не в силах повернуть плечо».

Сказал — и натянул он одеяло,
Заснул Махйар блаженно и устало.

Когда вступило солнце в свой предел
И мир, как кость слоновья, побелел,

Примчались копьеносцы на рассвете,
На поиски примчались шахской плети.

Все войско возвышалось на конях
У дома, где остановился шах.

К воротам люди подходили близко,
Плеть узнавая, кланялись ей низко.

Привратник, столько увидав вокруг
Щитов, мечей, и копий, и кольчуг,

Вошел в покой, вина развеял чары,
Проснулся ото сна хозяин старый.

Сказал слуга: «Не медли, встань с одра,
Не время спать, узнать тебе пора:

Твой гость — владыка мира всепобедный,
Который ночью прибыл в дом твой бедный».

Тогда пришел в смятение старик,
И трепет ювелира был велик.

Спросил он: «Где речей твоих основа?
Где видишь ты следы царя земного?»

Когда услышал он ответ слуги,
Он в гневе встал и закричал: «Не лги,

Не скажет умный муж, седой привратник:
Мол, кланяется плети каждый латник!»

Сказал слуга: «С каких, скажи мне, пор
Ты над Ираном власть свою простер?

А войско пред тобой так многолюдно,
Что выйти из дому, пожалуй, трудно.

Не счесть прохожих у твоих ворот,
Нам кланяется каждый, кто пройдет.

Еще не рассвело, и ветер свежий
Шумел в ночи, когда слуга приезжий

Повесил на воротах наших плеть,
Чья рукоять — ты можешь посмотреть —

Источник удивительного блеска:
Из жемчугов и золота нарезка.

Теперь примись за дело поскорей,
Хозяин, от вина не заболей!»

Подумал ювелир седоголовый:
«Зачем вчера пред шахом, бестолковый,

Я выпил столько красного вина?
Зачем Арзу вчера была пьяна?»

Он к дочери в покой вбежал поспешно,
Сказал: «Ты добронравна и безгрешна!

Ты знаешь, кто приехал к нам вчера?
То — шах Бахрам, исполненный добра!

Стрелял он дичь, иной не знал работы
И вечером заехал к нам с охоты.

Теперь вставай, приветствуй новый день,
Венец, шелка румийские надень,

Преподнеси властителю даренья —
Три яхонта, чудесные каменья.

Склонившись, руки приложив к груди,
Ты к шаху солнцеликому приди.

Пред ним глаза ты опусти несмело,
Он для тебя — душа твоя и тело.

Задаст вопрос, — ответить ты должна,
Приветлива, стыдлива и скромна.

А я не подойду к его покою,
Пока меня не назовет слугою.

Да будет проклят жалкий мой удел:
Как равный с равным, я с царем сидел!

Я пил вино с царем — какое чванство!
И юношу и старца губит пьянство!»

Вбежал один из преданных рабов:
«Проснулся шах, он весел и здоров,

Свершил в саду, постель покинув рано,
Он омовенье головы и стана,

Свою молитву к солнцу он вознес,
Благодаренье богу произнес.

Он в свой покой проследовал оттуда,
С хмельным вином потребовал сосуда».

Узнав, что войско прибыло, Бахрам
Стоять и ждать велел богатырям.

Позвал Арзу — Мечту: о ней мечтал он,
Всем радостям ее предпочитал он.

Вошла Арзу с дарами и вином:
Служанка, что украшена венцом!

Вошла, согнувшись перед шахом вдвое, —
Он в сердце счастье ощутил живое:

«Во сне иль наяву, мой дивный друг,
Ты, опьянив меня, исчезла вдруг?

Мне ты нужна и звонкой лютни звуки, —
Дары пусть попадут в другие руки!

Спой, как вчера, напевом жизнь творя,
О смелости, о подвигах царя...

Где ювелир, чья трапеза обильна?
Мы вечером с ним захмелели сильно!»

Арзу пошла и старца привела,
А в сердце у нее — царю хвала.

С поклоном, руки прижимая к сердцу,
Вошел хозяин дома к миродержцу.

Сказал: «О царь, воитель и мудрец,
Могучий витязь и верховный жрец!

Да будет мир всегда тебе подвластным,
Увенчан именем твоим прекрасным!

Кто от вина безумья захмелел,
Пусть изберет молчания удел.

Я сожалею, царь, о происшедшем,
Сочти меня невеждой, сумасшедшим!

Ты — наверху, а я стою внизу.
Прости мой грех, не огорчай Арзу.

Я — только раб, я раб царя от века,
Не принимай меня за человека».

Ответил шах: «На пьяном нет вины.
Разумные прощать его должны.

Пусть тот не пьет, пусть тот вина не просит,
Кому оно печаль и боль приносит.

В твоем хмелю я не узрел вреда.
Для слов Арзу настала череда.

Молю о том, чтобы из уст румяных
Услышать о жасминах и тюльпанах.

Мы будем ей внимать и пить вино,
Забудем, что грядущее темно!»

Был счастлив старец, получив прощенье,
Принес и приготовил угощенье.

Воителей, стоявших у ворот,
Позвал с открытым сердцем доброхот.

Арзу, такому сборищу не рада,
Ушла к себе, в глазах ее досада.

Она сидела у себя, пока
Ночь не надела черные шелка.

Бахрам позвал Арзу и золотое
Ей кресло предложил в своем покое.

«Возьми, — сказал он, — лютню, снова спой
Мне песнь, где будут удаль, подвиг, бой».

«О шах, — она запела, — в дикой чаще
Твоих шагов боится лев рычащий.

Лишь ты — победоносен и велик,
Тюльпан среди жасминов — царский лик.

Нет на земле царя с таким величьем,
На небе нет луны с таким обличьем.

У воинов, узревших твой булат,
Сердца в безумном ужасе дрожат.

В смятенье от тебя бегут дружины,
Не ведая, где выси, где низины!»

От угощенья к зелью перешли, —
Они к вину, к веселью перешли!

Пришел Рузбех в покой увеселенья
(Он пробыл ночь поблизости, в селенье),

Привел он с паланкином сорок дев,
Они пришли, как звезды заблестев,

Как шелк румийский, хороши рабыни,
От них — благоуханье на равнине.

Венец надев — сапфир и бирюзу,
К царю в чертог направилась Арзу.

РАССКАЗ О БАХРАМЕ ГУРЕ И О ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕ ФАРШИДВАРДЕ

Покинул шах цветущее поместье,
Уехал, радостный, с Рузбехом вместе.

Проспал всю ночь до самого утра, —
Вновь на охоту выехать пора.

Помчался он дорогой, бездорожьем,
Ничем иным весь месяц не тревожим.

Вот разожгли среди степи костры,
Добычею наполнили шатры.

Лилось вино, и много было мяса,
И песнь до позднего звенела часа.

Чанг, и рубаб, и нежные слова,
Горят сухие, мокрые дрова...

Из города и молодой и старый —
Явились все, кому нужны динары.

Примчались витязи для ловли в степь,
А горожане — для торговли в степь.

Газелей, ланей — здешних уроженок,
Онагров покупали за бесценок,

Еду из дичи, птицы водяной
Харварами везли к себе домой,

Чтоб накормить родного и чужого, —
Так много каждый получил жаркого!

Не торопился шах домой опять,
Он снова жаждал с женщинами спать.

Повел он из охотничьих раздолий
Воителей, и пыль клубилась в поле.

Шло войско тучей пыли полевой,
И вскоре день оделся синевой.

Селение увидел шах усталый —
Дома, базары, улицы, кварталы.

Всем до единого своим бойцам
Велел вступить в селение Бахрам.

Спросил: «Где дом хозяина селенья?»
Туда поехал шах без промедленья.

Пред ним — разрушенный обширный дом.
Поклон отвесил муж в тряпье худом.

А шах: «Кто стал хозяином развалин?
Их вид среди селенья так печален!»

«Здесь я живу, — последовал ответ. —
Злосчастье — мой вожатый и сосед.

Нет у меня быков, ослов, одежды,
Нет опыта, уменья и надежды.

Ты на меня, на нищий дом взгляни,
Меня с моим жилищем прокляни!»

Царь спешился и осмотрел жилище:
Был страшен дом, разрушенный и нищий.

Везде овечий виден был помет,
Едва-едва держался ветхий свод.

«О добрый человек! — сказал владыка, —
На что бы сесть, прошу я, принеси-ка».

А тот: «Не смейся ты над бедняком, —
Ты, видимо, с нуждою не знаком.

Будь у меня подстилки, одеяла,
Меня б молва людская восхваляла.

А я до бедности такой дошел,
Что нечем даже застелить мне пол,

Прикрыться нечем и питаться нечем:
Ты на помете не заснешь овечьим!»

А царь: «Хочу присесть, устал с пути.
Нельзя ли хоть подушку принести?»

Но был ответ: «Где взять ее? Отколе?
За птичьим молоком ты прибыл, что ли?»

Промолвил гость: «Подушки нет? Ну, что ж,
Быть может, хлеб и молоко найдешь?»

Сказал хозяин: «Ты, наверно, бредишь, —
Мол, здесь поешь ты, отдохнешь, уедешь...

Будь в доме хлеб, во мне была б душа,
Я ожил бы, отрадою дыша!»

«Нет у тебя овец? Печальны речи!
Кто ж набросал в твой дом помет овечий?»

Шах вопросил. А тот: «Уже темно,
Не спорь, ты здесь не ляжешь все равно.

Ты дом найди, где место для вельможи,
Где благодарен будешь ты за ложе.

А я, как видишь, в нищете живу,
Я сплю, постлав солому и траву.

Весь в золоте твой меч, слепит он взоры,
Того гляди, его утащат воры.

Такой разрушенный и ветхий кров —
Приманка для грабителей, воров».

Шах молвил: «Если б вора я боялся,
То без меча давно бы я остался.

Прими лишь на ночь гостя твоего,
И больше мне не надо ничего».

А тот: «Не обижайся. Пуст и мрачен
Мой дом, он для гостей не предназначен».

«Разумный человек, — сказал Бахрам, —
Ты почему со мною так упрям?

Я полагаю, старец благородный,
Что дашь ты мне хотя б воды холодной?»

Сказал старик: «Проси или грози,
Но здесь колодца не найдешь вблизи.

Ты хочешь отдыха, ты хочешь пищи,
Зачем же ты в мое забрел жилище?

Не видел, что ли, жалких бедняков,
Работать неспособных стариков?»

Шах молвил: «С воином живи ты дружно,
Землевладельцу спорить с ним не нужно.

Но кто ты?» — «Фаршидвард я, — был ответ, —
Здесь нет жилья, воды и хлеба нет!»

Сказал Бахрам: «Зачем, терпя страданья,
Не ищешь ты покоя, пропитанья?»

Землевладелец отвечал: «Творец,
Быть может, скорый мне судил конец,

Но буду бога славить неустанно,
Когда уйдешь ты с моего айвана.

Зачем зашел ты в этот нищий дом?
Да будет горе на пути твоем!»

Так застонал он, горем отягченный,
Что шах сбежал, услышав эти стоны,

Пустился в путь, смеясь над стариком,
За ним пошло все войско целиком.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК СОБИРАТЕЛЬ КОЛЮЧЕК ПОВЕДАЛ ВСЕ О ФАРШИДВАРДЕ, А ТАКЖЕ О ТОМ, КАК БАХРАМ РОЗДАЛ ЕГО ИМУЩЕСТВО ДОСТОЙНЫМ

Из той деревни выехав хорошей,
Достиг земли, колючками заросшей.

Бедняк рубил колючки топором.
Властитель с ним заговорил с добром:

«Колючек ты предпринял истребленье, —
Скажи, кого ты знаешь в том селенье?»

«Там Фаршидвард живет, — сказал бедняк, —
Не пьет, не ест, он вечно бос и наг.

Сто тысяч у него овец отменных,
По стольку же коней, верблюдов ценных,

А сколько денег он зарыл в песок, —
Чтоб он сгорел, чтоб он истлел, иссох!

Нет близких у него, детей, супруги,
Он жадностью известен всей округе,

Зерно продай он, — верится с трудом! —
Наполнил бы деньгами целый дом!

У пастухов его полно припаса,
В горячем молоке готовят мясо,

А сам он ест с дешевым сыром хлеб,
Он к собственным страданьям глух и слеп.

Всегда в одном и том же ходит платье,
Сам на себя обрушил он проклятье».

Сказал Бахрам: «Ты отвечаешь честно,
Число его овец тебе известно,

Но знаешь ли, где у него стада,
Дорогу нам укажешь ли туда?»

Ответил тот: «О всадник без порока,
До пастбища отсюда недалёко,

Там у него отары, табуны, —
Боюсь, что будут дни его черны!»

Шах молвил: «Станешь лучшим ты из лучших»,—
Дал денег собирателю колючек.

Велел он, чтоб помчался на коне
Муж, сведущий в совете и войне.

Бихрузом звался этот воин смелый,
На службе у владыки поседелый.

Сто всадников послал с богатырем,
Достойных, честных, движимых добром.

Послал дабира, опытного в счете,
Умелого в счислительной работе.

Крестьянину сказал: «Твой труд хорош,
Сбирал колючки — золото пожнешь.

Дорогу людям покажи с охотой,
Владей от тех сокровищ частью сотой».

Крестьянин, Дилафрузом наречен,
Был крепок, и вынослив, и силен.

Ему коня вручил глава вселенной,
Сказал: «Помчись, как ветер дерзновенный».

Стал светом мирозданья Дилафруз,
Пришел — вступил с победою в союз.

Отряд повел он по лугам, полянам,
Там счета нет ни овцам, ни баранам,

Верблюды землю давят тяжело,
И десять караванов — их число.

Коров двенадцать тысяч было дойных
И столько же быков, хвалы достойных.

Коней, верблюдов, — их не ведал мир, —
По двадцать тысяч насчитал дабир.

Степное солнце в их пыли погасло,
В корчагах глиняных — коровье масло,

Сыров, иным неведомых местам,
Верблюжьих вьюков триста тысяч там.

В горах и долах — овцы и бараны,
А горы, долы были безымянны.

Бихруз, богатства эти сосчитав,
Послал письмо властителю держав:

Он господу вознес хвалу сначала,
Чтоб длань его победу ниспослала,

Затем царя восславил: никогда
Пусть не приблизится к нему беда!

И написал: «О царь со светлым ликом,
Даришь ты радость малым и великим!

Скажи, где доброты твоей предел?
Причиною не будь недобрых дел!

Все в меру хорошо, — нет лучших истин,
О шах, так будь же в меру бескорыстен!

Тот Фаршидвард, что жизнь влачил в глуши,
Неведомый ни для одной души,

Чьего не знали темного прозванья
Ни в битве, ни во время пированья,

Что жил, и крохи малой не даря,
Не признавал ни бога, ни царя, —

Тоскует, с виду нищий, неприметный,
Меж тем его сокровища — несметны.

Шах, доброта твоя — как бы порок:
Прости, я слово резкое изрек!

Богатства отбери — и на три года
Получишь новую статью дохода.

Для описи добра — со всех концов
Мы пригласили счетчиков, писцов.

Их сгорбила тяжелая работа,
Но до сих пор не кончили подсчета!

Еще скажу: сокровища лежат
В земле — и больше этого стократ!

Сижу, с богатств я не спускаю глаза,
Жду, повелитель, твоего приказа.

Да будет вечен дней твоих поток,
Покуда есть основа и уток!»

Велел гонцу спуститься с гор в долину,
Послание доставить властелину.

Бахрам, прочтя письмо, почуял боль,
Слова упали на сердце, как соль.

В глазах блеснули слезы цвета крови,
Нахмурились воинственные брови.

Позвал дабира, чтоб исполнить долг.
Потребовал перо, китайский шелк.

Сперва восславил бога мирозданья,
Владыку счастья, господина знанья,

Зиждителя престолов и венцов,
Властителя царей и мудрецов.

Писал он: «Если бы всегда ко благу
Стремился я, то раскусил бы скрягу.

Хотя богач — не вор и не злодей,
Хотя к беде он не привел людей,

Он оказался бессердечным, черствым,
Не представал пред господом с покорством.

Он жил, умножить прибыли спеша,
А между тем на убыль шла душа.

В юдоли сей овца не лучше волка,
Равно от них нет никакого толка.

В земле зарытых жемчугов не счесть, —
Нельзя одеться в них, нельзя их съесть!

А мы ни стад, ни пашен, ни жемчужин
Не отберем: нам бренный мир не нужен!

Ушли, — и мир без них суров и хмур, —
Царь Фаридун, Ирадж, и Салм, и Тур.

Кавуса нет, нет больше Кей-Кубада,
Нет и других, чью славу помнить надо.

Не ведал благородства мой отец,
Настал и притеснителю конец.

Из тех великих кто остался ныне?
Как можно спорить с господом в гордыне?

Ты раздели богатства меж людьми,
Себе и волоска ты не возьми.

Дай денег тем, чье тело неприкрыто,
Чье сердце долгой горестью разбито,

А также старцам деньги ты вручи:
Их, нищих, презирают богачи,

А также тем, что кое-что имели,
Потом проели и живут без цели,

А также тем, кто по уши в долгах,
Торгуют, но нуждаются в деньгах,

А также детям, чьи отцы — в могиле,
Ушли, но им богатств не накопили,

И женам без мужей, что в ремесле
Несведущи и чахнут на земле,

Ты раздари богатства людям хижин,
Ты озари несчастных, кто унижен.

Когда вернешься во дворец назад,
Ты не ищи в земле зарытый клад.

Чтоб не стонал от горя скряга старый,
Оставь ему зарытые динары.

Как прах, динары будет он беречь, —
Ему бы самому в могилу лечь!

Да милость небосвод к тебе проявит,
Да за добро народ тебя прославит».

К письму царя приложена печать,
И вестник в путь отправился опять.

БАХРАМ ЕДЕТ НА ОХОТУ И УБИВАЕТ ЛЬВОВ

Велел Бахрам, желая свежей сени,
Престол перенести в цветник весенний.

В саду, где пышно каждый куст расцвел,
Поставили блистательный престол.

Здесь все: вино, и чаши, день погожий,
Певцы, и музыканты, и вельможи.

Сказал Бахрам: «Расстанемся с тоской,
Да будет время радости людской!

Как высоко ни взобрались мы ныне, —
На обреченной мы стоим вершине.

Смерть все живое сделает золой,
Чертоги ей дано сровнять с землей.

Бедняк и царь, что осенил державу,
С собою добрую уносят славу.

Живет его страданье вместе с ним, —
Умрет, уйдет в преданье вместе с ним!

С него довольно, что его оценят,
А пояс и венец — другой наденет.

Чтоб эти скорби не теснили грудь,
Мягкосердечным и правдивым будь.

Уже моим годам за тридцать восемь.
Мы счастливы и многого не просим.

Когда за сорок перейдут года,
О смерти думать надобно тогда.

Едва один лишь волос белым станет,
К тебе веселье больше не заглянет.

Беда, коль станет мускус — камфарой,
Смешон венец на голове седой!

Мне жить еще два года без кручины,
Когда же час придет моей кончины,

Предстану взору вечного царя,
За милости его благодаря.

Я прожил дни, познав пиры, забавы,
Я счастлив был, я был царем державы,

Теперь, среди гранатов, яблок, роз,
Мы выпьем то, что кравчий нам принес!

Лишь яблоко, как яхонт, заалеет, —
Как шкура барса, небо запестреет.

Весной душистой все напоено,
Заботы гонит красное вино.

Пришла пора пленительной погоды,
Лазоревыми делаются воды.

Михрган приходит — кутаемся в мех *,
Так ныне в Джаз поедем без помех!

В степях устроим на зверей облаву,
Да так, что по себе оставим славу.

Онагров шеи крепче в эти дни,
Онагры львам становятся сродни!

Мы соколов с гепардами и псами
Отправим в путь — и понесемся сами.

Как хорошо: онагр, стрела и лук!
Скачи, скачи, — и только степь вокруг!

Джаз для охоты кажется удобным,
Он тростником порос копьеподобным.

Там хорошо, там славный будет лов, —
На тигров поохотимся и львов».

Вот шахривар настал. Шумна столица,
К ней воинство из разных стран стремится,

Немало прискакало удальцов,
Царя охотничий услышав зов.

Внимательно властитель осмотрел их
И выбрал самых сильных и умелых,

И в степь, когда простор ее расцвел,
Он десять тысяч всадников привел.

Навес для шаха и шатры разбиты,
И коновязи крепко в землю врыты.

Помчались слуги с думой о воде,
Они колодцы вырыли везде.

Поставили колеса на колодцы, —
Да вволю пьют бойцы и полководцы!

С друзьями, с кем всегда держал совет,
Бахрам за войском продвигался вслед.

Онагров он узрел в степях зыбучих,
Увидел тигров он в лесах дремучих.

Сказал: «Сейчас потешимся вином!
Зверей так много на лице земном,

Что я на завтра отложу охоту.
Вы спите радостно, прогнав заботу,

А я побуду с чашей до тех пор,
Пока не выйдет солнце на простор.

Со львом вступлю я в битву непреклонно,
Дракона встречу — поражу дракона.

А лев погибнет в этой стороне, —
Онагры сами покорятся мне!»

Так ночь его прошла, и утром рано
Помчался с войском в лес глава Ирана.

Онаграми насытясь, осмелев,
Со львицей выступил из чащи лев.

Сказал охотникам властитель смелый:
«Есть меткость у меня, и лук, и стрелы,

Но льва пускай теперь сразит кинжал,
Чтоб робким нас никто не называл!»

Надел он мокрую кабу из шерсти,
Помчался для борьбы, забав и чести.

Вот перед львом предстал он, как дракон.
Лев на дыбы поднялся, разъярен.

Решил коня сразить одним ударом,
Но шах отвагой славился недаром:

Мечом ударил льва по голове,
А львица скрылась, спряталась в траве.

Рассек он льва от головы до паха,
И стало все зверье дрожать от страха.

Вдруг новый лев пришел: глаза горят,
Рычит, а львица охраняет львят.

Но сталь в руке Бахрама заблестела, —
Отпала голова самца от тела.

Из свиты некто молвил: «Царь царей,
Хоть самого себя ты пожалей!

В лесу кругом — с детенышами львицы,
Нет материнской ярости границы,

Детеныши припали к их сосцам, —
Побойся львиц, не подходи к самцам!

Есть дальше лес, — он так хорош для сборищ!
Но если даже многих львов поборешь,

То разве мир освободишь от львов?
Не будь же к самому себе суров!

Сперва, чтоб стать владыкой, по условью,
Ты землю обагрял лишь львиной кровью,

Теперь ты — царь, зачем же ты, Бахрам,
Забыв онагров, угрожаешь львам?»

Ответил шах: «О старец поседелый,
Все будет завтра: я, онагр и стрелы.

Но воин, что отвагой знаменит,
Противника не стрелами разит.

Лишь палица и грозный меч по праву
Воителю приносят честь и славу».

Мобед воскликнул: «Если б, господин,
Тебе подобный был еще один, —

Венцов не стало бы в Китае, в Руме,
Цари бы убежали без раздумий!

Да никогда не узришь ты беду,
Да вечно будешь в розовом саду!»

Вернулся с войском шаханшах из леса,
Вступил под сень походного навеса.

Сказала рать, владыку возлюбя:
«Да не увидим трона без тебя!»

Когда хвалебные замолкли речи,
Омыл Бахрам в шатре лицо и плечи.

Вельможа, состоявший при царе,
Убрал колючки, пол подмел в шатре,

Пришел с водою розовой вельможа,
И с камфарой, и с мускусом для ложа,

Пришел с китайской утварью литой, —
На скатерти расставил золотой.

Царю барашка подал он с другою
Закуской, что имелась под рукою.

Бахрам, когда барашка он поел,
Подать хрустальный кубок повелел.

Его приносит кравчий периликий
И кубок ставит на руку владыки.

Шах молвил: «Миром Ардашир владел,
При этом шахе старец молодел.

Он был велик, — меньшие мы, не боле,
Иной мы не заслуживаем доли.

Он украшал совет, и бой, и пир, —
Нет, не было таких, как Ардашир!

В Иран явился Искандар из Рума,
Он эту землю разрушал угрюмо,

Прошел он по державам, как злодей,
Он уничтожил тридцать шесть царей.

Уста владык рекут ему проклятья,
И все ему враждебны без изъятья.

Дух Фаридуна внемлет лишь хвале *, —
Его же проклинают на земле!

В моей душе решенье утвердилось:
Я всем хочу дарить добро и милость.

Пускай придет, звонкоголос, правдив,
Провозгласит глашатай мой призыв.

Пускай он скажет правым и неправым,
И юным воинам, и седоглавым:

«Кто — в городе, в деревне ли, — к мехам,
К парче, коврам, дирхемам, жемчугам,

К чему угодно, хоть бы к хворостине,
Протянет руку воровскую ныне, —

Того посадим силой на коня,
Как узника, отправим в храм огня,

Ему под конским брюхом ноги свяжем,
К Азаргушаспу гнать его прикажем.

Помолится во прахе пред огнем, —
Всевышний позаботится о нем.

Имущество, что отниму у вора,
Ограбленному возвращу я скоро.

Кто пустит лошадь на чужой посев,
Плодовый сад разрушит, обнаглев, —

Он — прост иль знатен, робок иль отважен —
А будет на год мной в тюрьму посажен!..

Мы отдохнем, прервем на время труд,
Пускай купцы из города придут».

Когда приказ царя достиг их слуха,
Пришли купцы из Джаза и Баркуха,

Владыке предложили свой товар, —
В степи китайский запестрел базар!

ПОУЧЕНИЯ БАХРАМА ВО ВРЕМЯ ОХОТЫ НА ОНАГРОВ

Лишь озарил рассвет земную кровлю,
Бахрам предпринял на онагров ловлю.

Вот понеслись воинственные львы,
На луки надевая тетивы.

Сказал властитель: «Кто решил из лука
В онагра выстрелить, — тому наука:

Пусть целит в зад, — пора давно смекнуть,
Что плохо наконечник входит в грудь!»

Воскликнул некий муж: «О знаменитый,
На это войско славное взгляни ты.

Будь всадник добронравный или злой, —
Как ты, не может он владеть стрелой!

Быть может, ширина груди — причина
Неслыханных успехов властелина?

Когда берешь не палицу, не меч,
Стрелу берешь, высок, широкоплеч, —

Становится стрелкам от срама больно,
Рука, что держит лук, тогда безвольна!»

Ответил шах: «От бога помощь нам,
Не даст он силы, — кто тогда Бахрам?»

Промолвив это праведное слово,
Погнал к самцу-онагру вороного,

Он отпустил колечко, — и стрела
В онагра с наконечником вошла.

Богатыри, что золотом сверкали,
К убитому онагру поскакали.

Чудесным выстрелом удивлены,
Восславили властителя страны.

Перо и наконечник скрылись в теле
Онагра: так Бахрам стрелял по цели!

Тот муж сказал: «Властитель на коне,
Да не услышишь ты о черном дне!

Ты — скакуна, а мы — ослов погнали,
Да и с ослами справимся едва ли!»

Ответил шах: «Не я стрелу пустил,
А тот, кто для меня — источник сил.

На свете всех ничтожней и презренней
Тот, кто от бога не познал дарений».

Помчался шах, исполненный ума,
Казался конь крылатым, как Хума!

С детенышем-осленком скачет самка,
А под ногами — то бугор, то ямка.

Мечом ее ударил шах Бахрам,
Рассек он туловище пополам.

К нему примчались и простой и знатный,
Примчались, чтоб взглянуть на меч булатный.

Воскликнули с восторгом млад и стар:
«Вот это — меч, и сила, и удар!

Да не померкнет шаха светлый жребий,
Ему подобна лишь луна на небе!

Все шахи ниже головы его,
А небо ниже булавы его!»

Бахрам, очистив от онагров поле,
Обратно с войском двинулся оттоле.

На золотых колечках мастерам
Велел он имя вырезать: «Бахрам».

Онаграм в уши эти кольца вдели
И клейма на трехстах запечатлели.

Так сделал ради славы царь царей,
Для радости и гордости своей.

Один из всадников объехал поле,
Сказал бойцам: «Внемлите царской воле:

Онагров продавать — нельзя бойцам,
Их даром надо отдавать купцам!»

С парчой, мехами, вняв словам приказа,
Купцы явились из Баркуха, Джаза.

От податей освободил их царь,
Хотя вносить хотели, как и встарь.

Кто добывал свой хлеб трудом тяжелым,
Но бедным пребывал, босым и голым, —

От милостей царя разбогател,
У многих стал возвышенным удел.

Вернулся шах, а войско и столица,
Любя Бахрама, стали веселиться.

Семь дней приемы длились у царя,
И радовался он, добро творя.

Воззвал приятным голосом глашатай,
Правдолюбивый, разумом богатый:

«О вы, кто верит в правды торжество,
Вам бог — защита от рабов его!

Трудились вы на нас, презрев усталость,
Но вам и доля денег не досталась.

Придите к нам, и будет вам почет,
И каждый жить по-новому начнет:

Кто стар, трудиться не способен боле,
Кто молод, но иссох от тяжкой боли,

Кто весь в долгах, кто беден, слаб, убог,
От зла заимодавцев изнемог,

Сироты, чья одежда вся в заплатах, —
Пусть хлеб и кров получат от богатых.

Есть женщины, родившие детей,
Скрывающие бедность от людей.

Умрет богач, оставив деток малых.
О боже, кто б обидеть пожелал их?

Но опекун является туда
И грабит их без страха и стыда.

Иной дела такие втайне прячет, —
Кто втайне прячет, пусть потом не плачет!

В богатых превращу я бедняков,
В безгрешных превращу еретиков,

От горя должников освобожу я,
Невинных от оков освобожу я.

Несчастных, втайне терпящих нужду,
К вратам своей казны я приведу.

А если, позабыв о благородстве,
Детей, что жизнь свою влачат в сиротстве,

Обокрадет распорядитель-вор,
То виселицей будет приговор!»

Бахрам, вкусив от разума отраду,
Велел дружинам двинуться к Багдаду.

Он ехал со счастливою душой,
С ним были вместе близкий и чужой.

Он отпустил воителей сначала,
Вступил в чертог, где радость обитала.

В опочивальне — мускус и вино,
И ложе золотом озарено.

И вот нет посторонних в царской спальне,
Красавицы поют в опочивальне.

От музыки, и песен, и вина
Земля, казалось, ввысь вознесена!

Водили еженощно хороводы,
Чтоб не проникли во дворец невзгоды.

Так две недели был он весел, рад,
Своей казны не закрывал он врат.

Раздав дирхемы, шах поехал дале,
Его венец в Истахре увидали.

Опочивальни двери он раскрыл,
Красавицам богатства раздарил.

Иные из наложниц разрыдались:
Ни троны, ни венцы им не достались,

На шаха обижались, на судьбу.
Шах рассердился, закусил губу,

Сказал Рузбеху: «Вняв приказам нашим,
Все, что внесут Хазар и Рум, отдашь им.

Теперь для них потребуй поскорей
Все, что собрали Исфахан и Рей.

Чтó для иранского царя печальней,
Чем нищета в его опочивальне!»

Так бремя новых податей легло
На страны, что вздыхали тяжело.

Был весел шах, покой вкушая сладкий,
Забыв заботы, споры, битвы, схватки.

ХАКАН КИТАЯ ВЕДЕТ ВОЙСКО НА ИРАН; ИРАНЦЫ ПРОСЯТ У НЕГО ПОЩАДЫ

Узнали Рум, Туран, Хинд и Китай, —
Пустынный край и плодоносный край, —

Что любит шах Бахрам одни забавы,
Что презирает всех глава державы,

Что ни начальников на рубежах,
Ни стражей верных не расставил шах,

Проводит время он в пирах, веселье,
Не видит ничего, любя безделье.

Услышал эту весть хакан и рать
Всего Китая повелел собрать.

Он разделил динары меж бойцами,
Никто тогда не думал о Бахраме.

Когда Иран услышал, потрясен,
Что движутся войска со всех сторон, —

Идет кейсар, все на пути сметая,
Идут полки Хотана и Китая, —

Сановники, правители страны,
И старцы, и отважные сыны

Предстали пред Бахрамовым престолом,
Сказали в гневе, грозном и тяжелом,

И речь сановников была груба:
«Померкла, властелин, твоя судьба!

Где место шаханшаха? В битве правой!
А ты весельем занят и забавой.

Ты презираешь войско и казну,
Престол, дворец, иранскую страну!»

Ответил шах вельможам и мобедам,
Дорогу указующим к победам:

«Один помощник у меня — господь,
Что может самых мудрых побороть.

Он даст мне силу, и войска, и счастье,
И я спасу Иран от волчьей пасти.

Меч обнажу, велю скакать коню,
Страданье от Ирана отгоню».

И горе для него предмет забавы!
От слез глаза сановников кровавы.

Сказали: «Праведных людей сердца
От шаха отвратятся гордеца».

Но сердце шаха было недреманно,
Той вестью был взволнован шах Ирана.

Он втайне от юнца и старика
Благоустраивал свои войска.

В Иране все сердца рвались на части:
Спиной к Бахраму повернулось счастье.

Отчаялась в правителе страна,
Презрения к делам его полна.

Пришла к Бахраму весть: войска хакана
Уже границу перешли Ирана.

Бахрам призвал Густахма на совет:
Он был богатырем, познавшим свет,

Завоевал он подвигами славу,
А на войну смотрел, как на забаву.

Пришел Харрад, победы властелин,
Фархада сын явился, Михрбурзин,

Бихруз пришел с отважным Хазарваном,
Бихрам, Руххам совместно с Андаманом,

Глава Гиляна, Рея гордый шах,
Чьи ноги в день сраженья — в стременах,

И Дадбурзин, что воинов возглавил:
Сей богатырь Забулистаном правил.

Пришел Бурзин с морщинистым лицом,
Каран, что почитался храбрецом.

Шесть тысяч выбрал шах мужей достойных,
Не раз встречавших смерть в жестоких войнах.

Вручил он брату царство и венец,
Чтоб войско охранял, казну, дворец —

Являл Нарси величье, правду, милость,
И разумом его лицо светилось.

Покинул повелитель свой престол,
В страну Азара войско он повел.

А войско было малым, и столица
Тут начала негодовать и злиться:

«Бежал в страну Азара шах Бахрам,
Покинул поле битвы, стыд и срам!»

Бахрам помчался в сторону Азара,
А в Парс явился вестник от кейсара.

Нарси велел, чтоб спешился гонец
И был введен с почетом во дворец.

Пришли войска к верховному мобеду,
Чтоб о Бахраме повести беседу.

Сказали: «Шах не роздал денег нам.
Зачем богатств не накопил Бахрам?

Себя растрачивает он впустую,
Свою не ценит пору молодую».

И войско и столица смятены,
И каждый хочет стать главой страны.

Такие речи вскоре устарели,
Заговорили все о новой цели, —

Чтобы Иран освободить от зла,
К хакану следует послать посла:

«Во время грабежей, позора, бедствий
Ни об одном не забывают средстве!

Быть может, дом иранский сбережем,
Хотя ушел хозяин, бросил дом!»

Нарси воскликнул: «Это не реченья!
Нет русла для подобного теченья!

Построю рать, — страна мне дорога,
Не попрошу пощады у врага!

Есть у меня казна, оружье, знамя,
Мужи, что в пепел превращают пламя.

Бахрам уехал с войском небольшим,
Но ваш испуг, увы, непостижим:

Беда-то и придет в такую пору,
Когда не будет край готов к отпору!»

Отвергнув мужа смелого совет,
Сановники промолвили в ответ:

«Бахрам не вправе царствовать в державе,
И мучить он таких, как мы, не вправе!

Теперь Иран погибнет без следа:
Хакан с войною движется сюда.

Что войско, что Нарси перед врагами?
Всех попусту затопчут нас ногами!

Давайте средство наконец найдем,
Чтобы остался невредим наш дом».

Был некий муж разумен и учен.
Был этот жрец Хумаем наречен.

Иранцы, пред хаканом замирая,
Послом к нему отправили Хумая.

Посланье сочинили, как рабы,
Что трусят, опасаются борьбы.

Писали: «Мы — рабы. Наш дух и разум
Склоняются перед твоим приказом.

Все, что иранским создано трудом,
Тебе, хакан, с раскаяньем пошлем.

Пошлем и дань с дарами: не желаем
Мы воевать с Тураном и Китаем».

Хумай и несколько богатырей
Отправились к хакану поскорей.

Хакан в душе почуял ликованье,
Когда прочел иранское посланье.

Еще посол поведал, что Бахрам,
Ни слова не сказав седым мужам,

Уехал с войском небольшим нежданно, —
И радость увеличилась хакана.

Сказал своим туранцам: «Небосвод
Мы оседлали, нам он отдает

Иран без боя, ибо осторожны
И бдительны мы были в час тревожный».

Дирхемами Китая без числа
Он одарил иранского посла,

Вельможам написал слова ответа:
«Вкусили вы от разума и света!

Я ваше слово с радостью прочел,
Я принял все, что молвил ваш посол.

Приду я в Мерв с войсками, с приказаньем:
«Пусть мир украсится пером фазаньим!»

Я буду справедлив в делах, в речах,
Смешаю воду с молоком в ручьях.

Я буду ждать, не причиню страданий,
Пока не получу иранской дани.

Приду я в Мерв, но не войду в Астар, —
Пускай спокойны будут млад и стар».

Посол в Иран примчался утром рано,
Вельможам передал слова хакана.

Хакан большое войско в Мерв привел,
От пыли почернели высь и дол.

Он отдохнул, за чашу сел с друзьями, —
Никто из них не думал о Бахраме.

Напев рубаба, чанга нежный звон
Из Мерва изгоняли тишь и сон.

Рать разместилась на полях просторных,
И не было нигде застав, дозорных, —

Была охота, лютня, пир ночной,
Забыл хакан, что он пришел с войной.

Иранской дани ждал хакан жестокий,
Уже сердился, что проходят сроки.

БАХРАМ ГУР НАПАДАЕТ НА ХАКАНА

А царь-то не дремал. Настойчив, строг,
Он войско от захватчика берег.

Теперь в пирах не черпал он отрады,
Лазутчиков он рассылал отряды.

Узнав, что с войском в Мерв пришел хакан,
Что многочисленен враждебный стан,

Бахрам уразумел: близка угроза!
Повел он войско быстро, без обоза,

Был каждый воин в шлеме, одвуконь,
И днем и ночью мчались, как огонь.

Быстрей, чем вихрь, чем горные лавины,
Вперед, к Амулу, двинулись дружины.

В Гурган пришли бойцы, а шах страны
Скорбел: ему вельможи не верны...

Неса́ возникла на путях тяжелых, —
Правдивый проводник туда привел их.

По горным скалам пробирался шах,
О времени забыл в степных ночах.

Прошел пустыни, гор гранитных кряжи,
Дозоры были днем, и ночью — стражи.

Не отдыхая, к Мерву он пришел:
Так быстро не летает и орел!

Донес лазутчик: «Стан врагов не строен,
Хакан великим зваться недостоин,

Помчался на охоту в Кушмихан, —
За Ахриманом следует хакан!»

Подумал шах: «Теперь я ближе к цели».
Заботы, словно ветер, отлетели.

Решил он до рассвета отдохнуть,
Как рассвело, пустился снова в путь.

К полудню в Кушмихан пришли нежданно
Бахрам, и кони, и мужи Ирана.

От пестрых стягов — рябь в глазах врагов,
Полны их уши воплями рогов!

«Бей! Бей! Давай!» — повсюду раздается,
Звенит в ушах Бахрама-полководца.

Казалось, плачет облако росой,
Барс оглушен тем громом и грозой.

Земля багровой от войны казалась,
Все время льется кровь с луны, казалось!

Был поглощен охотою хакан, —
В плен захватил хакана Хазарван.

Пленили триста витязей-врагов,
Их привязали к седлам скакунов.

Бахрам примчался в Мерв, и стали ноги
Коней — тростинками на той дороге.

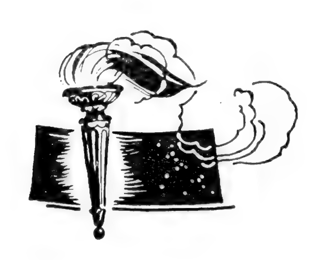
Шах в Мерве уничтожил всех чужих,
Там не остался ни один в живых,

А тех, кто вспять бежал быстрее дыма,
Преследовал Бахрам неукротимо.

Властитель с гневом барса поскакал,
За ним — Каран из Парса поскакал.

Вернулся шах, победою блистая,
Стал раздавать казну, добро Китая.

Он поднял горделивое чело:
От бога счастье бранное пришло.

БАХРАМ ГУР ВОЗДВИГАЕТ ПОГРАНИЧНЫЙ СТОЛБ НА ГРАНИЦЕ ИРАНА И ТУРАНА

Шах отдохнул, и кони боевые
Здесь, в Мерве, успокоились впервые,

Но шах не веселился на пиру:
Решил пойти войной на Бухару.

Бахрам за сутки до Аму добрался:
Теперь он миром завладеть старался!

Он переправился через Аму,
Фараб среди песков предстал ему.

Как только солнце засияло шаху,
И сбросил мир лазурную рубаху,

И ястреба окраску приобрел, —
Властитель мира к Маргу подошел.

Разбил глава царей войска туранцев,
Огню он предал землю чужестранцев.

Своих сынов не мог отец найти,
И звезды сбились на небе с пути!

Знатнейшие туранцы, — молодые
Воители, сановники седые, —

Униженные, в прахе и пыли,
К царю Бахраму пешие пришли.

Сказали: «Шах из дома благородных,
Властитель счастья, господин свободных!

Хакан отверг всевышнего завет,
Он виноват, но ты прими совет:

Не убивай невинных! Всем известно,
Что злоба с правдолюбьем несовместна.

Захочешь дани — принесем тотчас,
Зачем же обезглавливаешь нас?

Мы все — твои рабы, мужи и жены,
Страдает край, тобою побежденный!»

Царь сжалился над жертвами беды,
Рукой ума закрыл глаза вражды.

Сошло к нему от господа наитье,
Велел он прекратить кровопролитье.

Как только даровал пощаду шах
И мир настал в разгневанных сердцах, —

Туранский муж, что выше всех по званью,
Пришел с тяжелой ежегодной данью.

Припасы взял сверх дани шах Бахрам,
Достиг венца желаний шах Бахрам!

Фараб увидел вскоре полководца:
Нет на лице морщин, лицо смеется!

Здесь на неделю сделал шах привал,
Знатнейших из туранцев он призвал.

Из камня столб воздвиг среди равнины,
Чтобы не мог из тюрков ни единый,

Пока приказ царя не будет дан,
Через Джейхун переходить в Иран!

Был в войске муж, он Шимром величался,
Умом и благородством отличался.

Бахрам ему вручил туранский трон,
Он шахом стал, к владыкам приравнен.

Как только воцарился Шимр в Туране,
Он стал источником благодеяний,

Раскрыл он руку, полную щедрот,
В Туране он обрадовал народ.

БАХРАМ ГУР ПИШЕТ ПИСЬМО БРАТУ НАРСИ И ИРАНЦАМ

Покончил шах с туранскими делами,
И пламя успокоилось в Бахраме.

В письме поведал брату о боях
С Тураном, о поверженных краях.

Как божий раб, Бахрам слова составил:
Сперва царя вселенной он восславил,

Владыку Солнца, Марса и Луны, —
Все на земле ему подчинены,

Он создал все от мала до велика,
Творец победы и добра владыка!

«Вблизи границ, где был я начеку,
Письмо пишу я брату на шелку,

Слова и для вельмож предназначая,
Пишу в Иран на рубеже Китая.

Кто битвы не видал с хаканом, тот,
По крайней мере, пусть о ней прочтет.

Войскам хакана степь казалась тесной,
Измазан был смолою лик небесный.

Кровавым морем стал обширный дол,
Был опрокинут грешника престол.

Отвергнутый и богом и судьбою,
К нам в плен попал хакан во время боя.

Я на верблюде пленника привез,
Он связан, а глаза мокры от слез.

Туранцев гордых шеи стали гибки,
Сердца — в крови, а на устах — улыбки.

Пришел к нам с данью тот, кто шел с войной,
Кто грешен был, тот путь избрал благой.

Вслед за письмом и я приду, желая
Добра и меченосцев возглавляя».

Верблюды, с белой пеной на губах,
И кони понеслись, взметая прах.

Когда Нарси прочел посланье брата,
Запело сердце, радостью объято.

Мобед мобедов и столпы земли —
Вельможи-родичи — к нему пришли.

Иран расцвел. В ответ на весть владыки
Везде гремели радостные крики.

Тогда сердца раскаялись у тех,
Кто совершил пред шаханшахом грех.

Предстали, сокрушаясь, пред мобедом:
Им правый путь царя отныне ведом!

Сказали: «Шах велик и справедлив,
Но ложный страх внушил вельможам див.

Нам показалось, что разверзлась бездна:
С таким врагом сраженье бесполезно!

Однако чудо совершил Бахрам,
Всех мудрецов поверг он в стыд и срам.

Когда царю в ответ напишешь слово,
Поведай, что стыдимся мы былого.

Хотя наш грех велик, — велик и стыд,
Быть может, повелитель нас простит».

Сказал Нарси: «Я буду с вами вместе,
Я сердце шаха отвращу от мести».

Затем с ответным поспешил письмом,
Поведал о хорошем и дурном:

«Боясь несчастья, гнета, святотатства.
Тревожась за детей и за богатства,

Вельможи, веру в шаха потеряв,
Пошли, врага защитником избрав.

Они пошли не с местью, не с изменой,
Не предпочли других царю вселенной,

И если ты теперь простишь вельмож,
То счастье согрешившим ты вернешь.

Они сказали мне: «Ты наш ходатай,
Перед царем за нас проси и ратуй».

Один мобед, по имени Бурзмихр,
С письмом к владыке полетел, как вихрь.

Сокрытое раскрыл царю державы,
Доволен был властитель величавый,

Склонил к той речи милостивый слух, —
И пламень гнева шахского потух.

Вельможи Бухары и Хутталяна,
Чаганияна, Балха, Гарчистана,

С барсамом, с данью, преданность храня,
Пришли к царю, поклоннику огня.

С тех пор, приобщены к его блистанью,
В чертог вступали с ежегодной данью.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БАХРАМА ГУРА В ИРАН

Когда замолкли празднества, когда
Прошел Ноуруз и минул день Сада,

В сопровожденье знатных повелитель
Поехал в храм огня, в его обитель.

Пошли к огню, владыка — впереди,
У всех мобедов руки на груди.

Священники восславили Бахрама,
И, одарив их, вышел он из храма.

Решил в Истахре временно воссесть,
Где высшая для шаханшахов честь.

Здесь тысяча сто шестьдесят кинтаров
Дирхемов, да и столько же динаров,

Что в бычьих шкурах на слонах везли,
Велел раздать глава царей земли:

На пехлеви жрецы и государи
«Пайдаваси» сказали б о динаре.

Он также вез, чтоб сотворить добро,
В мешках из кож пахучих серебро.

Узнав, что рухнул мост в окрестном крае,
Что развалились караван-сараи, —

Сооруженья эти царь страны
Отстраивал за счет своей казны.

Униженным, что в бедности томились
Или трудами рук своих кормились,

Он подарил дирхемы в светлый час,
Подобной тратою не огорчась.

Он много серебра, и добр, и весел,
Сиротам, вдовам на весах отвесил.

Всем старцам, ослабевшим от нужды,
Кого согнули битвы и труды,

Всем людям знатного происхожденья,
Утратившим отцовские владенья,

Всем, кто скитался иль в родном краю
Скрывал от близких нищету свою, —

Всем сделал шах добро, всех осчастливил,
Из бедности к безбедной жизни вывел.

Добычу битвы роздал он бойцам,
И ничего себе не взял Бахрам.

Мобеду, что молился неустанно,
Велел, чтоб тот принес венец хакана.

Оттуда, чтоб украсили алтарь,
Велел извлечь каменья государь.

Предстали пред святым огнем с дарами,
Каменья ярко засверкали в храме.

Затем он в Тейсафун направил рать,
Бахрама ждали там Нарси и знать.

Ликуя, встретили главу победы
Богатыри, вельможи и мобеды.

Узрел Нарси венчанное чело
И войско, что с победою пришло.

Он спешился, склонился ниц, и то же
Проделали мобеды и вельможи,

И брата рад был властелин обнять,
Велел ему сесть на коня опять.

Шах во дворец направился оттоле,
Затем воссел на золотом престоле.

Явилась вновь Бахрама доброта,
Раскрыл он тюрем узкие врата.

Сердца людей, что мучились доселе,
Познали справедливость и веселье.

От горестей освободил он мир,
Созвал вельмож и витязей на пир,

И каждый гость на том пиру богатом
Был шаханшаха награжден халатом.

БАХРАМ ПИШЕТ НАСТАВЛЕНИЕ НАМЕСТНИКАМ

Три дня, три ночи пировал дворец.
Но вот усажен впереди писец.

Вина и счастья царь познал пыланье,
Составил благосклонное посланье.

Сперва того восславил, кто един,
Кто разума и знанья господин.

Он разум свой сердечностью украсил,
А сердце — человечностью украсил.

От бога, понял он, добро и свет.
Он сведущих выслушивал совет.

Писал он: «Благо слито с правосудьем,
От правосудья зла не будет людям.

Кто из бойцов иль вестников моих,
Кто из мужей, наместников моих,

В жестокости, в мздоимстве будет грешен,
Тот будет брошен в яму иль повешен.

Обиженных избавьте от невзгод,
Пусть тяготы не лягут на народ.

Но вечен мир, — так вечности ищите:
Добра и человечности ищите!

Меня возьмите вы за образец,
Я буду утешением сердец.

Смотрите, сколько войск пошло войною,
Чтоб одержать победу надо мною!

Повел я в бой лишь несколько полков,
И вот в друзей я превратил врагов.

Такой властитель, как хакан Китая,
Что на престоле восседал, блистая, —

Мой пленник: рать его я поборол, —
И тюрков опрокинулся престол.

Меня победой одарил создатель,
И пал передо мною неприятель.

Да буду лишь творцу подвластен я,
Да буду правде сопричастен я!

Пускай семь лет ни подданный, ни равный
Не вносит подати казне державной.

Наместникам, исполнены любви,
Так написали мы на пехлеви:

Отныне пусть узнает подчиненный
Одной лишь справедливости законы.

Всех бедняков, кто падает без сил,
Всех, кто и доли счастья не вкусил,

Пришлите имена: от нас в Иране
Увидят исполнение желаний.

Всем, чьи уста произнесут упрек,
Кто в бедность впал, хоть род его высок,

Вы не отказывайте в благостыне,
Пусть гордо голову поднимут ныне.

Вы имена узнайте должников,
Что вырваться не могут из тисков.

За счет казны мы их долги покроем,
Все, что расстроено, мы вновь устроим.

По-прежнему просите у творца,
Чтоб верой ваши укрепил сердца.

Возрадуйтесь уставам благородным,
Даруйте милость бедным и голодным.

Пусть и к рабам никто не будет строг:
И мы — рабы, а наш владыка — бог!

Мужам разумным, не жалея платы,
Детей в ученье пусть отдаст богатый.

Да просветится знанием душа:
Лишь разума дорога хороша!

Хотя у вас могущество большое,
Не зарьтесь на имущество чужое.

Служите нам, и будет вам хвала.
Везде уничтожайте корни зла.

Вы изберите верности дорогу,
Самих себя в заклад отдайте богу.

Соседям не чините вы обид,
Особо тем, кто знатен, родовит.

Того, кто стал внезапно богатеем,
Кого мы выскочкою разумеем,

Не возвышайте вы, как нашу знать:
Достаток может недостатком стать!

Не обижайте бедняков: не вправе
Вы притеснять кого-либо в державе.

К добру стремитесь, к праведным делам,
Просящих не ломайте пополам.

То дело, что не слышит одобренья,
Заслуживает всякого презренья.

Тому от бога слава и почет,
Кто ради человечности живет!»

Так вязь письма блестящий шелк покрыла,
И обмакнул писец тростник в чернила, —

Для тех, в чьем сердце свет, в чьем сердце тьма,
Шах начертал в заглавии письма:

«Бахрам, владыка перстня и печати,
Источник милостей и благодати».

К правителям, к высоким мудрецам,
К воителям, ученым и жрецам

Отправились гонцы без промедленья,
Бахрама повезли установленья.

Едва наместник, области глава,
И люди узнавали те слова, —

Йездана восхваляли неустанно
За то, что признает Бахрам Йездана.

Узнав, как благороден властелин,
Сбирались толпы жен, детей, мужчин,

Во всей стране царя превозносили:
Он уничтожил кривду и насилье!

Затем благословенная страна
Потребовала музыки, вина.

Полдня — вино и пенье, прочь забота,
Другая половина дня — работа!

И каждым утром раздавался крик
Пред золотым дворцом царя владык:

«Пусть всякий, кто имеет, — потребляет,
Но также раздает, распределяет!

Здесь обретете, если вы бедны,
По пять дирхемов желтых из казны,

Равно вина густого по три мана,
Что цвета золота или тюльпана».

Шел беспрерывный праздник у мирян,
Весельем наслаждался весь Иран.

За ветку, где цветы росли, алея,
Платили два динара, не жалея,

Цена цветку нарцисса был дирхем,
И это дешево казалось всем!

От счастья сердце старца молодело,
В ручьях, казалось, молоко белело.

Восславил царь земли творца земли,
Когда сердца людские расцвели.

БАХРАМ ГУР ОТДАЕТ СВОЕМУ БРАТУ НАРСИ ХОРАСАН И ПРИЗЫВАЕТ К СЕБЕ ПОСЛА КЕЙСАРА

«Нарси, — сказал властитель знаменитый, —
Отправься в путь, венец и жезл возьми ты.

Тебе, о брат, я отдал Хорасан.
Обрадуй земледельцев, горожан.

Будь справедлив и щедр, внемли совету:
Сей мир — лишь переход от мрака к свету.

Смотри, отец наш корчился во зле,
Как голый человек в осенней мгле!»

Дары велел он принести для брата,
Чтобы его казна была богата.

Сказал: «Да защитит тебя творец,
Да будет ярче солнца твой дворец!»

На путь Нарси потратил две недели,
Легко и радостно достигнул цели.

Еще неделя с той поры прошла,
И погрузился шаханшах в дела.

Велел прийти верховному мобеду,
С ним и с вельможами вступил в беседу.

Сказал: «Давно из Рума весть пришла,
Но до сих пор не принял я посла.

А что за человек посол? Умен ли?
А коль умен, то знаньем просветлен ли?»

Сказал мобед: «Не должен ты страдать,
О царь, на ком почиет благодать!

Посол — старик разумный, добронравный,
С хорошим голосом и речью плавной.

Он знатен, он с науками знаком,
Он Филатуна был учеником *.

Величественно прибыл он из Рума,
У нас унижен, смотрит он угрюмо.

Как змеи в дее-месяце, поник,
Увял, ослаб, трепещет, как тростник.

Как овцы, у него робеют слуги, —
Как бы от псов охотничьих в испуге.

Обижен и озлоблен он сейчас
И за людей не принимает нас».

Бахрам сказал мобеду и вельможам:
«Без господа мы царствовать не можем.

Хотя мне даровал победу бог
И мрак я светом счастья превозмог, —

Тот человек, что в Руме стал кейсаром,
Владыкой величается недаром:

Велик, от Салма происходит он,
А Салм обрел от Фаридуна трон! *

Он прозорлив, идет благой тропою,
Не рвется, как хакан безумный, к бою!

Теперь его посла мы позовем, —
Надеюсь, пользу принесет прием, —

И отошлем посла с добром, с приветом:
Ведь я в друзьях нуждаюсь в мире этом.

Один приходит с войском, а другой
Несет с собою радость и покой.

Того и этого понять мне надо,
Есть в дружбе с именитыми отрада».

Мобед сказал ему слова любви:
«Пока есть жизнь, ты весело живи.

Тебе внимая, познаем блаженство,
Обрел ты над владыками главенство».

ВОПРОСЫ РУМИЙСКОГО ПОСЛА И ОТВЕТЫ МОБЕДОВ ИРАНА

Лишь солнце утром на небе взошло,
Явив свое венчанное чело,

Позвал глава державы чужестранца,
На трон почетный усадил посланца.

Пришел речистый, сведущий старик,
Который на царей взирать привык.

Стал на колени, подойдя к престолу,
Седую голову склонил он долу.

Вблизи себя царь усадил посла,
И ласковою речь его была.

Сказал: «Ты слишком долго ждал приема,
В Иране тосковал вдали от дома, —

Была война с хаканом начата:
Он возомнил, что я ему чета.

Теперь я рад, о старец, нашей встрече,
Я наконец твои услышу речи,

Ты долго ждал, я чту твои права
И дам ответ на все твои слова».

Сказал старик, посол красноречивый:
«Живи, пока земля и время живы!

Вот правда: если шах разумен сам,
То внемлет он с приязнью мудрецам.

Да будет мудрый к господу приближен,
Да будет злонамеренный унижен!

Ты — высший над царями, царь царей,
К тому же — лучше всех и всех мудрей.

Весы — язык твой, речь полна жемчужин,
Поддельный камешек тебе не нужен!

Есть у тебя и мощь, и благодать,
И знанья, — ты рожден повелевать.

Есть у тебя добро и разум здравый,
Глава разумных и глава державы!

Не только от кейсара я посол:
Как слуг твоих служитель я пришел!

Кейсар тебя приветствует сердечно:
«Да восседает шах на троне вечно!»

Еще велел, чтоб о семи вещах
У мудрецов твоих спросил я, шах».

Шах молвил: «Спрашивай, седоволосый,
Тем слава, кто ответит на вопросы!»

Владыка приказал созвать жрецов,
Верховного мобеда, мудрецов,

Но втайне начал шах вздыхать, томиться:
«Что мы услышим ныне от румийца?

Что за неведомые семь вещей?
Разумных мы дождемся ли речей?»

Пришел мобед, явился круг ученых,
В науке сильных, в знанье искушенных.

Освободилась тайна от оков:
Вопрос владыки Рума был таков,

Сказал посол: «О благе ты ревнуешь.
Мобед, что внутренним ты именуешь?

Что внешним назовешь, глава вельмож?
Что верхом ты и низом назовешь?

Скажи: что безгранично во вселенной?
Что вещью называешь ты презренной?

Кому, скажи мне, в мире власть дана?
Что многие имеет имена?»

Мобед ответил на слова румийца:
«Тот не спешит, кто к знаниям стремится.

Узнай же от начала до конца
Ответы на вопросы мудреца.

Увы, старик, немного в мире здешнем
Мы ведаем о внутреннем и внешнем.

Снаружи — небо, воздух есть внутри,
Верх — благодать всевышнего, смотри!

Бог — безграничен, он твоя надежда,
От бога отвернется лишь невежда.

Верх — это рай, а низ — ужасный ад,
Не будь же перед богом виноват!

Явленье, что имен имеет много,
Что движется и чья светла дорога, —

Есть разум. Тот всесилен, кто умен,
Но ум имеет множество имен.

Он — Доброта, но он и Верность в горе,
Без разума погибнешь ты в позоре.

Он — Правда, — прозорливец говорит.
Он — Сметка, — так счастливец говорит.

То он — Терпенье, то — Хранитель Тайны,
И слово — друг его необычайный.

Да, разума понятье таково,
Есть множество названий у него,

И все же сущность разума едина:
Он — выше мира, он — добра вершина.

Познать он хочет тайны всех вещей, —
То, что сокрыто от людских очей...

Спросил: «Какое господа творенье
Заслуживает мудреца презренье?»

Презренны звезды, что горят светло
И чье тебе неведомо число.

До неба далеко, — для человека
Туда дороги не было от века.

Так презирай же звезды, человек,
И времени и небосвода бег!

Кто все постиг во мраке и в лазури,
Не удивлен, что светится Меркурий.

О звездочет, ведешь ты звездам счет, —
Мудрец твой труд презренным назовет!

Так мыслю я, но есть и мысль иная,
Затем, что богу нет конца и края».

Посол склонился ниц, когда мобед
На все вопросы дал ему ответ.

Сказал Бахраму: «Совершил ты много,
И больше не проси даров у бога.

Весь мир к твоим ногам стремится пасть,
Ты утвердил над витязями власть,

Ты — люб вельможам, ты — добра основа,
Еще не ведал мир царя такого.

К тому же твой мобед умом велик,
Науки он воистину постиг.

Мыслители его дивятся силе,
Покорно головы пред ним склонили».

Обрадовали шаха те слова,
Он озарился светом торжества.

Был награжден мобед конем и златом,
Деньгами, одеянием богатым.

Посол кейсара, истины знаток,
Покинул повелителя чертог.

БАХРАМ ОТПРАВЛЯЕТ ПОСЛА КЕЙСАРА ДОМОЙ

Явилась длань зари на небосклоне,
Шах заблистал на драгоценном троне.

Пришли мобеды, чей обширен ум,
С послом почтенным, чья отчизна — Рум.

Пришли — и для благих речей воссели,
В душе спокойно, а в глазах — веселье.

Послу кейсара так сказал мобед:
«О муж, таких, как ты, не видел свет!

Какое вредное ты знаешь дело,
Чтоб сердце о содеянном скорбело?

А что полезней всех полезных дел,
Что возвышает смертного удел?»

Сказал посол: «От знанья мощь зависит,
Лишь знанье возвеличит и возвысит.

А о невежде и его делах
Мы скажем так: «Презренный, жалкий прах!»

Вот мой ответ. Мыслители и прежде
Так думали о мудром и невежде».

Мобед ответил: «Ты умом высок,
Так не тащи ты рыбу на песок!»

Сказал посол: «О ты, кто бескорыстен!
Еще немало можно вспомнить истин.

Коль у тебя другое слово есть, —
Скажи: от знания — почет и честь».

Сказал мобед: «Подумай. Мысль — основа
Любого дела и любого слова.

Коль добрый покидает бренный свет,
Для мира это — наибольший вред.

Когда злодея поглощает бездна,
Мы счастливы: такая смерть полезна!

Смерть может вред и пользу принести, —
Теперь ты понял разума пути?»

Понравился послу ответ мобеда,
Была полезна для него беседа.

Сказал он, шаха мудрого хваля:
«Как счастлива иранская земля,

Которой шах Бахрам со славой правит, —
Во всяком деле мудрость он проявит.

Его мобед — из мудрецов мудрец,
От знания высок его венец.

Да, заслужил ты от кейсара дани,
Затем что твой мобед — источник знаний».

Обрадовал властителя посол,
И, как цветок весною, шах расцвел.

Ушел румиец, шаха восхваляя.
Свой черный стяг взметнула тьма ночная, —

Так появился мускусный шатер,
И щеки амброй небосвод натер.

Но знал небесный свод: покой недолог,
Он спящих разбудил, откинув полог.

Взметнула знамя светлое заря,
Растаял сон могучего царя.

Врата дворца раздвинула охрана,
Воссел на свой престол глава Ирана.

Подарки приготовить приказал,
Позвал посла, достойного похвал.

Вообразить не мог румиец старый,
Что в мире есть в таком числе динары,

Так много злата, дорогих камней,
И мускуса, и амбры, и коней.

БАХРАМ ГОВОРИТ С МОБЕДАМИ О СПРАВЕДЛИВОСТИ

Когда владыка отослал румийца,
Решил он к нуждам войска обратиться.

Советнику-мобеду повелел
Отдать угодья витязям в удел,

Всю землю разделить, с ее дарами,
Между храбрейшими богатырями.

Он роздал деньги, перстни и венцы,
Знатнейшим — страны, троны и дворцы.

Он правдой мир наполнил необъятный,
Возрадовались и простой и знатный.

Он был с людьми корыстными суров,
Прогнал их и оставил без даров.

Затем к мобедам обратился с речью:
«Я верю вашему чистосердечью,

Давно ведете счет царям земным,
Поступкам их прекрасным и дурным.

Немало было грешных властелинов,
Они заснули, этот мир покинув.

Людей казнил и мучил Йездигерд,
Он много сделал зла, жестокосерд.

При нем царили гнет, корысть и злоба,
Не насыщалась алчного утроба.

Сидел на воре вор, на бесе бес,
И божий страх в людских сердцах исчез.

Орудья зла, добра установленья,
Ворота к знаньям, светлые стремленья,

Обман и правда, счастье и беда
От шаха начинаются всегда.

Едва отец презрел добра начала, —
Поникла правда, совесть замолчала.

Чего хотел он, силам зла служа?
Железная покрыла сердце ржа!

Джамшид был грешен и Кавус, — не диво,
Что и отец попал в тенёта дива,

И душу, где клубился мрак густой,
Не омывал он разума водой.

Он подчиненных согрешить заставил,
Он многих изувечил, обезглавил.

Ушел он, и осталась от него
Дурная слава — больше ничего.

Но мы его простим, даруя жалость,
Чтоб грешника душа не истерзалась.

Теперь воссел я на его престол,
И райский свет, я верю, он обрел.

Я помощи прошу творца вселенной,
Прошу я силы явной, сокровенной,

Чтоб сеял я добро в людских сердцах,
Чтоб в тертый мускус превратил я прах,

Так, чтоб, когда отселе в землю вниду,
Никто меня не проклял за обиду.

Вы тоже будьте с правдою дружны,
Ее одежды вы надеть должны,

Иранца, иль араба, иль румийца
Удел таков: для смерти он родится.

Смерть — это лев, а смертный слишком слаб,
Никто не вырвется из львиных лап,

Львы тоже попадают ей в тенёта,
И на дракона у нее охота.

Где витязи? Где гордые цари?
Где достославные богатыри?

Где властелины поднебесной шири?
От них мы и следа не видим в мире!

Где пери, что блистали красотой,
Что услаждали негой молодой?

Чадра скрывала радостные лица,
Но суждено им было с прахом слиться.

Пойдем же вместе с правдой и добром
И мир от злодеяния спасем!

Клянусь творцом и солнечным восходом,
Клянусь венцом, престолом, царским родом,

Что если мой наместник сотворит
Хотя бы горстку мук или обид,

То я сожгу его, не пожалею,
Или ему веревка сдавит шею.

А если среди ночи, в поздний час,
Вор украдет у бедняка палас,

То бедняка я одарю динаром,
Утешу горемыку щедрым даром.

Проглянет день иль будет ночь глуха
И унесут овцу у пастуха,

Взамен овцы коня ему вручу я,
И разницы при этом не спрошу я.

Когда в бою с врагами за Иран
Мой всадник станет немощным от ран,

Ему пошлю запас дирхемов на год,
Заботы на его детей не лягут.

За все благодарите вы творца,
Он есть добро — и нет ему конца.

В огне насилья нет для нас отрады:
К огню да будут близки лишь хирбады! *

Запомните, — закон в стране таков:
Не будем тяглых убивать быков.

Состарится ваш бык, и вы сочтете,
Что непригоден больше он к работе, —

Его до смерти вы кормить должны,
Не то уйдет удача из страны.

Советам мудреца всегда внимайте
И юные сердца не разбивайте.

Не пьянствуйте, коль борода седа:
Презренен тот старик, что пьян всегда.

Страшитесь дивов, злобных и лукавых,
Во время битв забудьте о забавах.

Мне опротивеют престол и рать,
Коль буду с бедных подати взимать.

За казни Йездигерда в воздаянье
Распространю я доброе деянье.

Простит, быть может, грех его творец,
В рай попадет из ада мой отец.

Вы обретете, повинуясь богу,
На старости — добро, припас — в дорогу.

Не бойтесь дня грядущего, когда
Вы никому не сделали вреда.

Молясь огню, живите вы свободно
И радуйтесь, что правлю благородно!»

Вельможи, осчастливлены царем,
Взглянули на правдивого с добром.

От этих слов, в которых — свет и благо,
В глазах мобедов засверкала влага.

Раздался радостный и громкий крик,
Бахрама нарекли царем владык.

БАХРАМ ПИШЕТ ПИСЬМО ШАНГУЛЮ, ЦАРЮ ХИНДУСТАНА

Услышал шах от мудрого вазира:
«О праведный! Покой настал для мира,

Ты уничтожил замышлявших зло,
Исчезла боль, страдание ушло.

Шангуль, однако, правит в Хиндустане,
От справедливых отрешась деяний.

Во всей стране, а также у границ
Грабителей он держит и убийц.

К Ирану он протягивает руку,
Он хочет наш народ обречь на муку.

Зачем он требует, о царь земли,
Чтобы державы дань ему несли?

Подумай, рассмотри и действуй смело,
Да не творится в мире злое дело».

Тут крепко призадумался Бахрам.
Мир, словно лес, предстал его глазам.

Сказал Бахрам: «Я втайне все устрою,
И тайну эту от Ирана скрою.

Один приду к индийскому царю,
Его дворец и войско осмотрю,

Приду к Шангулю, как простой посланец, —
Так, чтобы ни один не знал иранец.

А ты посланье напиши, яви
Шангулю слово гнева и любви».

Ушел мобед с писцом усердным вместе,
Увел вельмож, такой достойных чести.

Поговорив о малом и большом,
Пришли с бумагой, тушью и пером,

И были в том письме предупрежденье,
Благой совет и верное сужденье.

Бахрам вначале восхвалил творца,
Благословил безгрешные сердца:

«На свете все имеет повторенье,
Лишь бог — один, и мир — его творенье.

Изо всего, что людям он дает,
И слугам, и достигшим всех высот,

Нет ничего, что разума дороже, —
Он и рабу потребен и вельможе.

Дурных поступков тот не сотворит,
Чье сердце ясный разум озарит.

Тот не раскаялся, кто делал благо,
Живительна для нас познанья влага.

Людей спасает разум от беды, —
Да всех избавит разом от беды!

О разуме по признаку мы судим:
Разумный зла не причиняет людям,

Он знает, что случится впереди, —
На мир глазами разума гляди!

Погибнешь, силу разума отринув,
Венчает он вельмож и властелинов.

Шангуль, не знаешь меры ты ни в чем,
Себя ты ранишь собственным мечом.

Лишь я — законный царь, лишь я — основа
Всего хорошего, всего дурного, —

Так не захватывай ты власть царя,
Повсюду беззаконие творя.

Тот, кто бесчинствует, кто с вором дружит,
Тот облика царя не обнаружит.

Служил нам твой отец, и помнит свет:
Слугою наших шахов был твой дед.

Мы недовольны тем, что постоянно
Запаздывает дань из Хиндустана.

Ты посмотри: хакан возглавил рать,
Задумал он Иран завоевать,

Но сам утратил то, чем обладал он,
Пришел с войной — и сам же пострадал он.

Идешь ты, вижу, тот же путь избрав,
Обычай тот же у тебя и нрав.

К войне готов я, войско мне послушно,
Со мною вся страна единодушна.

Ты убежишь от наших смельчаков:
Нет полководца у твоих полков!

Ты ослеплен собою: с водопадом
Чуть слышный родничок ты ставишь рядом.

Теперь поговори с моим послом,
Он блещет красноречьем и умом.

Ты хочешь дань внести? Так жду я дани.
Ты хочешь рать вести? Дрожи заране!

Мы шлем благословение тому,
Кто честь и разум предпочел всему».

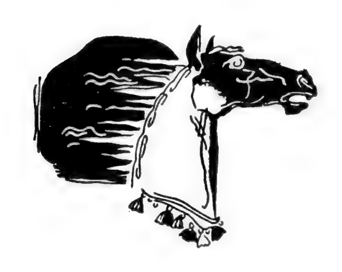
Лишь высохло от ветерка посланье,
Писец свернул свое рукописанье,

В заглавии поставил: «Шах — велик,
Бахрам — правитель мира и владык.

Написано посланье правды ради
В день арда, в славном месяце хурдаде.

Мы свет являем землям, племенам,
Рум, край саклабов дань приносят нам.

Письмо — Шангулю, властелину Хинда,
Чья власть — от Каннауджа вплоть до Синда».

БАХРАМ ГУР СО СВИТОЙ ПРИБЫВАЕТ В ХИНДУСТАН СО СВОИМ ПИСЬМОМ

Владыка приложил к письму печать,
Все для охоты стал приготовлять.

Помимо тех, кого друзьями числил,
Никто не ведал, что Бахрам замыслил.

Так миновал он реку той страны,
В которой обитали колдуны.

Вот Хиндустан, где благовонье льется,
Вот и дворец Шангуля-полководца.

Увидел шах завесу и врата,
Дворца вершина в воздух поднята.

У врат — слоны, охрана и оружье,
Звон колокольцев слышится в окружье.

Бахрам, дворцом блестящим поражен,
Стоял, смотрел, в раздумье погружен.

Сказал привратникам и скороходам,
Что грозно возвышались перед входом:

«От шаха, что всех шахов превзошел,
Приехал от Бахрама к вам посол».

Глава вельмож из-за завесы разом
Направился к Шангулю за приказом.

Завеса вмиг раздвинута была,
И с уваженьем провели посла.

Увидел шах с хрустальной крышей зданье,
Увидел драгоценностей блистанье.

Предстал он пред Шангулем как посол,
Его венец увидел и престол.

Подножие — хрусталь позолоченный,
Сидит Шангуль, на царство облаченный,

Он в золоте, в серебряных штанах,
Все одеянье — в дорогих камнях.

Сидит пониже трона муж почтенный,
То — брат Шангуля в шапке драгоценной.

Наставник — рядом с шахом, в жемчугах,
А сын стоит пред шахом на ногах.

Бахрам приблизился к тому престолу,
Главу склонил перед владыкой долу.

Раскрыл уста, от господа велик,
И острый зазвенел его язык:

«Приехал я с письмом, о царь индийский,
Начертаны слова по-пехлевийски».

Послу, что прибыл с дальнего пути,
Велел Шангуль сиденье принести.

Бахрама на сиденье усадили,
Затем и свиту во дворец впустили.

Бахрам раскрыл уста, сказал царю:
«Приказывай, и я заговорю.

Да без тебя, о государь всеправый,
Не будет ни величья, ни державы!»

«Начни же речь, — сказал Шангуль в ответ, —
На говорящем блещет божий свет».

Сказал Бахрам: «О шах благословенный,
О властелин, о витязь несравненный,

Не знает горя царство у тебя,
Яд превращен в лекарство у тебя.

Твоей покорны воле все владыки,
Твоя добыча — лев свиреполикий.

Когда в бою вздымаешь меч стальной,
Бурлит, как море крови, прах степной.

Ты щедростью подобен вешней туче,
Динары презираешь ты, могучий.

Письмо на пехлеви тебе вручу —
Исписанную буквами парчу».

ОТВЕТ ШАНГУЛЯ НА ПИСЬМО БАХРАМА

Лицом посланца удивлен и статью,
Потребовал Шангуль письмо с печатью.

Когда писец прочел письмо, — поник,
Стал цвета желчи венценосца лик.

Сказал: «Эй, муж суровый с речью смелой,
Ты резок, но ошибки ты не сделай!

Твой шах надменен, — убежден я в том,
Что этим же ты следуешь путем.

С тем, кто потребует с индийцев дани,
Не разговаривают в Хиндустане!

Бахрам гордится войском и добром,
Грозит, что нам он учинит разгром.

Все шахи — журавли, я — царь орлиный,
Как море, широки мои долины.

Не ищет боя взысканный судьбой,
Тот проклят небом, кто идет на бой.

Разумный вас осудит. Бог свидетель:
Пустых речей дороже добродетель.

Твердите: благо, правда, честь, почет, —
Но знаю: вас казна моя влечет!

Мои сокровища — залог победы,
Они в земле, их не коснулись деды.

Есть и другой, надежный, ценный клад,
А состоит он из кольчуг и лат.

Ключ от сокровищницы прячут стражи:
Не выдержит и слон такой поклажи!

Начну считать я панцири, мечи, —
Для счета звезд не хватит нам в ночи.

Знай: не вмещает Хинд в своих пределах
Моих слонов и войскоборцев смелых.

Ты тысячу на тысячу помножь, —
Тогда поймешь число моих вельмож.

Мои — богатства гор, богатства моря,
Я, царствуя, избавил мир от горя.

Алоэ, амбра, мускус, камфара
И горы золота и серебра,

Запасы снадобий и средств целебных,
Увы, недужным всей земли потребных, —

Вот чем страна индийская горда,
Вот чем богаты наши города!

Я — царь восьмидесяти властелинов,
Врагам внушу я трепет, войско двинув!

Страна полна ущелий, горных рек,
И див по Хинду не пройдет вовек!

От Каннауджа до границ Ирана
Я царствую державно, невозбранно,

Есть далее саклабы и Китай, —
Их тоже мне подвластными считай.

В Хотане, Хинде и в Китае даже
Лишь наше имя произносят стражи.

Я внемлю только славе и хвале,
Униженно мне служат на земле.

Всегда со мной, в моем дворце блистая, —
Фагфура дочь, красавица Китая.

Она мне тигра-сына родила:
Его меча боится и скала!

С тех пор как нет Кавуса, мы не дремлем, —
Никто не угрожал индийским землям.

Есть триста тысяч у меня бойцов —
Потомков знатных дедов и отцов.

Есть родичи, их тысяча и двести,
Взглянуть на нас мечтают, как о чести.

Их семьи служат нам из рода в род,
Я прикажу — и ринутся вперед.

Их бранный крик в лесной услышав чаще,
Свои утратит когти барс дрожащий.

Лишь мысль, что убивать нельзя посла,
Тебя от гнева моего спасла,

Не то б твою главу отсек с размаха,
Оплакала б тебя твоя рубаха!»

Сказал Бахрам: «Коль власть тебе дана,
То бойся гнева сеять семена.

Иранский шах прислал меня с наказом:
«Уйди от дивов, если ценишь разум.

Уйди, желая блага, из дворца,
Найди в своем народе мудреца,

И если он иранца переспорит,
Посланца моего умом поборет,

То до твоей страны мне дела нет,
Затем что знанья драгоценен свет.

Не хочешь так, — затеем спор неравный:
Из воинов, что в Хиндустане славны,

Сто отбери с мечом и булавой:
Пускай с одним из наших вступят в бой.

Увидев доблесть, мощь в индийском стане,
Мы не возьмем с твоей державы дани!»

БАХРАМ ГУР ВСТУПАЕТ В ЕДИНОБОРСТВО ПРИ ДВОРЕ ШАНГУЛЯ

Сказал Шангуль: «Ты слово мне изрек,
Но ты от человечности далек.

Ни пользы ты не хочешь знать, ни долга, —
Прервем беседу нашу ненадолго».

Как следует, чтоб радовать сердца,
Украсили айван того дворца.

Бахрам до полдня пребывал в покое.
Вошло в зенит светило золотое,

Стал от пыланья солнца зноен мир,
А на айване был устроен пир.

Перед Шангулем скатерть разостлали.
Он приказал, чтоб за послом послали:

«Посол речист, — подвешен язычок, —
Но в этом деле, видно, новичок.

Велите к нам идти ему и свите,
За стол посольство шаха усадите».

Вошел посланец и прошел вперед.
Для яств — не для речей — открыл он рот.

Исполнили обычай пирований,
И чаши появились на айване.

Вино душисто, кушанья остры,
Покрыты золотой парчой ковры.

Вельможи от вина развеселились,
От горя, треволнений удалились.

Двух силачей Шангуль призвал к себе,
Велел им силы испытать в борьбе.

Затрепетали б дивы пред борцами,
Что станы повязали поясами!

То побеждал один, а то другой,
Упали, обессилены борьбой.

Посол вкушал из чаши то и дело,
И голова Бахрама захмелела.

Шангулю он сказал: «О царь земли,
И мне ты пояс повязать вели.

С борцом померюсь удалью своею,
Тогда приду в себя и отрезвею».

Шангуль, смеясь, промолвил: «Встань скорей,
Борца поборешь, — кровь его пролей!»

Бахрам поднялся, к силачу шагнул он,
И для борьбы свой стан прямой согнул он.

Схватил индийца, как онагра — лев,
На землю повалил, не пожалев,

Ударил так, что стан сломал широкий, —
Разбились кости, помертвели щеки.

«О боже! — вскрикнул по-индийски шах, —
Посол отважен и могуч в плечах!»

Богатыря за то, что победил он,
На сорок мест повыше посадил он.

Всех опьянило вкусное вино,
И было пиршество завершено.

Погасло солнце на небесных сводах,
Был нужен и седым и юным отдых.

Ко сну пирующие отошли —
И воины и властелин земли.

Лишь показалось на небе светило
И мира занавес позолотило,

Шангуль велел, чтоб принесли колчан,
Сел на коня, держа в руке чоуган.

Скакал, родные озирал пределы,
Несли за государем лук и стрелы.

Был и Бахрам с индийскими людьми.
Сказал Шангуль: «Ты царский лук возьми».

Бахрам в ответ: «О правящий страною,
Иранцев много прибыло со мною,

Им хочется стрелять, в чоуган сыграть, —
Что скажет шах, чья воля — благодать?»

«Для всадника, — Шангуль промолвил слово, —
И лук и стрелы — храбрости основа.

А ну, мишени посмотри в лицо,
Лук натяни и отпусти кольцо».

Бахрам кивнул Шангулю головою,
С натянутой помчался тетивою

И сразу тополевою стрелой
Пронзил мишень наездник удалой.

Мужи войны и мастера чоугана —
Все восхвалили витязя Ирана.

ШАНГУЛЬ НЕ ОТПУСКАЕТ БАХРАМА В ИРАН

Бахрама стал Шангуль подозревать:
«Откуда эта удаль, сила, стать?

Возьмем иранца, тюрка иль индийца —
Никто не сможет с тем послом сравниться.

Он — властелин, мы скажем наугад,
Быть может, шах иль шаха младший брат!»

Сказал, смеясь, Бахраму шах индийский:
«О богатырь, царю Ирана близкий!

Твой стан, и мощь, и ловкость говорят,
Что ты, наверно, шаханшаха брат.

Как лев могучий, ты отважен в схватке,
Я вижу, царственны твои повадки».

«Царь Хинда, — отвечал ему Бахрам, —
Ты вестника не причисляй к царям.

Не Йездигерда сын я, не владыка,
Не брат его, — мне слушать это дико!

Увы, мой ум не блещет остротой,
Я из Ирана человек простой.

Пусти меня домой. Длинна дорога,
Боюсь, мой царь меня накажет строго».

«Не торопись, — Шангуль сказал в ответ, —
Мы наших не закончили бесед.

Не надо начинать так быстро сборы,
Затем что плох отъезд, когда он скорый.

Побудь со мною. Старого вина
Не хочешь? Молодое пей до дна!»

Пришел к царю советник седоглавый.
Речь о посланце начал царь державы.

Так молвил проницательный Шангуль:
«Совет услышать от тебя смогу ль?

Не родич ли Бахрама сей посланец?
Иль он — простой воинственный иранец?

Тогда завидуй ты его звезде,
Об этом надо говорить везде!

Скажи ему, что здесь живется лучше,
Что, мол, остаться надо в Каннаудже.

Обманом должен ты его привлечь,
Затем что он мою отвергнет речь.

Любые ты выдумывай предлоги,
Но лишь назад не жаждал бы дороги.

Скажи: «Ты в Хинде будешь при дворе,
Знатнее станешь при таком царе.

Ты при Шангуле голову поднимешь.
Его сужденья тонкие воспримешь.

Лишь там, где лучше, — там твоя страна.
Здесь, в Хинде, вырастет тебе цена.

Здесь — вечная весна, ручьев отрада,
Здесь — ветерков душистая прохлада.

Здесь для счастливца вся земля цветет,
Деревья плодоносят дважды в год.

Здесь — деньги, золото, парча, каменья,
А там, где есть богатство, — нет мученья!

Здесь повелитель, облик твой любя,
Смеется, лишь увидит он тебя».

Такие ты ему поведай речи,
Что в голову придет, скажи при встрече.

Затем его прозванье ты спроси, —
Покой моей душе ты принеси.

Остаться здесь, быть может, он захочет, —
Возвысит нашу честь и мощь упрочит.

Его назначим наших войск вождем,
Мы возвышаться сызнова начнем».

Пришел мудрец. То исподволь, то прямо
Не уходить он убеждал Бахрама.

Спросил он тут же, как зовут посла,
Чтобы душа царя покой нашла.

Был омрачен властитель этой речью,
Мол, что я твоему царю отвечу?

В конце концов сказал: «С каким лицом
Я в двух державах стану подлецом?

От шаха, от Ирана, как изменник,
Не отвернусь я ради жалких денег!

У нас не таковы закон и нрав,
Обычай, верованье и устав.

Тот, кто предаст царя и полководца,
В день воскресенья мертвых не проснется!

Вовек богатства не искал мудрец:
Злу и добру — всему придет конец.

Где Фаридун, исполненный блистанья,
Который был опорой мирозданья?

Где венценосцы славные лежат,
Где Кей-Хосров, где храбрый Кей-Кубад?

Теперь земля узнала о Бахраме.
Он своеволен и не стар годами.

Бахрама не нарушу я приказ,
Я не хочу, чтоб светоч мой погас,

Чтоб шах на вас пошел, войну посеяв
И в прах развеяв землю чародеев.

Всего верней вернуться мне домой:
Пусть взглянет на меня властитель мой.

Царю, да и родным — еще скажу я —
Известен я под именем Барзуя.

Ты мой ответ Шангулю передай, —
Пора мне, мол, чужой покинуть край».

Наставник шаха с тяжким вздохом вышел,
Пересказал Шангулю все, что слышал.

Шангуля омрачил такой ответ,
Сказал: «Удачи он утратил свет.

Теперь свое уменье обнаружим,
Чтоб навсегда покончить с этим мужем».

БАХРАМ СРАЖАЕТСЯ С ВОЛКОМ И УБИВАЕТ ЕГО

Был в Хинде волк, свирепый зверь лесной.
Дорогу ветру преграждал спиной.

Сбежали в страхе львы из этой чащи,
Сбежал и коршун, в воздухе парящий!

Его боялись мертвый и живой,
Всех оглушали волчий рык и вой.

Шангуль сказал Бахраму: «Воин честный,
Попробуй подвиг соверши чудесный.

Вблизи моей столицы волк живет,
Он много причиняет мне забот.

Он, как дракон, царит в лесной округе,
Лев убегает от него в испуге.

Ты сделай так, чтобы погиб злодей,
Ты шкуру волка стрелами пробей.

Быть может, мужество свое проявишь
И этот край от хищника избавишь.

Поверь, тебя в чертоге нашем ждет
Такой же, как на родине, почет.

Пусть ныне люди Хинда и Китая
Тебя благодарят, благословляя».

Сказал Бахрам: «О царь, ты светлолик!
Пускай пойдет со мною проводник,

И если мне поможет бог всеправый,
То вскоре станет волчья шерсть кровавой».

Отправился Бахрам с проводником,
Который с этим лесом был знаком.

Бахрам на битву с волком вышел смело,
А в сердце ярость у него кипела.

Вот, описав, каков собою волк,
Где обитает, — проводник умолк,

И повернулся, и покинул шаха.
Шах углубился в лес, не зная страха,

И несколько иранцев вслед за ним
Пошли на битву с хищником лесным.

Вот появился волк — и все бежало.
Под тяжестью его земля дрожала!

Друзья сказали: «Страшен этот путь,
О царь, уйди, о подвигах забудь!

Кому с горою воевать хотелось?
Хотя и проявил ты в битвах смелость, —

Шангулю доложи: «В чужой стране
Громить зверей не подобает мне.

Бахрам прикажет, — в бой вступлю я сразу,
Но повинуясь лишь его приказу».

Сказал Бахрам: «Запомните одно:
Коль в Хинде умереть мне суждено,

То умереть смогу ль в другом я месте?
Вы успокойтесь, это слово взвесьте».

Лук натянув, Бахрам погнал коня,
Жизнь ни во что, казалось, не ценя,

И, смерти не страшась, в победу веря,
Горящие глаза вперил он в зверя.

Могучий лук держал он, и была
В колчане тополевая стрела.

За ней другие полетели стрелы, —
Увидел гибель хищник оробелый.

Как только волк от страха задрожал,
Бахрам, отбросив лук, достал кинжал.

Он обезглавил хищника лесного,
Сказал: «Великий бог — всему основа.

Он, только он, удачу нам дает,
Он солнцем озаряет небосвод».

Повозку, запряженную быками,
Велел пригнать воюющий с волками.

На той повозке волка повезли.
Айван убрал парчою царь земли,

Воссел Шангуль на трон, взгремели клики,
И привели богатыря к владыке.

Бахрам отважный множество похвал
От витязей индийских услыхал.

Пришли сановники с богатым даром.
«Ты чудо совершил, — сказали с жаром, —

О подвигах твоих не смолкнет весть,
Нам на тебя смотреть — большая честь!»

А у царя индийского во взоре —
То радость и восторг, то боль и горе.

БАХРАМ ГУР УБИВАЕТ ДРАКОНА

То на земле, то в море жил дракон.
Порой вздымался и на небосклон.

Слонов валило с ног его дыханье,
И приводил он море в содроганье.

Сказал Шангуль придворным мудрецам,
Советникам, наперсникам, друзьям:

«Сей витязь — лев, отважный, сильнорукий,
Дарит меня то радостью, то мукой.

Я знаю: был бы я непобедим,
Будь он военачальником моим!

Наш Хинд, когда посол назад вернется,
Погибнет от Бахрама-полководца.

Коль подданный — таков, а шах — Бахрам,
То смерть грозит индийским городам.

О нем я думал, ночь без сна провел я,
Иное средство, кажется, нашел я.

Пусть этот муж с драконом вступит в бой, —
Пожертвует, быть может, головой.

С чудовищем сей витязь биться будет,
Меня никто за это не осудит».

Сказав, иранца он призвал к себе,
О предстоящей рассказал борьбе:

«Сюда, навстречу битвам и тревогам,
Ты прислан из Ирана правым богом,

Чтобы продолжить витязей дела
И Хиндустан освободить от зла.

Перед тобой опасность и преграда,
Сначала — муки, а потом — награда.

Ты этот подвиг соверши сперва,
Затем вернешься в блеске торжества».

Сказал Бахрам: «Вступлю я в битву снова,
Поскольку нет мне выбора иного.

Пусть буду злобой неба я сражен,
Твое веленье для меня — закон».

Сказал Шангуль: «Постигло нас несчастье,
Боится Хиндустан драконьей пасти.

Жилье дракона — суша и вода,
Пойми: акулы — для него еда!

Быть может, ты, чья воля непреклонна,
Избавишь Хинд от страшного дракона?

Тогда уедешь с данью ты домой,
Благословен индийскою страной.

К тому же в дар за дело удалое
Получишь золото, мечи, алоэ».

Сказал ему Бахрам: «О господин,
Всем Хиндустаном правишь ты один!

По воле бога мощь свою умножу,
Чудовище-дракона уничтожу!

Я, смерть ему готовящий, пойду,
Но где я то чудовище найду?»

Тогда Шангуль индийца с ним отправил,
Проводника Бахраму предоставил.

Иранцы — тридцать витязей — верхом
Последовали за своим царем.

Он мчался, быстротою с ветром споря,
Дракона увидал в пучине моря.

Зверь вышел на берег, раздвинул пасть,
В глазах — огонь, и ненависть, и власть.

Познали страх иранские вельможи,
У витязей мороз прошел по коже:

«Шах! Это чудище — страшней, чем волк!
Есть у тебя перед Ираном долг.

Погибнув, ты отчизну обезглавишь,
А в Хинде радость недругу доставишь».

Иранцам так ответил царь страны:
«Создателю мы жизнь вручить должны.

Не станет жизнь длиннее иль короче:
Коль смерть моя — дракон, закрою очи».

Лук натянул он, мужеством богат,
Он выбрал стрелы, что впитали яд.

Он эти стрелы, как в сраженье конном,
Со всех сторон обрушил над драконом.

Попал в драконью пасть, — и яд потек,
Покрылся этим ядом весь восток.

Он голову пронзил стрелой стальною, —
Кровь с ядом потекли струей сплошною.

Они текли, текли, и ослабел
Свирепый зверь от ядовитых стрел.

Чтобы покончить с чудищем проклятым,
Драконье сердце шах рассек булатом.

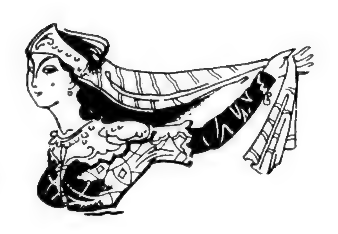
По шее бил мечом и топором, —
Пал бездыханный зверь перед царем.

Когда Бахрам привез драконье тело,
Когда Шангуль увидел это дело,

Слились все люди Хинда в похвале
Создателю, а также той земле,

Что витязей подобных порождает,
Которые драконов побеждают, —

Богатырей, что широки в плечах,
Которым равен только падишах!

БАХРАМ ГУР БЕРЕТ В ЖЕНЫ ДОЧЬ ЦАРЯ ХИНДУСТАНА

Все люди той страны легко вздохнули,
Но зрела дума мрачная в Шангуле.

Совет созвал он, лишь настала ночь,
Наставника просил ему помочь.

Сказал: «Посол Бахрама крепкостанный,
Бесстрашный, ловкий, в битве неустанный,

Вовеки не останется у нас, —
Увы, ошибся я на этот раз!

Едва к Бахраму сей храбрец вернется,
Предстанет перед взором полководца,

Он скажет: «Хинд беспомощен в бою,
Нет витязей отважных в том краю».

Поднимет голову мой враг могучий!..
Убью посла — вот выход наилучший.

Он втайне будет уничтожен мной.
Скажите, разве выход есть иной?»

Ответствовал наставник: «Царствуй властно,
Но сердце ты не надрывай напрасно.

Ты изберешь предательство и ложь,
Когда посла Бахрама ты убьешь.

Тебе такие мысли не пригодны,
Так никогда не делал благородный.

Молва дурная о тебе пойдет:
Ведь только добрых шахов чтит народ.

Тотчас же войско из Ирана хлынет,
Бахрам отважных для возмездья двинет,

Всех уничтожит на твоей земле, —
О царь, ищи добра, забудь о зле!

Все скажут: «Царь коварный обезглавил
Того, кто от дракона нас избавил!»

Поверг он волка силою своей,
Так жизнь его продли, а не убей!»

Царь, выслушав наставника сужденье,
От горя пожелтел, пришел в смятенье.

Та ночь была долга и тяжела,
А рано утром царь позвал посла.

Воссел с ним с глазу на глаз царь индийский, —
Ни дальний не присутствовал, ни близкий.

Воскликнул: «Если человек богат,
Его ничьи приманки не прельстят.

Да будет дочь моя твоей женою, —
Не отступлюсь от сказанного мною.

А если такова твоя стезя, —
Уйти от нас тебе уже нельзя.

Познаешь в Хинде знатность, власть, удачу,
Главою войска я тебя назначу!»

Бахрам подумал о своей стране,
О троне, о наследье, о войне:

«Как возразить? Не будет же бесчестьем,
Когда Шангуля назову я тестем!

Мне может жизнь спасти такой союз,
И я в страну иранскую вернусь.

Живу я слишком долго в Хиндустане:
Лев оказался у лисы в капкане!»

«Я подчиняюсь, — был его ответ, —
Твои слова мне даровали свет,

Но выбери из дочерей такую,
Чтоб я, узрев ее, отверг другую».

Индийский царь возликовал душой,
Убрал айван китайскою парчой.

Три дочери пришли — как цвет весенний,
Как радостный источник наслаждений.

Сказал Бахраму царь: «На этот раз
Ты сердце новым зрелищем укрась».

Бахрам явился на айван великих
И отобрал одну из луноликих —

Царевну Сапинуд: была она —
Сама любовь, и нега, и весна,

Стройна, стыдлива, ласкова, пригожа
И на свечу без копоти похожа.

Невесте царь приданое вручил:
Богатства несказанные вручил!

Он спутникам Бахрама, людям ратным,
Достойным всадникам, вельможам знатным

Дал много денег, всякого добра, —
Там были амбра, мускус, камфара.

Айван украсить приказал он тут же;
Все, кто считался знатным в Каннаудже,

Торжественно явились во дворец,
Познав успокоение сердец.

С вином в руках неделю пировали
И радостно у шаха пребывали.

Везде вино сверкало в хрустале, —
Так Сапинуд сверкала на земле.

ПИСЬМО ФАГФУРА КИТАЯ И ОТВЕТ БАХРАМА ГУРА

Фагфур Китая услыхал нежданно,
Что в Хиндустан отправлен из Ирана

Посол к Шангулю, что, всего скорей,
Тот витязь — родственник царя царей,

Что дочь свою, послом обвороженный,
Ему Шангуль могучий отдал в жены, —

И государь, что славился умом,
К послу направил вестника с письмом,

С таким заглавьем: «Пишет царь вселенной,
Владыка знатных, вождь благословенный,

Тому, кто в Хинд из Парса как посол
Пришел и тридцать витязей привел.

До нас дошли, — в письме писал он, — вести,
Что ты — счастливый муж, достойный чести,

Что ты умом и мужеством богат, —
Все о твоих победах говорят.

Ты с чудищами бился непреклонно,
И волка уничтожил, и дракона.

Дочь дочери моей — твоя жена:
Весь Хинд — вот родинки ее цена!

Вознесся ты, — мы даром слов не тратим, —
С тех пор, как стал царю Шангулю зятем.

Тем самым возвеличил ты Иран:
Стал подданный царем одной из стран.

Ты в Хинд пришел, Бахраму подчиненный, —
Луну державы получил ты в жены,

Теперь ко мне, в Китай, отправься в путь
И сколько хочешь у меня пробудь.

Познаю, на тебя взглянув, отраду,
Твой разум даст моей душе усладу.

Захочешь возвратиться ты назад, —
Не будет на твоем пути преград.

Уедешь ты с весельем и дарами,
С твоими тридцатью богатырями.

Позора в этом нет и нет беды:
К Бахраму я не чувствую вражды.

В любой уедешь час: вот довод веский.
Так не откладывай своей поездки!»

Бахрам, когда письмо к нему пришло,
Насупил помрачневшее чело.

Призвал писца и средь посевов гнева
Своим ответом посадил он древо:

«Китай, как видно, — для тебя предел:
Ты в мире ничего не разглядел.

Письмо ты начал так: «Я — повелитель,
Я — миродержец, знатных предводитель!»

Но ты изрек неверные слова:
Где на величье у тебя права?

Бахрам — единственный и несомненный
Глава: других не знаем во вселенной.

Удачей, знатностью, отвагой — с ним
Никто из падишахов не сравним.

Он, только он, — владыка властелинов,
Его я славлю, всех других отринув.

И о моих трудах ты написал,
Ты мне, о царь, не пожалел похвал,

Но я силен лишь тем, что с шахом связан,
Удачами Бахраму я обязан.

Лишь у иранцев — правда и закон,
Пред ними трусит лев, трепещет слон,

Они единодушны, внемлют богу,
И звезды не внушают им тревогу.

Что ж до того, что я — Шангуля зять,
То знай, что доблесть надо награждать.

Шангуль — великий царь, страны ограда,
И отгоняет он волков от стада.

Меня достойным родичем сочтя,
Он мне в супруги дал свое дитя.

Еще ты написал: «Ко мне приехав,
Достигнешь почестей, богатств, успехов».

Я послан шахом в Хинд и не хочу
Продаться за китайскую парчу.

В Бахраме вызову я недовольство:
Ведь не в Китай назначен я в посольство!

Еще ты написал: «Уйдя от нас,
Получишь ты подарок и припас».

Но я дары такие презираю,
К добру чужому рук не простираю,

От утренней до утренней поры
Благодарю Бахрама за дары.

С твоим посланьем, о фагфур Китая,
Приду к Бахраму, верность соблюдая.

Пусть столько благ Йездан тебе пошлет,
Чтоб им и небо потеряло счет!»

Бахрам печать властителя поставил,
Фагфуру гордое письмо отправил.

БАХРАМ ГУР БЕЖИТ ИЗ ХИНДУСТАНА С ДОЧЕРЬЮ ШАНГУЛЯ

Была Бахраму Сапинуд верна:
Владыку мира чтила в нем жена.

Пройдет ли день и все три стражи ночи, —
Прикованы к возлюбленному очи.

Увидев, что к чете любовь пришла,
Шангуль отрекся навсегда от зла.

Однажды муж с женой вдвоем остались,
Весельем и покоем наслаждались.

Сказал Бахрам: «Твоя любовь щедра,
Я знаю: ты желаешь мне добра.

С тобою тайной поделюсь я ныне, —
Храни ее, подобную святыне.

Хочу из Хинда убежать с тобой, —
Свяжи свою судьбу с моей судьбой.

Ты в этом деле будь со мной согласна,
Но знай, что говорить о нем — опасно.

В Иране у меня — творцу хвала! —
Есть более великие дела.

И если светлый разум — твой вожатый,
Со мною в путь отправиться должна ты.

Познаешь ты невиданный почет,
И твой отец тебе служить начнет!»

«О знатный муж, — ответила царевна, —
Путем добра иди светло, безгневно.

Та в мире наилучшая из жен,
Из-за которой муж не удручен.

От твоего не откажусь я дела,
Хотя б душа от этого скорбела».

«Найди же средство, — молвил ей супруг, —
Но чтоб о нем никто не знал вокруг».

Жена сказала: «О достойный власти!
Устрою все, пусть мне поможет счастье.

Вблизи столицы, средь густых дерёв,
Есть место празднеств, игрищ и пиров.

Там пьют вино и доблесть в песнях славят,
Там разукрашенных кумиров ставят.

Тот лес от нас в фарсангах двадцати,
Там идолы у набожных в чести!

Там царь охотится и веселится,
И в это время радостна столица.

Для всех запретен этот лес, когда
Царь с войском отправляется туда.

Предлог найди ты для затеи смелой,
Пусть праздник стар,—свой день ты новым сделай.

До праздника лишь пять осталось дней.
Ты этот срок использовать сумей.

Когда уедет мой отец в веселье,
Ты будь готов, чтоб убежать отселе».

Сказал Бахрам: «Мы убежим вдвоем.
Знай только ты о замысле моем».

Приспело время праздника. Вельможи
В зеленый лес пустились в день погожий.

Собрался в путь Шангуль, и грянул рог,
Но дочь пришла: «Супруг мой занемог.

Пришла я с извиненьем от Барзуя:
«Прости меня, но ехать не могу я,

Пусть согласится властелин со мной,
Что портит пир и празднество больной».

Сказал Шангуль: «В своих делах он волен,
На праздник пусть не едет, если болен».

И царь, лишь потемнел небесный кров,
Помчался к месту празднеств и пиров.

Жена сказала так во тьме полночной:
«Мой добрый муж, настал наш час урочный».

Тогда Бахрам, с арканом, с булавой,
Сел на коня в одежде боевой,

И посадил царевну, и в дорогу
Отправился, молясь тихонько богу.

Домчался до реки властитель стран.
Увидел он торговый караван.

Купцы-иранцы, полные отваги,
Шли, суши не боясь и бурной влаги.

Узнав царя, восславили судьбу,
Но повелитель прикусил губу,

Велел не кланяться поклоном низким:
О бегстве не сказал он самым близким!

Велел: «От ваших слов мне будет вред,
Так наложите на уста запрет.

Лишь обо мне услышат в Хиндустане,
Иран погибнет под ярмом страданий.

У мудреца, сомкнувшего уста,
Свободны руки и душа чиста.

Чтоб обрести престол державный снова,
От всех беру я клятвенное слово:

«Нерасторжим с Бахрамом наш союз,
И тайну шаха я хранить клянусь».

И поклялись владельцы каравана,
Вздохнул свободно властелин Ирана.

Торговцам он сказал: «В чужом краю
Не разглашайте тайну вы мою,

Ее храните крепко в день суровый:
Венцом да станут вновь мои оковы!

Как только я утрачу свой венец,
Тотчас наступит воинству конец,

Конец дворцу, престолу, мирной кровле,
Конец дихканам, пашням и торговле».

В сердца купцов запала эта речь,
Вновь тайну шаха поклялись беречь:

«Мы стерпим за тебя и жар и холод,
Будь вечно государем, вечно молод!

Едва проникнет в тайну шаха враг,
Держава наша превратится в прах.

Как можно изменить владыке мира?
Для нас такая мысль — топор, секира!»

Тем честным людям шах воздал хвалу,
Помчался дальше сквозь ночную мглу.

Пред ним — река, за ней — земля Ирана.
Увидел: спит иранская охрана.

Добыл он судно, посадил в ладью
Царевну — верную жену свою.

Зажегся день, — и выбрались на сушу.
Сияло солнце, радовало душу.

ШАНГУЛЬ ГОНИТСЯ ЗА БАХРАМОМ И УЗНАЕТ ЕГО

Вот прискакал гонец к Шангулю в лес:
Исчезла Сапинуд и зять исчез!

Шангуль услышал эту весть и быстро
Из места празднеств полетел, как искра.

Достиг реки, увидел за рекой
Богатыря с царевной дорогой.

Сказал он, омрачен тоскою черной:
«О дочь моя, ты стала непокорной!

Бесчестному поверив смельчаку,
Отважно ты переплыла реку,

Покинула меня, избрав измену,
Из рая ты спешишь в Иран, в геенну!

Предав отца, бежала с ним вдвоем,
Теперь я поражу тебя копьем!»

Сказал Бахрам: «Со мной страшись ты встречи!
Зачем ты прискакал, как сумасшедший?

Иль силу ты не испытал мою?
Как на пиру, я радостен в бою!

Один мой всадник боевой стократно
Сильнее всей индийской мощи ратной.

Возглавив тридцать витязей-друзей,
Прославленных отвагою своей,

Приду и всех индийцев обезглавлю,
В живых ни одного я не оставлю!»

Поняв, что правильны его слова
(Кто смел, тот и добьется торжества!),

Сказал Шангуль: «Где честь твоя? Смотри же:
Всех близких и родных ты стал мне ближе,

Я как зеницу глаз тебя ценил,
На дочери своей тебя женил,

Я даровал тебе венец и счастье,
А ты принес мне горе и напасти.

О, чем ты мне, презренный, заплатил?
За верность ты изменой заплатил!

Что взять с тебя, когда и дочь родная,
Что милой мне была, умом пленяя,

Как храбрый муж, бежала из дворца,
Смеясь над горем старого отца?

Сын Парса верен ли своим обетам?
«Да», — говорит, «нет», — думает при этом!

О львенке есть преданье давних дней:
Он был взращен кормилицей своей,

Когда же львенок вырос из пеленок,
То на кормилицу напал сей львенок!»

Сказал Бахрам: «Отвергну твой упрек!
Зачем злодеем ты меня нарек?

Не вправе ты меня винить в измене,
Считать причиною твоих мучений.

Я — полководец, я — глава дружин,
Ирана и Турана властелин!

О царь, тебе воздам я по заслугам,
Тебе отныне буду верным другом.

Ты для меня отцом в Иране стань,
С твоей державы не нужна мне дань.

А дочь твоя поднимется высоко,
Отныне станет светочем Востока!»

От этих слов Шангуль возликовал,
Тюрбан индийский с головы сорвал,

Он отделился от огромной рати,
К Бахраму перебрался для объятий.

Обняв его, он попросил сперва
Прощения за дерзкие слова.

Затем, когда он сердце успокоил,
На берегу иранском пир устроил,

И сокровенное раскрыл Бахрам,
Дал объясненье всем своим речам,

Он мысли объяснил свои, поступки,
А в это время осушались кубки.

Отпировав, они решили встать,
Друг другу повинились тесть и зять.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ШАНГУЛЯ В СТРАНУ ХИНД, А БАХРАМА — В ИРАН

Поклонник идолов, поклонник бога, —
Два шаха крепко поклялись и строго:

«Мы, слуги правды, честные мужи,
Отныне уничтожим корни лжи

И, связанные верности обетом,
Внимать мы будем разума советам».

Шангуль простился с милой Сапинуд,
Теперь они без горя жить начнут!

Расстались два властителя: отныне
Меж них вражды не будет и в помине!

Один — по суше, по воде — другой,
Они отправились к себе домой.

ИРАНЦЫ ВСТРЕЧАЮТ БАХРАМА ГУРА

Когда о том, что вновь Бахрам — в Иране,
Узнали земледельцы, горожане,

Украсили селенья, города
И снова стали радостны тогда.

Шли с мускусом и молодой и старый,
Дирхемы всюду сыпали, динары.

Тогда, собрав рассеянную рать,
Сын Йездигерд пришел отца встречать.

Пришли, отраду наконец изведав,
Нарси, вельможи и мобед мобедов.

Царевич спешился перед отцом,
Коснулся праха молодым лицом.

Нарси с мобедом так царя встречали:
На лицах — пыль, но в сердце нет печали!

Бахрам примчался к своему дворцу,
Свой дух и тело он вручил творцу,

Когда на мир спустилась тьма ночная,
Луну, как щит серебряный, вздымая.

Когда же день сорвал одежду тьмы
И светоч солнца озарил умы,

Воссел властитель на престол державы,
Открыл собранье — гордый, величавый.

Явились все, кто в царстве был велик,
Кто властвовал, кто мудрость дней постиг.

Встал на престоле шах широкоплечий,
Повел прямые, правильные речи.

Он помянул всевышнего сперва,
Он произнес в честь разума слова.

Сказал: «Благодаря творцу вселенной
Открыт вам явный смысл и сокровенный.

Пред богом трепещите, как рабы,
Да ночью ваши слышит он мольбы.

Владыка солнца и луны, уменье
Дарует он, и мощь, и разуменье.

Кто хочет в рай попасть, пусть не творит
Ни зла, ни угнетенья, ни обид.

Пусть отвратится сердцем от обмана,
Затем что справедливость — постоянна.

Никто пусть не боится наших дел,
Хотя б добром несметным он владел.

Из сердца изгоните страх отныне,
Лишь к правде обратитесь, к благостыне.

И бедный пахарь, и дихкан всегда
Равны пред нами будут в день суда.

Те, кто от нас наград увидел много,
Не от меня их получил — от бога.

Захочет бог, — отрадою дыша,
Пребудет ясною моя душа.

Добро и справедливость преумножим,
Дорогу к благоденствию проложим.

Я не хочу, чтоб вырос наш доход:
Я не хочу, чтобы нищал народ.

Из добрых дел казну я соберу,
Чтоб ликовал мой дух, когда умру.

А если всадник мой, иль мой наместник,
Иль родич мой, соратник и ровесник

Обижен был и копит гнев, храня
Свою обиду втайне от меня,

То он грешит перед самим собою:
Грех с глупостью идут одной тропою.

Пред богом я заступник за него, —
Да будет явным правды торжество!

А если будут и другие мненья
(У каждого — свой нрав, свои стремленья),

То смело говорите вы со мной:
Быть может, путь мы изберем иной.

Внимайте нам и повинуйтесь власти,
Сердца речами этими украсьте!»

Сказал, и сел, и посмотрел светло,
Надел венец величья на чело.

Воскликнули вельможи убежденно:
«Да без тебя не будет в мире трона!

Когда разумен властелин страны,
То им земля и трон озарены.

Державных дел ты нам явил блистанье,
Таких, как ты, не знало мирозданье.

Отныне мы должны, и млад и стар,
Хвалить всем сердцем твой высокий дар.

Мы о тебе расскажем добрым людям,
Мы за тебя молиться богу будем.

Там, где добро и правда есть в стране,
Там и престол властителя в цене.

Ты — чести, справедливости основа,
Ты мертвых к жизни возвращаешь снова.

Да бог благословит твои труды,
Да будешь ты далек от злой звезды!»

Разумны, проницательны, с поклоном
Они прошли перед высоким троном.

Сел повелитель мира на коня,
Помчался вместе с войском в храм огня.

Он роздал деньги бедным в сей юдоли,
Тем, кто просить стыдился, дал поболе.

Жрецы Зардушта обходили храм,
В руках у них — дары, трава барса́м.

Бахрам туда и Сапинуд направил,
Супругу в вере истинной наставил.

Во тьме, в грехе она жила досель,
Теперь познала чистую купель.

Темниц раскрыл он узкие ворота,
Дирхемы роздал узникам без счета.

ШАНГУЛЬ И СЕМЬ ЦАРЕЙ ПРИХОДЯТ К БАХРАМУ ГУРУ

Узнал Шангуль, как правит шах страны,
От дочери своей — его жены.

Решил он землю повидать Ирана,
Дочь и царя, чья милость недреманна.

Отправил он посла, что был речист,
Богат умом и помыслами чист:

Пусть подтвердит Бахрам свое решенье,
Напишет вновь о браке соглашенье.

Шах соглашенье написал опять,
Сиявшее, как рая благодать.

С письмом, написанным по-пехлевийски,
Отправился назад посол индийский,

Помчался в Каннаудж во весь опор,
Вручил Шангулю новый договор.

Шангуль, в свои дела не посвящая
Сородичей — правителей Китая,

Решил в Иран поехать поскорей,
Он взял с собой в дорогу семь царей:

Пришли владыки Синда и Сандала,
Державы йогов царь, чья власть блистала,

Кабульский царь, что мощью обладал,
И тот, кому подвластен был Джандал,

Явился и глава Мультана с миром,
И царь, умело правивший Кашмиром.

Все — венценосцы, в злате, в жемчугах,
В богатых ожерельях и серьгах.

Ведя свои войска, семь властелинов
Пришли с зонтами — перьями павлинов.

Войска бессчетны, воины сильны,
У них парчой украшены слоны.

И не было числа дарам, динарам, —
Казалось золото презренным даром!

Так двигались Шангуль и семь царей
От места к месту, с каждым днем быстрей.

Когда об их приезде шах услышал,
Он с воинством гостям навстречу вышел.

Вельможи, чтоб приветствовать гостей,
Пришли со всех краев и областей.

Умом — старик, душой — юнец счастливый,
Бахрам увидел Нахраван бурливый.

Два добрых мужа, два царя земли,
Сойдя с коней, друг к другу подошли,

А на устах — любезное реченье,
И похвала, и просьба о прощенье.

И обняли друг друга два царя,
Слова любви и мира говоря.

Два войска спешились при этой встрече,
И мир услышал возгласы и речи,

А связанные узами родства
О том и этом повели слова.

Вновь сели в седла оба властелина,
Сошлись два мощных войска воедино.

Бахрам украсил место для пиров
Престолами, обилием ковров.

Пора настала пищей насладиться:
Барашек был и жареная птица.

Поели — для бесед пришла пора.
Благоухали мускус, камфара.

Айван царя Ирана был чудесен,
Все возжелали и вина и песен:

Здесь на ногах служители стоят,
Здесь не дворец, а дивный райский сад!

Здесь в хрустале вино, и здесь повсюду
Лишь золотую видишь ты посуду.

Здесь кравчие — в коронах золотых,
И обувь шита жемчугом у них.

Шангуль смотрел, дивясь тому чертогу,
Он думал, опьяняясь понемногу,

Что здесь — благоуханной дружбы край,
Иран прекрасен, как желанный рай!

Он втайне шаху высказал желанье:
«Устрой мне с дочерью моей свиданье».

Бахрам придворным, чьи дела — в чести,
Велел к луне Шангуля отвести.

Пошел Шангуль — и что отец увидел?
Такой, как Ноубахар, дворец увидел!

На царском троне дочь узрел отец,
На ней из бирюзы сверкал венец.

Поцеловал царицу гость высокий,
К ее ланитам приложил он щеки.

Ее любя, заплакал он, грустя,
И вместе с ним заплакало дитя.

Но восклицал он, руки потирая,
Дивясь дворцу: «Я вижу прелесть рая,

Твоя обитель — словно рай светла:
Из жалкого жилища ты ушла!»

Велел дары вручить ей для веселья:
Венцы, рабов, одежды, ожерелья,

Он столько жемчугов привез ей в дар,
Что засиял айван, как Ноубахар!

Счесть не могли рабы на том айване
Число венцов, каменьев, одеяний.

Всех щедростью, богатством поразив,
Шангуль пошел к Бахраму, прозорлив.

Развеселились от вина вельможи,
Ушел Шангуль, избрав покой и ложе.

Зажглись на небе звезды в свой черед:
Казался шкурой барса небосвод!

Пирующие отдохнуть решили.
Рабы ладони на груди сложили.

Когда же кубок золотой возник,
Который солнцем ты считать привык,

И яхонты повсюду разбросала
Заря, отбросив ночи покрывало, —

С Шангулем по долинам, по горам
Поехал на охоту шах Бахрам,

А с ними — кречеты и балабаны,
Гепарды, горделивые сапсаны.

Так целый день они стреляли в цель,
А цель у них — онагр или газель.

Ни разу не вздохнули на охоте,
О горе позабыли, о заботе.

Вот наконец Шангуль и шах Бахрам
Назад вернулись — к чашам и пирам.

Так, на охоте иль во время пира,
Шангуль всегда, везде с владыкой мира:

Пируют вместе, вместе гонят мяч,
Смеются вместе, вместе мчатся вскачь.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ШАНГУЛЯ ИЗ ИРАНА В ХИНДУСТАН

Шангуль провел беспечных дней немало,
Но время возвращения настало.

Его чоуган и стрелы не влекут:
Пошел властитель Хинда к Сапинуд.

У шаха попросил перо, бумагу,
Чернила — эту мускусную влагу,

На хинди написал слова свои,
Была в них правда, как на пехлеви.

Хвалою начал договор о браке
Тому, кто создал свет в извечном мраке,

Кто утвердил добро, чтоб Ахриман
Себе лишь зло оставил и обман.

Писал: «Ирану, радостному краю,
И шаху Сапинуд свою вручаю.

Пусть вечно славный шах Бахрам живет,
Пусть будет повелителем господ.

Пусть Каннаудж, когда я мир покину,
Бахраму подчинится — властелину.

Предайте пламени мой бренный прах,
И да владеет вами шаханшах.

Бахраму вы мою казну вручите,
Дворец, венец, престол, страну вручите.

Хинд, — на шелку написан был указ, —
Я Сапинуд вручаю в добрый час».

Достигнув исполнения желаний,
Два месяца провел Шангуль в Иране.

Затем сказал: «Мне и семи царям
Да разрешит уехать шах Бахрам».

Шах соизволил с просьбой согласиться:
Шангуля заждалась его столица.

Велел Бахрам, чтоб отобрал мобед
Поболее каменьев и монет,

Венцов и тронов, серебра и злата —
Все, чем земля иранская богата,

Чтоб отобрал он пояса, мечи
И множество нарядов и парчи.

Он дал друзьям Шангуля, не считая,
Коней отменных и парчу Китая.

Три перехода с ними проскакав,
Обрадовал гостей глава держав.

Он дал им и траву, чтоб от столицы
Коням хватило корму до границы.

БАХРАМ ГУР СЛАГАЕТ ПОДАТИ С ДИХКАНОВ

Когда вернулся шах Бахрам домой,
На трон воссел он, обретя покой.

О смерти вспомнил, о печальной доле,
И сердце шаха вздрогнуло от боли.

Он приказал, чтобы пришел писец,
Чтобы вазир явился во дворец.

Велел он подсчитать без промедленья
Казну, одежды, золото, каменья.

Смутил его когда-то звездочет:
«Годам твоим я произвел подсчет, —

Ты трижды двадцать проживешь на свете,
В четвертом ты умрешь двадцатилетье».

А царь: «Повеселюсь я двадцать лет,
Ведь все равно от нас исчезнет след.

Вторые двадцать лет я землю нашу
Добром и справедливостью украшу,

Дома, сады восстановлю везде,
Чтобы никто, нигде не жил в нужде.

А третьи двадцать лет, внимая богу,
Я простою, — да обрету дорогу».

О том, что шах сверх срока проживет
Три года, ведал только звездочет.

Сокровищами шах владел, но горе
Он видел в том, что смерть он примет вскоре.

Блажен, кто горьких не знавал годин,
Особенно когда он властелин!

Повел казнохранитель дело счета:
Была тяжка и велика работа.

Прошло немало долгих дней, ночей, —
Мобеду счет представил казначей.

Мобед верховный, думая о многом,
Сказал, придя к властителю с итогом:

«Теперь нужды ни в чем владыке нет
На протяженье двадцати трех лет.

Я сосчитал на воинство расходы,
На хлеб и на дары на эти годы,

Расходы на послов из разных стран,
Да и на тех, которых шлет Иран, —

Пусть шах, забот не зная, деньги тратит:
Твоих богатств на этот срок нам хватит».

Решил Бахрам не огорчаться впредь:
Не стал он, мудрый, попусту скорбеть.

Сказал он: «Власть моя была мгновенна.
Три дня живет сей мир, чья сущность бренна.

Еще — не завтра, а вчера — ушло,
Так не вздыхай сегодня тяжело!

Раз можно щедрым быть, раз денег много, —
Я мир освобождаю от налога!»

Он именитых и простых людей
Велел освободить от податей.

Для светлой жизни разбудил он спящих,
Правителей назначил настоящих,

Чтоб не было ни спора, ни вражды:
Спор и вражда — источники беды.

Все, что мобедам надобно для пищи,
Чтобы одетым быть и жить в жилище,

Назначил из казны и дал наказ:
«Я правды жду от каждого из вас.

Мне помогать должны вы бескорыстно,
Да будет вам стяжанье ненавистно.

Погрязнуть не давайте мне во зле,
Чтоб всем желал я счастья на земле».

Пошли мобеды, без конца и края
Добро и зло повсюду выявляя.

Как только был порядок водворен,
Так письма хлынули со всех сторон:

«Умом повсюду люди оскудели,
Причина — жизнь беспечная, безделье.

Вражда, резня — куда ты ни пойдешь.
Не почитает старших молодежь,

Ей хочется имущества, наживы, —
Что ей мобед иль шах правдолюбивый!»

Был шах такими письмами смущен.
Отправил он, чтоб защитить закон,

Чиновников во все концы державы, —
Да утвердят покой и разум правый:

Всё из одежды, утвари, еды
Казна им выдавала за труды.

Диваны их работали полгода
И с подданных взимали часть дохода.

Была весьма ничтожна эта часть,
У сборщиков была большая власть.

Полгода — сбор, полгода шла раздача —
Все раздавали, ничего не пряча,

Чтоб не было из-за безделья драк,
Чтоб не царили в мире зло и мрак.

Затем письмо от сборщиков явилось:
«Ты мир поверг в беду, даруя милость.

Ты перестал налоги брать с крестьян,
Теперь что ни крестьянин — то смутьян.

Все обнаглели, о добре забыли,
На кривду их толкает изобилье».

Державный царь взволнован был весьма
Из-за того правдивого письма.

Он воевод поставил над народом,
Велел он справедливым воеводам,

Чтоб на злодеев, кто чинит разбой,
Кто кривдой искажает путь прямой,

Распространить всевышнего законы,
Да задрожит преступник пораженный!

Прошел немалый срок, и царь опять
Велел вождям военным написать, —

Тем, кто был сведущ и добро лелеял,
Кого Бахрам по всей земле рассеял:

«На что нам надо наложить запрет?
Что царству нашему приносит вред?»

Ответили: «Ты мягок, царь державы, —
И портятся обычаи и нравы.

Не пашут, и не сеют, и не жнут,
А благороден лишь крестьянский труд.

Рабочий скот блуждает безнадзорный,
Посевы поросли травою сорной».

«До полдня, — шаханшаха был ответ, —
Покуда вверх стремится солнца свет,

Да длится земледельца труд всегдашний
На доброй ниве, на широкой пашне.

Полдня другие — отдых, сон, еда,
Любовь и дел домашних череда.

Не будь суров, правитель, с бедняками,
Снабди их семенами и быками,

Все подобру им выдай из казны,
Чтоб не были нуждой удручены.

Порой урон бывает от погоды,
Но кто из смертных — падишах природы?

От саранчи страдает наш народ.
Когда она все на полях пожрет,

За счет казны покрой убытки разом:
Обрадуй всех людей моим приказом.

Бескормица придет, голодный год
Иль язва моровая нападет,

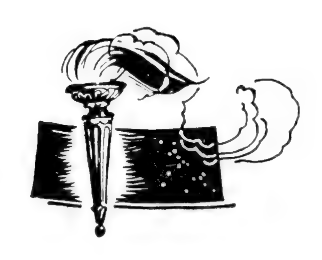
Весь мир оплачет горькие утраты,
Равно погибнут бедный и богатый, —

Как я велел, налогов не возьмешь.
А если кто возьмет хотя бы грош,

При этом будучи моим слугою,
Того живым в могилу я зарою

Иль прогоню повинного в беде,
Пристанища не дам ему нигде!»

Владыка на письме печать поставил,
Во все края страны гонцов отправил.

БАХРАМ ГУР ПРИЗЫВАЕТ ЦЫГАН ИЗ ХИНДУСТАНА

Одел он тех, кто был разут, раздет.
Посланье каждый получил мобед.

Шах вопрошал: «Чьи дни текут беспечно?
А кто не ест, нуждой придавлен вечно?

Поведайте всю правду, и к добру
Тогда я путь надежный изберу».

Пришли ответы от мобедов мудрых,
От многоопытных и седокудрых:

«Везде мы видим счастье на земле,
Везде внимаем славе и хвале,

Лишь бедняки удел клянут жестокий,
Обрушив на тебя свои упреки:

Мол, наслаждается богач вином,
Венок из роз красуется на нем,

Он упивается вином и пеньем,
А на таких, как мы, глядит с презреньем.

Без роз и песен пьет бедняк вино,
Веселье только богачу дано».

Прочтя письмо, что было так потешно,
Шах рассмеялся и гонца поспешно

К Шангулю отрядил с таким письмом:
«О царь, ты помогаешь мне во всем!

Пришли мне тысячу цыган, цыганок,
Певцов, певиц — для пиршеств и гулянок».

Явились десять тысяч жен, мужчин.
Цыган беспечных принял властелин.

Быков, ослов он роздал им с весельем,
Велел им заниматься земледельем.

Он тысячу харваров дал семян,
Чтоб началась работа у крестьян,

Чтоб на ослах и на быках пахали
И не нуждались в семенах вначале.

При этом — пусть играют и поют,
Пусть даром забавляют бедный люд!

Но съели зерна и быков цыгане:
Их жизнь уныла, если нет скитаний.

Сказал им шах: «Нет, вам не суждено
Работать в поле, добывать зерно.

Ослы остались? Нагрузите вьюки!
Пригодны лишь для струн такие руки!»

Исполнился Бахрама приговор —
Цыгане бродят по миру с тех пор.

Их побратимы — волки и собаки,
Блуждают днем, чтоб воровать во мраке.

ОКОНЧАНИЕ ДНЕЙ БАХРАМА ГУРА

Так прожил шестьдесят и три весны.
Себе не ведал равных царь страны.

Вазир явился, разумом владея, —
Он должность исполнял и казначея.

Сказал он: «Пусто у тебя в казне.
Что делать ныне ты прикажешь мне?

Тебя никто из мудрых не осудит,
Коль снова шах взимать налоги будет».

«Забудь об этом, — шах сказал ему, —
Мне все заботы стали ни к чему.

Вручи ты мир тому, кто даст прощенье
И от кого — небес круговращенье:

Они — в движенье, а на месте — бог.
Хочу, чтоб он тебе и мне помог».

Проспал он эту ночь, а утром рано
Пришли к дворцу воители Ирана,

Которых вызвал славный властелин.
Пришел и Йездигерд, Бахрама сын.

Бахрам ему вручил престол великий,
На шею дал златую цепь владыки.

Предстать решил он пред лицом творца,
Навеки отказался от венца.

Так от мирских он удалился дел:
Настала ночь — и спать он захотел.

Лишь солнца показалась пятерица,
Душа мобеда начала томиться:

«Он спит и спит, а встать давно пора.
Иль докучали мы ему вчера?»

Явился Йездигерд, отца увидел —
И рот замкнул: он мертвеца увидел!

Пришел и для царя последний час, —
На шитой золотом парче погас...

Так было, есть, не может быть иначе!
Зачем же ты стремишься стать богаче?

Гранит и сталь от смерти не уйдут, —
К чему ж тебе устраиваться тут?

Но, чтобы не терзался ты прошедшим,
Будь человечен в мире человечьем.

Бахрам покинул палицу и меч.
Уже таких не будет рук и плеч!

Не будет никогда царя такого, —
Да внидет он в обитель всеблагого!

О боже, милость прояви свою
И душу эту сохрани в раю!

...Сын плакал сорок дней о властелине,
Одел он войско в траур черный, синий.

Когда ушел Бахрам из мира зла, —
Казалось: щедрость вместе с ним ушла!

О солнце и луна, моря и реки,
Таких царей не видеть вам вовеки!

Поникла эта царственная стать,
Погасли этот лик и благодать.

Он царствовал, вселенной обладая,
Взимая подать с Рума и Китая, —

В могиле он сравнялся с бедняком, —
Что пользы в битвах, в мужестве таком?

А если стал он равен горемыкам,
То стоит ли завидовать владыкам?

Ты жаждешь царства, радостей и нег?
Царем не будешь долго, человек!

Блажен бедняк: познав добро и разум,
Он внемлет справедливости наказам:

Творит он благо на пути земном,
Бессмертна память добрая о нем.

Во время царствования шаха Кубада в Иране распространилось народное движение под водительством Маздака.

Маздак

Был некий муж по имени Маздак,
Разумен, просвещен, исполнен благ.

Настойчивый, красноречивый, властный,
Сей муж Кубада поучал всечасно.

Он был руководителем царя,
Он был казнохранителем царя...

От засухи не стало в мире пищи,
Высокородный голодал и нищий.

На небе тучки не было нигде,
Забыл Иран о снеге и дожде.

Пришли вельможи во дворец Кубада:
Земля суха, а людям хлеба надо.

Сказал Маздак: «Вас может царь спасти,
К надежде он укажет вам пути».

А сам пришел к властителю державы
И молвил: «Государь великий, правый!

Найду ли я ответ своим словам,
Когда один вопрос тебе задам?»

Ответствовал Кубад: «Скажи мне слово,
Высокой чести послужи ты снова».

Сказал Маздак: «Ужаленный змеей,
Несчастный собирался в мир иной,

А некто был с противоядьем рядом,
Но не помог отравленному ядом.

Решай же: какова его вина?
Мала, ничтожна снадобья цена!»

Ответил так властитель государства:
«Убийца — тот, кто пожалел лекарство!

Пусть родичи его найдут и с ним
Придут на площадь: мы его казним».

Когда Маздак ответ царя услышал,
Он к людям, жаждущим спасенья, вышел,

Сказал им: «Я беседовал с царем,
Осведомлен владыка обо всем,

Ко мне придите завтра вы с зарею, —
Дорогу к справедливости открою».

Ушли, вернулись на заре назад,
В отчаянье сердца, умы кипят.

Маздак, вельмож увидев утром рано,
В покои поспешил царя Ирана

И молвил: «Прозорливый государь,
Могучий и счастливый государь!

Ответив мне, ты мне явил доверье,
Как будто отпер запертые двери.

Когда ты мне соизволенье дашь,
Скажу я слово, о вожатый наш!»

А царь: «Скажи, не ведая смущенья,
Царю твои полезны поученья».

Сказал Маздак: «О царь, живи вовек!
Допустим, что закован человек.

Без хлеба, в тяжких муках смерть он примет,
А некто в это время хлеб отнимет.

Как наказать того, кто отнял хлеб,
Кто не хотел, чтоб страждущий окреп,

А между тем, — ответь мне, царь верховный, —
Умен, богобоязнен был виновный?»

Сказал владыка: «Пусть его казнят:
Не убивал, но в смерти виноват».

Маздак, склонившись ниц, коснулся праха,
Стремительно покинул шаханшаха.

Голодным людям отдал он приказ:
«К амбарам отправляйтесь вы тотчас,

Да будет каждый наделен пшеницей,
А спросят плату, — пусть воздаст сторицей».

Он людям и свое добро вручил,
Чтоб каждый житель долю получил.

Голодные, и молодой и старый,
Тут ринулись, разграбили амбары

Царя царей и городских господ:
Ведь должен был насытиться народ!

Доносчики при виде преступленья
Отправились к царю без промедленья:

Амбары, мол, разграблены сполна,
Лежит, мол, на Маздаке вся вина.

Маздаку повелел Кубад явиться,
Спросил: «Зачем разграблена пшеница?»

А тот: «Пребудь бессмертным, царь царей,
И разум речью насыщай своей.

Пересказал я толпам слово в слово
То, что услышал от царя земного:

Змеей ужален, некто заболел,
Другой ему лекарство пожалел.

Сказал мне о больном властитель царства,
Сказал о том, кто пожалел лекарство:

«Когда умрет ужаленный змеей
И снадобья не даст ему другой,

То вправе человек убить злодея:
Не спас больного, снадобьем владея».

Лекарство для голодного — еда,
А сытым неизвестна в ней нужда.

Поймет владыка, что к добру стремится:
Без пользы в закромах лежит пшеница.

Повсюду голод, входит смерть в дома,
Виной — нетронутые закрома».

Не знал Кубад, как выбраться из мрака,
Услышал он добро в словах Маздака.

Он вопрошал — и получил ответ,
В душе Маздака он увидел свет.

С того пути, которым шли пророки,
Цари, вожди, мобедов круг высокий,

Свернул, Маздаку вняв, отважный шах:
Узнал он правды блеск в его речах!

К Маздаку люди шли со всей державы,
Покинув правый путь, избрав неправый.

Простому люду говорил Маздак:
«Мы все равны — богатый и бедняк.

Излишество и роскошь изгоните,
Богач, бедняк — единой ткани нити.

Да будет справедливым этот свет,
Наложим на богатство мы запрет.

Да будет уравнен с богатым нищий, —
Получит он жену, добро, жилище.

Святую веру в помощь я возьму,
Свет, вознесенный мной, развеет тьму.

А кто моей не загорится верой,
Того господь накажет полной мерой».

Сперва пришли к Маздаку бедняки,
И стар и млад — его ученики.

Излишки одного давал другому, —
И удивлялась знать вождю такому.

Его ученье принял шах Кубад,
Решив, что счастьем будет мир богат.

Велел он: «Пусть жрецов Маздак возглавит».
Не знала рать: «Кто ж ныне царством правит?»

Стекались нищие к Маздаку в дом,
Кто пищу добывал своим трудом.

Повсюду ширилось его ученье,
С ним не дерзал никто вступить в сраженье.

Богатый роздал все, что он сберег,
И нищим подавать уже не мог!

Наследник престола Хосров, поддержанный жречеством и высшей знатью, жестоко расправился со сторонниками Маздака, отстранил отца от власти и вступил на трон.

Хосров Ануширван — шах из Сасанидской династии, одержал ряд побед над Румом.

Во время правления сына Хосрова, Хурмузда, против шаха поднял восстание военачальник Бахрам Чубина и захватил власть. Юный шах Хосров Парвиз сбежал в Рум и возвратил себе престол с помощью византийского войска. Хосров Парвиз был последний могущественный сасанидский шах. При его внуке Йездигерде в Иран вторглись воины только что возникшей державы арабов. Их возглавлял Саад, сын Ваккаса. Йездигерд послал против него полководца Рустама, сына Хурмузда.

Нашествие арабов

Саад, сын Ваккаса, послан был Омаром
Сломить Иран решительным ударом.

Шах Йездигерд, услыша весть войны,
Стал собирать войска со всей страны.

Тогда Хурмузда сын, воитель славный,
Был полководцем шахской рати главной.

Исполнен знаний, доблести и сил,
Рустама имя этот муж носил.

Испытан в битвах, окружен почетом,
Он был к тому ж великим звездочетом.

Мобедов он повез в поход с собой,
Держал совет, пред тем как выйти в бой.

То там, то тут врагам отпор давал он;
Так тридцать месяцев провоевал он.

Вот у селения Кадисийи
Пред боем он стянул войска свои.

Сперва светила неба вопросил он,
Расположенье звезд определил он.

Сказал себе: «Сражения исход
Сегодня чести нам не принесет».

Когда ему глагол судьбы открылся,
За голову он в ужасе схватился.

И с болью сердца обо всем, что знал,
В письме последнем брату написал...

ПИСЬМО РУСТАМА, СЫНА ФАРРУХ-ХУРМУЗДА

«...Когда прославят с каждого мимбара
Деянья Абубекра и Омара *,

Престол, корона, стяг падут во прах
И свергнут будет горделивый шах,

Оплот Ирана рухнет, ставши слабым.
Сулят светила счастье лишь арабам;

И будет этих пришлых часть одна
В одежды черные облачена *.

Нам не оставят судьбы ни господства,
Ни башмаков златых, ни благородства.

Одни трудиться будут, добывать,
Другие — добытое пожирать.

В презренье будут верность, справедливость,
Возвысятся ущербность, зло и лживость.

Взамен былых прославленных мужей
Презренные воссядут на коней.

Величьем недостойный завладеет,
Родов старинных древо оскудеет.

Рвать будут друг у друга, расхищать...
На все падет проклятия печать.

Всеобщей злобой души развратятся,
И, как гранит, сердца ожесточатся.

Замыслит злое сын отцу, а тот
Сам против сына козни возведет.

Владыкой станет раб, и в поношенье
Нам будет знатное происхожденье.

Не будет больше верности ни в ком,
Ложь овладеет каждым языком.

Арабы, тюрки, персы — три народа
Смесятся. Будет новая порода,

И ни дихканами * тот новый род,
Ни тюрками никто не назовет.

Завистливы они, злословны будут,
О доблести и щедрости забудут.

Свои богатства спрячут под полой
На разграбленье вражьей силе злой.

Мир веселился в дни Бахрама Гура,
Но будет в мире горестно и хмуро.

Не слышно будет праздников нигде,
Лишь козни будут строиться везде.

И лихоимство процветет без меры,
И жадность — под покровом правой веры.

На пир весны не принесут вина *,
Не зазвучат ни флейта, ни струна.

Век наступает гибельный, проклятый,
Погибнут благородные азаты.

Пойдет грабеж, бесчинства; вновь и вновь
Из-за имущества польется кровь.

Я изнемог, во рту пересыхает,
От горя сердце кровью истекает,

Померкла счастья нашего звезда,
Пришла неотвратимая беда,

Неверный небосвод — для нас померк он,
Был благосклонен к нам — и нас отверг он...

О брат мой, оставайся невредим.
У шаха ты один, будь вместе с ним.

И хоть со мной мой щит, и меч, и сила,
Но здесь, в Кадисийе, — моя могила.

Моя кольчуга — саван, кровь — мой шлем.
Не плачь! Таков удел, сужденный всем».

Арабские войска наголову разбили иранцев при Кадисийе. Полководец Рустам пал в бою.

ПОСЛАНИЕ ШАХА ЙЕЗДИГЕРДА МАРЗБАНАМ ТУСА

«Наверно, все вы знаете сейчас,
Какое бедствие постигло нас

От змееедов с мордой Ахриманьей;
У них — ни чести, ни добра, ни знанья.

Разбойный сброд, что обнищал до дыр,
Придет и пустит на ветер весь мир.

Так повернулся циркуль небосвода, —
Настал ущерб для царства и народа.

От вороноголовых всем беда;
Нет в них понятий чести и стыда.

Ануширвану вещему приснилось: *
Сиянье трона шахского затмилось;

И тысяч сто арабов, на конях
И на верблюдах, с копьями в руках,

Через Арванд-реку перевалили
И до неба всклубили тучу пыли.

В полях посев был вытоптан, спален,
И рухнули Иран и Вавилон.

Огни погасли в храмах оскверненных,
Все смолкло в городах опустошенных.

И диво — не осталось ни зубца
На гордых башнях царского дворца.

Значенье сна сегодня прояснилось, —
От нас навеки счастье отвратилось.

Кто был велик — в ничтожество впадет,
Кто низок был, тот высоко взойдет.

И зло распространится по вселенной;
Вред будет явным, благо — сокровенно.

В кишваре каждом сядет свой тиран,
И миром овладеет Ахриман.

Ночь наступает в мире — явно это,
Тьма воцарится и не будет света.

Теперь мы, по совету мудрецов,
С отрядом наших верных удальцов

Направились к пределам Хорасана,
Где нам приют у каждого марзбана.

Как знать, какой нам жребий принесет
Вращающийся вечно небосвод?»

Шах Йездигерд направился в Хорасан, в город Тус, где его принял с почетом тамошний марзбан Махой Сури. В то же время Махой написал предательское письмо правителю Самарканда полководцу Бижану, советуя ему разбить остатки войск Йездигерда и захватить самого шаха в плен. Бижан последовал этому совету. Йездигерд потерпел поражение, но ему удалось бежать.

ЙЕЗДИГЕРД СКРЫВАЕТСЯ НА МЕЛЬНИЦЕ

Шах показал и мужество в бою,
И доблесть, и решительность свою.

И многих славных витязей убил он,
Но принужден спасаться бегством был он.

Скакал он от погони налегке,
Совсем один — кабульский меч в руке.

Он мчался, словно молния из тучи;
Вдруг мельницу над речкою гремучей

Увидел. И, застигнутый бедой,
Укрылся он на мельнице пустой.

Вдоль речки Зарк туранцы следом рыщут,
Они царя за каждым камнем ищут.

Коня, спасаясь бегством, бросил шах
И меч оставил в золотых ножнах.

Вся сбруя чистым золотом сверкала, —
В глазах туранцев алчность запылала.

А шах, оставшись в мельнице пустой,
Нашел охапку там травы сухой,

И сел на ту охапку шах Ирана...
Таков закон обители обмана!

Паденье тем страшней, чем выше взлет.
Был трон царя вчера — как небосвод;

Теперь его удел — сидеть на сене
И горечь пить обид и сожалений.

Ты дорожишь обителью тщеты?
Иль грохота литавр не слышишь ты? *

«Пора! — взывает грохот отдаленный, —
Твоя могила у ступени тронной!..»

Во рту ни крошки, в сердце тяжело...
Так шах сидел, пока не рассвело.

Вернулся мельник в мельницу с зарею,
Принес травы охапку за спиною.

И онемел, увидев пред собой
Богатыря в кольчуге золотой.

Потом спросил царя: «О солнцеликий,
Как ты попал в безлюдный край наш дикий?

Тебе не место мельница, о князь,
Где лишь травы охапка, пыль и грязь.

Что ты за человек? У нас в пустыне
Таких, как ты, не видел я доныне».

«Иранец я, — ответил шах ему, —
От тюрков скрылся я в твоем дому».

И мельник подмигнул в ответ лукаво:
«Я беден, — не в укор такая слава;

Но коль не брезгуешь, то у меня
Есть и чеснок, и хлеб из ячменя.

Все принесу, поешь, хоть и несладко!
У бедняков всю жизнь во всем нехватка».

Был шах в бою три дня, не ел, не спал,
Ячменный хлеб, вздыхая, он вкушал...

МЕЛЬНИК ДОНОСИТ МАХОЮ СУРИ О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ ШАХА. МАХОЙ ВЕЛИТ МЕЛЬНИКУ УБИТЬ ШАХА

И мельнику сказал Махой: «Скорей!
Веди моих людей, врага убей!»

Услышав это, мельник устрашился,
Но он с Махоем спорить не решился

И в ночь изана, в месяце хурдад,
Пошел на мельницу; за ним отряд.

Когда он вышел из дворца марзбана,
От горя он качался, словно пьяный.

Сказал правитель всадникам своим:
«Летите вслед за мельником, как дым!»

Сказал им, чтоб одежды дорогие,
И башмаки, и серьги золотые

Не вздумали бы кровью заливать,
Что надо все с царя сперва сорвать.

Убогий мельник, от Махоя выйдя,
Спешил домой, от слез пути не видя.

И говорил: «О господи, внемли!
Спаси, владыка неба и земли!

Пускай Махой отменит приказанье!
Да не свершится это злодеянье!»

И подошел он к шаху весь в слезах.
Рот — как земля, на сердце стыд и страх.

Вплотную к шаху подойти посмел он —
Так, будто что-то на ухо хотел он

Шепнуть... И нож царю в живот вонзил.
Шах только вздох тяжелый испустил.

Пал головой венчанной царь вселенной
На не доеденный им хлеб ячменный.

Веления светил для нас темны,
Пал Йездигерд, казненный без вины.

Так из царей не умирал никто,
Так из мужей не умирал никто.

Нет, видно, разума у небосвода, —
То милость от него, а то — невзгода.

Что сетовать, о смертный? Ждать чего
От мира и превратностей его?

* * *

Был к Йездигерду справедлив иль нет
Жестокий этот суд семи планет?

Как милость неба отличить от гнева,
О мудрецы, ответите ли мне вы?

И если пусто у тебя в казне,
Не думай, смертный, о грядущем дне.

Всегда кружится небо над тобою,
Все сроки жизни сочтены судьбою.

И если завтра сам ты не умрешь,
То, что тебе потребно, обретешь.

Когда б доход мой равен был расходу,
Я благодарен был бы небосводу!

Мой хлеб побил подобный смерти град,
Мне смерть была бы легче во сто крат.

По милости разгневанного неба
Лишен я дров, баранины и хлеба.

МАХОЙ СУРИ ПОПАДАЕТ В ПЛЕН К ИРАНСКОМУ ПОЛКОВОДЦУ БИЖАНУ

Воителю Бижану сообщили,
Что в плен живым Махоя захватили.

Бижан, что был печален и угрюм,
Освободился от тяжелых дум.

Без отдыха, как вихри урагана,
Везли Махоя стражи в стан Бижана.

Когда лицо Бижана увидал
Махой, как будто разум потерял.

Упал он на песок, повержен страхом,
И голову свою осыпал прахом.

Сказал Бижан: «О выродок! Как быть?
Какою казнью нам тебя казнить?

Ты, раб, зачем убил царя Ирана,
Владыку нашего и пахлавана?

Он по отцам природным был царем,
Второй Ануширван явился в нем!»

И отвечал Махой: «От корня злого
Не жди добра, а жди плода дурного.

Меня без сожаленья истреби,
Мне голову железом отруби».

«Так я и сделаю, — Бижан ответил. —
Сгинь, Ахриман! А свет да будет светел!»

Махою руки он велел отсечь,
Сказал: «Уж не возьмешь ты больше меч!»

И отрубить велел Махою ноги,
Чтоб он валялся в муках на дороге.

Велел потом отрезать уши, нос,
Сказал: «Казнись теперь, презренный пес!

Да мало были мы с тобой жестоки,
Лежи, околевай на солнцепеке!»

Трех молодых имел Махой сынов,
Трех славных обладателей венцов.

Костер сложили, запалили пламя,
Сожгли на нем Махоя с сыновьями.

Погиб Махой — и род исчез его,
И не осталось в роде никого.

А если и остался кто, — все гнали
И вслед ему проклятья посылали.

Да будет проклят род его и дом,
Да будет память проклята о нем!

И век настал великого Омара,
И стих Корана зазвучал с мимбара *.

ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОЭМЫ

Когда я прожил шестьдесят пять лет
И сгорбился от горьких дум и бед,

Решил я книгу о царях Ирана
Писать — и стал трудиться неустанно.

Писали и вельможи в те года,
Не получая денег никогда,

Вполне довольны средствами своими.
Я был поденщиком в сравненье с ними.

Они хвалили все, что я писал,
Желчь разлилась во мне от их похвал.

Мошны с деньгами завязавши туго,
Они не знали моего недуга.

Недуг мой имя бедности носил.
Лишь Дейлеми Али меж ними был,

Удачлив сам, исполненный участья,
И дружба с ним мне приносила счастье.

И благородный муж, сын Кутейбы*,
Теперь мне послан милостью судьбы.

Он шлет мне даром пищу и одежду,
Он дарит сердцу добрую надежду.

Я никаких налогов не плачу,
Лишь пью, да ем, да сплю, когда хочу.

Когда б не он — не жить мне в этом доме,
А в рубище валяться б на соломе.

Как семьдесят второй пошел мне год,
Мои стихи услышал небосвод,

И вот я до конца довел счастливо
О древних подвигах рассказ правдивый.

В день арда, в месяце исфандармад,
Я кончил труд, что былями богат.

От хиджры на году четырехсотом
Закрыл я книгу, написавши все там,

Что знал о прошлом. И по всей стране
Теперь все громче речи обо мне.

Я не умру вовек! Жить буду снова
Во всходах мной посеянного слова!

И тот, кто свет ума и веры чтит,
Мой величавый подвиг восхвалит.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 7. *Как путь ему указывал Гургсар.* — Гургсар — туранский витязь, плененный Исфандиаром. Он должен был провести Исфандиара к крепости Руиндиж, где укрывался правитель Турана Арджасп.

Стр. 41. *Когда главу Арджаспа отрублю*
И скорбный дух Лухраспа просветлю,

Когда Кахрама, хищного гепарда,
Убью в отмщение за Фаршидварда,

Как будет Андарман в петле моей,
Убийца тридцати восьми князей,

Когда я цвет Турана обезглавлю
И, мстя за деда, землю окровавлю... —

Шах Лухрасп, дед Исфандиара, был убит правителем Турана Арджаспом, напавшим на Балх. Арджасп взял в плен двух сестер Исфандиара. Фаршидвард, брат Исфандиара, был убит Кахрамом. Кахрам и Андарман — сыновья Арджаспа.

Стр. 65. *То, что от нас скрывает небосвод?* — По представлению древних иранцев, небосвод олицетворял рок, судьбу.

Стр. 75. *Кто б на Диви-сафида поднял руки?* — Диви-сафид (Белый див) — чудище, заточившее в темницу шаха Кей-Кавуса и воинов Гива, Гударза, Туса. Он был побежден Рустамом.

Стр. 91. *...покину дом я Наримана...* — Нариман (Нейрам) — предок систанских богатырей: Сама, его сына Заля и внука Рустама.

Стр. 109. *Боюсь, уйдет к Кейвану из дворца...* — т. е. Рустам распростится с жизнью.

Стр. 110. *Я побывал в семи частях вселенной...* — По средневековым представлениям, вся обитаемая земля делилась на семь частей, семь поясов. Здесь слово «вселенная» употреблено в значении — весь свет, весь мир.

Стр. 112. *Вот время первой стражи миновало...* — Ночная стража во дворце сменялась три раза; по сменам стражи определялось время.

Стр. 113. *Чужой огонь за пазуху совать?* — Симург хочет сказать, что Рустаму и Исфандиару не из-за чего ссориться, не стоит им воевать во имя интересов Гуштаспа.

Стр. 132. *О муж, звезда шести столетий!* — По преданию, богатырь Рустам прожил около шести с половиной веков.

Стр. 145. *Посадим древо в цветнике души!..* — Джамасп говорит Гуштаспу о необходимости совершить доброе дело.

Стр. 148. *Махмуду-льву, что фарром осиян...* — Фирдоуси, восхваляя султана Махмуда Абулкасима, захватившего трон Саманидов, как бы признавал его законным наследником древних иранских царей — Кейанидов.

Стр. 162. *Но был Джамшид распилен пополам.* — Легендарный царь Джамшид был распилен пополам тираном Заххаком, завладевшим его престолом.

Сиял, как солнце, в мире Сиявуш. — Сиявуш, сын Кей-Кавуса, уйдя от отца, жил в Туране у Афрасиаба. Осыпанный вначале милостями, основал два цветущих города, но потом был коварно убит по повелению Афрасиаба.

Стр. 172. *Был синим, черным облачен народ.* — Синий цвет, наряду с черным, был цветом траура.

Стр. 182. *...чародей Дастани-Сам!* — «Дастани-Сам» значит: «Дастан сын Сама».

Когда коварно Салм и Тур напали,
Войска в Амуле с Манучихром встали

И Манучихр за деда отомстил... —

Салм и Тур убили из зависти своего брата Ираджа. Внук Ираджа отомстил за своего деда, а отрубленные головы Салма и Тура отправил их отцу — шаху Фаридуну.

Стр. 190. *Великодушным должен быть хосров.* — Хосров — титул царей из династии Сасанидов (III—VII вв.); часто употребляется в значении «царь».

Стр. 202. *Али средь верных самым первым был,*
И веры меч пророк ему вручил. —

Али — двоюродный брат и зять пророка Мухаммеда (Магомета), был четвертым халифом после смерти Мухаммеда. Сторонники шиизма (одного из главных толков ислама) не признавали трех предыдущих халифов — Абубекра, Омара и Османа. По преданию, Мухаммед назначил своим преемником Али.

Средь всех, что Избранному предстояли... — Избранный — один из 99 эпитетов пророка Мухаммеда у мусульман.

Стр. 219. *...именем пророка...* — именем Мухаммеда — основателя религии ислама.

...Меж тем плеяд достигнет трон злодея... — т. е. злодей обретет могущество, безмерно возвысится.

Стр. 233. *По вере Масиха, по древней вере.* — Масиха — значит «мессия». По вере Масиха — т. е. по христианской вере.

Стр. 308. *С ним светлый Хызр...* — Хызр — легендарный пророк. Согласно легенде, выпив из источника живой воды, Хызр обрел бессмертие.

Стр. 332. *Зовусь я Гушбастаром...* — Гуш — значит «ухо», бастар — «постель», т. е. его звали «ухо-постель».

Стр. 334. *...наставнику и пиру...* — Пир у древних иранцев — духовный наставник, учитель.

Стр. 398. *В Багдаде, что ему был богом дан...* — В переводе Багдад значит «данный богом». Фирдоуси с г. Багдадом отождествляет город Ктесифон, развалины которого находятся вблизи Багдада.

Стр. 405. *Мой мускус побелел...* — т. е. черные волосы поседели (мускус черного цвета).

Стр. 446. *...румийские таблицы...* — Так назывались астрологические таблицы; по расположению небесных светил звездочеты определяли ход событий.

Стр. 462. *Все, что хранится в рудниках Адена.* — Рудники Адена славились своим серебром.

Стр. 477. *Степь Всадников затопчет враг упрямый...* — Степью Всадников (или Копьеносцев) Фирдоуси называет Аравийские степи.

Стр. 536. *Он Гуром прозывается недаром...* — Гур — дословно: дикий осел.

Стр. 598. *Михрган приходит — кутаемся в мех...* — Михрган — праздник урожая в древнем Иране; михр — осенний (приблизительно сентябрь) месяц зороастрийского календаря.

Стр. 603. *Дух Фаридуна внемлет лишь хвале...* — Шах Фаридун, как законный наследник шаха Джамшида, был возведен на престол кузнецом Кавой на место тирана Заххака. Фаридун, по преданию, основал светлое царство после тысячелетнего господства Заххака.

Стр. 632. *Он Филатуна был учеником.* — Филатун — искаженное «Платон». Платон (427—387 гг. до н. э.) — великий древнегреческий философ.

...от Салма происходит он,
А Салм обрел от Фаридуна трон! —

Шах Фаридун разделил свое царство между сыновьями Туром, Салмом и Ираджем; Салму достались Рум и Запад.

Стр. 643. *К огню да будут близки лишь хирбады!* — Хирбады — зороастрийские жрецы; в храмах огнепоклонников постоянно горел священный огонь.

Стр. 716. *Деянья Абубекра и Омара...* — Абубекр и Омар — первые халифы после смерти пророка Мухаммеда (Магомета).

Стр. 717. *В одежды черные облачена.* — Здесь, очевидно, намек на Абассидов, носивших черные одежды. С 661 года Иран стал провинцией арабского халифата Омейадов, сменившегося в 750 году халифатом Абассидов.

Стр. 718. *И ни дихканами...* — т. е. иранцами.

На пир весны не принесут вина... — Мусульманская религия, распространенная арабами в Иране после их нашествия в VII веке, запрещала пить вино.

Стр. 720. *Анушнрвану вещему приснилось...* — Анушнрван Справедливый — один из самых могущественных царей Сасанидской династии.

Стр. 722. *Иль грохота литавр не слышишь ты?* — На Востоке перед отправлением каравана в путь били в барабан; в персидско-таджикской поэзии смертный час сравнивался с часом отправления каравана.

Стр. 727. *И стих Корана зазвучал с мимбара...* — т. е. утвердилась мусульманская религия. Коран — священная книга мусульман; мимбар — кафедра в мечети.

Стр. 728. *И благородный муж, сын Кутейбы...* — Имеется в виду правитель Туса, освободивший Фирдоуси от податей и всячески помогавший ему.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Авеста — священная книга зороастризма, религии, господствовавшей в Иране до VII века.

Азар (Азаргушасп) — 1. Один из трех главных зороастрийских храмов священного огня в древнем Иране: основание храма приписывается царю Гуштаспу. 2. Имя духа огня. 3. Название осеннего месяца в зороастрийском календаре.

Азар-Бурзин — один из трех главных зороастрийских храмов.

Азат — знать в древнем Иране.

Айван — 1. Крытая терраса. 2. Тронный зал прямоугольной формы, открытый с одной стороны.

Айран — напиток из кислого молока.

Аланы — иранская народность, проживавшая на Кавказе. Аланы часто воевали с иранцами.

Амбра — благовонное вещество черного цвета.

Анджуман — собрание, общество.

Аргуван — иудино дерево, багряник, символизирует красный цвет.

Ард — название двадцать пятого дня каждого месяца в зороастрийском календаре.

Ахриман — божество зла в зороастрийском пантеоне, источник всего зла на земле. В «Шах-наме» Ахриман совращает иранских шахов с истинного пути, помогает туранцам — врагам иранцев.

Аху — косуля, из желез которой добывают мускус.

Бадахшан — область на Памире. На Востоке славились бадахшанские рубины (шпинель).

Барсам — Барсам и баж — пучок прутьев, которые держали зороастрийские жрецы при отправлении религиозных обрядов.

Бахман — 1. Название зимнего месяца зороастрийского календаря. 2. Легендарный царь Ирана, сын Исфандиара. 3. Дух зороастрийского пантеона.

Бахрам — 1. Планета Марс. 2. Имя ангела в зороастрийской религии, небесный воитель.

Бисутун — колоссальная гладкая скала в Западном Иране, на которой высечена клинописная надпись древнеперсидского царя Дария I (522—486 гг. до н. э.). В поэзии Бисутун — символ грандиозности, колоссальности.

Вазир — советник, министр правителя.

Ганг (Гангдиж) — крепость, воздвигнутая Сиявушем в Туране. В Авесте названа гора Кангха, около которой герои приносят дары богам. Пустыня, прилегающая к этой горе, также называется Ганг.

Гилян — прикаспийская область Ирана.

Гур — дикий осел. Так же звучит слово, обозначающее на языке фарси могилу.

Гургасар (Гургсар) — дословно значит: «волчеголовый». По-видимому, страной гургасаров называли область Гурган.

Дабир — писец.

Дастан — 1. Поэма, сказание. 2. Имя богатыря Заля, данное ему вскормившей его сказочной птицей Симургом.

Дастур — 1. Советник царя, высший чиновник. 2. Главный зороастрийский священнослужитель.

Дастархан — дословно: «скатерть с едой»; накрытый для обеда стол.

Дахма — башня, возвышенная площадка для погребения у зороастрийцев.

Дей — зимний месяц зороастрийского календаря.

Джамшид — легендарный иранский царь, правивший семьсот лет. Был наказан в конце концов за обуявшую его гордыню: царь-тиран Заххак распилил его надвое.

Джаз — Мессопотамия.

Джинн — злой дух, бес.

Диван — совет вельмож, государственное собрание.

Див — злой дух.

Диви-сафид (Белый див) — чудовище, якобы обитавшее в Мазандеране. В «Шах-наме» рассказывается, как он ослепил иранское воинство во главе с шахом Кей-Кавусом и заточил шаха с воинами в темницу, откуда они были освобождены Рустамом.

Динар — золотая монета.

Дирхем — мелкая серебряная монета.

Дихкан — в древнем Иране представитель родовой землевладельческой знати.

Забул (Забулистан) — северная часть области Систан, удел систанских богатырей — Сама, Заля, Рустама.

Зардушт (Зороастр) — легендарный основатель зороастрийской религии, широко распространенной в Иране и Средней Азии до нашествия арабов в VII веке.

Зарер — дерево, из которого изготовляют желтую краску. Метафорически — желтый цвет.

Зинджи — народы Африки, преимущественно жители Занзибара (Зангибара). В персидско-таджикской поэзии — символ черноты.

Зиндан — темница.

Йездан — бог.

Изан — название двенадцатого дня каждого месяца в зороастрийском календаре.

Изед — бог.

Истахр — персидское название города Персеполя в Иране.

Исфандармоз — последний месяц зороастрийского календаря (падает на февраль — март).

Каба — боевой кафтан; род верхней одежды.

Калам — тростниковое перо.

Канаранг — правитель пограничной области.

Карнай — труба.

Кей — царь.

Кеи (Кейаниды) — династия легендарных царей Ирана. Основателем был легендарный царь Кей-Кубад, привезенный на царство Рустамом с горы Албурз.

Кейван — планета Сатурн.

Кейсар — так на Востоке титуловали византийских (румийских) императоров. Кейсар — арабизированная форма слова «кесарь».

Кинтар — мера веса.

Кишвар — страна, область. По средневековым представлениям, вся земля делилась на семь кишваров (областей, поясов).

Ктесифон — столица государства Сасанидов.

Кулах — головной убор знати. Конусообразная шапка, украшенная драгоценными камнями.

Майдан — площадь; место поединка.

Марзбан — правитель пограничной области.

Мимбар — возвышение, кафедра в мечети.

Мискал — мера веса.

Миср — Египет.

Михрган — праздник урожая в древнем Иране.

Мобед — зороастрийский жрец; употребляется и в значении «мудрец».

Мускус (муск) — ароматное вещество черного цвета, выделяемое железами косули. В серсидско-таджикской поэзии — символ аромата и черноты.

Муса — библейский Моисей.

Муштари — планета Юпитер.

Нахид — планета Венера.

Нейрам (Нариман) — предок богатырей Сама, Заля, Рустама.

Нишапур — город в Хорасане.

Ноуруз — иранский Новый год, отмечающийся в день весеннего равноденствия.

Ормузд — верховное божество добра в зороастрийской религии.

Парс — область на юго-западе Ирана (в современном языке — Фарс). Иногда так называлась и столица иранских государей в Парсе.

Пахлаван — в иранской мифологии: витязь, богатырь.

Пери — волшебная красавица; в «Шах-наме» — большей частью злой дух в образе красивой женщины.

Пехлеви (пехлевийский). — Фирдоуси под пехлеви понимает литературу и письменность домусульманского Ирана на среднеперсидском языке.

Ратл — 1. Кубок, большая чаша для вина. 2. Мера веса сыпучих тел.

Рахш — кличка боевого коня богатыря Рустама; в переносном значении — хороший скакун, сказочный конь.

Руд — струнный музыкальный инструмент.

Руиндиж — название крепости, которую захватил Исфандиар; дословно: «медный замок».

Руинтан — прозвище Исфандиара; дословно: «меднотелый». Исфандиар считался неуязвимым.

Рум — Восточно-Римская империя (Византия).

Сада — древнеиранский праздник, посвященный открытию огня.

Сагзи — уроженец области Систан.

Саклабы — так на Востоке называли славян.

Сандарак — род душистой смолы, в персидско-таджикской поэзии — символ желтизны.

Сардар — военачальник.

Сафид-кух — название горы, дословно: «белая гора». Локализации не поддается.

Симург — сказочная птица, покровительница богатыря Заля — Дастана.

Систан (Сеистан) — область на востоке древнего Ирана. В «Шахнаме» Систан — родина богатырей Сама, Заля, Рустама.

Сугди — письменность согдийцев, одной из среднеазиатских иранских народностей.

Суруш — 1. В зороастрийской мифологии — божественный вестник, посылаемый божеством Ормуздом для разных поручений. 2. Название семнадцатого дня каждого месяца зороастрийского календаря.

Сухейль — звезда Канон. Средневековые астрономы считали, что Сухейль в Йемене светит ярче, чем в других местах.

Суфра — дословно: «скатерть»; обычно означает накрытый для еды стол-скатерть.

Табут — погребальные носилки.

Тахамтан — одно из прозвищ Рустама; дословно: «мощнотелый».

Тахмурас — по иранской мифологии — один из первых царей.

Тир — планета Меркурий.

Туран. — Так в древности называли области, населенные кочевыми (иранскими) племенами. Границей Ирана и Турана считалась р. Аму-Дарья. Впоследствии Туран стал восприниматься как страна тюрков, поэтому в «Шах-наме» туранцы отождествлены с тюрками.

Утарид — планета Меркурий.

Фагфур — на Востоке титул китайского императора, дословно: «сын бога».

Фарр — божественный ореол, которым, по представлениям древних иранцев, должен обладать царь.

Фарсанг — мера длины от 6 до 12 км, — путь, который проходит конь за час.

Хакан — титул тюркских правителей, перенесенный и на правителя Чина (Китая).

Харвар — мера веса, равная вьюку осла.

Харрад (Бурзин) — один из трех главных зороастрийских храмов огня.

Хауз — бассейн.

Хиджара — начало мусульманского летосчисления (16 июля 622 г. н. э. — дата переселения пророка Мухаммеда из Мекки в Медину).

Хорасан — область на северо-востоке Ирана.

Хузистан — область на юго-западе Ирана.

Хумай — сказочная птица; считалось, что тот, на кого падет ее тень, станет царем.

Хурдад — название летнего месяца зороастрийского календаря и шестого дня каждого месяца; имя зороастрийского духа.

Чач — древнее название Ташкента и прилегающей области. Славился своими луками.

Чанг — струнный музыкальный инструмент.

Чин — Китай.

Чоуган — клюшка для игры в конное поло, а также название самой игры. В поэзии часто символизирует судьбу.

Шамбалид — растение с яркими цветами.

Шаханшах — царь царей, эпитет царей Ирана.

Шахзаде — царевич.

Шахривар — название летнего месяца зороастрийского календаря.

Эбен — эбеновое дерево черного цвета; в персидско-таджикской поэзии — символ черного цвета.

СОДЕРЖАНИЕ

Фирдоуси

ШАХ-НАМЕ

Книга вторая

Редактор *Э. Франгулова*

Художественный редактор *Г. Кудрявцев*

Технический редактор *А. Трошин*

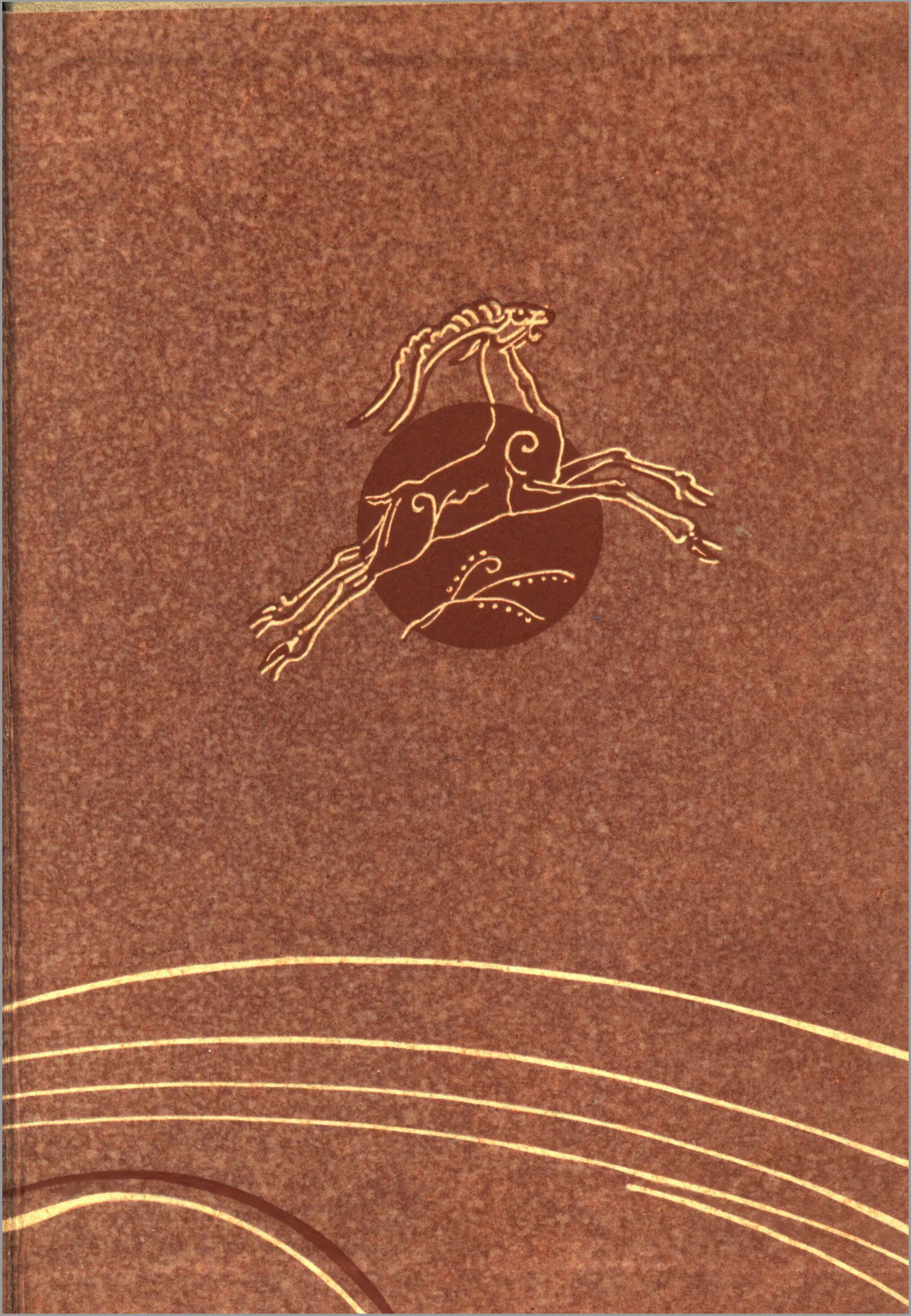
Корректоры *Т. Кузина* и *Д. Эткина*

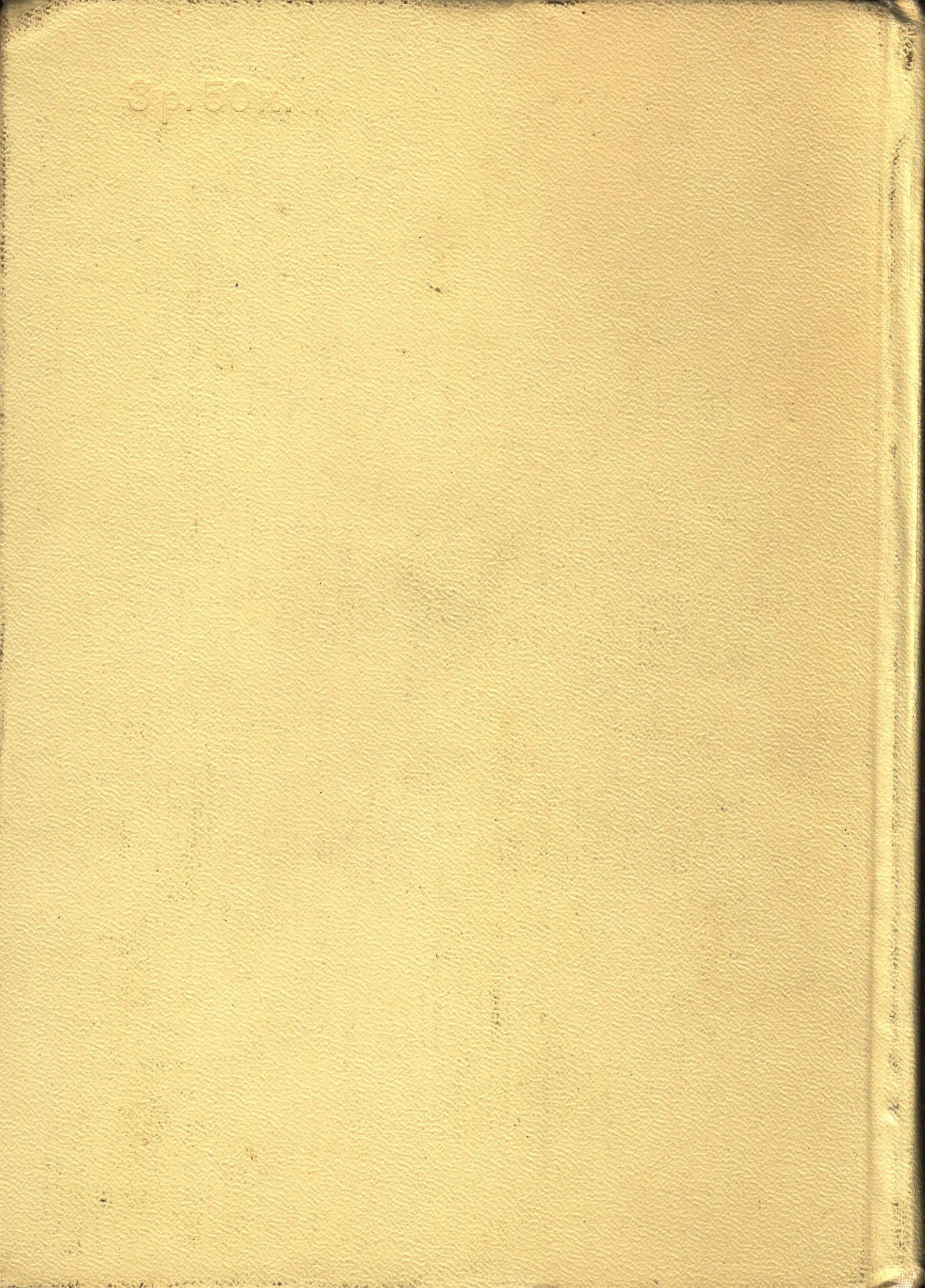
Сдано в набор 28/V 1964 г. Подписано в печать 14/X 1964 г. Бумага 60×84 1/16—46,5 печ. л.=42,31 усл. печ. л., 28,91+1 вклейка=28,96 уч.-изд. л. Тираж 15 000. Заказ 1087. Цена 3 р. 50 к.

Издательство «Художественная литература» Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров СССР по печати, Гатчинская, 26.

3р. 50к.

Шах-
наме
II